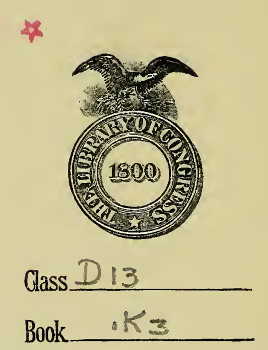

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Изъ лекцій по общей теоріи исторіи. Часть II.

Н. Карѣевъ.

ИСТОРІОЛОГІЯ.

(Теорія историческаго процесса).

Цѣна 1 р. 50 к.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. о., 5 л., 28.
1915.

Изъ лекцій по общей теоріи исторіи. Часть II.

Н. Карѣевъ.

ИСТОРІОЛОГІЯ.

(Теорія историческаго процесса).

Цѣна 1 р. 50 к.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. о., 5 л., 28.
1915.

4640

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ:

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
120	10 св.	Соціальная структура общества.	Структура общества.
125	1 св.	формы,	формы
161	8 сн.	отпредѣ-	опредѣ-

ВСТУПЛЕНІЕ.

«Теорія историческаго процесса», представляя собою отдѣльное сочиненіе, входитъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ составъ «Лекцій по общей теоріи исторіи», первая часть которыхъ, изданная въ 1913 г., носитъ заголовокъ «Теорія историческаго знанія». Во вступительной статьѣ къ этой послѣдней книгѣ уже достаточно было сказано о происхожденіи и общемъ характерѣ обѣихъ частей моей общей теоріи исторіи, равно какъ о прежнихъ моихъ работахъ въ этой области, которыя можно разсматривать, какъ матеріалъ, легшій въ основу какъ историцистической, такъ и исторіологической части теоріи [1]). Того, что тамъ было сказано, я здѣсь вообще повторять не стану, но для одного вопроса считаю нужнымъ сдѣлать исключеніе. Именно, мнѣ хочется нѣсколько подробнѣе остановиться на общемъ характерѣ той части теоріи исторіи, вступленіемъ къ которой должна явиться настоящая статья.

Во вступительной статьѣ къ «теоріи историческаго знанія» уже было отмѣчено, что исходнымъ пунктомъ моихъ исторіологическихъ занятій былъ интересъ къ философіи исторіи, понимаемой, какъ исканіе смысла въ цѣломъ всемірно-историческаго процесса, и къ проблеммѣ прогресса, понимаемаго въ смыслѣ осуществленія исторіей извѣстнаго этическаго и соціальнаго идеала. Этимъ основнымъ

[1]) По принятой мною терминологіи теорія историческаго знанія называется историкой, теорія историческаго процесса—исторіологіей.

интересомъ опредѣлялось содержаніе моей докторской диссертаціи «Основные вопросы философіи исторіи», вышедшей въ свѣтъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Въ подзаголовкѣ этого труда стояли слова: «Критика исторіософическихъ идей и опытъ теоріи прогресса», причемъ подъ «исторіософіей» я разумѣлъ совокупность теоретическихъ принциповъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться при построеніи философіи исторіи, какъ философскаго обозрѣнія судебъ человѣчества въ прошломъ съ точки зрѣнія совершающагося въ исторіи прогресса. Конечно, рѣшая такую задачу, я не могъ не интересоваться вопросомъ о томъ, какъ вообще происходитъ историческій процессъ, вопросомъ о томъ, что можно назвать механизмомъ этого процесса, но эта тема чисто научнаго характера была болѣе или менѣе подчинена другой темѣ изъ области нравственной и общественной философіи— о нѣкоемъ высшемъ благѣ, которое должно осуществиться прогрессивнымъ историческимъ процессомъ. Короче говоря, въ центрѣ моихъ исканій былъ прогрессъ въ исторіи, а не историческій процессъ безотносительно къ какой бы то ни было оцѣнкѣ того, что имъ приносится, и безъ всякаго желанія постигнуть смыслъ исторіи, прожитой человѣчествомъ и имѣющей еще быть переживаемой въ будущемъ. Однимъ словомъ, основная моя тема была исторіософическая, а не исторіологическая.

Работа надъ вопросомъ о томъ, какую разумную цѣль можно мыслить у исторіи и какъ эта цѣль можетъ быть постепенно осуществляема историческимъ движеніемъ, не могла, однако, не привести къ другому вопросу — о томъ, какъ вообще дѣлается или происходитъ исторія, каковы бы ни были ея результаты для человѣчества и какъ бы мы эти результаты ни оцѣнивали съ точки зрѣнія нашего соціальнаго и этическаго міросозерцанія. Если въ «Основныхъ вопросахъ философіи исторіи» я и отстаивалъ законность соціально-этическаго субъективизма, возвышающагося надъ всѣми національными, вѣроисповѣдными, сословными, классовыми, партійными и профессіональными пристрастіями и односторонностями, то отнюдь никогда изъ этого, какъ я его называлъ, «законнаго субъективизма», неизбѣжнаго въ философіи исторіи и въ исторіософіи, не дѣлалъ какого-то особаго,

«субъективнаго метода», признавая одинъ лишь методъ объективный, ведущій къ познанію истины, и допуская субъективизмъ,—за который стою и теперь,—лишь въ качествѣ элемента оцѣнки того, что есть, а не способа пониманія того, что есть. Продолжая работать надъ общей теоріей исторіи, къ которой я подошелъ со стороны проблемы прогресса, я очень скоро увидѣлъ необходимость заняться рѣшеніемъ чисто научнаго вопроса объ объективной сущности историческаго процесса безъ всякихъ мыслей о будущемъ человѣчества, о добрѣ и злѣ въ человѣческой жизни, о задачахъ, какія должны себѣ ставить люди, желающіе быть прогрессивными дѣятелями историческаго процесса. Не отрицая правъ «законнаго субъективизма», я тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ рѣзче разграничить задачи субъективной оцѣнки и объективнаго пониманія, и задачѣ этого послѣдняго былъ посвященъ мой второй большой трудъ подъ заглавіемъ «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи». Онъ вышелъ въ свѣтъ черезъ семь лѣтъ послѣ «Основныхъ вопросовъ философіи исторіи», какъ третій томъ этого сочиненія въ первомъ его изданіи.

Изъ всего, что мною было написано по историко-теоретическимъ вопросамъ, я считаю наиболѣе значительнымъ именно книгу, озаглавленную «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи», но habent sua fata libelli! Въ то время, какъ первые два тома «Основныхъ вопросовъ» вызвали въ нашей періодической печати цѣлый рядъ статей, на которыя я отвѣчалъ тоже рядомъ статей и даже отдѣльной книгой, «Сущность историческаго процесса» послѣ выхода въ свѣтъ осталась почти неотмѣченной въ нашихъ журналахъ и газетахъ, да и потомъ никто нигдѣ, сколько я знаю, ее не вспоминалъ, хотя у читателей она имѣла успѣхъ и довольно скоро вышла изъ продажи. Еще очень недавно мнѣ пришлось убѣдиться въ томъ, что книга осталась неизвѣстной даже лицамъ, спеціально занимающимся теоріей историческаго процесса [1]). Разныя обстоятель-

[1]) Въ 1910 г., въ Москвѣ вышла въ свѣтъ „на правахъ рукописи“ книга проф. В. М. Хвостова подъ заглавіемъ „Теорія историческаго процесса“. Авторъ неоднократно говоритъ о моихъ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“, но и не подозрѣваетъ

ства помѣшали мнѣ своевременно переиздать эту книгу, и только теперь послѣ продолжительнаго періода времени, когда ея не было въ продажѣ, я вновь выпускаю ее въ свѣтъ.

Этотъ трудъ представлялъ собою въ первомъ изданіи томъ въ 627 стр. довольно убористой печати, только частью посвященныхъ изложенію собственно моихъ взглядовъ, такъ какъ я очень много мѣста отвелъ въ немъ передачѣ, анализу и критикѣ взглядовъ цѣлаго ряда писателей, такъ или иначе касавшихся отдѣльныхъ вопросовъ теоріи историческаго процесса [1]). Я могу и теперь сказать, что никто нигдѣ такъ подробно не разсматривалъ вопроса, выдвинутаго мною на первый планъ въ «Сущности историческаго процесса и роли личности въ исторіи», — вопроса, указаннаго во второй половинѣ заглавія книги, которая могла бы даже быть прямо быть названною «Роль личности въ исторіи».

Занимаясь теоріей прогресса въ тѣ годы, когда, съ одной стороны, особымъ вліяніемъ пользовались теоріи безличной эволюціи Огюста Конта, Герберта Спенсера и соціологовъ-дарвинистовъ, а съ другой, раздавалась проповѣдь, призывавшая «критически мыслящую личность» къ осуществленію истины и справедливости, т. е. къ прогрессивному дѣланію, я не могъ раньше или позже не придти къ постановкѣ вопроса о томъ, происходитъ ли историческій прогрессъ самъ собою, sua sponte (въ смыслѣ контовской évolution spontanée), въ силу нѣкотораго общаго закона, дѣйствующаго въ исторіи, или же онъ совершается, благодаря дѣятельности людей, ставящихъ себѣ впереди извѣстныя цѣли и дѣлающихъ усилія для нихъ достиженія.

о существованіи книги, которая гораздо болѣе соотвѣтствуетъ его собственной темѣ, нежели „Основные вопросы". Проф. Хвостова интересуетъ и понятіе прогресса, но оно для него „не является строго научнымъ" (стр. 224). Отмѣчая вкратцѣ мое пониманіе прогресса, онъ совершенно молчитъ о пониманіи мною историческаго процесса и роли въ немъ человѣческой личности, хотя и приводитъ рядъ различныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ, иногда только случайно и мимоходомъ высказанныхъ тѣми или другими писателями (стр. 182—187).

[1]) Ниже перечислены эти авторы и названы ихъ сочиненія.

Я думалъ при этомъ, что для правильнаго рѣшенія даннаго вопроса необходимо перевести его на почву болѣе широкаго вопроса о томъ, какъ вообще происходитъ исторія, является ли она такимъ же механически-эволюціоннымъ процессомъ, какъ и всѣ процессы, совершающіеся въ природѣ, или же въ исторіи мы имѣемъ дѣло и съ человѣческимъ творчествомъ, ставящимъ себѣ цѣли и дѣлающимъ усилія для ихъ достиженія. И то, что соціальная эволюція сама собою приведетъ къ желаемому состоянію общества, и то, что создать лучшее будущее могутъ люди, одушевленные прогрессивными идеями, оба эти взгляда, это были двѣ вѣры [1]), на мѣсто которыхъ нужно было поставить научное знаніе, стремившееся къ истинѣ внѣ всякаго отношенія къ нашимъ представленіямъ о желательномъ и должномъ. Другими словами, нужно было рѣшить вопросъ о са́момъ характерѣ историческаго процесса, что бы имъ ни осуществлялось,— есть ли онъ процессъ безличный или, наоборотъ, личный, т.-е. есть ли это — общественное саморазвитіе или же результатъ творческой дѣятельности человѣческихъ личностей. При такой постановкѣ вопроса какая бы то ни было качественная оцѣнка устранялась, и все дѣло сводилось къ количественной сторонѣ: является ли человѣческая дѣятельность въ историческомъ процессѣ чистымъ нулемъ, иначе quantité négligeable или же она все-таки есть нѣчто и входитъ въ число слагаемыхъ, изъ которыхъ составляется общая сумма историческаго процесса?

Это—одинъ аспектъ вопроса о роли личности въ исторіи. Въ тѣ вообще годы, когда я работалъ надъ «Основными вопросами философіи исторіи», въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, въ русскихъ общественныхъ кругахъ, ставившихъ и обсуждавшихъ жгучіе вопросы жизни, нерѣдко возникали страстные споры объ индивидуальномъ и массовомъ дѣйствіи въ осуществленіи общественнаго идеала. Здѣсь не личное дѣйствіе противополагалось безличной эволюціи (общественному саморазвитію), а единичная личность — массовому коллективу. Говоря

[1]) Ср. въ „Теоріи историческаго знанія“ стр. 28—29.

это, я особенно имѣю въ виду тогдашнее активное народничество, для котораго споръ имѣлъ не простое теоретическое, «академическое» значеніе, но являлся глубоко практическою проблемою жизненной борьбы во имя извѣстныхъ идеаловъ: это былъ вопросъ о преимущественномъ значеніи въ этой борьбѣ или интеллигентныхъ одиночекъ, или народныхъ массъ [1]). Вопросъ о роли личности въ исторіи и съ такой стороны я счелъ необходимымъ подвергнуть тщательному разсмотрѣнію въ своей книгѣ, служившей продолженіемъ «Основныхъ вопросовъ философіи исторіи», но и въ данномъ случаѣ лишивъ вопросъ практическаго, «злободневнаго» характера, дабы поставить его на чисто теоретическую, «академическую» почву. Весьма вѣроятно, что это обстоятельство и было причиною того, что «Сущность историческаго процесса» не обратила на себя вниманія журнальныхъ критиковъ, такъ много, наоборотъ, писавшихъ объ «Основныхъ вопросахъ».

Между тѣмъ теперь, черезъ четверть вѣка, когда я самъ могу съ большею объективностью отнестись къ своимъ книгамъ, написаннымъ столько лѣтъ тому назадъ, я съ чисто научной стороны ставлю «Сущность историческаго вопроса» гораздо выше «Основныхъ вопросовъ», какъ трудъ, болѣе зрѣлый и оригинальный. Моею задачею въ немъ было подвергнуть всестороннему и детальному разбору только одинъ исторіологическій вопросъ, тогда какъ въ «Основныхъ вопросахъ» затрогивалась масса разныхъ философскихъ, біологическихъ (антропологическихъ), психологическихъ, соціологическихъ,

[1]) Въ недавней статьѣ г. *Евг. Колосова* „М. А. Бакунинъ и Н. К. Михайловскій въ старомъ народничествѣ“ (Голосъ Минувшаго, 1913, май) довольно вѣрно подмѣчено, что „въ моментъ наивысшаго напряженія *единоличной* борьбы русскихъ интеллигентныхъ подвижниковъ,... когда русская литература и русская соціологія должны были бы особенно идеализировать *героевъ* общественнаго самопожертвованія, въ нашей литературѣ, напротивъ, впервые создалась теорія, представляющая... апоѳеозъ толпы, массового „народнаго движенія“ (стр. 83). Именно въ то время многіе революціонные интеллигенты создали формулу: „мы сами ничего не предрѣшаемъ предоставляя все народу“.

историческихъ и т. п. проблемъ. Притомъ это былъ вопросъ, по которому высказывалось немало различныхъ мнѣній, но который никогда не подвергался такому систематическому изслѣдованію, какое было задумано мною, и мнѣ для этого пришлось къ обширному литературному матеріалу, использованному въ «Основныхъ вопросахъ», прибавить довольно значительный новый матеріалъ, по части отвѣтовъ, какіе давались на вопросъ о порожденіи человѣческою дѣятельностью тѣхъ или другихъ результатовъ какъ общими историками и историками литературы или права, такъ и психологами или соціологами, даже представителями иногда очень далекихъ отъ исторіи наукъ. Укажу для примѣра криминалистовъ, къ которымъ я обращался въ своемъ трудѣ по вопросамъ о «причинной связи въ уголовномъ правѣ» и о «соучастіи въ преступленіяхъ», поскольку въ ученіяхъ криминалистовъ по этимъ двумъ пунктамъ надѣялся найти (да и нашелъ) указанія на разрѣшеніе аналогичныхъ вопросовъ въ исторіологіи. Никто раньше, повторяю, не привлекалъ такого разнообразнаго матеріала къ обсужденію этого вопроса.

Въ результатѣ и получилась очень большая книга, гдѣ вообще большею частью сопоставлялись и взаимно однѣ другими провѣрялись противоположныя рѣшенія однихъ и тѣхъ же частныхъ вопросовъ, на каковые нужно было расчленить общій вопросъ о роли личности въ исторіи. Писатели, такъ или иначе высказывавшіеся по общему вопросу, не различали въ немъ вопросовъ частныхъ, каковыми являются вопросы о роли отдѣльныхъ личностей или цѣлыхъ группъ въ историческихъ событіяхъ въ (прагматической исторіи по моей терминологіи [1]) и о значеніи личнаго или коллективнаго творчества въ эволюціи общественнаго быта (въ исторіи культурной). Каждому изъ этихъ вопросовъ я посвятилъ по особой части («книгѣ»), въ своей совокупности вмѣстѣ съ вступленіемъ и заключеніемъ составляющимъ весь трудъ. Съ другой стороны, я различилъ противоположеніе дѣятельности личностей нѣкоторому безличному процессу

[1]) Прагматическою исторіею я называю исторію, изучающую событія, въ отличіе отъ культурной, изучающей бытъ. Теорія историческаго знанія, стр. 140 и слѣд.

и противоположеніе дѣйствія единичной личности дѣйствію какого-либо массового коллектива, что также большею частью смѣшивалось воедино. По всѣмъ вопросамъ, такимъ образомъ расчлененнымъ, я находилъ въ литературѣ по разнымъ отраслямъ знанія очень противорѣчивыя мнѣнія и изъ нихъ для разбора бралъ тѣ, въ которыхъ противоположныя точки зрѣнія получали наиболѣе рѣзкое выраженіе, то, въ чемъ наиболѣе проявлялась и, слѣдовательно, особенно дѣлалась удобной для критики ихъ односторонность. Du choc des opinions jaillit la vérité, и я особенно дорожилъ этимъ, стараясь въ каждомъ мнѣніи найти нѣкоторую пріемлемую основу и тѣ или другіе непріемлемые выводы изъ вѣрной въ основѣ мысли [1]).

Въ книгѣ «Сущность историческаго процесса» я пришелъ по вопросу о роли личности въ исторіи къ нѣсколькимъ главнымъ положеніямъ, отъ которыхъ не имѣю основаній отказываться и теперь и которыя поэтому читатель найдетъ и въ настоящемъ трудѣ. Уже много лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ «Сущности историческаго процесса» среди нѣмецкихъ историковъ началась вызванная Лампрехтомъ полемика по вопросу объ индивидуалистическомъ и коллективистическомъ направленіяхъ въ исторической наукѣ [2]), собственно касавшаяся того же вопроса, который вошелъ въ составъ главнаго содержанія «Сущности историческаго процесса». Въ этой полемикѣ я не нашелъ ничего для себя новаго по части аргументовъ въ пользу правильнаго рѣшенія вопроса, послужившаго предметомъ спора, но зато встрѣтилъ не мало такихъ взглядовъ, которые мною были уже подвергнуты детальной критикѣ. Конечно, когда я сдѣлаю новое изданіе «Сущности историческаго процесса», я отведу въ немъ нѣкоторое мѣсто этой полемикѣ между нѣмецкими историками въ самые послѣдніе годы XIX в. Отдѣльно написать о ней я тогда не удосужился, да и вообще въ Россіи она какъ-то мало обратила на себя вниманія, тѣмъ болѣе, что всѣхъ, кто только хотя немного интересовался теоріей историческаго процесса, въ эти

---

[1]) Ср. Теорію историческаго знанія, стр. 17 и слѣд.

[2]) Тамъ же, стр. 306—307.

годы захватывалъ другой споръ, вызванный у насъ проповѣдью экономическаго матеріализма. Мои исторiологическiе интересы, равнымъ образомъ, направились тогда въ эту сторону.

Экономическій матеріализмъ въ его русскомъ аспектѣ послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка, какъ извѣстно, вступилъ въ борьбу съ «ролью личности въ исторіи», и нѣкоторые его теоретики даже особенно настаивали на стихійности историческаго процесса, разсматриваемаго съ новой точки зрѣнія. Противъ «народнической» формулы прогресса они выставили другую, свою, противъ одной вѣры—другую вѣру. Вмѣшавшись въ полемику, вызванную появленіемъ у насъ экономическаго матеріализма, результатомъ чего съ моей стороны были нѣсколько статей и цѣлая книга («Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ»), я и на сей разъ старался освободить разсмотрѣніе исторіологическаго спора отъ субъективныхъ примѣсей «народнической» или «марксистской» идеологіи и отъ вліянія практической злободневности, какую тогда получилъ этотъ споръ. Впрочемъ, экономическіе матеріалисты не выставили никакихъ новыхъ аргументовъ въ пользу признанія за историческимъ процессомъ стихійности, сводящей всякую «роль личности» къ нулю, да и въ своей критикѣ противоположнаго взгляда совершенно невѣрно формулировали послѣдній въ такомъ, напримѣръ, смыслѣ, будто, по «народническому» представленію, «личность все можетъ» и потому въ общественномъ развитіи нѣтъ-де мѣста для дѣйствія какихъ бы то ни было законовъ. Впрочемъ, не этотъ взглядъ экономическихъ матеріалистовъ на стихійный характеръ историческаго процесса былъ главнымъ предметомъ моихъ возраженій, а то сведеніе всей духовной и общественной культуры единственно къ экономической основѣ, которое, собственно, и составляетъ всю суть этой исторіологической теоріи.

Мнѣ уже приходилось указывать на то, что когда писались «Основные вопросы философіи исторіи», литературы въ духѣ экономическаго матеріализма еще не существовало, вслѣдствіе чего объ этой теоріи и не могло быть рѣчи въ этомъ моемъ трудѣ. Книга о роли личности въ исторіи тоже вышла въ свѣтъ ранѣе, нежели произошло развитіе этой литературы, безъ чего послѣдняя

была бы въ книгѣ отмѣчена. По существу своему эта исторіологическая теорія отнюдь, по моему мнѣнію, не враждебна признанію за личнымъ дѣйствіемъ извѣстной роли въ историческомъ процессѣ. Марксистская общественная эволюція не есть безболѣзненное и мирное саморазвитіе въ родѣ того, о которомъ учила историческая школа права. Суть доктрины экономическаго матеріализма заключается не въ одномъ приравниваніи всей духовной и общественной культуры къ простой надстройкѣ надъ экономическимъ базисомъ, но и въ пониманіи историческаго процесса, какъ борьбы классовъ на почвѣ экономическихъ интересовъ. Всякая борьба, происходящая въ обществѣ, есть борьба между человѣческими личностями или группами личностей, человѣческими коллективами, и всякая такая борьба заключается въ дѣйствіяхъ этихъ личностей или коллективовъ,—въ дѣйствіяхъ, результаты которыхъ, успѣхъ или неуспѣхъ, зависятъ, кромѣ внѣшнихъ условій, и отъ того, какъ люди дѣйствовали. То мѣсто, которое принадлежитъ самому родоначальнику экономическаго матеріализма, Карлу Марксу, въ исторіи съ середины XIX вѣка можетъ служить лучшей иллюстраціей того, какъ странно представляли себѣ историческій процессъ русскіе его послѣдователи девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Не будучи сторонникомъ экономическаго матеріализма,—подвергнутаго мною, напротивъ, критикѣ въ нѣсколькихъ статьяхъ и въ отдѣльной книгѣ,—я, однако, взглянулъ на него, какъ на одну изъ исторіологическихъ теорій, которая, вѣрнѣе—элементы которой должны, вмѣстѣ съ разными другими теоріями, идти въ общій соціологическій синтезъ. Такъ я и поступилъ съ экономическимъ матеріализмомъ въ своемъ «Введеніи въ изученіе соціологіи», которое вышло въ свѣтъ почти одновременно со «Старыми и новыми этюдами объ экономическомъ матеріализмѣ».

Экономическій матеріализмъ представляетъ собою только одну изъ исторіологическихъ теорій нашего времени, исторіологія же, пожалуй, есть не что иное, какъ соціальная динамика, по терминологіи Конта, или, если угодно, динамическая соціологія. Возьмемъ ли мы, однако, общество въ его движеніи, развитіи, процессѣ измѣненій (въ динамическомъ состояніи) или въ его строеніи дан-

наго момента (въ статическомъ состояніи), въ обоихъ случаяхъ одною изъ важнѣйшихъ проблемъ соціологіи является проблема личности (индивидуума) и общества (коллектива), ихъ взаимоотношеній и взаимодѣйствій. Вопросъ о роли личности въ исторіи относится какъ-разъ къ этой болѣе общей проблемѣ, какъ одна изъ составныхъ ея частей. Во «Введеніи въ изученіе соціологіи», цѣлью котораго было дать читателямъ общую оріентировку въ данной научной области, я, конечно, не могъ не остановиться на проблемѣ личности и общества, какъ она должна пониматься и соціологіей, и другими соціальными науками съ ихъ спеціальными точками зрѣніями. Этому предмету я посвятилъ въ названной книгѣ двѣ главы [1]), которыя по своему содержанію находятся въ ближайшемъ родствѣ съ книгою о роли личности въ исторіи.

Нѣтъ необходимости доказывать, что историческій процессъ есть явленіе соціальнаго порядка, что онъ совершается въ обществѣ, какъ нѣтъ необходимости обосновывать какими-либо особыми аргументами то простое соображеніе, что общество есть нѣчто коллективное, состоящее, конечно, въ послѣднемъ анализѣ изъ отдѣльныхъ людей, способныхъ группироваться между собою самыми разнообразными способами. Изученіе общественнаго процесса, каковымъ мы должны признавать историческую жизнь въ человѣчествѣ, не можетъ быть исчерпывающимъ свою задачу, если мы будемъ имѣть въ виду только общество (народъ, государство), какъ цѣлое, оставляя внѣ круга нашего вниманія тѣ атомы, изъ которыхъ складывается это цѣлое, его основные элементы, тѣ единицы, собраніе которыхъ съ ихъ взаимоотношеніями и взаимодѣйствіями и образуетъ общественный коллективъ. Такъ какъ въ соціологіи цѣлое (общество) имѣетъ характеръ коллектива, то отношенія между этимъ цѣлымъ и входящими въ его составъ индивидуальными единицами, въ концѣ концовъ, сводятся къ отношеніямъ между этими послѣдними или между разными ихъ группировками при посредствѣ опять-таки отдѣльныхъ же личностей. Конечно, далеко не все, что дѣлается отдѣльными

---

[1]) Главы XII и XIII.

людьми и между ними происходитъ, можетъ быть предметомъ историческаго изученія, которое ограничивается лишь нѣкоторою частью относящихся сюда фактовъ, не имѣя въ то же время возможности ограничиваться ими одними безъ обращенія вниманія на условія, въ какихъ протекаетъ историческій процессъ.

Въ книгѣ о сущности историческаго процесса, взятаго въ самомъ себѣ, мнѣ не было надобности останавливаться на этой сторонѣ дѣла, которая могла бы быть предметомъ отдѣльнаго изслѣдованія, но въ «Основныхъ вопросахъ философіи исторіи» она не была обойдена. Естественно-историческія условія существованія, дѣятельности и развитія разныхъ народовъ давно уже привлекали къ себѣ вниманіе историковъ,—физическія условія географической среды и біологическія свойства человѣческихъ расъ,—и на обѣ эти темы и прежде не мало говорилось. Лично мнѣ пришлось начать учиться въ годы особаго вліянія естествознанія на историко-теоретическія построенія, такъ какъ это было время наибольшаго увлеченія «натуралистической» исторіологіей Бокля и расцвѣта непосредственныхъ примѣненій теоріи Дарвина къ пониманію исторической жизни человѣчества. Бокль особенно выдвигалъ впередъ вліяніе внѣшней природы на исторію; ученіе Дарвина о значеніи наслѣдственности давало новую основу для ученія о расовыхъ особенностяхъ народовъ, накладывающихъ свою печать на ихъ исторію. Весьма естественно, что теорія географической среды и теорія расы, какъ историческихъ «факторовъ», не могли не быть разсмотрѣнными въ трудѣ, въ которомъ сдѣлано было подведеніе итоговъ подъ всѣми тогдашними теоріями, имѣвшими задачею объясненіе исторіи. Лично меня особенно интересовала теорія расы, и еще за семь лѣтъ до «Основныхъ вопросовъ» свои мысли относительно этого предмета я изложилъ въ статьѣ «Расы и національности съ психологической точки зрѣнія». Послѣ «Основныхъ вопросовъ» я не возвращался болѣе къ изученію вопроса о физическихъ и біологическихъ условіяхъ историческаго процесса,—вопроса, во многихъ отношеніяхъ лежащаго и внѣ сферы компетенціи историка, тѣмъ болѣе еще, что за послѣднее время онъ, вопросъ этотъ, отошелъ на задній планъ сравнительно

съ тѣмъ значеніемъ, какое онъ имѣлъ въ недалекомъ прошломъ. Вообще въ данномъ вопросѣ историки и історіологи всегда будутъ находиться въ зависимости отъ географовъ и антропологовъ, и только въ изученіи другой категоріи условій, въ которыхъ протекаетъ историческій процессъ, другой среды, окружающей каждаго человѣка, среды духовно-общественной, историки могутъ являться настоящими хозяевами своего знанія.

Въ отличіе отъ неорганической природы и разныхъ органическихъ существъ (растеній, животныхъ и другихъ людей), насъ окружающихъ, я въ «Основныхъ вопросахъ» назвалъ эту духовно-общественную среду средою надъ-органическою, заимствовавъ это прилагательное у Спенсера, который ставилъ его при словѣ «эволюція», а не при словѣ «среда». Опредѣленіе, данное мною этому понятію въ «Основныхъ вопросахъ», да и самое понятіе это, были положены мною въ основу пониманія сущности историческаго процесса, какъ взаимодѣйствія между индивидуумами, составляющими общество, и надъ-органическою средою, состоящею изъ совокупности всѣхъ культурныхъ (въ широкомъ смыслѣ слова) формъ общества. Духовная культура даннаго общества и его экономическія, юридическія и политическія формы, дѣйствительно, являются условіями, налагающими ту или другую печать на дѣятельность каждой отдѣльной личности, но въ свою очередь эти надъ-органическія условія сами измѣняются въ зависимости не только отъ физическихъ и біологическихъ причинъ, но и отъ дѣятельности людей. По отношенію къ историческому процессу проблема личности и общества была понята мною, какъ проблема взаимоотношеній личности и надъ-органической среды.

Надъ-органическая, духовно-общественная (или, что то же, культурно-соціальная) среда, это—совокупность всѣхъ навыковъ, воззрѣній и учрежденій какого-либо человѣческаго коллектива, въ которомъ протекаетъ жизнь и совершается дѣятельность единицы. Одна изъ причинъ, заставившихъ меня заняться критикой экономическаго матеріализма, заключалась въ одностороннемъ сведеніи въ немъ всей этой среды къ одной только экономической ея сторонѣ, какъ будто бы составляющей единственную основу всѣхъ остальныхъ элементовъ со-

ціальной организаціи (государства и права) и духовной культуры (религіи, философіи, науки, литературы, искусства). Отвергнувъ такое «монистически» упрощенное пониманіе происхожденія и развитія культурно-соціальныхъ формъ, я, однако, нашелъ не только возможнымъ, но и необходимымъ воспользоваться изъ теоремъ экономическаго матеріализма всѣмъ, что только онѣ могутъ дать для научнаго пониманія состава и измѣненій надъ-органической среды, въ которой формамъ хозяйственной дѣятельности и возникающимъ на ея почвѣ отношеніямъ, дѣйствительно, принадлежитъ очень важное мѣсто.

Въ настоящей книгѣ читатель и найдетъ сокращенное изложеніе моихъ взглядовъ на историческій процессъ, постепенно складывавшихся во время работы какъ надъ «Основными вопросами философіи исторіи», «Сущностью историческаго процесса», «Старыми и новыми этюдами объ экономическомъ матеріализмѣ» и «Введеніемъ въ изученіе соціологіи», такъ и надъ нѣкоторыми еще статьями [1]. Ближайшимъ поводомъ къ написанію предлагаемаго очерка теоріи историческаго процесса было чтеніе по этому предмету лекцій на петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ, въ послѣдній разъ въ

[1]) Не считая полемическихъ статей въ отвѣтъ критикамъ „Основныхъ вопросовъ“ и другихъ вошедшихъ въ переработанномъ видѣ въ составъ указанныхъ книгъ, отмѣчу здѣсь лишь слѣдующія: „Свобода воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса“ (Вопросы философіи и психологіи за 1890 г.; перепечатано въ I т. Собранія сочиненій, 1911), „Юриспруденція и теорія историческаго процесса“ (Юридическій Вѣстникъ за 1890 г.), „Политическая экономія и теорія историческаго процесса“ (Историческое Обозрѣніе, т. II, 1891), „Источники историческихъ перемѣнъ“ (Русское Богатство за 1892 г.), „Задачи соціологіи и теоріи исторіи“ (Новое Слово за 1897 г., перепеч. въ I т. Собранія Сочиненій), „Экономическій матеріализмъ и закономѣрность соціальныхъ явленій“ (Вопросы философіи и психологіи за 1897 г.), „Къ вопросу о пониманіи исторіи“ (Образованіе за 1899 г.), „Теорія личности П. А. Лаврова“ (Истор. Обозр. т. XII и дважды отдѣльно; перепеч. во II т. Собранія Сочиненій, 1912).

1912—1913 году [1]). Какъ и въ «Теоріи историческаго знанія», я и здѣсь не касаюсь исторіи разсматриваемыхъ вопросовъ, не ссылаюсь на литературу этихъ вопросовъ и не излагаю, за рѣдкими исключеніями, чужихъ взглядовъ—и все это въ цѣляхъ большей ясности основныхъ положеній теоріи и логической между ними связи, освобожденныхъ отъ всего, что могло бы быть помѣхою для читателя, желающаго сразу схватить основныя линія всего построенія. Кто хотѣлъ бы углубиться въ изученіе проблемы, тому остается обратиться къ названному моему труду о сущности историческаго процесса.

[1]) Съ 1907 г. на В. Ж. К. я чередую чтеніе курсовъ по теоріямъ историческаго знанія и историческаго процесса.

I. Понятіе теоріи историческаго процесса.

Соотвѣтственно двоякому смыслу слова „исторія", какъ науки, изучающей прошлое, и какъ самогò прошлаго, этою наукою изучаемаго, въ общей теоріи исторіи необходимо различать теорію историческаго знанія и теорію историческаго процесса, ставящія себѣ совершенно различныя задачи. Теорія историческаго знанія, которую можно еще называть „историкою", имѣетъ своимъ предметомъ выясненіе того, какъ добывается познаніе прошлаго и при соблюденіи какихъ условій оно можетъ быть дѣйствительно научнымъ, тогда какъ теорія историческаго процесса, или „исторіологія" ставитъ себѣ задачею научное пониманіе того, какъ совершается всякая исторія, гдѣ бы и когда бы она ни происходила. Это различеніе двухъ историко-теоретическихъ дисциплинъ особенно необходимо имѣть въ виду, такъ какъ задачи той и другой, столь различныя по существу, иногда между собою смѣшиваются къ большому вреду для правильнаго рѣшенія какъ историцистическихъ, такъ и исторіологическихъ проблемъ. Одно дѣло— интересоваться теоретическими вопросами, касающимися исторической науки, другое — вопросами самой исторической жизни. И въ томъ случаѣ, когда вообще хотятъ руководствоваться данными теоріи на практикѣ, пер-

вая научная дисциплина, историка, можетъ насъ только научить правильнымъ пріемамъ добыванія историческихъ истинъ, т. е. надлежащимъ способамъ занятія историческою наукою, тогда какъ другая, историологія, можетъ облегчать нашу оріентировку въ совершающейся вокругъ насъ общественной жизни и давать научныя основанія для нашей дѣятельности, посредствомъ которой мы сами такъ или иначе принимаемъ участіе въ дѣланіи исторіи. Вопросы широко понимаемой историки, это—вопросы гносеологіи (теоріи знанія), логики, методологіи, часто даже научной техники, вопросы же историологіи, это—вопросы онтологіи (теоріи бытія), интерментальной или коллективной психологіи и соціологіи, а въ послѣдней ближе всего вопросы такъ называемой соціальной динамики, т.-е. теоріи общественныхъ измѣненій, развитія общества, его движенія впередъ. Конечно, обѣ эти дисциплины должны находиться въ согласіи между собою и въ извѣстныхъ случаяхъ одна можетъ на другую опираться или другой помогать, но это не должно служить препятствіемъ ихъ раздѣльному существованію. Вѣдь это, повторяю, все-таки разные вопросы: какъ добывается историческое знаніе и какъ совершается историческая жизнь?

Понятіе теоріи историческаго процесса, или историологіи, есть понятіе сравнительно новое. Въ серединѣ XVIII в. возникъ терминъ „философія исторіи“, покрывавшій собою весьма расплывчатое понятіе, въ которомъ, однако, можно съ самаго же начала различить два оттѣнка (устраняя третій, относящійся, такъ сказать, къ философской историкѣ). Съ одной стороны, мы имѣемъ дѣло съ цѣлымъ рядомъ попытокъ изображенія прошлыхъ судебъ человѣчества (или прошлаго отдѣльныхъ народовъ) съ нѣкоторыхъ общихъ, „философскихъ“ точекъ зрѣнія, съ другой—съ разными формулами, заключающими въ себѣ извѣстное пониманіе того, напримѣръ, какія силы двигаютъ

исторію гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было и, слѣдовательно, будутъ двигать и впредь, или въ чемъ можетъ заключаться желательная цѣль исторической жизни. Мы въ правѣ условиться обозначать попытки первой категоріи терминомъ „философія исторіи“, а для обозначенія другихъ воспользоваться какимъ-нибудь другимъ изъ равнозначащихъ терминовъ. Въ серединѣ XIX в. возникъ и изрѣдка употребляется и теперь терминъ „историософія“, который съ самаго начала былъ синонимомъ философіи исторіи въ томъ же расплывчатомъ пониманіи: вотъ этимъ терминомъ и можно было бы обозначить всѣ историко-философскія попытки, направленныя не на изображеніе всего прошлаго въ жизни человѣчества съ философской точки зрѣнія, а на теоретическое выясненіе того, что такое историческая жизнь въ ея отношеніи къ человѣческому существованію.

Такое различеніе между философіей исторіи и историософіей было сдѣлано мною еще тридцать лѣтъ тому назадъ, да и въ настоящее время я не отказываюсь отъ этого различенія при болѣе точномъ опредѣленіи того, что мы находимъ въ томъ или другомъ произведеніи прежней историко-философской литературы. Наприм., Гегель въ первой трети XIX в. сдѣлалъ въ своей „Философіи исторіи“ попытку философскаго обзора всемірной исторіи, какъ она, по его представленію, протекала въ дѣйствительности, и это есть, по предлагаемой мною терминологіи, философія исторіи, но въ томъ же трудѣ Гегеля мы находимъ изложеніе нѣкоторыхъ общихъ, имъ установляемыхъ историко-философскихъ принциповъ, съ точки зрѣнія которыхъ онъ разсматриваетъ прошлое человѣчества, и совокупность этихъ принциповъ я назвалъ бы историософіей Гегеля.

Теорія историческаго процесса является, коротко говоря, наслѣдницей не философіи исторіи, а историософіи

въ томъ пониманіи обоихъ терминовъ, которое только что изложено. Философія исторіи всегда имѣла своею задачею прослѣдить, какъ протекала въ прошломъ жизнь человѣчества и каково было ея главное направленіе, могущее служить указаніемъ на то, какой смыслъ имѣетъ данный въ дѣйствительности ходъ исторіи для человѣчества съ его упованіями и стремленіями, тогда какъ исторіософическія попытки имѣли цѣлью установленіе нѣкоторыхъ отвлеченныхъ положеній, касающихся того, какъ совершается всякая исторія и что ею должно было бы осуществляться для того, чтобы за нею признать разумный смыслъ. Въ прежней историко-философской литературѣ мы имѣемъ сочиненія съ преобладаніемъ или философіи исторіи, или исторіософіи, а когда авторъ того или другого труда послѣдней категоріи ставилъ и рѣшалъ чисто теоретическіе вопросы, очень часто онъ не различалъ между проблемами 1) философской гносеологіи въ ея примѣненіи къ исторіи, 2) этико-философскаго пониманія смысла существованія человѣчества и 3) чисто научнаго вопроса о томъ, какъ происходитъ исторія.

Если все имѣющее въ старой исторіософіи гносеологическій характеръ мы отнесемъ къ теоріи историческаго знанія, а изъ остального устранимъ все субъективное съ деонтологическимъ характеромъ,—разумѣя подъ деонтологіей всякое ученіе о должномъ, заключающее въ себѣ и критерій для оцѣнки всего даннаго въ дѣйствительности,—т.-е. если мы ограничимся въ своемъ стремленіи понять историческую жизнь объективною ея стороною, не ища ея смысла съ точки зрѣнія нашихъ субъективныхъ цѣнностей, то мы и получимъ въ остаткѣ совокупность чисто исторіологическихъ вопросовъ, отграниченныхъ, какъ отъ проблемъ гносеологическихъ, долженствующихъ разсматриваться особо, такъ и отъ всякихъ соображеній о должномъ или субъективно цѣнномъ, которымъ

совершенно нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ рѣчь идетъ лишь о томъ, что̀ есть или бываетъ такъ, какъ оно есть или бываетъ.

Каждая категорія явленій, совершающихся въ окружающемъ насъ мірѣ,—какъ и явленій, въ насъ самихъ происходящихъ,—должна имѣть свою теорію на почвѣ общей теоріи бытія. Должна имѣть свою теорію и та совокупность фактовъ, которой мы даемъ названіе исторіи. Для того, чтобы такая теорія была научной, необходимо строго отличать въ ней элементы дѣйствительнаго отъ элементовъ желательнаго и должнаго и констатированіе сущаго—отъ его оцѣнки съ точекъ зрѣнія желательнаго и должнаго. Въ старой исторіософіи, въ основѣ которой всегда лежала какая-нибудь метафизика, объективно-научные вопросы исторіологіи, такъ сказать, тонули въ массѣ именно исторіософическихъ вопросовъ о конечной цѣли историческаго процесса, о его смыслѣ, сообщаемомъ ему этою мыслимою его цѣлью, о его этической сущности, о критеріи для оцѣнки дѣйствительнаго хода исторіи и т. п. Изъ научно-объективной теоріи историческаго процесса, занимающейся только тѣмъ, что есть или бываетъ, какъ оно есть или бываетъ, всѣ такіе субъективные элементы должны быть элиминированы, и теорія должна лишь объяснить, какъ что происходитъ, безъ всякаго отношенія къ ея даннымъ и выводамъ со стороны нашихъ упованій, желаній, стремленій или идеаловъ и критеріевъ, безъ какой бы то ни было оцѣнки—утилитарной, эмоціональной, этической.

Не такъ давно нѣмецкій философъ Риккертъ указалъ на различіе между естествознаніемъ и исторіей, состоящее по его мнѣнію, въ томъ, что первое работаетъ генерализирующимъ методомъ, приводящимъ къ познанію общаго, присущаго многимъ однороднымъ объектамъ, тогда какъ вторая работаетъ методомъ индивидуализирующимъ, который ставитъ себѣ задачею познаніе отдѣльныхъ пред-

метовъ въ ихъ конкретности. При этомъ онъ полагаетъ, что генерализирующія науки отвлекаются отъ всякихъ цѣнностей, кромѣ логическихъ, индивидуализирующее же знаніе интересуется лишь тѣми явленіями, которыя стоятъ въ прямомъ отношеніи къ признаваемымъ нами цѣнностямъ [1]). Въ генерализирующихъ наукахъ, по словамъ Риккерта, каждый экземпляръ чего либо—„свободно можетъ быть замѣненъ любымъ другимъ", ибо здѣсь дѣло ограничивается чисто теоретическимъ интересомъ безъ всякаго отнесенія объекта къ какимъ либо цѣнностямъ. Не входя въ разборъ мысли о методѣ отнесенія къ цѣнности, который Риккертъ пріурочиваетъ къ индивидуализирующему знанію, я хочу здѣсь этою ссылкою на него только показать, что исторіологія, какъ научная теорія историческаго процесса, согласно риккертовскому взгляду на основной характеръ генерализирующаго знанія, должна брать свой предметъ безъ „отнесенія его къ цѣнности", совершенно такъ же, какъ это дѣлаютъ другія генерализирующія науки, изучающія разные процессы, которые происходятъ въ мірѣ явленій. Отмѣчу только мимоходомъ свое несогласіе съ Риккертомъ, называющимъ науки, работающія методомъ отнесенія къ цѣнностямъ, науками о культурѣ, въ противоположность генерализирующимъ наукамъ о природѣ. Дѣло въ томъ, что и природа, и культура одинаково могутъ изучаться съ обѣихъ точекъ зрѣнія или, что то же, обоими способами [2]).

Исторія индивидуализируетъ и даже тогда индивидуализируетъ, когда имѣетъ дѣло съ коллективностями, данными намъ только разъ во всей своей конкретности, исторіологія же генерализируетъ, такъ какъ для нея каждый конкретный объектъ есть лишь частный случай общаго пра-

[1]) Ср. Т. И. З., стр. 64, 267 и 281—282.
[2]) См. Т. И. З., стр. 61 и слѣд.

вила, свободно могущій быть замѣненнымъ другимъ такимъ же частнымъ случаемъ. Еще Огюстъ Контъ указалъ на разницу, существующую между науками о конкретныхъ явленіяхъ и науками объ общихъ законахъ, назвавъ при этомъ первыя науки конкретными, вторыя—абстрактными. Это, въ сущности, то же самое дѣленіе, которое мы находимъ у Виндельбанда, предложившаго назвать науки первой категоріи идіографическими, т.-е. описывающими отдѣльныя вещи, другія — номотетическими, т.-е. устанавливающими законы,—новая терминологія, изъ которой я удерживаю терминъ „идіографія", замѣняя „номотетику" „номологіей", терминомъ, который уже давно мною употребляется, вмѣсто контовскаго обозначенія наукъ о законахъ, какъ наукъ абстрактныхъ [1]). Исторія, въ обычномъ смыслѣ слова, есть наука конкретная (по Конту), индивидуализирующая (по Риккерту), идіографическая (по Виндельбанду), или феноменологическая, какъ я предпочиталъ квалифицировать ее раньше, а исторіологія, наоборотъ, есть дисциплина абстрактная (по Конту), генерализирующая (по Риккерту), номотетическая (по Виндельбанду), или номологическая, какъ я продолжаю ее и теперь называть. Историческими процессами, совершавшимися въ разныхъ странахъ, т.-е. совокупностями явленій, пріуроченными къ опредѣленнымъ мѣстамъ и временамъ, занимаются частныя исторіи, совокупностью же всѣхъ этихъ процессовъ, вмѣстѣ взятыхъ, какъ тоже данною намъ только одинъ разъ въ дѣйствительности, занимается исторія всемірная [2]), превращающаяся при извѣстныхъ условіяхъ въ философію исторіи человѣчества [3]), тогда какъ историческимъ процессомъ, отвлеченно взятымъ, разсматриваемымъ безъ отнесенія къ

[1]) Т. П. З., стр. 64.
[2]) Т. П. З., глава XIV.
[3]) Т. П. З., глава XV.

пространству и времени, т.-е. гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, и призвана заниматься исторіологія, теорія этого процесса въ его абстрактномъ пониманіи.

Каждая категорія явленій въ познаваемой нами дѣйствительности можетъ изучаться и идіографически, и номологически. Душевную жизнь отдѣльнаго человѣка мы можемъ изобразить въ его біографіи, но душевная жизнь человѣка вообще есть предметъ психологіи. То же самое слѣдуетъ сказать и по отношенію къ человѣческимъ обществамъ (націямъ, государствамъ и т. п.), которыя могутъ или изучаться, какъ конкретныя индивидуальности, каждое въ отдѣльности, или имѣть значеніе лишь отдѣльныхъ экземпляровъ человѣческаго общества вообще, какъ особой формы бытія, достойной быть вообще же предметомъ изученія въ качествѣ таковой. Мы знаемъ, что для такого— назовемъ ли мы его абстрактнымъ, генерализирующимъ, номотетическимъ или номологическимъ — изученія общества существуетъ особая наука, которая называется соціологіей [1]).

Здѣсь не мѣсто распространяться объ отношеніи соціологіи къ философіи исторіи или къ исторіософіи, съ которыми ее отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать, и къ психологіи, отъ которой переходною научною дисциплиною къ соціологіи является соціальная (коллективная, интерментальная) психологія, и еще меньше умѣстно говорить объ отношеніи соціологіи къ другимъ общественнымъ наукамъ (политическимъ, юридическимъ и экономическимъ), потому что это завлекало бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей темы, да и достаточно уже было выяснено съ моей точки зрѣнія во „Введеніи въ изученіе

[1]) Т. II. З., стр. 220—222, но особенно Введеніе въ изученіе соціологіи, гл. 1.

соціологіи" [1]). Насъ здѣсь должна занять другая тема—объ отношеніи, въ какомъ къ соціологіи должна находиться теорія историческаго процесса, по своей задачѣ очень близко стоящая къ соціологіи, разъ обѣ онѣ суть науки, изучающія абстрактно то, что конкретно изучается исторіей. Быть можетъ даже, что нѣтъ никакой надобности въ особой теоріи историческаго процесса, разъ существуетъ общая теоретическая наука объ обществѣ и происходящихъ въ немъ явленіяхъ.

Прежде всего, нужно имѣть въ виду, что распредѣленіе всего нами познаваемаго между отдѣльными науками, отграниченіе однѣхъ наукъ отъ другихъ, съ ними сосѣднихъ, установленіе между ними, такъ сказать, переходныхъ дисциплинъ и т. п., есть въ извѣстной мѣрѣ дѣло условное, предметъ соглашенія между учеными ради извѣстныхъ, чисто практическихъ удобствъ. Научное знаніе (какъ идіографическое, такъ и номологическое) можетъ имѣть своими объектами либо разнаго рода предметы, существа и коллективнныя реальности и постоянныя системы, имѣющія болѣе или менѣе длительное существованіе, либо процессы всякаго рода, распадающіеся на ряды отдѣльныхъ моментовъ. Это—то различіе, которое лежитъ, наприм., въ основѣ отдѣленія физіологіи отъ анатоміи и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ, которыхъ можно было бы привести нѣсколько. Каждый отдѣльный организмъ есть, конечно, предметъ, а жизнь, въ немъ совершающаяся, есть процессъ. Точно такъ же можно сказать, что и общество является однимъ изъ объектовъ познаванія, принадлежащихъ къ первой категоріи, тогда какъ совершающаяся въ немъ исторія принадлежитъ къ научнымъ объектамъ второй категоріи. Отсюда—возможность извѣстнаго противоположенія соціологіи и исторіологіи; смотря по тому, бу-

[1]) Гл. 9.

детъ ли нашимъ объектомъ больше общество, какъ коллективная реальность, имѣющая длительное существованіе, его внутренній строй, силы, его поддерживающія, или же это будетъ совершающаяся въ обществѣ исторія, нѣкоторый процессъ, распадающійся на отдѣльные моменты. Довольно близко мы подходимъ здѣсь, пожалуй, къ контовскому подраздѣленію соціологіи на соціальную статику и соціальную динамику, но это все-таки не то, что я здѣсь имѣю въ виду. Контъ различаетъ сосуществованіе общественныхъ явленій, законы котораго изучаются соціальною статикою, и послѣдовательность этихъ явленій, законы которой составляютъ предметъ изученія въ соціальной динамикѣ, и поскольку каждый процессъ состоитъ изъ ряда послѣдовательныхъ моментовъ во времени, исторіологія, разумѣется, коррелативна соціальной динамикѣ, а не соціальной статикѣ. Тѣмъ не менѣе, опредѣляя ближайшимъ образомъ задачу теоріи историческаго процесса, я не соглашаюсь на простое отожествленіе ея съ соціальною динамикою и именно на основаніи установленнаго выше дѣленія наукъ на науки, коротко говоря, о предметахъ и науки о процессахъ.

Каждый предметъ можетъ изучаться статически и динамически, смотря по тому, возьмемъ ли мы его въ тотъ или другой отдѣльный моментъ его существованія или же на протяженіи извѣстнаго періода времени, въ теченіе котораго предметъ подвергается извѣстнымъ измѣненіямъ. Въ дѣйствительности, насъ окружающей, все измѣняется, все течетъ, — πάντα ῥεῖ, какъ выразился одинъ древній философъ, — и по отношенію ко всякому обществу съ динамической точки зрѣнія мы интересуемся совершившимися въ немъ измѣненіями, какъ результатами, очевидно, нѣкоторыхъ процессовъ, въ обществѣ происшедшихъ. Въ одинъ моментъ общество имѣло такое-то строеніе, въ немъ существовали такія-то формы отношеній, въ такомъ-то

взаимодѣйствіи находились составляшіе его элементы и т. п., а въ другой моментъ это строеніе, эти формы, это взаимодѣйствіе уже нѣсколько иныя, являясь результатами, какъ принято выражаться, протекшей за данный періодъ времени жизни. Соціологія интересуется больше этими результатами, т. е. тѣмъ, *что* получилось новаго въ жизни общества, продолжая считать предметомъ своего изученія само общество, исторіологія же больше интересуется тѣмъ, *какъ* эти результаты получились, или процессами, измѣняющими строеніе, формы общества. Кто противъ умноженія числа наукъ путемъ ихъ дробленія, тому предоставляется видѣть въ исторіологіи только часть соціальной динамики, но часть со своимъ особымъ содержаніемъ, т.-е. пусть исторіологія входитъ въ составъ соціологіи вообще и ближайшимъ образомъ въ составъ соціальной динамики, но пусть послѣдняя подраздѣляется на динамическую морфологію общества, изучающую его измѣненія въ ихъ результатахъ, и на исторіологію, изучающую процессы, результатами которыхъ являются, между прочимъ, и эти измѣненія.

Создавъ понятіе соціальной динамики, какъ науки, изучающей законы послѣдовательности общественныхъ явленій, родоначальникъ соціологіи Огюстъ Контъ сдѣлалъ попытку написать и самоё соціальную динамику. Этого, однако, у него не вышло — и по той простой причинѣ, что въ V и VI томахъ своего „Курса положительной философіи“, которые должны были содержать соціальную динамику, онъ далъ свою философію исторіи, изображеніе ея хода, какъ онъ себѣ его представлялъ отъ первобытныхъ временъ черезъ древность, средніе вѣка и новое время до своей эпохи, т.-е. нѣчто идіографическое, а не номологическое, каковымъ должна быть соціологія вообще и динамическая часть ея въ частности [1]. Слѣ-

[1]) Это было мною отмѣчено еще въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“, кн. I, гл. 1.

дующіе соціологи не впадали въ эту ошибку Конта и понимали соціальную динамику правильнѣе, какъ общее ученіе о законахъ общественнаго развитія, но какъ-разъ вслѣдствіе того, что въ соціологію въ это время проникли біологическія аналогіи, соціальная динамика стала сводиться исключительно къ изученію морфологической эволюціи общества, которая сама мыслилась по аналогіи съ органическимъ развитіемъ, совершающимся въ силу дѣйствія опредѣленныхъ біологическихъ законовъ. Историческій процессъ, какъ таковой, съ человѣческою активностью, ставящею себѣ цѣли, со своею борьбою соціальныхъ силъ, со своими катастрофическими моментами и т. п., какъ-то оставался внѣ поля зрѣнія соціологовъ такого направленія съ характернѣйшимъ его представителемъ, Спенсеромъ, во главѣ. Быть можетъ, по причинѣ своей ан-историчности соціальная динамика съ исключительно эволюціонно-морфологическимъ характеромъ такъ мало вообще и интересовала чистыхъ историковъ. Спеціальная теорія историческаго процесса, какъ особая научная дисциплина (исторіологія),—или какъ только исторіологическая часть соціальной динамики рядомъ съ частью морфологическою и вмѣстѣ съ нею въ общемъ составѣ соціологіи,—должна восполнить тотъ пробѣлъ, который долго существовалъ въ теоретическомъ изученіи жизни общества.

Дѣло въ томъ, что государствовѣды, юристы и экономисты издавна, какъ впослѣдствіи соціологи, больше интересовались всегда смѣною тѣхъ или другихъ формъ, тогда какъ историки, наоборотъ, больше людскою дѣятельностью. Теоретическое разсмотрѣніе вопроса о томъ, какъ же ею движется впередъ историческая жизнь, однако, не входило въ число предметовъ ихъ занятій, а между тѣмъ историки-то и должны были быть наиболѣе заинтересованными въ этомъ вопросѣ; во всякомъ случаѣ они наиболѣе компетентны его разрѣшать. Не мнѣ одному приходилось отличать

сравнительно слабый въ прошломъ интересъ историковъ къ теоретическимъ вопросамъ ихъ собственной науки. Если еще историческая методологія довольно все-таки привлекала къ себѣ вниманіе историковъ по своему значенію для практики историческихъ изслѣдованій и построеній, и если въ этой области, какъ-никакъ, историки достигли извѣстнаго согласія во взглядахъ и выработали, можно сказать, общій канонъ правилъ для своей научной дѣятельности, то въ томъ, что насъ сейчасъ занимаетъ, наблюдается нѣчто противоположное: историки очень мало выясняютъ теоретически общія, касающіяся историческаго процесса, положенія, которыхъ слѣдуетъ держаться въ частныхъ историческихъ работахъ, а многіе изъ нихъ даже и не видятъ надобности въ такихъ изслѣдованіяхъ, и потому до сихъ поръ не существуетъ сколько-нибудь всѣми признаваемаго историологическаго ученія.

Какъ какіе историки представляли себѣ теоретически то, что можно назвать механизмомъ исторіи, объ этомъ мы въ громадномъ большинствѣ случаевъ можемъ судить только по ихъ идіографическимъ работамъ, т.-е. болѣе или менѣе только косвенно, хотя нѣкоторые попутно по разнымъ частнымъ вопросамъ (напр., о роли такъ называемыхъ великихъ людей) и высказывали иногда коекакія общія соображенія [1]). Исторіологъ, конечно, не можетъ не дорожить ими, какъ матеріаломъ для критики существующихъ въ исторіографіи взглядовъ, часто подсказанныхъ глубокимъ пониманіемъ того, какъ протекалъ историческій процессъ въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ. Еще цѣннѣе въ качествѣ такого матеріала болѣе подробно мотивированные взгляды, которые изрѣдка высказывались историками по интересующему насъ вопросу.

---

[1]) Въ книгѣ „Сущность историческаго процесса“ мною собраны нѣкоторыя такія соображенія.

Спеціальные историки отдѣльныхъ элементовъ культуры, равнымъ образомъ, иногда формулировали свои общіе взгляды. Чаще всего это обыкновенно дѣлали историки литературы и историки права. Первымъ нельзя было при случаѣ не высказываться по вопросу о личномъ и коллективномъ творчествѣ, результатомъ котораго является то или другое словесное произведеніе или цѣлое литературное направленіе [1]); среди вторыхъ тоже немаловажное значеніе имѣлъ и имѣетъ вопросъ о процессѣ правообразованія [2]).

Кромѣ историковъ, цѣнный матеріалъ для выработки теоріи историческаго процесса мы можемъ находить у психологовъ, изучающихъ интерментальные психическіе процессы, т.-е. такіе которые состоятъ изъ психическихъ воздѣйствій однихъ людей на другихъ и изъ возникающихъ на этой почвѣ взаимодѣйствій. Какъ извѣстно, впервые въ этой области обратили на себя вниманіе въ области коллективной психологіи факты ненормальнаго характера въ родѣ повальныхъ психозовъ или преступленій толпы [3]), но многое, что является въ результатѣ обобщенныхъ наблюденій психіатровъ и криминалистовъ, тоже можетъ пригодиться для исторіологіи, имѣющей дѣло съ процессомъ, въ которомъ коллективная дѣятельность людей играетъ большую роль. Въ частности, криминалисты, ближе всего стоящіе въ этомъ отношеніи къ задачамъ исторіологіи, особенно много поработали надъ нѣкоторыми вопросами, интересными и для исторіолога. Говоря это, я имѣю въ виду особенно вопросы о причинной связи въ уголовномъ правѣ [4]) и о соучастіи въ преступленіяхъ [5]):

---

[1]) Сущность историческаго процесса, кн. II, гл. 4.

[2]) См. тамъ же, гл. 4.

[3]) См. тамъ же, кн. I, гл. 4.

[4]) См. тамъ же, кн. I, гл. 6.

[5]) См. тамъ же, кн. I, гл. 7.

стоитъ только отрѣшиться отъ специальной точки зрѣнія криминалиста, занимающагося лишь преступными дѣяніями, и имѣть въ виду вообще какія бы то ни было дѣянія, изысканіе причинности которыхъ составляетъ нашу задачу или извѣстная комбинація которыхъ образуетъ цѣлое событіе, и тотчасъ же соображенія криминалистовъ о причинной связи поступковъ или о соучастіи многихъ лицъ въ какомъ-либо общемъ предпріятіи получатъ большой историко-теоретическій интересъ.

II. Законосообразность въ исторіи [1]).

Дѣленіе нашего научнаго знанія, какихъ бы областей дѣйствительности оно ни касалось, на идіографическое и номологическое съ отнесеніемъ исторической науки въ тѣсномъ смыслѣ (исторіографіи) къ первому, а соціологіи съ теоріей историческаго процесса ко второму стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ признаніемъ, что въ исторіи, какъ и въ природѣ, господствуетъ законосообразность, т.-е. существуютъ нѣкоторыя постоянныя и необходимыя отношенія между отдѣльными явленіями. Задача соціологіи съ исторіологіей и заключается въ томъ, чтобы открывать и изучать дѣйствующіе въ жизни общества и въ исторіи законы, знаніе которыхъ должно намъ помогать разбираться въ изученіи конкретнаго историческаго матеріала, представляемаго прошлымъ отдѣльныхъ странъ и эпохъ. Такимъ образомъ, исторіологія есть номологія историческаго процесса, отвлеченно взятаго.

Мысль о томъ, что и въ исторіи должна быть своя

---

[1]) О. В. Ф. И., кн. I, гл. 2. Предпочитаю употреблять терминъ „законосообразность“, а не „закономѣрность“ въ виду другого значенія, которое еще принадлежитъ послѣднему термину.

законосообразность, была высказана еще въ XVIII в., но прошло не мало времени, прежде нежели эта мысль получила дѣйствительно научный характеръ. На первыхъ порахъ, наприм., высказывалось такое соображеніе: въ жизни человѣчества есть свои законы, подобные тѣмъ, которымъ повинуются движенія небесныхъ свѣтилъ, и это не иное что, какъ неписанные законы, запечатлѣнные въ сердцахъ людей,—соображеніе, безнадежно смѣшивавшее понятіе закона въ научномъ смыслѣ съ понятіемъ закона въ смыслѣ предписанія нравственнаго долга. Не меньшее недоразумѣніе заключалось и въ отожествленіи законовъ въ научномъ смыслѣ съ законами въ смыслѣ юридическомъ, разницу между которыми еще не очень давно приходилось разъяснять, указывая, что законы въ юридическомъ смыслѣ, т. е. дѣйствующее право каждой страны представляютъ собою, въ сущности, только одну изъ категорій соціальныхъ явленій, которыя подчинены общей соціальной законосообразности, естественнымъ законамъ, дѣйствующимъ въ силу природы вещей, а не по человѣческому приказанію или соглашенію.

Говоря о необходимыхъ и постоянныхъ отношеніяхъ, наблюдаемыхъ въ природѣ, какъ о ея законахъ, и обозначая ихъ, какъ естественные, мы, дѣйствительно, пользуемся терминомъ, возникшемъ на почвѣ правовыхъ отношеній, существующихъ въ обществѣ, и, быть можетъ, было бы лучше, если бы, вмѣсто термина „законъ", былъ введенъ въ употребленіе какой-нибудь другой. Наприм., полвѣка тому назадъ одинъ англійскій писатель предлагалъ для обозначенія даннаго понятія пользоваться словомъ „методъ", исходя изъ того общаго представленія, что законы природы суть какъ-бы привычные для нея способы или пути, которыми она производитъ извѣстныя явленія или достигаетъ извѣстныхъ результатовъ. Это предложеніе не нашло, однако, поддержки, хотя существо дѣла

терминомъ „методъ“ выражается лучше, нежели терминомъ „законъ“,—съ тою, конечно, оговоркою, что и здѣсь слово взято изъ другой области, а не создано ad hoc.

На этомъ не оканчиваются недоразумѣнія съ интересующимъ насъ теперь понятіемъ. Въ прежнія времена подъ историческимъ закономъ иные готовы были понимать любое практическое наставленіе, выведенное изъ исторіи или подкрѣпленное историческими примѣрами, т.-е. опять-таки придавали термину нормативное значеніе въ смыслѣ указанія на нѣчто должное. Съ другой стороны, за историческіе законы принимались и разнаго рода обобщенія изъ ряда фактовъ, относящихся только къ опредѣленному мѣсту и времени. Извѣстенъ, наприм., общій фактъ германскаго напора на Востокъ, такъ называемый „Drang nach Osten“, подъ каковымъ обозначеніемъ разумѣется цѣлый рядъ однородныхъ фактовъ, состоящихъ въ движеніи германскаго племени къ востоку отъ его территоріи, начиная еще съ XII в. Очень часто и теперь приходится слышать и читать, что этотъ „Drang nach Osten“ представляетъ собою законъ исторіи, но на самомъ дѣлѣ тутъ нѣтъ никакого закона въ научномъ смыслѣ, ибо это только формула, обобщающая цѣлый рядъ однородныхъ фактовъ, которые имѣли мѣсто только въ одной странѣ и въ одинъ періодъ времени. Такихъ историческихъ обобщеній можно привести весьма много, и все это не будутъ законы въ научномъ смыслѣ. Историки давно обратили вниманіе на то, что въ началѣ династіи Капетинговъ умиравшему королю всегда наслѣдовалъ сынъ, никогда не братъ или племянникъ, притомъ уже взрослый сынъ, а не малолѣтокъ, и въ этомъ историки усматривали одно изъ условій, благопріятныхъ для упроченія династіи на престолѣ Франціи, но мы сдѣлали бы большую ошибку, если бы возвели этотъ общій фактъ на степень историческаго закона. Нельзя назвать закономъ и русской исто-

ріи XVIII вѣка дворцовые перевороты, путемъ которыхъ происходило замѣщеніе трона.

Въ томъ, что у Капетинговъ отцу всегда наслѣдовалъ взрослый сынъ [1]), былъ, конечно, элементъ случайности, такой же, какъ и въ томъ, что въ XIX в. наслѣдниками Карла X и Людовика-Филиппа въ моменты ихъ низверженія были ихъ малолѣтніе внуки. Очень часто обобщающія формулы относятся къ фактамъ, наличность которыхъ объясняется дѣйствіемъ общихъ причинъ, но и тогда рѣчь можетъ идти только о продолжительномъ и постоянномъ дѣйствіи какой-либо общей причины, а не закона въ научномъ смыслѣ слова. Возьмемъ для примѣра еще тотъ же „Drang nach Osten": если въ XII в. германское племя все болѣе и болѣе стремилось расширять свою территорію къ востоку, то на это, понятно, должна была быть фактическая причина, и ее съ ея послѣдствіями можно, пожалуй, назвать своего рода историческимъ рокомъ, но то обстоятельство, что это—только роковая сила, дѣйствующая въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, не позволяетъ намъ говорить о существованіи здѣсь какого-то историческаго закона. Такимъ же роковымъ фактомъ въ русской исторіи была такъ называемая „борьба со степью", или со степными кочевниками. И германскій напоръ на Востокъ, и русская борьба со степью, оба эти общіе факта представляютъ собою историческія явленія лишь даннаго мѣста и даннаго времени, подлежащія, какъ таковыя, идіографическому изученію, тогда какъ подъ законами мы разумѣемъ нѣкоторыя общія истины, примѣнимыя къ однороднымъ случаямъ во всѣхъ странахъ и во всѣ времена. На этомъ же основаніи закономъ исторіи не можетъ быть названо и какое-либо господствующее направленіе, принимавшееся исторіей той или дру-

[1]) До Людовика IX.

гой страны. Мы, наприм., не имѣемъ права называть во второй половинѣ ср. вв. законами французской исторіи сосредоточеніе и усиленіе королевской власти или нѣмецкой исторіи — распаденіе страны на множество мелкихъ политическихъ организмовъ: это — не законы, а процессы, очень сложные, зависѣвшіе отъ цѣлаго ряда причинъ, въ которыхъ обнаруживается извѣстная законосообразность, въ смыслѣ совокупнаго дѣйствія нѣсколькихъ, такъ сказать, болѣе элементарныхъ законовъ.

Общій ходъ исторіи и главное направленіе, ею принимаемое, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ бываютъ обусловлены множествомъ причинъ, въ особыхъ для каждаго отдѣльнаго случая комбинаціяхъ. Случается, что эту, скажемъ такъ, основную линію исторіи какого-либо народа принимаютъ за законъ данной исторіи и готовы видѣть въ людяхъ, дѣйствующихъ въ данномъ направленіи, исполнителей историческаго закона, а въ тѣхъ, которые, наоборотъ, наприм., служатъ реакціи, задерживающей естественный ходъ вещей, людей, не понимающихъ требованій историческаго закона. Между тѣмъ во всѣхъ случаяхъ, когда постоянное и долговременное дѣйствіе нѣкоторыхъ общихъ причинъ придаетъ ходу исторіи какого-либо народа извѣстныя единство и послѣдовательность, на дѣлѣ мы имѣемъ передъ собою опять-таки не какой-то единый историческій законъ, чего-то властно требующій, а нѣкоторую равнодѣйствующую многихъ силъ, часто находящихся между собою въ прямомъ конфликтѣ.

Впрочемъ, нѣтъ надобности разсматривать всѣ, какіе только встрѣчаются въ исторической литературѣ, оттѣнки неправильнаго пониманія термина „законъ“ въ примѣненіи къ исторіи. Ограничусь только ради курьёза указаніемъ на то, что неразъ дѣлались попытки установленія разныхъ историческихъ законовъ, выражаемыхъ цифрами лѣтъ или столѣтій для періодовъ между важными

событіями, для продолжительности существованія государствъ и т. п. Все это по отношенію къ научной исторіологіи то же самое, что астрологія или алхимія по отношенію къ астрономіи и химіи или новѣйшія мудрствованія дилеттантовъ въ метеорологіи, открывающихъ законы чередованія хорошей и дурной погоды только для того, чтобы дѣйствительность ихъ постоянно опровергала.

Кстати. Если настоящій ученый метеорологъ сознательно отказывается отъ открытія законовъ, которые могли бы дать возможность напередъ и задолго предсказывать погоду и отказывается на томъ основаніи, что въ созданіи такой или иной погоды участвуетъ превеликое множество элементовъ въ превеликомъ же множествѣ комбинацій, не поддающееся никакому учету, то изъ этого еще отнюдь не вытекаетъ, чтобы ученый метеорологъ отрицалъ законосообразность въ дѣйствіи каждаго изъ этихъ элементовъ, въ отдѣльности взятыхъ. Историкъ находится въ такомъ же положеніи. Онъ не можетъ предсказывать ходъ событій въ будущемъ и угадывать его въ прошломъ на основаніи спеціально историческихъ законовъ. Да такихъ законовъ и не существуетъ вовсе, хотя отсюда еще далеко не слѣдуетъ дѣлать вывода, будто и вовсе нѣтъ никакой законосообразности въ исторіи. Теченіе исторической жизни въ каждомъ конкретномъ случаѣ есть нѣчто до-нельзя сложное, состоящее изъ необозримаго количества болѣе простыхъ элементовъ въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ, и каждый изъ этихъ элементовъ, такъ сказать, подчиняется своему закону, какъ и результатъ каждой комбинаціи тоже вытекаетъ съ необходимостью изъ даннаго сочетанія дѣйствія законовъ. Когда птица летаетъ и кружится въ воздухѣ по разнымъ направленіямъ, особенно если она еще ловитъ при этомъ пролетающихъ мимо насѣкомыхъ, что заставляетъ ее безпрестанно отклоняться въ сторону отъ принятаго напра-

вленія, все въ этомъ ея полетѣ совершается по естественнымъ законамъ, но если бы мы захотѣли найти какую-либо правильность въ сложной линіи, по которой совершался полетъ птицы, то стали бы передъ этою задачею въ полный тупикъ.

Отрицая существованіе спеціально историческихъ законовъ, я, значитъ, не отрицаю того, что въ исторіи, какъ и въ природѣ, господствуетъ законосообразность. Исторія—наука идіографическая, дающая индивидуализированное знаніе, которое имѣетъ всегда своимъ предметомъ нѣчто сложное и произведенное дѣйствіемъ многихъ законовъ. Открытіе законовъ, по которымъ совершается все въ исторической жизни, есть задача генерализирующаго знанія, т.-е. наукъ номологическихъ, разлагающихъ каждую сложность на ея элементы и ищущихъ, какъ долженъ дѣйствовать каждый изъ нихъ при наступленіи извѣстныхъ условій. Законы, въ знаніи которыхъ можетъ нуждаться историкъ, это—законы психологіи (индивидуальной и коллективной) и соціологіи, какъ въ ея статической, такъ и ея динамической частяхъ. Другими словами, историческихъ законовъ нѣтъ и быть не можетъ, а есть законы психологическіе и соціологическіе, и потому законосообразность въ исторіи есть не какая-то спеціально историческая законосообразность, а общая психологическая и соціологическая. Люди, освѣдомленные въ этой области, въ состояніи предсказывать, что должно случиться, когда будетъ дано то-то, но наступитъ ли такое условіе или нѣтъ, это будетъ зависѣть отъ фактическаго теченія вещей, отъ хода исторіи, слишкомъ сложнаго, чтобы сочетанія причинъ, обусловливающія такой, а не иной ходъ событій, могли быть объяснены изъ дѣйствія какого-либо одного закона.

Въ настоящее время отрицательное отношеніе къ понятію „законовъ исторіи“ (при признаніи, повторяю, дѣй-

ствія въ ней психологическихъ и соціологическихъ законовъ) не можетъ вызвать противъ себя тѣхъ упрековъ въ ненаучности, какіе были еще возможны четверть вѣка тому назадъ. Всѣ наиболѣе вдумчивые авторы историко-теоретическихъ работъ, касавшіеся этого вопроса, согласны въ томъ, что самое выраженіе „историческіе законы“ заключаетъ въ себѣ contradictionem in adjecto, т.-е. внутренне противорѣчиво, но въ то же время они стоятъ на точкѣ зрѣнія психологической и соціологической законосообразности всего совершающагося въ человѣческой жизни. Конечно, никому нельзя воспретить называть историческими психологическіе и соціологическіе законы, имѣющіе отношеніе къ объясненію исторіи, но при этомъ нужно помнить, что многое другое, чему также давалось названіе историческихъ законовъ,—даже и не законы вовсе.

Что общественныя явленія подобно явленіямъ матеріальнаго міра, подчинены дѣйствію естественныхъ законовъ, эта мысль давно вошла въ сознаніе ученыхъ, и доказывать ея вѣрность не приходится. Извѣстно, что однимъ изъ первыхъ аргументовъ въ ея пользу была ссылка на относительное постоянство годового количества, въ извѣстномъ мѣстѣ, писемъ, опущенныхъ въ почтовые ящики безъ адреса на конвертѣ, или совершенныхъ самоубійствъ, и было даже время, когда многіе думали, что зарегистрированныя статистикой цифры писемъ безъ адреса, самоубійствъ и т. п., и суть настоящіе соціальные законы [1]), тогда какъ это—только извѣстные фактическіе итоги, подлежащіе вѣдѣнію идіографической науки, каковою въ настоящее время и признана статистика. Эти цифровыя постоянства столь же мало имѣютъ право называться статистическими законами, какъ подобныя имъ обобщенія историческія—историческими законами. Повтореніе изъ года

[1]) О. В. Ф. И., кн. III, гл. 1, въ концѣ (гл. 11 по 3 изд.).

въ годъ однѣхъ и тѣхъ же статистическихъ цифръ или, вѣрнѣе, цифръ, очень близкихъ однѣ къ другимъ, только свидѣтельствуетъ о томъ, что разъ условія, въ которыхъ совершаются извѣстныя явленія, остаются прежними, и сами явленія будутъ получаться въ прежнемъ же количествѣ. И дѣйствительно, та же статистика учитъ насъ, что перемѣны въ условіяхъ, въ какія поставлены наблюдаемыя явленія, отражаются и на самихъ этихъ явленіяхъ: наприм., бо̀льшая дороговизна съѣстныхъ припасовъ влечетъ за собою увеличеніе числа преступленій.

Когда мы говоримъ о зависимости наблюдаемыхъ нами явленій отъ условій, въ какихъ они совершаются, мы, въ сущности, только даемъ иную формулировку болѣе общему закону всего сущаго, заключающемуся въ томъ, что одинаковыя причины всегда влекутъ за собою одинаковыя слѣдствія. Какъ въ ариѳметикѣ дважды два всегда даютъ въ результатѣ четыре или въ геометріи квадратъ, построенный на гипотенузѣ прямоугольнаго трехугольника, всегда будетъ равновеликъ суммѣ квадратовъ, построенныхъ на его катетахъ, такъ и въ мірѣ матеріальныхъ, духовныхъ и общественныхъ явленій одна и та же причина всегда даетъ одно и то же слѣдствіе, и одна и та же комбинація причинъ, равнымъ образомъ, будетъ имѣть одинъ и тотъ же результатъ. Это—основной принципъ каузальной (причинной) законосообразности. Чѣмъ сложнѣе изучаемыя явленія, тѣмъ рѣже встрѣчаются вполнѣ тожественные случаи и тѣмъ, слѣдовательно, рѣже обнаруживается воочію существующая въ мірѣ явленій законосообразность, вмѣстѣ съ чѣмъ и все больше затрудняется формулировка какихъ-либо общихъ правилъ для данной категоріи случаевъ. Въ сущности, наступленіе каждаго явленія, будетъ ли то замерзаніе воды при температурѣ ниже нуля или опусканіе въ почтовый ящикъ письма безъ адреса на конвертѣ и т. д., зависитъ не отъ одной какой-либо при-

чины, а отъ цѣлой ихъ совокупности, включая сюда и условія, при которыхъ фактъ наступилъ, да и сочетанія этихъ условій и причинъ тоже бываютъ до-нельзя разнообразны, чѣмъ и порождается крайняя трудность, съ одной стороны, разложенія сложной причины факта на ея составные элементы, а съ другой, и формулировки такихъ правилъ, изъ которыхъ не было бы исключеній.

Научная логика выработала особые методы для отвѣта на вопросъ, что изъ совокупности обстоятельствъ, предшествовавшихъ явленію, считать его истинными причинами и какимъ изъ нихъ какое значеніе приписывать (условій, главныхъ и второстепенныхъ причинъ, поводовъ и т. п.), и для того, кто понимаетъ дѣло, не будетъ ничего непонятнаго въ случаяхъ явного несовпаденія между слѣдствіями повидимому одинаковыхъ причинъ. Причиною того, что камень упалъ на землю, было то, что я его выпустилъ изъ руки, но вотъ я выпустилъ изъ руки резиновый шаръ, наполненный водородомъ, и онъ не падаетъ, а летитъ. Мы можемъ формулировать правило, по которому всѣ неодушевленные предметы, выпущенные нами изъ рукъ, падаютъ на землю, но это будетъ обобщеніемъ лишь большинства случаевъ, потому что у правила будутъ и исключенія въ родѣ указаннаго, и это исключеніе отнюдь не будетъ нарушеніемъ закона всемірнаго тяготѣнія. И въ исторіи видимая неправильность того, что совершается, т. е. крайняя трудность или прямая невозможность все подвести подъ извѣстныя правила и наличность всякихъ исключеній изъ правилъ, которыя, какъ-никакъ, удается формулировать, отнюдь не свидѣтельствуютъ объ отсутствіи законосообразности въ томъ, что вокругъ насъ происходитъ въ мірѣ человѣческихъ отношеній. На томъ основаніи, что всѣ историческія обобщенія, дающія въ результатѣ нѣкоторыя общія правила, всегда только относительны и условны, т. е. основываются лишь на нѣкоторомъ коли-

чествѣ фактовъ, противъ которыхъ можно привести другіе факты, составляющіе исключенія изъ найденнаго правила,—на этомъ основаніи и нельзя никакъ эти обобщенія въ исторіи называть ея законами. Естественные законы не знаютъ исключеній, и то, что намъ кажется исключеніемъ, есть только результатъ дѣйствія какого-либо другого закона, возможность же подведенія нами разныхъ отдѣльныхъ случаевъ чего-либо подъ общія правила, хотя бы и допускающія всякія исключенія, только указываетъ на существованіе законосообразности, даже и тогда, когда мы и лишены возможности найти и формулировать самые законы съ тою же опредѣленностью и точностью, какъ это дѣлается въ механикѣ, физикѣ, химіи.

Каузальная законосообразность состоитъ въ томъ, что разъ извѣстная комбинація $A + B + C + D$ дала въ результатѣ M, то и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда повторится эта комбинація $A + B + C + D$, результатомъ будетъ то же M. Что послѣдуетъ за этимъ M, это будетъ зависѣть отъ того, съ чѣмъ оно само войдетъ въ комбинацію: разъ оно будетъ дано намъ въ соединеніи съ N и въ результатѣ получится O, то и всегда сочетаніе $M + N$ будетъ давать O, но возможно, что M въ ходѣ вещей вступитъ въ конъюнктуру съ P или съ Q, и тогда слѣдующими за M моментами будутъ какія-нибудь новыя R или S. Въ исторіи постоянно переплетаются между собою безчисленно многіе причинные ряды, и никогда ни одна такая цѣпь фактовъ, изъ которыхъ каждый предыдущій можетъ разсматриваться, какъ причина послѣдующаго, не является повтореніемъ другихъ, которыя были бы съ нею тожественны. Каждую такую цѣпь къ ея конкретной индивидуальности приходится изучать идіографически, номологическому же изученію, отыскиванію законовъ явленій, подлежатъ лишь тѣ элементы, изъ которыхъ складываются конкретные процессы исторіи. Позволительно даже очень скептически относиться къ возможности

нахожденія здѣсь такихъ опредѣленныхъ законовъ, какіе формулируются естествознаніемъ, когда оно говоритъ, что уголъ отраженія равенъ углу паденія или что тѣла притягиваются прямо пропорціонально массамъ и обратно пропорціонально квадратамъ разстояній, но это никогда не поколеблетъ въ насъ увѣренности, что одна и та же причина всегда вызываетъ одно и то же слѣдствіе, и въ этомъ всегда будетъ содержаться признаніе того, что и въ исторіи существуетъ своя законосообразность. И еще одно нужно имѣть въ виду. Каждый отдѣльный рядъ послѣдовательныхъ причинъ и слѣдствій, выдѣляемый нами для историческаго изученія изъ общей совокупности всего совершавшагося въ прошломъ, никогда не былъ изолированнымъ отъ другихъ такихъ же рядовъ, бывшихъ съ нимъ единовременными, или, говоря иначе, никогда не находился внѣ извѣстныхъ условій. Когда мы утверждаемъ, что одна и таже причина всегда вызываетъ одно и то же слѣдствіе, мы при этомъ должны подразумѣвать, что это имѣетъ силу, конечно, лишь при однихъ и тѣхъ уже условіяхъ (caeteris paribus). Разъ условія, при которыхъ за A всегда слѣдуетъ B, измѣнились, результатъ уже не будетъ прежнимъ, если только условія, о которыхъ идетъ рѣчь, не принадлежали къ числу безразличныхъ. Выдѣленіе какой-либо причинно-слѣдственной цѣпи изъ совокупности всего совершающагося есть только умственная операція, необходимая для пониманія дѣйствительности. Въ сущности, каждый фактъ имѣетъ нѣсколько причинъ, принадлежащихъ къ разнымъ каузальнымъ рядамъ, равно какъ и нѣсколько слѣдствій, тоже входящихъ потомъ въ составъ разныхъ другихъ рядовъ. Въ дѣйствительности все перекрещивается, переплетается, дается намъ, такъ сказать, въ запутанномъ видѣ: это не параллельныя, одна отъ другой независимыя нити, а очень сложное плетеніе, въ которомъ отдѣльныя нити не только соединяются между со-

бою, но еще то раздвояются или растрояются и т. д., то скручиваются изъ волоконъ, принадлежавшихъ раньше къ разнымъ нитямъ.

До сихъ поръ рѣчь шла о законосообразности каузальной, состоящей въ постоянной и неизмѣнной связи однихъ и тѣхъ же причинъ съ одними и тѣми же слѣдствіями. Она, эта каузальная законосообразность, касается вообще событій, какой бы характеръ они ни имѣли. Наступленіе холодной погоды есть, наприм., тоже своего рода событіе, имѣющее, конечно, свою причину, положимъ, въ перемѣнѣ направленія вѣтра, также, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ событіи, и если слѣдствіемъ наступившаго холода будетъ то, что замерзнетъ рѣка, то вѣдь и наступившій ледоставъ мы не откажемся такимъ образомъ назвать событіемъ. Но кромѣ законосообразной последовательности событій, изъ которыхъ одно является слѣдствіемъ предыдущаго и причиною за нимъ слѣдующаго, есть еще цѣлая категорія случаевъ, когда В неизмѣнно связано съ А, не какъ его слѣдствіе, а какъ новый видъ, новая форма, новое состояніе, принятые какимъ-либо предметомъ. Примѣромъ можетъ служить метаморфоза насѣкомаго, въ родѣ превращенія мохнатаго червячка въ куколку, а куколки въ бабочку. Въ случаяхъ подобнаго рода наблюдается извѣстная правильность чередованія формъ или состояній, указывающая и здѣсь на законосообразность. Мохнатый червячекъ не дѣлается сразу бабочкой, не прошедши фазиса куколки, которая сама никогда не возвращается въ стадію червячка, какъ не возвращается и бабочка въ состояніе куколки. Здѣсь, именно, мы имѣемъ дѣло не съ тѣми измѣненіями, которыя зависятъ отъ внѣшнихъ причинъ, какъ то бываетъ съ водою, то превращающейся въ твердое тѣло (ледъ), то въ тѣло газообразное (паръ), причемъ постоянно происходятъ возвращенія къ прежнимъ состояніямъ, а имѣемъ дѣло съ

превращеніями, вытекающими изъ дѣйствія причинъ внутреннихъ. Въ случаяхъ той законосообразности, которая мною теперь имѣется въ виду, неизмѣнно между собою связанныя предыдущее и послѣдующее имѣютъ значеніе не моментовъ какого-либо каузальнаго процесса, а состояній (или формъ) какого-либо предмета или существа. Позволяю себѣ здѣсь напомнить предложенное выше дѣленіе объектовъ знанія на предметы и процессы.

Эту другую законосообразность, касающуюся не связи причины съ ея слѣдствіемъ, а связи между ступенями развитія какого-либо существа, мы можемъ назвать законосообразностью эволюціонною, ибо она проявляется въ эволюціи, въ развитіи, наприм., отдѣльныхъ организмовъ, переживающихъ извѣстныя ступени въ правильной послѣдовательности. Эволюціонныя стадіи слѣдуютъ одна за другой въ опредѣленномъ порядкѣ, и это имѣетъ силу не только для органическихъ существъ, въ жизни которыхъ эволюціонная законосообразность обнаруживается съ наибольшею очевидностью, но и въ неорганической природѣ, и въ человѣческомъ обществѣ. Всякій процессъ, имѣющій характеръ эволюціи чего бы то ни было, совершается въ опредѣленномъ, ему присущемъ порядкѣ, и въ этомъ отношеніи развитія, наблюдаемыя въ исторіи, отнюдь не составляютъ исключенія.

Если одинаковыя причины въ одинаковыхъ условіяхъ влекутъ за собою одинаковыя слѣдствія, то и измѣненія, происходящія отъ одинаковыхъ внутреннихъ причинъ въ однородныхъ предметахъ, существахъ или системахъ, должны протекать въ одинаковыхъ же для каждой однородной категоріи порядкахъ, конечно, однако, съ индивидуальными особенностями, своего рода отклоненіями отъ нѣкоторой идеальной нормы въ зависимости отъ того, что полная тожественность отдѣльныхъ экземпляровъ какой-либо однородной категоріи рѣдка, да и внѣшнія условія существо-

ванія этихъ экземпляровъ могутъ также быть нѣсколько различными. Лучше всего каждый законосообразный порядокъ измѣненій, происходящихъ въ объектахъ нашего познаванія, проявляется въ развитіи индивидуальныхъ организмовъ, начиная низшими и кончая высшими. Какъ строеніе каждаго вида живыхъ существъ можетъ быть сведено къ нѣкоторой общей схемѣ, въ такой же общей схемѣ можетъ быть выраженъ и порядокъ необходимыхъ измѣненій, переживаемыхъ каждымъ отдѣльнымъ существомъ даннаго біологическаго вида. Извѣстный общій порядокъ наблюдается также и въ психическомъ развитіи, наприм., отдѣльныхъ людей, начиная съ появленія ихъ на бѣлый свѣтъ. Сравнительное изученіе исторіи отдѣльныхъ обществъ (государствъ, народовъ), формъ ихъ быта, учрежденій, духовной культуры тоже обнаруживаетъ массу сходныхъ чертъ въ тѣхъ послѣдовательностяхъ, въ какихъ во всемъ этомъ происходятъ измѣненія. Одна изъ задачъ соціологіи и заключается въ томъ, чтобы открывать эволюціонныя единообразія, т. е. болѣе или менѣе сходные порядки въ переходахъ изъ одного состоянія въ другое, съ одной ступени развитія на другую. Историки и другіе ученые, идіографически изучающіе человѣческія общества, тѣмъ самымъ подготовляютъ для соціологовъ, изучающихъ то же самое номологически, необходимый фактическій матеріалъ, и это уже дѣло соціологовъ—находить проявленія эволюціонной законосообразности не только тамъ, гдѣ она прямо бросается въ глаза, но и тамъ, гдѣ она болѣе или менѣе замаскирована разными побочными явленіями или несущественными подробностями.

III. Общіе законы общественнаго развитія и различная обусловленность ихъ дѣйствія.

Научное пониманіе законосообразности, царящей въ исторіи, не допускаетъ мысли о существованіи какого-либо единаго основного закона, управляющаго всѣмъ движеніемъ исторической жизни. Если Огюстъ Контъ, такъ, настойчиво отрицавшій всякую метафизику, въ которой вообще „воображеніе господствуетъ надъ наблюденіемъ", утверждалъ, что имъ найденъ основной законъ развитія человѣчества, и по схемѣ этого закона построилъ всю свою философію исторіи, то здѣсь онъ только повторялъ—въ новой лишь формѣ — то, что дѣлали до него метафизическіе мыслители, размышлявшіе надъ смысломъ того цѣлаго, которое называется исторіей человѣчества. Такому философу, какъ Гегель, оно, это цѣлое, представлялось въ видѣ своего рода выполненія нѣкотораго общаго плана, вытекающаго изъ самаго существа исторіи, какъ онъ ее самъ понималъ, больше находясь подъ властью собственнаго воображенія, нежели слѣдуя указаніямъ наблюденія надъ дѣйствительностью. Если мы отойдемъ еще дальше въ прошлое, когда въ умственной сферѣ господствовали теологическія соображенія, замѣнившіяся позднѣе метафизическими, то увидимъ, что и основной законъ исторіи, формулированный Контомъ, и общій планъ ея, яко-бы открытый Гегелемъ, суть не что иное, какъ представленія, выросшія на почвѣ провиденціализма, т.-е. теологическаго пониманія исторіи, какъ процесса, руководимаго единою Высшею Волею, поставившею ей сокровенную цѣль и ради достиженія этой цѣли давшей ходу исторіи опредѣленное направленіе. Хотя съ точки

зрѣнія теологіи пути Господни и неисповѣдимы, отдѣльные провиденціалисты, писавшіе по философіи исторіи, очень мало затруднялись открывать, въ чемъ заключается истинная цѣль Провидѣнія.

Не считая возможнымъ рѣшать вопросы исторіологіи съ помощью одного воображенія или апріорнаго разсужденія и основываясь на изученіи дѣйствительности, наука отказывается отъ сведенія всей сложности и многогранности, всего разнообразія и всей пестроты исторической жизни къ одному какому-либо принципу, хотя бы и понимаемому, какъ основной законъ исторіи, опредѣляющій собою всѣ остальные ея законы. Всякой наукѣ и, слѣдовательно, исторіологіи тоже, какъ имѣющей, равнымъ образомъ, дѣло со многимъ, а не съ единымъ, приходится, такъ сказать, принципіально становиться на плюралистическую, а не на монистическую точку зрѣнія. Исторія человѣчества не есть внутренне единый процессъ, а совокупность цѣлаго рода параллельныхъ процессовъ, есть сумма исторій отдѣльныхъ народовъ, находившихся между собою въ очень многообразныхъ отношеніяхъ. Да и въ исторіи каждаго отдѣльнаго народа проявляется не одна какая-либо движущая сила, а дѣйствуетъ великое множество такихъ силъ. Даже отдѣльныя событія въ жизни каждаго народа порождаются обыкновенно сочетаніемъ цѣлаго ряда причинъ, изъ которыхъ каждая, въ свою очередь, есть не что иное, какъ мѣсто встрѣчи или пересѣченія также нѣсколькихъ самостоятельныхъ каузальныхъ рядовъ. Законовъ, дѣйствующихъ въ общественной и исторической жизни человѣка, много, и лишь разныя сочетанія ихъ дѣйствій въ отдѣльныхъ случаяхъ производятъ нѣкоторое общее теченіе историческаго процесса, а не какой-то единый основной законъ, изъ котораго все остальное вытекало бы, какъ изъ одного общаго источника.

Писатели, искавшіе нѣкоторой планомѣрности въ ходѣ всемірной исторіи, не могли не принимать исторіи отдѣльныхъ странъ или пародовъ за части этого цѣлаго или, вѣрнѣе говоря, за послѣдовательные моменты единаго процесса. Эта всемірно-историческая точка зрѣнія имѣетъ свои научныя основанія, но совсѣмъ въ другомъ примѣненіи [1]). Если мы оставимъ эту точку зрѣнія и на каждую частную исторію взглянемъ, какъ на самостоятельное цѣлое, то здѣсь вопросъ объ исторической законосообразности получитъ для насъ новый видъ. Нерѣдко закономъ исторіи такого-то народа называли прежде какой-либо основной ея процессъ, какое-либо постоянное въ ней явленіе, обобщающую ея ходъ формулу, но мы уже знаемъ, что о законѣ въ научномъ смыслѣ слова здѣсь не можетъ быть рѣчи. Понятіе закона предполагаетъ примѣненіе къ чему-либо общему, а не индивидуальному, какова исторія каждаго отдѣльнаго народа. Но тогда возникаетъ вопросъ, не существуетъ ли нѣкотораго общаго закона, такъ сказать, выполняемаго каждою частною исторіей, въ отдѣльности взятою.

Мысль о нѣкоторой „общей и идеальной исторіи“, по которой протекаютъ исторіи отдѣльныхъ народовъ, была впервые высказана въ первой половинѣ XVIII в. неаполитанскимъ мыслителемъ Джамбаттиста Вико, авторомъ „Новой науки“, котораго многіе за это называли родоначальникомъ философіи исторіи [2]). Излагая ученіе Вико, позднѣйшіе писатели особенно подчеркивали его мысль о постоянномъ круговращеніи въ исторіи, о происходящихъ въ ней „corsi“ и „ricorsi“, о законченныхъ циклахъ, появляющихся на смѣну одинъ другому и сводящихся къ повторенію однихъ и тѣхъ же періодовъ, но

---

[1]) Т. И. З., гл. 14 и ниже.

[2]) О. В. Ф. И., кн. I, гл. 1.

рѣдко кто доискивался, откуда взялъ Вико идею своей вѣчно повторяющейся въ одномъ и томъ же порядкѣ исторіи, именно была ли она результатомъ нѣкотораго наблюденія надъ дѣйствительностью или совершенно апріорнымъ положеніемъ.

Въ древности уже Аристотель и Полибій приходили къ выводу о нѣкоторомъ единообразіи въ смѣнѣ или чередованіи государственныхъ формъ въ исторіи современныхъ имъ политій. Полибій даже приходилъ, въ примѣненіи къ такимъ перемѣнамъ, къ представленію объ ихъ естественности (κατὰ φύσιν). У Вико для его утвержденія не это было основаніемъ. Онъ былъ однимъ изъ запоздалыхъ послѣдователей Платона съ его противоположеніемъ міровъ феноменальнаго и ноуменальнаго, съ его ученіемъ объ идеяхъ, по отношенію къ которымъ все въ мірѣ явленій есть не что иное, какъ несовершенныя копіи первообразовъ въ мірѣ истинно сущаго. Исторіи отдѣльныхъ народовъ были для Вико только индивидуальными сколками съ нѣкоторой общей, вѣчной, идеальной исторіи, разными проявленіями единаго въ своей сущности и неизмѣннаго порядка исторической жизни. Постигнуть этотъ порядокъ Вико думалъ, однако, не путемъ чистаго умозрѣнія, какъ потомъ сдѣлалъ Гегель, а прослѣдивъ его на исторіи одного народа. Вико изучалъ право и исторію древняго Рима. Какъ онъ ее понималъ, — особенно въ сравненіи съ теперешнимъ научнымъ пониманіемъ, — это другой вопросъ, но знаніе римской исторіи во всякомъ случаѣ дало ему возможность сдѣлать нѣкоторое конкретное историко-философское построеніе, въ которомъ онъ видѣлъ лишь одно изъ феноменальныхъ отраженій исторіи ноуменальной, дабы черезъ него дойти до постиженія этой послѣдней, какъ общей и идеальной исторіи, вѣчно повторяющейся въ жизни отдѣльныхъ народовъ. Такимъ образомъ, основная исторіологическая идея

Вико возникла на почвѣ платоновой метафизики: кто послѣдней не принимаетъ, тотъ долженъ отвергнуть и идею Вико. Если бы существовала такая общая исторія, повторяющаяся неизмѣнно въ исторіи отдѣльныхъ странъ, существенныя черты каждой изъ нихъ такъ же сходствовали бы между собою, какъ главнѣйшіе признаки, напр., всѣхъ людей или всѣхъ березъ. Между тѣмъ исторіи отдѣльныхъ народовъ,—это, фигурально выражаясь, не разные экземпляры одного и того же вида березы, а какъ бы разныя деревья: одна—берёза, другая—дубъ, третья—сосна, четвертая—кипарисъ, пятая—финиковая пальма,—до такой степени мало сходства между исторіями отдѣльныхъ странъ.

Въ основной концепціи Вико есть, однако, и такая сторона, которая подкупаетъ въ ея пользу. Обязанная своимъ происхожденіемъ метафизическому ученію объ идеяхъ, какъ истинно сущемъ, копіи съ которыхъ мы созерцаемъ въ мірѣ явленій, та сторона ученія Вико, о которой я хочу теперь говорить, напоминаетъ ученіе позитивной науки объ естественномъ законѣ, управляющемъ каждою категоріей явленій. Вотъ почему Вико, остававшійся совершенно неизвѣстнымъ въ XVIII в., сталъ пользоваться такою популярностью въ XIX в. Общую и идеальную исторію, дѣйствительно, было легко понять въ смыслѣ нѣкотораго общаго для всѣхъ народовъ историческаго закона. Вѣдь есть же общій законъ, по которому протекаетъ жизнь человѣка отъ зачатія его въ утробѣ матери,—законъ, опредѣляющій моменты его рожденія, прорѣзыванія зубовъ, начала членораздѣльной рѣчи, половой зрѣлости и пр. и пр. Органическій взглядъ на человѣческое общество, сложившійся въ началѣ XIX в., только усилилъ значеніе этой аналогіи и придалъ идеѣ Вико новое, такъ сказать, натуралистическое или, по крайней мѣрѣ, біологическое обоснованіе. Вспоминаю и

личное свое отношеніе къ мысли Вико, когда я съ нею впервые познакомился: для нея у меня было другое подтвержденіе по аналогіи—въ ссылкѣ на законъ паденія тѣлъ. Изъ опыта мы знаемъ, что тѣла падаютъ на землю очень неодинаково, въ зависимости отъ особенностей ихъ самихъ и среды, въ которой совершается паденіе, но наука тѣмъ не менѣе выводитъ общій законъ паденія тѣлъ. Идеаломъ философіи исторіи мнѣ и казалось найти аналогичный общій законъ историческаго движенія, который былъ бы для жизни отдѣльныхъ народовъ то же самое, чѣмъ являются законъ паденія тѣлъ въ физикѣ или законы органическаго роста разныхъ существъ въ біологіи. Только позднѣе стала ясна разница: въ случаяхъ паденія тѣла дѣйствуетъ одна только сила земного притяженія, и въ зернѣ или яйцѣ уже заключается организмъ со всѣми его формами; историческое движеніе или развитіе—дѣло куда болѣе сложное, не могущее быть сведеннымъ къ одному какому-либо началу.

Научной исторіологіи нужно совсѣмъ покончить съ исканіемъ общаго закона исторіи въ смыслѣ ли плана, выполняемаго исторіей, или лежащей въ ея основѣ „сущности". Равнымъ образомъ, на почвѣ научнаго пониманія законосообразности исторіологія должна отказаться отъ исканія такой общей формулы хода исторіи, пригодной для всѣхъ странъ и народовъ, которая напоминала бы физическій законъ паденія тѣлъ или порядокъ, въ какомъ совершается органическій ростъ живыхъ существъ извѣстнаго вида. Разсматривая исторію, какъ движеніе („историческое движеніе"), мы должны помнить, что пользуемся въ данномъ случаѣ метафорическимъ выраженімъ, и что здѣсь нѣтъ такой единой движущей силы, какъ въ случаѣ паденія тѣла, нѣтъ единой точки, въ движеніи къ которой заключается самое паденіе. Понимая, далѣе, историческій процессъ, какъ эволюцію, мы не должны увле-

каться біологической аналогіей и переносить на человѣческое общество то, что есть въ организмѣ и чего нѣтъ въ обществѣ. Соціальные аггрегаты не родятся отъ другихъ такихъ аггрегатовъ со вложенными въ нихъ задатками, предначертывающими то, какъ будетъ аггрегатъ развиваться, повторяя все, что переживали родители, дѣды, прадѣды, цѣлый рядъ предковъ.

Въ каждомъ обществѣ заключается великое множество реальныхъ силъ, производящихъ историческое движеніе, и отъ количества и качества этихъ силъ,—въ послѣднемъ анализѣ, отдѣльныхъ его членовъ, — зависитъ само движеніе, какъ, съ другой стороны, конечно, и отъ разныхъ условій, очень неодинаковыхъ для отдѣльныхъ обществъ. Каждое общество образуется изъ своихъ первичныхъ элементовъ, отдѣльныхъ людей, а не выростаетъ изъ зерна или изъ яйца съ извѣстными задатками, опредѣляющими его будущія формы, стадіи развитія этихъ формъ и всю послѣдовательность его жизненныхъ процессовъ: внутренній строй общества, его размѣры, измѣненія, въ немъ происходящія, и т. п., вовсе не даны ему искони въ томъ, что можно назвать его эмбріономъ, а зависятъ отъ множества условій, въ какія жизнь ставила общество. Органическое развитіе есть развитіе изнутри, лишь бы извнѣ ему ничто не мѣшало,—развитіе, идущее аналитическимъ путемъ, какъ раскрытіе изначала въ него вложеннаго содержанія, общественное же развитіе идетъ путемъ синтетическимъ, путемъ сложеній, наростаній, усложненій, измѣненій извнѣ, къ числу каковыхъ относятся и обновленіе его состава постоянными рожденіями и смертями, и умноженіе его членовъ, или ростъ населенія, являющіеся результатами не самой соціальной эволюціи, какъ таковой, а результатами чисто біологическаго процесса. Это все равно, какъ если бы въ данное общество съ извѣстнымъ строемъ и укладомъ жизни приходили

новые члены извнѣ (а другіе изъ него уходили бы) и число приходящихъ превышало бы число уходящихъ въ зависимости отъ причинъ, вовсе не лежащихъ въ самомъ обществѣ. Аналитичность развитія отдѣльныхъ организмовъ и синтетичность развитія отдѣльныхъ обществъ составляютъ весьма большую разницу: въ жолудѣ заключенъ весь будущій дубъ, съ его корнями, стволомъ, вѣтвями, листвой, общества же подобны постепенно ростущимъ и пріобрѣтающимъ новыя формы кристаламъ, а что̀ дастъ процессъ кристализаціи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, это будетъ зависѣть не только отъ качества кристализующагося вещества, но и отъ его количества, и еще отъ условій внѣшней среды.

Изученіе фактической исторіи показываетъ, что дѣло обстоитъ именно такъ. И въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ объектомъ единичное лицо, мы различаемъ въ его жизни все, происходящее съ нимъ въ силу законовъ его роста и развитія, и то, что составляетъ результаты его внѣшней судьбы. Каждая біографія складывается изъ элементовъ этихъ двухъ категорій, и если жизнь человѣка, какъ организма, можетъ быть подведена подъ общую для всѣхъ людей формулу, то разнообразіе личныхъ судебъ столь велико, что общей біографической формулы никогда не выведешь. Внѣшнія условія въ жизни народовъ и ихъ историческія судьбы играютъ еще болѣе рѣшающую роль.

Всѣмъ предыдущимъ я хотѣлъ только сказать, что нѣтъ историческихъ законовъ въ смыслѣ общихъ шаблоновъ, по которымъ протекала бы историческая жизнь отдѣльныхъ народовъ. Она слишкомъ различно обусловлена въ каждомъ случаѣ, дабы можно было говорить о какомъ-либо ея единообразіи вездѣ и всегда. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы не было общихъ законовъ развитія не общества, взятаго, какъ нѣкоторое цѣлое, а извѣстныхъ сторонъ общественной жизни, представляю-

щихъ собою болѣе простыя, не столь сложныя явленія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ существуютъ нѣкоторыя формулы, которымъ нельзя отказать въ извѣстномъ научномъ значеніи — въ качествѣ, именно, общихъ схемъ развитія отдѣльныхъ элементовъ культуры.

Таково, наприм., прежде всего, значеніе той формулы, которую Контъ принималъ за основной законъ всей исторіи. Онъ думалъ, что по созданной имъ схемѣ шло развитіе всего человѣчества, когда правильнѣе было бы примѣнить ее къ исторіи отдѣльныхъ народовъ, и что въ этой формулѣ ключъ для пониманія всей общественной эволюціи, когда, въ сущности, она, формула эта, касается только одной умственной сферы. Контъ полагалъ, что основной процессъ, отъ котораго зависятъ всѣ другіе, совершается въ области ума, идей, міропониманія, и что каждому умственному состоянію соотвѣтствуютъ особые вожди общества, какъ духовные, такъ и свѣтскіе. На первой ступени развитія умъ человѣческій объясняетъ себѣ окружающія его явленія непосредственнымъ дѣйствіемъ въ нихъ особыхъ сверхъестественныхъ агентовъ, и Контъ назвалъ эту ступень теологической; на второй ступени, метафизической, явленія природы объясняются нѣкоторыми отвлеченными сущностями, лежащими въ ихъ основѣ; третья ступень, позитивная, характеризуется отказомъ отъ познанія сущности вещей ради открытія законовъ, управляющихъ явленіями. Въ этой формулѣ вѣрно схваченъ основной процессъ развитія міропониманія, и Контъ очень логично въ соотвѣтствіе съ тремя указанными фазисами отмѣтилъ смѣну въ духовномъ руководительствѣ обществомъ жрецовъ — философами и философовъ — учеными. Но онъ захотѣлъ пойти дальше и найти, что и въ другой сторонѣ общественнаго бытія, практической, каждая ступень имѣетъ тоже своихъ вождей, каковыми у него на первой ступени являются воины, на второй юристы, на третьей

промышленники. Зависимость практической сферы отъ теоретической у Конта осталась недоказанной, и никакой логики въ томъ, чтобы жрецамъ соотвѣтствовали воины, конечно, нѣтъ. Въ частной области умственнаго развитія формула Конта является замѣчательнымъ обобщеніемъ, вполнѣ притомъ понятнымъ и простымъ, хотя и требующимъ оговорки въ томъ смыслѣ, что не все общество переходитъ съ одной ступени на другую, а только его— я не сказалъ бы: вожди, но лишь умственные верхи, думать же, что въ этой формулѣ должно содержаться основное объясненіе всей общественной эволюціи, какъ совокупности всѣхъ результатовъ перехода съ одной ступени на другую въ области міропониманія, думать такъ значитъ слишкомъ упрощать и притомъ совершенно произвольно такую сложную вещь, какъ историческій процессъ. Научная исторіологія должна указать „основному закону" Конта болѣе скромное мѣсто общей схемы интеллектуальной эволюціи, совершающейся въ человѣческихъ обществахъ, т. е. мѣсто формулы, въ которой замѣчательно вѣрно схвачена общая тенденція умственнаго развитія и идущаго впередъ міропониманія. Рядомъ съ этой формулой могутъ быть и другія, резюмирующія основныя тенденціи развитія въ другихъ сферахъ исторической жизни. У духовной жизни человѣка—свои задачи, у политической или экономической—свои, и однѣ изъ другихъ не вытекаютъ, что и не позволяетъ намъ какую-нибудь одну изъ нихъ принимать за основную, другія за производныя.

Мы сейчасъ увидимъ, что другой позитивный мыслитель, Спенсеръ, иначе понялъ основу общественной эволюціи, принявъ за таковую развитіе общественной организаціи. Для Спенсера всякая эволюція — гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было—заключается въ интеграціи цѣлаго, сопровождаемой дифференціацiей частей, будетъ ли то образованіе солнечной системы, или развитіе органи-

ческой жизни на землѣ, или исторія человѣческихъ обществъ. Процессъ интеграціи состоитъ въ бо́льшемъ и все бо́льшемъ сплоченіи въ одно цѣлое первоначально разрозненныхъ элементовъ, процессъ дифференціаціи — въ образованіи все бо́льшаго различія между отдѣльными частями этого цѣлаго, въ началѣ болѣе однородными [1]). Этотъ общій законъ всякой эволюціи тоже представляетъ собою замѣчательную общую формулу, но видѣть въ ней ключъ ко всѣмъ замкамъ, которыми замкнуты истины естествознанія и исторіи, значитъ опять принимать лишь одну изъ сторонъ дѣйствительности за ея основу, отъ которой зависятъ всѣ остальныя. Въ формулѣ Спенсера вѣрно схвачена только одна сторона общественной эволюціи, та сторона, у которой въ обществѣ наибольшее количество аналогичныхъ чертъ съ организмомъ: это — цѣльность общества и взаимозависимость его частей, строеніе общества и выполненіе отдѣльными его органами спеціальныхъ функцій, равно какъ тенденція къ усиленію этой взаимозависимости и къ увеличенію спеціализаціи отдѣльныхъ элементовъ. Ни политическая интеграція, однако, ни соціальная дифференціація не заключаютъ въ себѣ основы, напр., того процесса въ умственной сферѣ, какой имѣется въ виду „основнымъ закономъ“ Конта, какъ, въ свою очередь, и этотъ послѣдній не содержитъ въ себѣ ничего, что могло бы обосновать интеграцію цѣлаго, сопровождаемую дифференціацией частей.

Обѣ формулы, контовская и спенсеровская, оба эти эволюціонные закона содержатъ въ себѣ указанія не на то, какъ протекаетъ исторія каждаго народа, а на то, въ чемъ заключается развитіе двухъ сторонъ культурной жизни, съ чего оно начинается, куда, если можно такъ выразиться, стремится, т.-е. въ какомъ направленіи

---

[1]) Введеніе въ изученіе соціологіи, гл. IV.

идетъ, и какіе еще этапы, при всемъ томъ, проходитъ. Такой же характеръ имѣютъ и другія общія формулы эволюціоннаго содержанія. Возьмемъ, наприм., ту, которую пустилъ въ оборотъ не такъ давно нѣмецкій экономистъ Карлъ Бюхеръ и которая интересна еще въ томъ отношеніи, что ее въ исторической наукѣ непосредственно стали примѣнять и что по поводу этого примѣненія возникла полемика, не мало нашумѣвшая среди историковъ. Бюхеръ исходитъ изъ политико-экономическихъ понятій производства и потребленія матеріальныхъ благъ, видя въ томъ и другомъ два момента, исходный и конечный, разстояніемъ между которыми, такъ сказать, опредѣляется степень экономическаго развитія. На раннихъ ступеняхъ быта продукты потребляются въ тѣхъ же хозяйствахъ, въ которыхъ производятся, но на дальнѣйшихъ ступеняхъ оба момента разъединяются, и чѣмъ длиннѣе и сложнѣе путь, который матеріальныя блага проходятъ между моментами производства и потребленія, тѣмъ выше ступень экономическаго развитія. Бюхеръ въ своей теоріи устанавливаетъ три главныя ступени экономической эволюціи: это — стадіи хозяйствъ домашняго („ойкоснаго“), городского и народнаго (національнаго). На первой ступени продукты потребляются въ томъ же хозяйствѣ, гдѣ были произведены, будетъ ли этимъ хозяйствомъ крестьянскій дворъ или крѣпостное помѣстье, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ это — хозяйства замкнутыя. На второй ступени мы имѣемъ дѣло уже съ рядомъ хозяйствъ цѣлаго округа, у котораго есть свой особый центръ—городъ: то, что производится въ одномъ хозяйствѣ, потребляется въ другомъ, но интенсивный обмѣнъ продуктами экономической дѣятельности совершается на сравнительно небольшомъ пространствѣ городского округа. Когда вступаютъ между собою въ общеніе такіе городскіе округа цѣлой страны, начинается народное хозяйство,

въ которомъ путь, проходимый продуктами отъ момента производства до момента потребленія становится еще болѣе длиннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе сложнымъ. Территоріей дѣятельнаго обмѣна становится цѣлая страна, въ него втягивается хозяйство цѣлой націи. Можно идти и далѣе: въ настоящее время существуетъ терминъ и „міроваго хозяйства“.

Бюхеръ не удовольствовался созданіемъ этого теоретическаго построенія, но и примѣнилъ его къ пониманію экономическаго прошлаго Европы. Здѣсь онъ повторилъ ошибку Конта, который всю исторію передовой части человѣчества распредѣлилъ между своими тремя фазисами, всю древность и средніе вѣка отнесши къ теологической степени, а новое время къ метафизической, начавшей уступать свое мѣсто новому, позитивному моменту, тогда какъ прохожденіе трехъ фазисовъ можно наблюдать уже въ одной Греціи, а въ средневѣковой и новой Европѣ усмотрѣть повтореніе такого же процесса. Равнымъ образомъ, и формула Бюхера можетъ быть примѣнена къ исторіи каждой отдѣльной страны, гдѣ только происходилъ или происходитъ описанный имъ процессъ, но Бюхеръ примѣнилъ свою формулу къ цѣлому европейской исторіи, записавъ всю древность и бо̀льшую часть среднихъ вѣковъ на ступень ойкоснаго хозяйства [1]), XII—XVI вѣка̀ пріурочивъ къ хозяйству городскому и указавъ на XVII в., какъ на эпоху наступленія хозяйства національнаго. Противъ этого историческаго построенія Бюхера во̀зсталъ извѣстный историкъ древняго міра Эд. Мейеръ, и возникшее между ними разногласіе обратило на себя большое вниманіе историковъ [2]). Позиція

---

[1]) Ойкосъ—греческое слово (οἶκος), что значитъ домъ.

[2]) Ср. стр. въ главѣ въ моей книгѣ „Государство-городъ античнаго міра“, но особеннно см. книгу проф. И. М. Гревса „Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія, преимущественно въ эпоху имперіи“.

Бюхера напоминаетъ, какъ было указано, позицію Конта, тогда какъ Мейеръ сталъ на точку зрѣнія Вико о повторяемости одного и того же процесса въ исторіи разныхъ странъ. Входить въ существо этого спора здѣсь не мѣсто, теоретическій же вопросъ о продолженіи или повтореніи исторіями однихъ странъ исторіи другихъ мы отложимъ до одной изъ послѣднихъ главъ настоящей книги.

Относительно формулы Бюхера я хочу сказать еще и другое. Выше было отмѣчено, что между формулами Конта и Спенсера нѣтъ ничего общаго; наоборотъ, бюхеровскую можно тѣсно связать со спенсеровскою. Англійскій соціологъ, говоря объ интеграціи и дифференціаціи общества, имѣлъ въ виду преимущественно полититическій и соціальный строй, образованіе болѣе крупныхъ государственныхъ тѣлъ изъ болѣе мелкихъ и разслоеніе общества на классы съ разными функціями въ жизни послѣдняго, Бюхеръ же изображаетъ ту же интеграцію, но только въ сферѣ экономической, объединеніе „ойкосовъ" въ городскіе округа, городскихъ округовъ въ національныя хозяйственныя единицы, причемъ интеграція сопровождается дифференціацiей и между городомъ и его сельскимъ округомъ, и между земледѣльческими и промышленными районами одной и той же страны. Политическая интеграція и интеграція экономическая, нужно замѣтить, часто между собою не совпадаютъ: государственно можетъ быть объединена страна, части которой между собою хозяйственно очень мало связаны, и, наоборотъ, экономическая связь можетъ быть очень тѣсна между самостоятельными политическими организмами [1]).

Послѣднее замѣчаніе даетъ поводъ указать еще на

(1899) и статью мою о ней въ „Рус. Бог." за 1900 г., а также статью проф. М. И. Ростовцева „Капитализмъ въ древнемъ Римѣ".

[1]) См. гл. 4 въ моей книгѣ „Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра".

одну особенность историческаго развитія. Разлагая развитіе это, взятое въ его цѣломъ, на рядъ развитій частныхъ (экономическое, юридическое, политическое, религіозное, художественное и пр. и пр.), для каждаго изъ нихъ мы можемъ установить свою общую формулу, да такія формулы отдѣльными науками и вырабатываются,— удачно или нѣтъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, другой вопросъ [1]). Очень часто эти формулы указываютъ опредѣленно на отдѣльные этапы эволюціи, какъ у Конта или у Бюхера; вотъ здѣсь и возникаетъ вопросъ, соотвѣтствуютъ ли болѣе или менѣе строго этапы одной эволюціи этапамъ другой.

Если бы правъ былъ Вико или Контъ, видѣвшій въ своей формулѣ основной законъ историческаго развитія, несомнѣнно, долженъ былъ бы существовать строгій параллелизмъ между отдѣльными ступенями разныхъ эволюцій, т.-е. опредѣленной экономической формѣ соотвѣтствовали бы столь же опредѣленныя формы политическія, художественныя, религіозныя и т. п., и эволюція разныхъ сторонъ исторической жизни шла бы равнымъ шагомъ, pari passu. На самомъ дѣлѣ этого, однако, не наблюдается, и тамъ, гдѣ можно констатировать прохожденіе отдѣльными народами однѣхъ и тѣхъ же ступеней указанныхъ эволюцій, совершается оно неодинаково, неравномѣрно, неодновременно: одно другимъ опережается, одно отъ другого отстаетъ, и продолжительность пребыванія

1) Напр., Контъ далъ свою формулу религіознаго развитія въ послѣдовательности фетишизма, политеизма и монотеизма. Нерѣдко формулы, бывшія въ свое время очень популярными, потомъ отвергались. Напр., въ теоріи словесности долго было принято, что въ развитіи поэзіи сначала возникаетъ эпосъ, потомъ лирика и послѣ всего драма. Теперь это ученіе оставлено. Такая же судьба должна постигнуть и ученіе о послѣдовательности рабства, крѣпостного состоянія и свободнаго найма, о чемъ см. въ моемъ „Государствѣ-городѣ“, гл. XII.

на той или другой стадіи въ разныхъ случаяхъ бываетъ разная.

Покойный Н. К. Михайловскій, критикуя ученіе Спенсера объ эволюціи, совѣтовалъ отличать отъ *ступеней* развитія, т.-е. отъ того, что выше у насъ называлось фазисами, стадіями, этапами, *типы* развитія, и это различіе особенно нужно имѣть въ виду въ исторіологіи. Отдѣльныя общества вообще пріобрѣтаютъ тѣ или другія формы въ зависимости отъ условій своего существованія. Когда эти условія одинаковы или приблизительно одинаковы, получаются болѣе или менѣе сходныя формы, получаются общественныя организаціи одного и того же типа, а если условія ихъ существованія остаются прежнія, то можно ожидать, что эти общества и въ своемъ развитіи будутъ проходить болѣе или менѣе одинаково черезъ однѣ и тѣ же ступени. На этомъ и основана возможность типологическаго изученія исторіи отдѣльныхъ обществъ, о которомъ рѣчь шла уже въ моей „Теоріи историческаго знанія“ [1]). Чѣмъ мельче, чѣмъ проще и элементарнѣе общественные аггрегаты, каковы первобытныя орды, родовые союзы, кланы, сельскія общины, феодальныя сеньёріи, даже государства-города и т. п., или чѣмъ болѣе раннія ступени развитія мы наблюдаемъ, тѣмъ намъ легче подводить эти общества подъ типологическія рубрики и дѣлать суммарныя характеристики ихъ эволюціи. Наоборотъ, чѣмъ крупнѣе аггрегатъ, чѣмъ больше мелкихъ аггрегатовъ онъ въ себѣ поглотилъ, чѣмъ сложнѣе его структура, тѣмъ болѣе въ немъ оказывается чисто индивидуальныхъ чертъ, тѣмъ своеобразнѣе его развитіе и тѣмъ болѣе трудною, тѣмъ менѣе возможною дѣлается типологизація такихъ общественныхъ организацій. Тутъ каждая соціальная индиви-

[1]) Глава XI. Ср. также мою брошюру „Типологическая и всемірно-историческая точка зрѣнія въ изученіи исторіи“ (1905) и мои „Типологическіе курсы“.

дуальность, каждая нація, каждое государство, получаетъ свой особый характеръ, имѣетъ свой собственный типъ, какъ общій результатъ очень сложной, одинъ разъ только здѣсь такимъ образомъ сложившейся комбинаціи пластическихъ элементовъ, весьма притомъ многочисленныхъ и разнообразныхъ, и подъ вліяніемъ массы условій, только здѣсь данныхъ намъ въ такомъ, а не иномъ сочетаніи. Самое большее, что тутъ можетъ сдѣлать наука, это отнюдь не подведеніе эволюціи даннаго общества во всемъ ея объемѣ подъ какую-либо общую формулу, въ которой укладывались бы эволюціи и ряда другихъ обществъ, а анализъ образующихъ элементовъ и опредѣляющихъ условій съ цѣлью познанія, въ порядкѣ законосообразности, ихъ значенія въ созданіи общаго результата. Если одинаковыя условія оказываютъ на развитіе одни и тѣ же вліянія, то не нужно забывать, что совершенно одинаковыя условія, въ какія бываютъ поставлены крупные общественные аггрегаты, встрѣчаются крайне рѣдко, и что комбинаціи даже одинаковыхъ условій всегда отличаются крайнимъ разнообразіемъ.

Весь фактическій матеріалъ, которымъ оперируетъ историческая наука, заставляетъ теорію историческаго процесса идти не по пути монизма, выводящаго все изъ одного начала, а по пути плюрализма, видящаго во всемъ множественность элементовъ. Недавно подъ знамя „монистическаго взгляда“ на исторію была поставлена еще одна общая формула историческаго развитія съ всеобъемлющимъ значеніемъ основного закона соціальной эволюціи [1]). Если Контъ основной источникъ историческихъ перемѣнъ усматривалъ въ естественной эволюціи міро-

---

[1]) Имѣю въ виду книгу Бельтова „Монистическій взглядъ на исторію“, разобранную мною въ „Старыхъ и новыхъ этюдахъ объ экономическомъ матеріализмѣ“, гл. 12 (стр. 146 и слѣд. по изданію въ III т. „Собранія сочиненій“).

пониманія, т.-е. въ умственной сферѣ, въ идеологіи, то, какъ извѣстно, Марксъ предложилъ искать этотъ источникъ въ развитіи производственныхъ отношеній, т.-е. въ сферѣ хозяйственной, въ той же самой, которую имѣлъ въ виду и Бюхеръ, не распространившій, впрочемъ, свою формулу на другія области жизни. Основная точка зрѣнія созданнаго Марксомъ ученія экономическаго матеріализма извѣстна [1]): базисъ всякой общественной структуры составляютъ производственныя отношенія, а все остальное въ обществѣ (право, государство, религія и т. д.) представляетъ собою только надстройку, связанную со своимъ базисомъ такъ тѣсно, что происходящія въ немъ перемѣны отражаются и на перемѣнахъ, испытываемыхъ надстройкою. Это, дѣйствительно, исторіологическій монизмъ, не отвергающій, конечно, вліянія внѣшнихъ условій, даже подчеркивающій ихъ значеніе для производственныхъ отношеній и все-таки приводящій всѣ частныя эволюціи, какія совершаются въ обществѣ, къ одному источнику.

У Маркса есть своя общая формула общественной эволюціи. Если ограничить ея примѣненіе только тою сферою жизни, къ которой она относится (какъ мы это сдѣлали съ основнымъ закономъ Конта), то ближайшимъ образомъ эта формула касается экономической сферы и въ частности эволюціи въ отношеніяхъ членовъ общества къ орудіямъ производства. Исходнымъ пунктомъ этой эволюціи является для Маркса первобытный коммунизмъ, второю ступенью— все время существованія частной собственности, третья же, чаемая ступень, это—возвращеніе къ коммунизму, но уже преображенному началами, которыя создаетъ вторая ступень. Когда-то совершилась вездѣ экспропріація меньшинствомъ большинства, которое современемъ само экс-

---

[1]) См. гл. 6 въ только-что указанной книгѣ (стр. 42 и слѣд. въ III т. „Собр. соч.“) и гл. 6 „Введенія въ изученіе соціологіи“.

пропріируетъ экспропріировавшихъ. Извѣстнаго рода ожиданія относительно будущаго есть и у Конта, и у Спенсера, въ указанномъ же пророчествѣ состоитъ особенность формулы Маркса, ея явное происхожденіе изъ діалектическаго метода метафизики Гегеля, подъ вліяніемъ которой началось философское мышленіе самого Маркса.

Гегель понималъ всякое развитіе, какъ своеобразный діалектическій процессъ, т.-е. заимствовалъ свой принципъ изъ логической сферы, понявъ при этомъ процессъ развитія понятія, какъ необходимо совершающійся путемъ возникновенія противорѣчій и ихъ примиренія. Исходнымъ пунктомъ здѣсь является извѣстное положеніе (тезисъ), которое на второй ступени (антитезисъ) переходитъ въ свою противоположность, пока на третьей ступени, на ступени синтезиса, не снимется противорѣчіе двухъ первыхъ ступеней, и мы не вернемся къ исходному пункту, но уже обогащенному пріобрѣтеніемъ, сдѣланномъ на второй ступени. Утвержденіе, отрицаніе и отрицаніе отрицанія, таковъ діалектическій методъ, такова абстрактная формула, которую Марксъ наполнилъ матеріалистическимъ, вѣрнѣе— экономическимъ содержаніемъ: первобытный коммунизмъ— тезисъ, господство частной собственности — антитезисъ, соціалистическій строй въ будущемъ — синтезисъ, отрицаніе отрицанія, возвращеніе къ коммунизму, но уже со всѣми экономическими пріобрѣтеніями, сдѣланными на второй ступени, при господствѣ частной собственности. Съ этими апріорными соображеніями и съ этими чаяніями относительно будущаго Марксъ соединилъ еще нѣкоторыя болѣе конкретныя формулировки того, какъ совершается экономическій процессъ. Послѣдній онъ изучилъ на примѣрѣ Англіи, но для того, чтобы именно въ этой странѣ экономическій процессъ получилъ такой, а не иной характеръ, нужна была извѣстная совокупность условій. Формула, выводимая на основаніи данныхъ одной страны,

все-таки отражаетъ на себѣ условія этой страны, аналогичные же процессы въ другихъ странахъ будутъ происходить, что называется, такъ да не такъ, а въ иныхъ случаяхъ извѣстные процессы могутъ и совсѣмъ не наступать, когда для этого нѣтъ въ наличности надлежащихъ условій.

Общій ходъ исторіи каждой страны, типъ культурной эволюціи, въ ней совершающейся, зависятъ не отъ дѣйствія какого-либо общаго закона, управляющаго послѣдовательностью событій въ жизни народа, которыми опредѣляются его судьбы, и направляющаго извѣстнымъ образомъ развитіе его внутреннихъ отношеній,—такого закона вовсе и нѣтъ,—а отъ особыхъ въ каждомъ случаѣ условій, въ какихъ приходится жить и дѣйствовать тому или другому народу. Мѣсто представленія объ единомъ законѣ, являющагося наслѣдіемъ или идеи о провиденціальномъ планѣ, предначертанномъ для исторіи, или метафизическаго понятія о сокровенной сущности исторіи и т. п., въ научной исторіологіи должна занять мысль о различной и многообразной обусловленности исторіи, о законахъ, управляющихъ отдѣльными категоріями тѣхъ условій, въ какихъ живутъ и дѣйствуютъ народы, о своеобразной каждый разъ обусловленности дѣйствія и тѣхъ общихъ законовъ развитія отдѣльныхъ сторонъ матеріальнаго, духовнаго и общественнаго быта, которые познаются сравнительнымъ изученіемъ историческихъ фактовъ. Общая законосообразность всего совершающагося проявляется различно и многообразно въ зависимости—въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ—отъ данныхъ условій своего проявленія и, въ сущности, сводится къ порожденію тѣми же или сходными причинами тѣхъ же или сходныхъ слѣдствій, причемъ комбинаціи этихъ причинъ варіируются до безконечности. Каждая новая комбинація опредѣляющихъ условій даетъ въ результатѣ и новую комбинацію слѣдствій. Однородные и постоянно

повторяющіеся элементы подчинены дѣйствію общихъ законовъ, но то, что изъ этихъ элементовъ слагается, выходитъ уже разнымъ, разъ они, эти элементы, комбинируются сколько-нибудь неодинаково.

Отдѣльные народы, во-первыхъ, живутъ въ неодинаковыхъ географическихъ условіяхъ, да и каждая отдѣльная страна можетъ представлять здѣсь и тамъ большее или меньшее топографическое разнообразіе. Во-вторыхъ, человѣчество не является чѣмъ-то однороднымъ по своимъ прирожденнымъ физическимъ и психическимъ свойствамъ, дѣлясь не только на такія расы, какъ бѣлая, желтая, черная и т. д., но и на меньшія этническія группы, представляющія собою разные типы человѣческой природы. Въ-третьихъ, въ созданіи тѣхъ условій, въ какихъ приходится исторически жить отдѣльнымъ народамъ, участвуетъ еще и сама исторія и притомъ не только самихъ этихъ народовъ, но и ихъ сосѣдей. Каждая частная исторія есть равнодѣйствующая трoякаго рода условій— географическихъ (топографическихъ), антропологическихъ (этническихъ) и собственно историческихъ (культурныхъ и прагматическихъ), иначе говоря, условій физическихъ, біологическихъ и социально-психическихъ.

Значеніе и первыхъ, и вторыхъ, и третьихъ въ исторической жизни человѣчества можетъ и должно быть предметомъ особаго изслѣдованія, но въ такомъ общемъ трудѣ, какъ настоящая книга, о каждой изъ этихъ категорій можетъ быть сказано только самое главное и необходимое. Общему ихъ обзору и посвящаются три слѣдующія главы, въ которыхъ по указанной причинѣ, конечно, читатель и не долженъ искать исчерпывающаго этотъ сложный вопросъ разсмотрѣнія.

IV. Вліяніе географическихъ условій на исторію.

Принимаемымъ исторіологіей тремъ категоріямъ условій, въ которыхъ долженъ протекать каждый историческій процессъ, соотвѣтствуютъ въ политической экономіи силы природы (земля), дѣятельность людей (трудъ) и результаты прежняго труда (капиталъ), какъ необходимые факторы производства. Если въ ученіи о распредѣленія политическая экономія и различаетъ ренту отъ земли, плату за трудъ и прибыль съ капитала, это еще не значитъ, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можно было точно сказать, какая доля продукта произведена природою, какая работою человѣка и какая орудіями, безъ которыхъ данная работа была бы немыслима. Три фактора производства, это не слагаемыя, дающія общую сумму, а множители общаго произведенія, и сочетаніе ихъ подобно не механической смѣси, а химическому соединенію. И въ исторіи совокупное дѣйствіе условій географическихъ, антропологическихъ и собственно историческихъ (культурно-соціальныхъ или соціологическихъ) даетъ извѣстные результаты, въ которыхъ трудно различить непосредственное дѣйствіе каждаго фактора въ отдѣльности. Локомотивъ везетъ поѣздъ, и въ этой машинѣ, приводящей въ движеніе поѣздъ мы можемъ различать и механическія ея части, и сгорающее въ ней топливо, и нагрѣваемую послѣднимъ воду, но вычислить доли дѣйствія желѣза, огня и пара въ движеніи поѣзда значило бы признать возможность отдѣльнаго дѣйствія каждой изъ этихъ трехъ вещей. Это не тройка лошадей, запряженныхъ въ одну повозку: каждая лошадь и одна, пожалуй, могла бы везти повозку, а когда ихъ три, можно сказать, какая лошадь

въ общей упряжи сильнѣе тянетъ, но ни машина сама по себѣ, ни топливо, въ отдѣльности взятое, ни одна вода, налитая въ паровой котелъ локомотива, не могли бы, разумѣется, ничего сдвинуть съ мѣста.

Другую аналогію съ тремя категоріями условій каждаго историческаго процесса, взятаго въ его цѣломъ, представляютъ собою извѣстныя три понятія общей теоріи государства: территорія, населеніе и власть. Безъ этихъ трехъ элементовъ не можетъ существовать государства, какъ не можетъ быть и исторіи безъ страны, въ которой она совершалась бы, безъ народа, который бы ее дѣлалъ, и безъ организаціи, которая придавала бы единство и территоріи, и ея населенію. Географическія, антропологическія и собственно историческія условія жизни народовъ находятся между собою въ такомъ же тѣсномъ взаимодѣйствіи, какъ и тѣ факторы или элементы, которые принимаются общими теоріями народнаго хозяйства или государства. Во всѣхъ трехъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ гетерогенными, т.-е. неоднородными условіями, факторами, элементами, какъ бы мы ни называли то, что имѣемъ сейчасъ въ виду. Здѣсь нѣтъ ничего похожаго,—возвращаясь къ сдѣланному уже сравненію,—на тройку лошадей, везущихъ экипажъ, нѣтъ трехъ отдѣльныхъ, но однородныхъ силъ, соединенныхъ вмѣстѣ для приведенія въ движеніе экипажа, и въ этомъ заключается трудность задачи опредѣленія въ исторіи того, что въ каждомъ случаѣ выпадаетъ на долю той или другой категоріи условій, находящихся между собою во взаимодѣйствіи. Это не $a + b + c$, сумма которыхъ возрастала бы въ зависимости хотя бы неодинаковаго, но равномѣрнаго возрастанія каждаго изъ слагаемыхъ, а множители $a . b . c$, произведеніе которыхъ возрастаетъ отъ крайне неравномѣрнаго возрастанія каждаго изъ множителей, вмѣстѣ взятыхъ.

После этихъ общихъ замѣчаній, касающихся всѣхъ трехъ категорій условій, въ какихъ вообще совершается всякая исторія, перейдемъ къ разсмотрѣнію категоріи, поставленной нами на первомъ мѣстѣ.

Мысль объ обусловленности народнаго характера или народнаго быта окружающею природною средою имѣетъ очень древнее происхожденіе. Ранѣе всего въ данномъ отношеніи было обращено вниманіе на различіе климатовъ, въ какихъ живутъ отдѣльные народы, и на этотъ счетъ кое-какія соображенія высказывались еще древними [1]). Не излагая здѣсь всей исторіи этого вопроса, я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ наиболѣе извѣстныхъ ея моментахъ съ XVIII в.

Очень долгое время, когда заходила рѣчь о вліяніи природы на жизнь народа, на передній планъ выдвигалось обыкновенно именно различіе климатическихъ условій, такъ что явилась возможность обобщать ученіе о вліяніи природной среды на исторію подъ названіемъ „теоріи климата“. Здѣсь, прежде всего, должно быть названо имя Монтескьё, автора „Духа Законовъ“ (1748), настойчиво проводившаго мысль о прямой зависимости разныхъ явленій въ культурной и соціальной жизни народовъ отъ климата населяемыхъ ими странъ, причемъ дѣло не обошлось безъ общаго преувеличенія и частныхъ натяжекъ. Не одинъ климатъ, разумѣется, имѣетъ значеніе, но и другія географическія условія, да и вліяніе климата болѣе тонко и неуловимо, чѣмъ это казалось Монтескьё. Гораздо шире и основательнѣе понималъ эти отношенія въ томъ же XVIII вѣкѣ Гердеръ въ своихъ „Идеяхъ о философіи исторіи человѣчества“ (1784), гдѣ обращено было вниманіе на другіе также ингредіенты географической среды,

[1]) О. В. Ф. И., т. II, кн. III. гл. 4 (по третьему, однотомному изд. гл. 14).

кромѣ климата. Но особенныя услуги разработкѣ вопроса оказалъ знаменитый географъ Карлъ Риттеръ, классическій трудъ котораго „Землевѣдѣніе въ его отношеніи къ природѣ и къ исторіи человѣка" (1817—1818), къ сожалѣнію, остался не оконченнымъ. Не только географы, среди которыхъ возникла цѣлая „риттеровская школа", но и историки долгое время находились подъ вліяніемъ воззрѣній Риттера на взаимныя отношенія географіи и исторіи. Въ серединѣ XIX вѣка много шума надѣлала „Исторія цивилизаціи въ Англіи" Бокля (1858—1861), развившаго въ этой книгѣ цѣлую теорію вліянія природы на исторію.

Вторая глава перваго тома труда Бокля, заключающая въ себѣ около восьмидесяти страницъ [1]), посвящена разсмотрѣнію „вліянія законовъ природы на устройство общества и характеръ отдѣльныхъ лицъ", и въ ней доказывается тотъ тезисъ, что „человѣкъ подвергается вліянію четырехъ разрядовъ естественныхъ дѣятелей: климата, пищи, почвы и общаго вида природы". Особенно интересенъ вопросъ о вліяніи общаго вида природы на воображеніе и разумъ, т.-е. на человѣческую психику, а черезъ нее на религію, искусство и литературу. Какъ климатъ, пища и почва, по мнѣнію Бокля, главнымъ образомъ, вліяютъ на накопленіе и распредѣленіе богатствъ, такъ и „общій видъ природы дѣйствуетъ на накопленіе и распредѣленіе мыслей". При этомъ Бокль между естественными факторами этого рода вообще различаетъ дѣйствующіе на воображеніе и дѣйствующіе на чисто-логическую дѣятельность человѣческаго ума. Извѣстна параллель, которую онъ здѣсь проводитъ между миѳологіями и поэтическими произведеніями Индіи и Греціи, между природою первой, „вну-

[1]) Имѣю въ виду русск. пер. Бестужева-Рюмина и Тиблена (Спб. 1863), въ первомъ томѣ котораго указанная глава занимаетъ стр. 29—112.

шающею страхъ", и природою второй, поселяющею „довѣріе". Нельзя не прибавить ко всему сказанному, что въ частностяхъ, затронутыхъ Боклемъ, немало натяжекъ, являющихся результатомъ его желанія свести къ непосредственному вліянію естественныхъ факторовъ какъ можно бо́льшаго количества культурно-историческихъ явленій.

Слѣдующимъ важнымъ авторомъ, писавшимъ по вопросу и оказавшимъ своими взглядами большое вліяніе на другихъ ученыхъ, былъ Ратцель, „Антропогеографія" котораго (1882 и 1892) заключаетъ въ себѣ много оригинальныхъ мыслей. Недавно въ духѣ идей Ратцеля одна англійская писательница, Ellen Churchill Semple, написала большую книгу, содержащую въ себѣ около 700 страницъ, подъ заглавіемъ „Вліянія географической среды" [1]). Въ ней разсматриваются „географическіе факторы въ исторіи", распредѣленные между разными категоріи (топографическія условія, климатическія и т. п.) съ подробнымъ разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ сторонъ каждаго класса географическихъ вліяній.

Говоря вообще о вліяніи географической среды на исторію, нужно, конечно, расчленять эту среду на отдѣльные элементы.

Возьмемъ, прежде всего, климатъ, на значеніе котораго раньше всего было обращено вниманіе историковъ. Самый климатъ опредѣляется, на первомъ мѣстѣ, большею или меньшею отдаленностью страны отъ экватора, затѣмъ высотою ея надъ уровнемъ моря и наконецъ близостью ея къ морю или, наоборотъ, отдаленностью отъ него. Мы не можемъ представить себѣ возникновенія цивилизаціи въ странахъ, близкихъ къ полярному кругу, гдѣ-нибудь на берегахъ Невы или Сѣверной Двины, какъ зародилась

[1]) The influences of Geographic Environment.

историческая жизнь въ долинахъ Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга или Янцекіанга, лежащихъ въ однихъ и тѣхъ же широтахъ. То, что самые ранніе историческіе народы жили именно въ названныхъ мѣстахъ, что первыя цивилизаціи возникли подъ данными широтами, указываетъ на важное значеніе климатическихъ условій въ самомъ фактѣ начала того, что мы называемъ исторіей. Въ ранніе періоды исторической жизни человѣчества распространеніе цивилизаціи шло изъ странъ болѣе теплыхъ въ болѣе холодныя, изъ Египта и Ассиро-Вавилоніи въ южные полуострова Европы, оттуда тоже къ сѣверу въ извѣстной постепенности — за Рейнъ и Дунай сначала, позднѣе за Нѣмецкое и Балтійское моря, къ „гипербореямъ“. Однако, возможность распространенія цивилизаціи подъ всѣми широтами указываетъ на то, что климатъ не имѣетъ какого-то безусловнаго, фатальнаго значенія. Когда цивилизація распространилась на страны съ болѣе умѣреннымъ климатомъ, чѣмъ тамъ, гдѣ она возникла, стали даже говорить о преимуществѣ для нея какъ-разъ умѣреннаго климата, особенно когда самыя раннія цивилизаціи склонились къ упадку. Въ самой Европѣ въ настоящее время наиболѣе цивилизованные народы живутъ сѣвернѣе, а не южнѣе Пиренейскихъ и Альпійскихъ горъ. Климатическія условія, конечно, могутъ быть или больше, или меньше благопріятными для культурной жизни, но часто самыя благопріятныя условія парализуются другими, а съ неблагопріятными люди борются тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе развивается культурная жизнь. Египетъ и Ассиро-Вавилонія находились въ условіяхъ очень благопріятныхъ для возникновенія въ нихъ цивилизацій „высокой марки“, но другія обстоятельства отбросили обѣ страны далеко назадъ въ общемъ поступательномъ движеніи цивилизаціи и привели ихъ не только къ застою, но и къ регрессу. Съ увеличеніемъ власти чело-

вѣка надъ природою значеніе климатическихъ различій, сохраняющихъ свое прежнее дѣйствіе въ однихъ отношеніяхъ, въ другихъ уменьшается, и подъ вліяніемъ дѣятельности человѣка самый климатъ можетъ мѣняться отъ вырубки лѣсовъ, отъ осушки болотъ и т. п. Конечно, количества солнечныхъ свѣта и тепла, выпадающихъ на долю разныхъ широтъ, человѣкъ измѣнить не можетъ, но если бы, напр., осуществились мечты объ искусственномъ отклоненіи Гольфштрема отъ его пути въ Атлантическомъ океанѣ или о превращеніи части Сахары въ большое внутреннее море, то получились бы даже и очень крупные климатическіе результаты въ зависимости отъ дѣятельности человѣка.

Въ климатическихъ вліяніяхъ на человѣческую жизнь тоже нужно различать и различать. Эти вліянія могутъ оказываться непосредственно на самомъ человѣкѣ, какъ на животномъ организмѣ, что входитъ въ компентенцію антропологіи. Здѣсь мы имѣемъ дѣло, въ сущности, со спеціальнымъ вопросомъ большой трудности, который отчасти относится къ предмету и слѣдующей главы. Въ частности, нельзя не отмѣтить вліяніе географическихъ широтъ на психику, на настроеніе, на всю жизнедѣятельность населенія странъ подъ разными широтами. Гдѣ, тепло, тамъ въ то же время и свѣтло, много солнца, много красокъ, возбуждающихъ нервную систему, создающихъ жизнерадостное настроеніе. Гдѣ холодно, тамъ и солнца мало, мало свѣта, мало красокъ, и даже само лѣто у „печальныхъ пасынковъ природы“—только „каррикатура южныхъ зимъ“. Климатъ не только извѣстнымъ образомъ дѣйствуетъ на физику и психику людей, тѣмъ самымъ такъ или иначе вліяя на проявленія ихъ дѣятельности, но обусловливаетъ и потребности людей, и способы удовлетворенія этихъ потребностей. Чѣмъ южнѣе страна, тѣмъ менѣе приходится заботиться ея жителямъ о пищѣ, одеждѣ

и жилищѣ. Болѣе холодный климатъ требуетъ болѣе обильнаго питанія,—въ частности, напр., употребленія въ пищу мяса,—требуетъ болѣе разнообразной и, между прочимъ, болѣе теплой одежды, требуетъ, наконецъ, отопленія жилья, а между тѣмъ на сѣверѣ природа не такъ щедро вознаграждаетъ трудъ человѣка, и все это оказываетъ извѣстное дѣйствіе на экономическую сторону жизни. Обычное времяпрепровожденія людей тоже находится въ зависимости отъ климата. Короткое лѣто на сѣверѣ заставляетъ сосредоточивать всѣ сельско-хозяйственныя работы въ сравнительно короткомъ періодѣ времени. на страдной порѣ, что неизвѣстно на югѣ, гдѣ работа въ полѣ распредѣляется на протяженіи болѣе продолжительнаго времени и сверхъ того еще человѣкъ не обреченъ на продолжительное зимнее бездѣлье. Весною и лѣтомъ интенсивная работа, затѣмъ осеннее ненастье и наконецъ зимняя стужа мѣшаютъ на сѣверѣ постоянному общенію между людьми, которое съ наибольшею рельефностью проявляется въ такъ называемой уличной жизни южныхъ городовъ. Въ неуловимыхъ чертахъ и это сказывается на человѣческой психикѣ, на ихъ дѣятельности на образѣ жизни людей.

Въ разныхъ мѣстахъ одной и той же страны, въ горахъ и болѣе низкихъ мѣстахъ климатъ тоже бываетъ разнымъ, и это также отражается на занятіяхъ, привычкахъ и т. п. жителей.

Сказаннаго о климатѣ для нашей общей цѣли достаточно. Переходимъ къ другимъ элементамъ природной среды, вліяющимъ на человѣческую жизнь: къ почвѣ, къ флорѣ, къ фаунѣ. Есть старая формула о трехъ послѣдовательныхъ ступеняхъ образа жизни—охотничьемъ (звѣроловномъ), пастушескомъ (скотоводческомъ) и земледѣльческомъ, иначе говоря бродячемъ, кочевомъ и осѣдломъ. Теперь этой формулѣ уже не придается прежняго зна-

ченія, поскольку занятія жителей страны и переходъ ихъ отъ однихъ занятій къ другимъ зависятъ не отъ какого-либо общаго закона, подобнаго закону метаморфозы насѣкомыхъ, а отъ условій, представляемыхъ мѣстностью. Звѣроловъ не превращается непремѣнно въ скотовода, а скотоводъ въ земледѣльца, какъ червячекъ въ куколку, а куколка въ бабочку; нужно считаться и съ условіями мѣста жительства людей. Вѣдь такъ же оставлена мысль о непреложной послѣдовательности каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ въ эволюціи молотковъ, топоровъ, ножей и стрѣлъ, потому что не вездѣ могла быть мѣдь, и гдѣ ея не было, отъ камня прямо переходили къ желѣзу.—Условія фауны, флоры и почвы, конечно, играютъ большую роль въ установленіи занятій жителей страны и образа ихъ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ эти условія не отличаются такимъ же постоянствомъ, какое присуще условіямъ климатическимъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ наклоненію оси земного шара къ плоскости его орбиты при годовомъ движеніи вокругъ солнца. Подъ рукою человѣка окружающая его природа постоянно принимаетъ новый видъ. Осушаются болота, вырубаются лѣса, распахиваются естественные луга, истребляются дикіе звѣри и птицы, сѣются новыя растенія, разводится скотъ, даже искуственно создаются новыя породы домашнихъ животныхъ и т. п., по временамъ же, когда въ силу историческихъ условій ослабляется и падаетъ культурная дѣятельность населенія,—какъ это было, напр., въ Германіи середины XVII в. вслѣдствіе тридцатилѣтней войны,—наоборотъ, вырастаютъ лѣса тамъ, гдѣ были пашни, и размножаются волки, истребляющіе скотъ сельскихъ жителей.—Почвенныя условія, отъ которыхъ зависятъ и флора, и фауна, разумѣется, играютъ большую роль. Громадныя пространства бываютъ заняты солончаками, песками, каменистыми пустынями или болотами, и

далеко не всегда удается человѣку ихъ утилизировать, но за то тамъ, гдѣ почва особенно плодородна, создаются большія скопленія людей. Историческая жизнь зачиналась не только въ опредѣленныхъ широтахъ, но вдобавокъ еще въ мѣстахъ съ особенно плодородною почвою. Въ тѣхъ же широтахъ, гдѣ находятся долины Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга или Янцекіанга, есть и безплодныя пустыни, отдѣляющія одна отъ другой эти рѣчныя долины съ ихъ замѣчательно плодородною почвою, гдѣ за удовлетвореніемъ первыхъ потребностей человѣка получался избытокъ, дававшій средства для обогащенія жизни новыми стремленіями. Земледѣліе начинается на лучшихъ земляхъ и только постепенно переходитъ на худшія, требующія больше труда и дающія меньше дохода. Однако, не одни условія почвы опредѣляютъ собою то, что вырастаетъ на ней, между прочимъ, вырастаетъ и въ буквальномъ смыслѣ. То, что Гердеръ сказалъ о климатѣ, который не принуждаетъ, а только склоняетъ, можно повторить и о почвенныхъ условіяхъ. Извѣстная въ исторіи Англіи эпоха превращенія пахотныхъ полей въ пастбища — прекрасная иллюстрація къ этому афоризму. Одной и той же землей можно пользоваться разно, и какъ люди извлекаютъ изъ нея свои доходы зависитъ отъ многихъ условій. Въ „Курсѣ русской исторіи“ покойнаго Ключевскаго есть одно мѣсто, которое никогда не слѣдуетъ забывать при обсужденіи вопроса о вліяніи природы страны на ея исторію.

Говоря о „своеобразномъ сочетаніи дѣйствовавшихъ въ нашей исторіи условій народной жизни“, историкъ, между прочимъ, отмѣтилъ, что расположеніе русскихъ рѣкъ „сдѣлало внѣшнюю торговлю господствующей силой въ народномъ хозяйствѣ“ въ приднѣпровской черноземной области, гдѣ сосредоточена была масса населенія въ началѣ русской исторіи. Потомъ подъ давленіемъ степ-

ныхъ кочевниковъ, мѣшавшихъ этой торговлѣ, „главная масса русскаго населенія передвинулась въ область верхней Волги на алаунскій суглинокъ. Удаленіе отъ приморскихъ рынковъ ослабило внѣшній сбытъ и сократило лѣсную промышленность, а это привело къ тому, что хлѣбопашество стало основой народнаго хозяйства. Такъ случилось, заключаетъ Ключевскій, что на открытомъ днѣпровскомъ черноземѣ Русь усиленно эксплуатировала лѣсныя богатства и торговала, а на лѣсистомъ верхневолжскомъ суглинкѣ стала усиленно выжигать лѣсъ и пахать“ [1]).

Отъ условій почвенныхъ прямой переходъ къ подъпочвеннымъ, къ „нѣдрамъ“, тоже оказывающимъ вліяніе на исторію странъ, обладающихъ полезными ископаемыми. Своимъ промышленнымъ развитіемъ новѣйшая Англія обязана богатымъ залежамъ желѣзной руды и каменнаго угля, и этотъ же примѣръ показываетъ, что наличность въ странѣ извѣстныхъ произведеній природы можетъ оставаться до поры, до времени безъ всякаго вліянія на жизнь ея жителей и, слѣдовательно, на ея исторію.

Различіе почвенныхъ условій въ одной и той же странѣ (или въ сосѣднихъ странахъ) является причиною той дифференціаціи, которая происходитъ между отдѣльными мѣстностями. Чѣмъ однообразнѣе страна, тѣмъ однообразнѣе и жизнь ея населенія. Различіе внѣшнихъ

---

[1]) Курсъ русской исторіи (М. 1904), ч. I, стр. 19. На аналогичный примѣръ ссылается въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи Греціи“ (стр. 2—3) проф. Випперъ, по поводу географическихъ условій греческой исторіи. Въ одной бразильской области (св. Павла) есть обширныя чрезвычайно плодородныя равнины, пригодныя для хлѣбопашества, но „условія торговли и особенно сбыта въ Европу привели къ тому, что эта огромная территорія исключительно занята кофейными плантаціями“, и, несмотря на нездоровый климатъ, область привлекаетъ массу народа, получающаго здѣсь хорошіе заработки. Авторъ называетъ это „географической несообразностью“.

условій отражается и на различіи въ образѣ жизни, и на самомъ характерѣ жителей. Равнина и горы, степь и лѣсъ, внутренность страны и прибрежная полоса создаютъ даже особые типы въ одномъ и томъ же народѣ. Возьмемъ въ древней Греціи Аѳины и Спарту, морскую и сухопутную державы, какъ мы теперь выражаемся. Были писатели, объяснявшіе рѣзкія различія, наблюдаемыя между аѳинянами и спартанцами тѣмъ, что одни принадлежали къ іонійскому племени, другіе—къ дорійскому, имѣвшимъ будто бы различныя прирожденныя каждому изъ нихъ свойства, но дѣло объясняется просто—различіемъ топографическихъ условій жизни.

Кромѣ Монтескьё, Гердера, Риттера, Бокля и т. д., оставившихъ каждый свой слѣдъ въ исторіи вопроса о вліяніи географическихъ условій на исторію, былъ еще одинъ писатель, нашъ соотечественникъ Левъ Мечниковъ [1]), который тоже сдѣлалъ свой вкладъ въ разработку вопроса и теорія котораго, изложенная въ книгѣ „Цивилизація и великія историческія рѣки" (1889) заслуживаетъ вниманія. Сущность взгляда Мечникова заключается въ томъ, что древнѣйшія цивилизаціи были рѣчныя, возникшія въ бассейнахъ „великихъ историческихъ рѣкъ", каковы уже перечислявшіеся выше Нилъ, Тигръ, Евфратъ и т. д., что слѣдующій періодъ исторіи принадлежалъ морскимъ цивилизаціямъ, начиная съ финикійской и греческой на Средиземномъ морѣ и кончая средневѣковьемъ, и что нынѣ человѣчество находится уже въ третьемъ періодѣ—океаническомъ. Это построеніе Мечникова есть своего рода общій взглядъ на всемірно-историческое распространеніе цивилизаціи изъ замкнутыхъ рѣчныхъ областей на всю сушу земного шара, омываемую океа-

---

[1]) Братъ знаменитаго бактеріолога.

нами, но въ этомъ взглядѣ есть и элементы чисто исторіологическаго значенія.

Вода играетъ громадную роль и въ жизни природы, и въ исторіи. Я не буду говорить здѣсь о значеніи воды съ точки зрѣнія ея вліянія на климатъ и почву или доставленія ею людямъ рыбной пищи и другихъ нужныхъ имъ предметовъ и т. п., а остановлюсь лишь на водныхъ путяхъ сообщенія, тоже входящихъ въ категорію географическихъ условій исторіи. Раньше чѣмъ человѣкъ рискнулъ плавать по морямъ, онъ плавалъ по рѣкамъ. Нилъ не только увлажнялъ и оплодотворялъ иломъ почву Египта и доставлялъ жителямъ этой страны рыбную пищу, но и служилъ путемъ сообщенія между отдѣльными частями царства фараоновъ. У египтянъ было подъ бокомъ море, но они весьма продолжительное время, такъ сказать, стояли къ нему спиною и не пробовали довѣрять свои суда его волнамъ. Древняя египетская цивилизація, говоря словами Мечникова, была цивилизація рѣчная. Обладаніе большою рѣкою составляетъ вообще одно изъ очень важныхъ географическихъ условій, какія только бываютъ у страны, если эта рѣка можетъ служить путемъ сообщенія, водною торговою дорогою. Извѣстно, какое громадное значеніе принадлежало въ ср. вв. торговому пути по Рейну и Дунаю: не даромъ по этой линіи расположились наиболѣе важные имперскіе города Германіи. Другой примѣръ беру изъ нашей отечественной исторіи — знаменитый великій водный путь изъ Варягъ въ Греки, на которомъ, собственно говоря, и началось наше историческое существованіе. Рѣчные бассейны, кромѣ того, составляли естественные районы начальнаго политическаго объединенія странъ, и одна конфигурація великой восточно-европейской равнины съ рѣками, текущими изъ центра къ периферіи, указываетъ на то, что здѣсь самою природою была приготовлена территорія для одного большого государства.

Рѣки соединяють, горы раздѣляютъ. Правда, рѣки иногда разсматриваются, какъ „естественныя границы“ между государствами, но въ большинствѣ случаевъ народы стремятся обладать обоими берегами рѣки. Горы—болѣе естественныя границы отдѣльныхъ странъ, но за то, если въ горахъ есть проходы, послѣдніе получаютъ особое значеніе и вліяютъ на исторію прилежащихъ мѣстностей. Одному изъ горныхъ проходовъ въ Альпахъ на торговомъ пути изъ Германіи въ Италію, какъ извѣстно, и обязанъ образованіемъ перваго своего зерна Швейцарскій союзъ. Въ общемъ, повторяю, горы разъединяютъ, и если равнинность страны способствуетъ образованію въ ней единаго государства, то замкрутость горныхъ долинъ и котловинъ благопріятствуетъ мѣстной независимости. Вспомнимъ, прежде всего древнюю Грецію съ ея многочисленными, очень долго независимыми государствами-городами.

Торговыя отношенія и военные походы относятся къ раннимъ періодамъ исторіи, и въ этомъ отношеніи географическія условія, представляемыя разными странами, были очень неодинаковы. Долины Нила и Тигра съ Ефратомъ не такъ разъединены между собою, какъ съ Индіей, и потому послѣдняя долго не входила съ ними въ сношенія, но за то Сирія, лежащая между Египтомъ и Месопотаміей, испытала на себѣ, что̀ значитъ находиться между молотомъ и наковальней. Историческія судьбы еврейскаго народа прямо зависѣли отъ его положенія между двумя могущественными государствами. И въ другихъ странахъ можно указать привычные пути, по которымъ двигались—даже не торговые караваны или войска завоевателей, а цѣлые народы, какъ то было въ теперешней южной Россіи, долго бывшей мѣстомъ, черезъ которое проходили разные кочевники. Богатая почва этой полосы только много позднѣе стала производить большія количества хлѣба.

Разсматривая географическія условія исторіи какого-либо народа, нужно принимать въ расчетъ не только климатъ его страны, не только строеніе ея поверхности, орошеніе, почву, флору, фауну ея и т. д., но и ея положеніе среди другихъ странъ, сосѣднихъ съ нею, мѣсто ея на томъ или другомъ материкѣ или ея островное положеніе, вообще или континентальный, или морской ея характеръ. Значеніе прибрежнаго — у морей — или островного положенія, значеніе обладанія морскимъ берегомъ, а на немъ удобными гаванями, значеніе развитой береговой линіи, значеніе рѣкъ, впадающихъ въ открытыя моря, значеніе проливовъ, соединяющихъ два моря, все это — такія общеизвѣстныя вещи, о которыхъ распространяться не сто́итъ. Мечниковъ былъ правъ, начавъ періодъ морскихъ цивилизацій съ появленія финикійскихъ, а потомъ и греческихъ кораблей на Средиземномъ морѣ. Есть въ исторіи приморскихъ странъ нѣкоторыя общія черты, отличающія ее отъ исторіи странъ сухопутныхъ, будетъ ли идти рѣчь о противоположности такихъ маленькихъ государствъ, какъ Аѳины и Спарта или Англія и Россія. Все, конечно, здѣсь нужно брать сравнительно и относительно. Азія и особенно Африка, взятыя каждая въ своемъ цѣломъ, имѣютъ болѣе континентальный характеръ, нежели Европа; Западная Европа—болѣе морской характеръ, нежели восточная и т. п. Сравнительно съ другими морями на всемъ земномъ шарѣ, ни одно такъ глубоко не врѣзывается въ материкъ, не расчленяется такъ, благодаря полуостровамъ, далеко выступающимъ въ море, и мысамъ, между которыми образуются заливы, и ни одно поэтому не имѣетъ такой развитой береговой линіи, какъ Средиземное море съ его, въ сущности, частями, какими являются моря Адріатическое, Мраморное, Черное и Азовское. Недаромъ оно съ окружающими его странами Азіи, Африки и Европы сдѣлалось главнымъ

театромъ такъ называемой древней исторіи. Сѣверный берегъ Африки, благодаря ему, всегда былъ болѣе связанъ съ южнымъ побережьемъ Европы, нежели съ внутренностью своего материка, какъ и у берега Малой Азіи была гораздо бóльшая связь съ Балканскимъ полуостровомъ, чѣмъ со своимъ собственнымъ hinterland'омъ. Въ средніе вѣка къ этому историческому морю прибавилось въ Европѣ два новыхъ „средиземныхъ" же моря — Нѣмецкое съ Балтійскимъ, оба на сѣверѣ, и по странамъ между старымъ Средиземнымъ моремъ и этими обоими новыми пролегли главные торговые пути, пока открытіе Америки и морского пути въ Индію не положили начала новымъ большимъ воднымъ сообщеніямъ. Послѣ этого особенно выгоднымъ географическимъ положеніемъ сдѣлалось поближе къ Атлантическому океану.

Географическія условія опредѣляли и опредѣляютъ собою не только внутреннюю исторію отдѣльныхъ странъ, но и исторію взаимныхъ отношеній между народами и государствами, равно какъ пути торговли, завоеваній, переселеній и колонизаціи. Созданное и, пожалуй, могшее быть созданнымъ только въ однихъ географическихъ условіяхъ распространялось потомъ по другимъ странамъ, акклиматизировалось въ другихъ географическихъ условіяхъ. Цивилизація какъ бы переселялась съ мѣста на мѣсто, и отвѣка существовавшими географическими условіями тѣ или другія явленія иногда вызывались очень поздно. Средневѣковая Англія оставалась земледѣльческой страной, не смотря на свой каменный уголь, на свое желѣзо, на свое положеніе у Атлантическаго океана. А въ другихъ случаяхъ природныя условія страны оставались прежнія, но у ея исторіи уже не было прежняго блеска, когда-то созданнаго этими самыми условіями.

Стремленіе все объяснять въ исторіи однимъ вліяніемъ — условіями, заключающимися во внѣшней природѣ, приво-

дило къ своего рода натуралистическому фатализму. Противъ „теоріи климата“ давно уже стали раздаваться голоса, и, напримѣръ, ставился вопросъ, почему на малоазіатскомъ берегу Эгейскаго моря когда-то процвѣтали философія, наука, поэзія, искусства, а теперь царитъ грубое варварство. Вѣдь климатъ и другія природныя условія здѣсь остались тѣ же, а между тѣмъ того, что было прежде, давнымъ—давно уже нѣтъ. И многіе стали отвѣчать на этотъ вопросъ указаніемъ на то, что прежде этимъ побережьемъ съ сосѣдними островами владѣли греки, теперь владѣютъ турки: дѣло, значитъ, не во внѣшней природѣ, а въ качествахъ населенія, въ принадлежности его къ болѣе благородной или къ менѣе благородной расѣ.

V. Значеніе въ исторіи прирожденныхъ свойствъ расы.

Если сравнить исторію какого-нибудь народа съ разыгрываемою на театральной сценѣ пьесою, то страна, гдѣ совершается исторія, со всѣми своими климатическими, оро- и гидрографическими и всякими иными условіями, остающимися въ большинствѣ случаевъ неизмѣнными,—во всякомъ случаѣ очень постоянными,—можетъ быть уподоблена сценѣ съ ея декораціями и всею обстановкою. Осѣдлая жизнь обусловливаетъ единство мѣста пьесы, въ разыгрываніи которой участвуетъ—въ разныхъ роляхъ—все населеніе страны. Актеры, однако, не остаются одни и тѣ же на протяженіи всей пьесы. Ежегодно, даже ежедневно однихъ похищаетъ смерть, они уходятъ со сцены, другіе родятся, для того, чтобы со временемъ вступить въ дѣятельную жизнь даннаго общества. Беря болѣе продолжительные промежутки времени, мы видимъ, что изъ

старыхъ исполнителей на сценѣ никого уже нѣтъ: разъигрываютъ пьесу уже новые актеры, изъ которыхъ постоянно одни тоже постепенно уходятъ и къ которымъ непрерывно прибавляются свѣжія силы. Параллельно съ ходомъ пьесы, съ происходящимъ въ странѣ историческимъ процессомъ, идетъ другой процессъ, смѣна поколѣній народа, работа Рожденія и Смерти, процессъ біологическій. Но біологическій процессъ совершается еще и между рожденіемъ и смертью каждаго отдѣльнаго участника,—хотя бы въ роли статиста,—исторической драмы: молодое растетъ, старое старится, и каждый участникъ такого театральнаго представленія не остается неизмѣнною фигурою за все время своего нахожденія на сценѣ.

Сцена остается неизмѣнною въ томъ видѣ, какъ ее создала природа, и развѣ какія-либо детали на ней мѣняются, но въ персоналѣ исполнителей пьесы происходитъ постоянное и непрерывное обновленіе, своего рода va-et-vient, которое статистики не даромъ называютъ движеніемъ населенія. Движеніе населенія есть явленіе не соціологическаго, а біологическаго порядка, какъ бы ни были велики соціальныя вліянія на это біологическое явленіе. Количество жителей страны не остается неизмѣннымъ изъ цифры въ цифру: оно увеличивается или, наоборотъ, уменьшается, — одна черная смерть XIV в. въ иныхъ странахъ похитила, какъ думаютъ, треть населенія, да и тридцатилѣтняя война обезлюдила многія мѣстности Германіи. Ростъ населенія, результатъ чисто біологическаго процесса, идущаго рядомъ съ процессомъ историческимъ, т. е. съ культурно-соціальнымъ, даже является однимъ изъ важнѣйшихъ условій движенія исторической жизни впередъ. Нарождаются лишніе рты, которые требуютъ пищи, но нарождаются и новыя руки, могущія работать, а какъ то, такъ и это не позволяетъ народу коснѣть на одномъ и томъ же укладѣ народнаго хозяйства.

Въ населеніи страны постоянно измѣняется и составъ его, и его численность, представляющіеся намъ поэтому въ непрерывномъ движеніи. Но въ каждомъ народѣ, при всемъ этомъ, нѣчто остается неизмѣннымъ, постояннымъ, или мѣняющимся столь медленно и незамѣтно, что нужны очень большіе промежутки времени для обнаруженія совершившихся перемѣнъ: остаются неизмѣнными отличительные физическіе и психическіе признаки народа, передающіеся путемъ органической наслѣдственности отъ одного поколѣнія другому, изъ рода въ родъ. Какъ природа страны, остающаяся сравнительно неизмѣнною, такъ и біологическая наслѣдственность, поддерживающая въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ народа единство типа, является факторомъ исторической устойчивости, факторомъ консервативнымъ. Вообще, физическія и психическія качества населенія такъ же, какъ и окружающая его природа, несомнѣнно, должны оказывать вліяніе на исторію, совершающуюся въ странѣ. Пьеса, разыгрываемая на исторической сценѣ, не есть что-либо напередъ сочиненное, а сочиняется тутъ же, во время разыгрыванія, самими актерами, а каковы актеры, такова и пьеса, то талантливая, то безталанная, то полная эффектныхъ моментовъ и быстрыхъ перемѣнъ, то, наоборотъ, сѣренькая и тягучая.

На любой исторической сценѣ, кромѣ людей мѣстнаго происхожденія и принадлежащихъ къ одной человѣческой породѣ, появляются, какъ извѣстно, въ большемъ или меньшемъ количествѣ люди со стороны, пришельцы и часто даже пришельцы другой породы, въ качествѣ ли мирныхъ переселенцевъ или завоевателей. Миграція племенъ, образованіе колоній изъ чужеземцевъ, завоеваніе страны другимъ народомъ съ разселеніемъ побѣдителей среди побѣжденныхъ и даже иногда съ истребленіемъ туземнаго населенія, все это — факты, слишкомъ извѣстные, чтобы о нихъ стоило распространяться. Вытѣсняется ли одинъ

народъ другимъ, смѣшивается ли съ нимъ, или рядомъ съ однимъ народомъ въ перемежку начинаетъ въ странѣ жить другой, въ составѣ населенія происходитъ извѣстное измѣненіе, которое не можетъ не отражаться на бытѣ, на исторіи. Въ жилахъ населенія или, по крайней мѣрѣ, его части течетъ новая кровь, не говоря уже о томъ, что съ новыми птицами начинаются и новыя пѣсни, занесенныя изъ другихъ странъ, гдѣ и природа другая, и люди другіе, да и исторія тоже другая. Изъ смѣшенія породъ, возникаютъ новыя породы, въ которыхъ все та же самая органическая наслѣдственность, охраняющая въ другихъ случаяхъ чистоту расы, закрѣпляетъ вновь образовавшіеся признаки, новый этнологическій типъ. Собственно говоря, ни одна историческая страна не сохранила въ чистотѣ свое исконное населеніе, и нѣтъ какихъ-либо народовъ одной расы, въ которой не существовало бы какой-нибудь примѣси.

Я не буду здѣсь входить въ подробности антропологическаго ученія о человѣческихъ расахъ. Что человѣчество въ своемъ составѣ заключаетъ очень несходныя между собою по разнымъ физическимъ признакамъ и психическимъ способностямъ группы племенъ, это не подлежитъ спору, но уже предметомъ спора является счетъ расъ, пять ли ихъ, какъ устанавливалъ Блюменбахъ, или только три основныя (бѣлая, желтая и черная), какъ въ серединѣ XIX в. настаивалъ Гобино, или ихъ больше, и чистыхъ, несмѣшанныхъ съ самаго начала было много, какъ утверждалъ Гумпловичъ и т. п., какъ споренъ еще и вопросъ о томъ, какіе физическіе признаки расъ нужно класть въ основу классификаціи—цвѣтъ ли кожи, строеніе ли черепа, или форму и расположеніе волосъ (волосы прямые, волнистые, кудрявые, шерстевидные и т. п.). Въ антропологіи на этотъ счетъ пока столько неяснаго, что окончательное рѣшеніе вопроса еще далеко впереди. Путемъ вліянія внѣшней природы, путемъ скрещиванія гетерогенныхъ этниче-

скихъ группъ, путемъ вліянія культурныхъ и соціальныхъ условій (образа жизни, занятій, способовъ воспитанія подростающихъ поколѣній, военной выправки и пр. и пр.) постоянно создаются, такъ сказать, новыя разновидности generis homo sapiens и переходныя формы отъ одной разновидности къ другой. Одинъ новѣйшій антропологъ, Деникеръ, въ своей книгѣ „Расы и народы земли", не такъ давно вышедшей въ свѣтъ [1]), даже прямо находитъ ненужнымъ сохранять въ примѣненіи къ человѣческому роду понятія вида или расы, т. е. породы. Видъ и разновидность — понятія, которыми пользуется зоологія, говоря о животныхъ, ведущихъ вольную, естественную жизнь, а породами называютъ разновидности домашнихъ животныхъ, искусственно созданныя людьми, къ человѣку же это непримѣнимо. Правда, самъ названный ученый все-таки дѣлитъ родъ человѣческій по тѣлеснымъ признакамъ на расы, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на необходимость строго отличать отъ такихъ людскихъ породъ этническія группы, объединяющіеся признаками культурнаго характера.

Однимъ изъ такихъ признаковъ является языкъ. Извѣстно, что языкъ считается главнымъ объективнымъ признакомъ принадлежности лица къ тому или другому народу. Такъ какъ нерѣдко различные языки, на которыхъ говорятъ цѣлыя группы народовъ, оказываются происходящими отъ одного общаго корня, то общее языковѣдѣніе (лингвистика) соединяетъ родственные языки въ семейства, подобно тому, какъ это дѣлается въ ботанической и зоологической классификаціяхъ по отношенію къ родственнымъ разновидностямъ или видамъ. На языкахъ одного изъ этихъ семействъ, такъ называемыхъ арійскихъ или индо-европейскихъ говорятъ народы, играющіе главную роль во все-

---

[1]) *Deniker.* Races et peuples de la terre (1900).

мірной исторіи, начиная съ греческой эпохи, а имъ предшествовали народы, говорившіе на языкахъ другой группы, называемой семитическою. Изъ происхожденія арійскихъ и семитическихъ языковъ отъ двухъ праязыковъ сдѣлано было заключеніе о происхожденіи всѣхъ народовъ обѣихъ группъ отъ двухъ пранародовъ, о существованіи двухъ расъ—семитической и арійской. Заключеніе это, конечно, не можетъ считаться вполнѣ вѣрнымъ. Гдѣ бы ни была прародина арійцевъ, разселеніе ихъ на широкомъ пространствѣ отъ Индійскаго океана въ Азіи до Атлантическаго океана въ Европѣ не могло не сопровождаться смѣшеніемъ арійцевъ съ автохтонами занимавшихся ими странъ. По языку великороссы—чистѣйшіе арійцы, но въ жилахъ ихъ течетъ немало финской крови, крови другой расы. Языки итальянскій, французскій, испанскій, португальскій, латинскій, румынскій происходятъ изъ языка латинскаго племени въ Италіи, въ области котораго возникъ Римъ, но это не значитъ, чтобы народы, говорящіе на названныхъ языкахъ, должны были всѣ считаться потомками римлянъ. Если въ жилахъ французовъ и есть доля римской крови, то еще больше въ нихъ крови галльской, не считая примѣсей франкской, бургундской и т. п. Когда мы говоримъ „романская раса“, „германская раса“, „славянская раса“, мы этимъ зачисляемъ тѣ или другіе народы по ихъ языкамъ въ извѣстныя лингвистическія группы, ничего этимъ не предрѣшая относительно тѣлесныхъ признаковъ этихъ народовъ (хотя таковые всетаки и оказываются).

Когда были приняты термины „народы арійской расы“ или „семитической расы“, обѣимъ расамъ стали приписывать извѣстныя врожденныя качества, одни—арійцамъ, другія семитамъ, и изъ этихъ качествъ выводить всѣ отличительныя черты исторіи тѣхъ и другихъ, сравнивать обѣ расы между собою въ отношеніяхъ религіозномъ, художествен-

номъ, философскомъ, политическомъ и т. п. и приходить къ формуламъ, въ которыхъ главное было въ указаніяхъ на противоположныя качества арійскаго и семитическаго „духа“: арійскій-де духъ объективенъ, семитическій субъективенъ; аріецъ—прирожденный политеистъ или пантеистъ, семитъ—прирожденный монотеистъ и пр. и пр. въ этомъ родѣ. Такія параллельныя характеристики мы находимъ у Ренана, у Карръера и другихъ писателей XIX в. Мною были уже подробно разобраны эти историко-философскія построенія въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“, къ которымъ интересующихся подробностями и отсылаю [1]). Съ точки зрѣнія фактической исторіи во всѣхъ этихъ историко-культурныхъ параллеляхъ, изложенныхъ въ довольно стройныхъ схемахъ, очень много интересной выдумки и до-нельзя мало духа научнаго изслѣдованія. Дать въ одной формулѣ характеристику психики и индійца, и перса, и грека, и римлянина, и новыхъ европейскихъ народовъ, а въ другой характеристику, подъ которую должны подойти и евреи временъ патріарховъ, судей или царей, и арабы эпохи Магомета, и современные бедуины, и, наконецъ, теперешніе евреи, это—довольно-таки рискованныя въ научномъ отношеніи предпріятія. И курьезнѣе всего, что по тому же трафарету составлялись параллельныя характеристики въ одной и той же арійской расѣ народовъ разнаго племени, наприм., грековъ и римлянъ, германцевъ и славянъ: и здѣсь устанавливалось различіе между „духомъ“ однихъ и другихъ. Мало того, шаблонъ иногда примѣнялся даже къ разнымъ мелкимъ дѣленіямъ одного и того же народа, и, наприм., между психикою іонянъ и дорянъ въ древней Греціи обнаруживали разницу не меньшую, нежели другіе находили между двумя великими историческими расами. Когда къ рѣшенію вопроса о при-

---

[1]) О. В. Ф. И., II, 198—219 (арійцы и семиты), во 2 изд. II, 296—308.

рожденной психикѣ расъ,—подъ которыми при растяжимости термина разумѣлись нерѣдко такія группы народовъ, какъ романская, германская и славянская, — примѣшивались еще патріотическія пристрастія, дѣло выходило уже совсѣмъ плохо [1]).

Семиты и арійцы игравшіе, какъ извѣстно, наиболѣе важную роль въ всемірной исторіи, входятъ въ составъ бѣлой расы,—расы исторической по преимуществу. Однако, историческая наука стала приходить къ выводу, что родоначальники цивилизаціи принадлежали къ расѣ желтой, той самой, которая, кромѣ того, создала Китай съ его стародавнею культурой и такъ шумно выступила на всемірно-историческое поприще въ лицѣ японцевъ уже совсѣмъ на нашихъ глазахъ. За границами этихъ расъ существуетъ еще масса народовъ и племенъ, коснѣющихъ на низшихъ ступеняхъ развитія, часто вполнѣ заслуживающихъ названіе народовъ дикихъ или первобытныхъ. Давно уже было принято дѣлить народы на историческіе и неисторическіе и соотвѣтственно съ этимъ раздѣлять человѣческія расы на высшія и низшія. Какіе-нибудь бушмены, папуасы, готтентоты — народы и неисторическіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ народы низшей расы. Однако, и предки нѣкоторыхъ цивилизованныхъ націй въ очень позднее время

[1]) Ср. въ „Теоріи историческаго знанія“ главу XVII („націонализмъ въ исторіи“). Самая тема о вліяніи происхожденія народа и прирожденныхъ ему свойствъ на его исторію меня лично давно интересовала. Въ 1876 г. по этому вопросу мною была напечатана въ „Филологическихъ Запискахъ“ статья „Расы и національности съ психологической точки зрѣнія“. Позднѣе я посвятилъ вопросу особый отдѣлъ въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“ (кн. III, гл. 4, по 3 изд. гл. 14). Къ этой же темѣ относится и моя статья „Теорія культурно-историческихъ типовъ“, представляющая собою разборъ извѣстной славянофильской книги „Россія и Европа“ Н. Я. Данилевскаго (эта статья перепечатана во II т. Собранія сочиненій. 1912).

еще находились въ первобытномъ или близкомъ къ первобытному состоянiи. Въ компетенцiю исторiи не входитъ рѣшать антропологическiй вопросъ, способны ли къ цивилизацiи низшiя расы, которыя можно называть и расами отсталыми въ духовномъ отношенiи, — памятуя притомъ, что предикатъ отсталости можно прилагать и ко многимъ элементамъ населенiя цивилизованныхъ странъ, къ тѣмъ слоямъ общества, которые еще коснѣютъ въ невѣжествѣ, и что въ людяхъ болѣе высокой культуры нерѣдко просыпается не только дикарь, но и звѣрь. Недавно французскiй ученый Фино, авторъ книги „Le préjugé de races“ (1905) выставилъ тезисъ, что, собственно, расъ высшихъ или низшихъ нѣтъ, и что все зависитъ отъ того, живутъ ли люди того или другого происхожденiя внутри культурныхъ влiянiй или, напротивъ, внѣ ихъ, и что культурное превосходство народовъ бѣлой расы обусловлено географическими и историческими обстоятельствами [1]). Вообще среди соцiологовъ то, что Фино называетъ „расовымъ предразсудкомъ“, не пользуется популярностью, и, напримѣръ, Спенсеръ въ своемъ построенiи эволюцiонной теорiи общества, совсѣмъ не принималъ въ расчетъ этотъ элементъ; такъ же поступаютъ и многiе другiе соцiологи.

Отсюда, впрочемъ, еще далеко до вывода, который былъ бы очевиднымъ отрицанiемъ дѣйствительности. Если нѣтъ чистыхъ расъ, то смѣшанныя все-таки остаются, и народы, къ нимъ принадлежащiе, обрѣтаются въ одну и ту же эпоху на разныхъ ступеняхъ чисто органической и психической эволюцiи, и каково бы ни было происхожденiе отдѣльныхъ народовъ и на какой ступени зоологическаго развитiя рода „homo sapiens“ они ни стояли бы, они не похожи одни на другiе, и это несходство проявляется въ ихъ исторiи. На народъ, живущiй въ извѣст-

[1]) Книга Фино есть въ русскомъ переводѣ.

ной странѣ, накладываетъ отпечатокъ сама эта страна, ея климатъ, пища, ею доставляемая, другія условія жизни, въ ней имѣющіяся, какъ накладываютъ свою печать и культурныя условія, создаваемыя исторіей, но не все же приходитъ извнѣ, да и не перестаетъ же дѣйствовать общій для всего органическаго міра законъ наслѣдственности, передача родителями дѣтямъ извѣстныхъ отличительныхъ физическихъ и психическихъ признаковъ, или, фигурально выражаясь, „кровь", текущая въ жилахъ даннаго народа. Народы бываютъ крѣпкіе, выносливые и слабосильные; дѣятельные, энергичные и пассивные и т. п., но не нужно приписывать той или другой крови качествъ, необходимыхъ для выполненія разныхъ историческихъ предназначеній. Въ нѣмецкой литературѣ высказывалось, напримѣръ, мнѣніе, что приходъ германцевъ въ Западную Римскую имперію влилъ въ одряхлѣвшее ея населеніе новую кровь, и что съ новою кровью въ жизнь западныхъ народовъ вошло новое начало — начало свободы, индивидуализма, спасшее-де міръ отъ разложенія и застоя. Да, отвѣчали на это нѣкоторые французы (напримѣръ, Литтре), но эта новая кровь была кровью низшаго сорта, потому что она текла въ жилахъ племени, стоявшаго на болѣе низкой ступени культурнаго развитія. Съ обѣихъ сторонъ, въ сущности, высказывались только не имѣющіе прочныхъ научныхъ основаній домыслы. Кровь, повторяю, имѣетъ, конечно, свое значеніе, ибо параллельно съ культурно-соціальною исторіей народа протекаетъ его біологическая исторія, исторія улучшенія или ухудшенія породы, и обѣ эти исторіи находятся во взаимодѣйствіи. Стоитъ только вспомнить, что рядомъ съ прогрессомъ существуетъ регрессъ, и что народы страдаютъ не только отъ физическихъ невзгодъ, создающихъ хроническія голодовки, или отъ эпидемій, уносящихъ массу жизней, но и отъ вырожденія, зависящаго отъ причинъ вполнѣ обще-

ственнаго характера (отъ нищеты и невѣжества, отъ эксплуатаціи дѣтскаго труда, отъ порочности и разврата среди людей, выбитыхъ изъ жизненной колеи и т. п.). Поскольку жизнь организмовъ извѣстнаго вида зависитъ отъ условій, въ которыя она поставлена, приходится и здѣсь считаться съ жизненными условіями и притомъ не только съ создаваемыми природою, но и съ создаваемыми исторіей. Люди не только родятся съ опредѣленными задатками, развитіе которыхъ зависитъ отъ условій, въ какихъ задаткамъ этимъ суждено проявляться, но и воспитываются извѣстнымъ образомъ, еще въ колыбели начиная воспринимать психическія вліянія со стороны окружающаго ихъ общества.

Педагоговъ въ старыя времена раздѣлялъ взглядъ на душу ребенка, или какъ на бѣлый листъ бумаги, на которомъ воспитатель можетъ писать все, что ему самому ни заблагоразсудится, или какъ на нѣчто такое, въ чемъ все заранѣе предрѣшено прирожденными свойствами. Исторіологическая теорія расы, какъ источника особенностей исторіи того или другого народа, въ своихъ крайнихъ выраженіяхъ стоитъ на второй точкѣ зрѣнія, въ сущности, отвергая творческую роль воспитанія, воспитательную роль самой исторіи. Въ этой теоріи — въ томъ видѣ, какъ ее примѣнялъ къ исторіи, напримѣръ, Ренанъ, — слышатся даже отголоски давнымъ-давно оставленной вѣры во врожденныя идеи. Особенно когда отъ разговоровъ о различной крови расъ съ приданіемъ послѣднему термину самаго неопредѣленнаго значенія (бѣлая раса, арійская раса, германская раса, англо-саксонская раса, гдѣ одна раса входитъ въ составъ другой) переходятъ къ понятію народнаго духа, изъ глубинъ котораго будто бы развивается, какъ нить изъ разматывающагося клубка, исторія народа, то въ историко-философскія построенія уже прямо вносится много метафизическихъ и мистическихъ элементовъ.

Тридцать лѣтъ тому назадъ въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“ мною по вопросу о вліяніи расы уже были высказаны взгляды, отъ которыхъ я не отказываюсь и теперь, и которыя поэтому позволяю себѣ здѣсь привести.

„Разсматривая теорію расы мы, собственно говоря, имѣемъ дѣло съ четырьмя основными положеніями, на которыхъ зиждется вся теорія. Коротко они могутъ быть формулированы такъ: 1) раса состоитъ ихъ однородныхъ особей, одаренныхъ специфическими качествами; 2) эти качества очень постоянны и 3) поддерживаются только органическою наслѣдственностью, и 4) потому признаки расы суть постоянно дѣйствующій историческій факторъ, дѣлающій возможными такія характеристики расъ, которыя объясняли бы въ общемъ всю ихъ исторію. Правда, эти тезисы ясно не выражены у писателей, принимающихъ теорію, но они, такъ сказать, подразумѣваются, и безъ нихъ историческія построенія, основанныя на объясненіи культуры и соціальныхъ формъ, равно какъ историческихъ судебъ разныхъ народовъ расовыми особенностями, не имѣли бы почти никакого смысла“ [1]).

Каждый изъ этихъ четырехъ пунктовъ былъ въ дальнѣйшемъ разсмотрѣнъ мною въ отдѣльности. По первому вопросу я пришелъ къ тѣмъ выводамъ, что „расы отличаются въ своихъ психическихъ особенностяхъ скорѣе количественно, чѣмъ качественно“, и что „типологическій составъ отдѣльныхъ расъ и народовъ крайне разнообразенъ“ [2]). Другими словами, однѣ и тѣ же стороны психики въ разныхъ расахъ находятся не на одинаковыхъ ступеняхъ развитія, причемъ въ каждой расѣ встрѣ-

[1]) О. В. Ф. И., II, 175—176 (по 1 изд.).
[2]) Стр. 182.

чаются люди очень различныхъ характеровъ, темпераментовъ, складовъ ума и т. п. „Все, сказано было дальше, что можно, пожалуй, утверждать, это—то, что есть расы и народы, въ которыхъ преобладаетъ одинъ какой-либо типъ надъ всѣми остальными и что одни, такъ сказать, монотипичнѣе, нежели другіе, т. е. однороднѣе по своему составу. Но и тутъ является возраженіе. Во-первыхъ, о преобладаніи какого-либо типа мы можемъ судить только по тому, какого склада люди первенствуютъ въ дѣятельности общества, задаютъ тонъ, какъ говорится, но изъ этого еще нельзя заключать, что людей этого типа непремѣнно больше въ обществѣ: задаваніе тона зависитъ отъ чисто историческихъ условій, кому дается большій просторъ для проявленія своихъ способностей, кого выкатываетъ наверхъ волна исторической жизни въ данный моментъ... Во-вторыхъ, народъ можетъ казаться монотипичнымъ при крайней простотѣ общественной жизни, когда нѣтъ подходящихъ условій для проявленія и развитія всѣхъ типовъ, изъ совокупности которыхъ народъ слагается. Обнаруженіе оригинальныхъ способностей индивидуума достигаетъ высшей степени въ личномъ творчествѣ. Но оригинальность есть признакъ извѣстной степени развитія. Низшая культура характеризуется необыкновеннымъ однообразіемъ личностей.“ Въ концѣ концовъ, „нѣтъ основаній предполагать, чтобы всѣ расы не были политипичны и чтобы встрѣчающіеся въ нихъ типы были существенно отличны въ разныхъ расахъ“ [1]).

Упорство, съ какимъ народы разныхъ расъ сохраняютъ свои отличительные признаки въ физическомъ отношеніи, не есть еще доказательство того, что и въ психикѣ ихъ царитъ такая же неизмѣнность. „Извѣстно, напр., что цивилизація измѣняетъ даже форму черепа, что по

[1]) Стр. 182—187.

мѣрѣ умственнаго развитія все болѣе и болѣе разнообразятся выраженія лица у индивидуумовъ болѣе развитаго племени... Понятно, что еще большее вліяніе цивилизаціи должно сказываться на духовной сторонѣ человѣка. Предполагая, что въ доисторическія времена сложилось и неравенство расъ въ духовномъ отношеніи, мы должны были бы, однако, къ вопросу о степени его постоянства примѣнить въ обратномъ смыслѣ то объясненіе, которое дается относительно постоянства физическаго типа: чѣмъ долѣе вырабатывался признакъ, и чѣмъ долѣе его закрѣпляла наслѣдственность, тѣмъ онъ прочнѣе. Дѣло въ томъ, что въ доисторическое время при большемъ однообразіи уклада и теченія культурной и соціальной жизни и не могло выработаться рѣзкихъ качественныхъ отличій между расами въ психилогическомъ отношеніи, а зная громадное вліяніе исторіи на духовную сторону человѣка и будучи поставлены въ необходимость признать весьма большую измѣнчивость народныхъ характеровъ подъ вліяніемъ исторіи, мы естественно приходимъ къ такому тезису: достаточно нѣсколькихъ столѣтій исторической жизни, чтобы пересоздать тѣ психическіе признаки отдѣльныхъ группъ человѣчества, зародыши которыхъ — и только зародыши — могли быть выработаны тысячелѣтіями доисторическихъ временъ. Другими словами, если приходится рѣшать вопросъ, что постояннѣе въ человѣчествѣ—физическіе или психическіе типы, мы, конечно, рѣшимъ вопросъ этотъ не въ пользу послѣднихъ. Развѣ мы не видимъ, что въ предѣлахъ одной и той же расы духовныя особенности вырабатываются каждымъ народомъ въ отдѣльности?“ [1]).

Если въ каждомъ народѣ есть „нѣчто особое, отличающее его отъ другихъ“, то, во-первыхъ, людей, поста-

---

[1]) Стр. 188—189.

вленныхъ въ одни и тѣ же природныя и культурныя условія, до извѣстной степени эти условія нивеллируютъ, налагая на нихъ извѣстный общій отпечатокъ, и когда, во-вторыхъ, эти условія остаются неизмѣнными, то и характеръ народа остается прежнимъ. „Понятно, что если народъ живетъ долго въ какой-либо странѣ, въ извѣстной культурной традиціи, въ извѣстныхъ соціальныхъ формахъ, то въ немъ развиваются извѣстныя качества, и эти-то качества особенно закрѣпляются наслѣдственностью. Но наслѣдственности одной мало для объясненія постоянства національнаго типа, особенно, если мы примемъ въ расчетъ политипичность каждаго общества... Многое, приписываемое органической передачѣ извѣстныхъ особенностей, должно найти объясненіе въ особой формѣ психическаго взаимодѣйствія, въ безсознательной подражательности", которая „несомнѣнно участвуетъ и въ выработкѣ національныхъ особенностей. Младшія поколѣнія, начиная жить, находятъ готовые образцы для подражанія и воспитываются подъ вліяніемъ уже сложившихся въ обществѣ, при участіи взаимной подражательности, манеръ, способовъ выражать свои ощущенія, пріемовъ мысли и т. п. Что постоянство національнаго типа въ значительной мѣрѣ обусловливается дѣйствіемъ указаннаго фактора, можно видѣть изъ того, какъ этотъ типъ постоянно перерождается подъ вліяніемъ другой духовной и соціальной среды, и чѣмъ меньше развита личность или чѣмъ больше она охраняется отъ вліянія чужой среды, тѣмъ лучше она сохраняетъ свою первоначальную физіономію. Совершенно такъ же происходитъ ассимиляція одного племени другому: племя менѣе развитое, гдѣ личность живетъ въ духовномъ отношеніи коллективною жизнью и не можетъ развить прирожденной оригинальности,—оказывается мало устойчивымъ въ сохраненіи своихъ особенностей... Во всякомъ случаѣ, не одна органическая наслѣдственность играетъ

роль въ образованіи національныхъ характеровъ. Вліяніе подражательности и традиціи обнаруживается также на образованіи характеровъ отдѣльныхъ слоевъ одного и того же общества, напр., замкнутыхъ кастъ или династій" [1]).

Выводъ изъ всего сказаннаго тотъ, что мы не должны „признавать врожденныя всѣмъ особямъ націи особенности, не подвергающіеся измѣненіямъ и поддерживаемыя исключительно органическою наслѣдственностью,—особенности, которыя объясняли бы все направленіе исторіи того или другого народа. Вотъ почему мы должны высказаться противъ гипотезы, допускающей такія характеристики расъ и національностей, которыя дѣлаются для многихъ ключемъ къ пониманію исторіи и обрекаютъ цѣлыя группы человѣчества на вѣчный застой или на одностороннее развитіе. Если искать объясненія исторіи въ психическихъ особенностяхъ этихъ группъ, то необходимо принимать въ расчетъ только такіе признаки, которые сами не были бы продуктомъ исторіи, какъ это въ принципѣ вообще и принимается послѣдователями разбираемой теоріи". Притомъ „каждый народъ переживаетъ разныя ступени быта, и существуетъ опасность черту, характеризующую извѣстную ступень быта, возвести на степень прирожденной національной или расовой особенности". Вообще „существованіе въ исторіи каждаго народа разныхъ ступеней быта сильно затрудняетъ составленіе такихъ характеристикъ, которыя прилагались бы къ исторіи каждаго народа на всемъ ея протяженіи" [2]).

Какой же общій выводъ изъ всего сказаннаго въ этой главѣ? Принципіально нельзя не признавать, что прирожденныя качества населенія страны играютъ роль въ исторіи, но при современномъ состояніи нашихъ знаній мы здѣсь имѣемъ дѣло пока только съ научною проблемою

[1]) Стр. 190—193.
[2]) Стр. 193—195.

изъ областей антропологіи, этнологіи, психологіи и статистики населенія, но отнюдь не съ прочно установленнымъ тезисомъ историологіи.

VI. Разныя историческія судьбы отдѣльныхъ народовъ.

Если бы отдѣльные народы, жизнь которыхъ изучается исторической наукою, занимали въ пространствѣ совершенно одна отъ другой обособленныя страны, области, окруженныя со всѣхъ сторонъ непроходимыми горами, или острова съ совершенно неприступными извнѣ берегами, культурно-соціальная эволюція такихъ народовъ и ходъ событій въ ихъ исторіи зависѣли бы исключительно отъ природы занятыхъ ими странъ и отъ собственныхъ качествъ народовъ. Одинъ нѣмецкій экономистъ XIX в. (Тюненъ) для своихъ теоретическихъ цѣлей создалъ фикцію „изолированнаго государства", въ себѣ самомъ замкнутаго, самодовлѣющаго цѣлаго, и такую же фикцію изолированной частной исторіи, не соприкасающейся съ другими частными исторіями, можно было бы примѣнить въ историологіи. Въ дѣйствительности вѣдь не существуетъ изолированныхъ государствъ, изолированныхъ исторій, и исторія каждаго народа зависитъ не только отъ географическихъ условій территоріи и этническихъ особенностей ея населенія, но еще и отъ вліяній на нее со стороны другихъ народовъ. Кромѣ исторій частныхъ, есть еще исторія общая, все болѣе и болѣе принимающая міровой характеръ. Возвращаясь къ сравненію историческаго процесса съ разъигрываемой театральной пьесой, мы можемъ назвать самою большою сценою вселенную не въ теперешнемъ смыслѣ всего мірозданія, а въ старомъ значеніи греческой οἰκου-

μένη, всей обитаемой земли, и на этой вселенской сценѣ въ качествѣ участниковъ всемірно-исторической пьесы выступаютъ отдѣльные народы, взаимными отношеніями которыхъ тоже опредѣляются ихъ жизненныя судьбы.

Изолированныхъ странъ, народовъ и исторій, значитъ, нѣтъ, и рано или поздно между сосѣдними народами возникаютъ тѣ или другія прагматическія и культурныя отношенія, вліяющія и на внутреннюю исторію каждаго изъ нихъ, въ отдѣльности взятаго. Не какимъ-либо предустановленнымъ планомъ и не какимъ-либо особымъ закономъ природы, а слѣпою судьбою и сцѣпленіемъ массы причинъ, однѣ отъ другихъ независимыхъ, одни народы раньше другихъ были выведены на большую дорогу историческаго развитія. Волею судебъ эти народы сдѣлались піонерами цивилизаціи, первыми изобрѣтателями многаго такого, что другимъ народамъ, волею же судебъ позже выступившимъ на историческое поприще, уже выдумывать не приходилось, а только перенимать: одни были вчинателями, другіе приходили на готовое. Волею судебъ между народами, самобытно начавшими жить историческою жизнью, возникли извѣстныя отношенія, и волею же судебъ въ эти отношенія стали втягиваться другіе народы,— какіе раньше, а какіе позже — въ зависимости отъ разныхъ условій, въ которыя кто былъ поставленъ опять-таки волею историческаго рока. Къ условіямъ географическимъ и этническимъ, въ какихъ совершается историческій процессъ въ каждой отдѣльной странѣ, къ ея внутреннимъ условіямъ здѣсь прибавляются еще условія внѣшнія—взаимоотношенія съ сосѣдями, результаты этихъ взаимоотношеній, развитіе ихъ въ историческій процессъ международный, вліяніе этого процесса на внутреннюю жизнь разныхъ народовъ.

Одна изъ характерныхъ чертъ современной исторіографіи заключается въ стремленіи искать причинъ истори-

ческихъ перемѣнъ, представляемыхъ жизнью какого-либо народа, въ его же собственномъ прошломъ, такъ сказать, внутри, а не внѣ его исторіи. Въ философіи исторіи Конта и такого, напримѣръ, непосредственнаго его ученика, какъ Литтре, то, что мы называемъ переходомъ отъ древняго міра къ среднимъ вѣкамъ, мыслилось безъ переселенія народовъ, т.-е. безъ прихода германцевъ въ провинціи Римской имперіи. Оба они понимали исторію, какъ выполненіе нѣкотораго основного закона, который требуетъ-де въ такой-то моментъ такого-то перехода изъ одной стадіи общественной эволюціи на другую, слѣдующую за нею въ силу внутренней необходимости, и если въ то время, когда Западъ совершалъ такой переходъ, на сцену выступили германцы, то это была-де скорѣе, ну, нѣкоторая случайность что ли, не оказавшая существеннаго вліянія на переходъ. Отрицаніе значенія германцевъ въ исторіи переходной эпохи отъ античности къ средневѣковью у родоначальника позитивной философіи объясняется предвзятою мыслью о необходимости искать причины всѣхъ крупныхъ перемѣнъ въ исторіи изъ внутренней ея закономѣрности, понятой въ смыслѣ строгой планомѣрности. Разъ извѣстный моментъ эволюціоннаго процесса требовалъ того-то, это самое, чего онъ требовалъ, произошло бы непремѣнно и безъ прихода германцевъ. Современныхъ историковъ, конечно, никто не можетъ заподозрить въ такомъ номологическомъ фатализмѣ, но одностороннее сведеніе всѣхъ историческихъ объясненій исключительно къ причинамъ внутреннимъ — сродни такому воззрѣнію, какъ будто внѣшнія воздѣйствія проходятъ мимо, ничего не задѣвая и ни на чемъ не отражаясь. Человѣкъ умираетъ отъ чахотки, и внутренняя причина его смерти здѣсь на лицо, ну, а если вотъ передъ нами трупъ неосторожнаго человѣка, переходившаго черезъ рельсы желѣзной дороги въ то время, какъ на него налетѣлъ курьерскій поѣздъ?

Это уже внѣшняя катастрофа, подобная множеству исторических катастрофъ и въ жизни цѣлыхъ народовъ.

Не слѣдуетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ преувеличивать значеніе извнѣ приходящихъ осложненій внутренняго историческаго процесса, но не слѣдуетъ принципіально и a limine отрицать за ними вообще какую бы то ни было роль. Въ прежней русской исторіографіи въ объясненіи теченія судебъ нашего отечества приписывалось большое значеніе такъ называемому монгольскому игу, факту внѣшняго порядка, а въ наши дни многіе считаютъ уже дѣломъ дурного вкуса говорить о его вліяніи на нашу исторію: его просто предпочитаютъ игнорировать, какъ quantité négligeable. Изучая литературу по исторіи паденія Польши, — очень большую и на разныхъ языкахъ, — я тоже подмѣчалъ двоякую тенденцію, стремленіе однихъ все существенное въ этомъ историческомъ фактѣ выводить изъ внѣшнихъ причинъ, т.-е. изъ завоевательной политики сосѣднихъ державъ, какъ будто внутреннее польское безнарядье (nierząd) здѣсь было ни причемъ, тогда какъ другіе, наоборотъ, готовы были не придавать никакого значенія политикѣ Россіи, Пруссіи и Австріи, все сводя къ указанному „нержонду“, словно и самый этотъ „нержондъ“, это внутреннее разложеніе, не поддерживался своекорыстнымъ вмѣшательствомъ державъ во внутреннія польскія дѣла [1]). Или возьмемъ ходъ событій внутри Франціи во время великой революціи, борьбу партій, перемѣны во внутренней политикѣ: развѣ на всемъ этомъ не сказывались вліянія со стороны событій, происходившихъ на театрѣ войны, или со стороны дипломатическихъ переговоровъ съ иностранными державами,—событій и переговоровъ, зависѣвшихъ отъ тѣхъ или другихъ отношеній между самими державами, отъ такъ называемой между-

[1]) См. мою книгу „Паденіе Польши въ исторической литературѣ“ (1888).

народной конъюнктуры. Въ выясненіи этихъ внѣшнихъ причинъ на ходъ внутреннихъ событій въ исторіи революціонной Франціи прямо заключается важнѣйшая заслуга труда Сореля „Европа и французская революція“ [1]).

Никто не станетъ отрицать значенія войнъ и завоеваній для того, что мы привыкли называть внутренней исторіей народовъ. Цѣлыя царства падали и народы утрачивали свободу самоопредѣленія отъ того, что приходили болѣе сильные завоеватели и одерживали побѣду надъ царствами и народами. Внутренній процессъ осложняется внѣшними воздѣйствіями, и, конечно, напр., судьбы еврейскаго народа сложились бы иначе, если бы Палестина не находилась на пути завоевательныхъ египетскихъ и ассирійскихъ армій. Если бы, далѣе, по тому же пути не велась караванная торговля между долинами Нила и Тигра съ Евфратомъ, жившіе неподалеку финикіяне при всей своей расовой энергіи и со всѣми своими удобными гаванями продолжали бы заниматься рыбною ловлею и мелкимъ морскимъ разбоемъ, а никоимъ образомъ не сдѣлались бы всемірными торговыми посредниками и основателями колоній.

Разъ нѣтъ абсолютно изолированныхъ странъ, разъ между отдѣльными народами возникаютъ и развиваются политическія и экономическія отношенія съ очень многообразными и сложными послѣдствіями, историческіе процессы, происходящіе въ отдѣльныхъ странахъ и зависящіе отъ мѣстныхъ внутреннихъ причинъ, соприкасаются между собою и оказываютъ одни на другіе извѣстныя, хотя бы частичныя вліянія, которыя, какъ-никакъ, осложняютъ каждый изъ этихъ процессовъ. Торговый обмѣнъ между сосѣдними странами — явленіе въ исторіи стародавнее, и на него очень рано историки стали указывать, какъ

[1]) Подробности о точкѣ зрѣнія этого историка и о методѣ, какимъ онъ рѣшалъ свою задачу, см. въ моей брошюрѣ „Альберъ Сорель, какъ историкъ французской революціи“ (1907).

путь, чрезъ который проникали изъ страны въ страну культурныя вліянія. Нельзя отказывать въ значеніи заимствованіямъ народами другъ у друга техническихъ изобрѣтеній, художественныхъ формъ, религіозныхъ, философскихъ, научныхъ, политическихъ идей, законовъ, административныхъ пріемовъ и пр. и пр. Когда еще народъ самъ додумался бы — и додумался ли бы еще — до того или другого, что способно внести извѣстное измѣненіе въ его бытъ, а тутъ даются уже готовые образцы для подражанія. Правда, для усвоенія чего-либо со стороны, притомъ какъ для возникновенія потребности въ этомъ, такъ и въ его успѣшности, нужна внутренняя подготовка, т.-е. извѣстная ступень культурно-соціальнаго развитія, но эти заимствованія извнѣ облегчаютъ удовлетвореніе возникшихъ потребностей и сами порождаютъ новыя потребности. И различіе историческихъ судебъ народовъ сказывается на томъ, въ болѣе ли раннее или въ болѣе позднее время, болѣе ли полно, или лишь отрывочно проникаютъ къ нимъ иноземныя вліянія, оказывающія дѣйствіе на внутреннюю жизнь. Балканскіе славяне на цѣлое столѣтіе раньше, чѣмъ восточные наши предки, стали пріобщаться къ византійской культурѣ. Японія раньше, чѣмъ Китай, начала перенимать у Европы элементы ея цивилизаціи, и, конечно, Японія не была бы тѣмъ, чѣмъ она есть теперь, если бы не это усвоеніе результатовъ чужого историческаго развитія.

Въ настоящее время нѣтъ надобности настаивать на важномъ значеніи внутренняго экономическаго процесса для всей исторіи каждой отдѣльной страны: теорія экономическаго матеріализма даже ставитъ его во главу угла всего зданія исторіи. Конечно, народное хозяйство каждой страны зависитъ отъ внутреннихъ причинъ, каковы природа страны, степень густоты населенія, работоспособность и смышленность населенія, успѣхи въ области

техники, характеръ законодательства, государственный строй, но роль въ извѣстныхъ случаяхъ играетъ состояніе хозяйства и въ другихъ странахъ — при существованіи международной экономической конкурренціи. Мы знаемъ интересную формулу Бюхера, въ которой устанавливаются ступени хозяйства ойкоснаго, городского и народнаго, но можно говорить такъ же и о хозяйствѣ международномъ, имѣющемъ тенденцію сдѣлаться міровымъ: въ экономическомъ отношеніи отдѣльныя страны все больше и больше становятся въ зависимость отъ международной, міровой конъюнктуры. Экономическій законъ спроса и предложенія дѣйствуетъ не только въ народномъ (національномъ) хозяйствѣ, но и въ международныхъ экономическихъ отношеніяхъ. Конкурренція происходитъ не только между отдѣльными предпринимателями или отдѣльными группами и классами населенія, но и между цѣлыми странами, народами. Отдѣльное народное хозяйство оказывается не вполнѣ самостоятельнымъ и самодовлѣющимъ цѣлымъ, какъ въ изолированномъ государствѣ Тюнена, а лишь звеномъ въ нѣкоторой общей конъюнктурѣ. Историческая судьба каждой странѣ, каждому народу отводитъ такое или иное мѣсто въ данной конъюнктурѣ какъ по ихъ, такъ сказать, заслугамъ, такъ и по общей совокупности причинъ, создавшихъ эту конъюнктуру. Страна вывозитъ хлѣбъ, но сколько она вывезетъ въ данномъ году, будетъ зависѣть и отъ лучшаго или худшаго урожая въ самой этой странѣ, и отъ урожая или неурожая еще въ странахъ, покупающихъ хлѣбъ, или въ другихъ странахъ, тоже его вывозящихъ. Главные средневѣковые торговые пути обогащали города Италіи и Германіи, но вотъ политическія событія на Востокѣ и открытіе новыхъ путей (морскихъ) на Западѣ лишили итальянскіе и нѣмецкіе города ихъ прежней монополіи, создали новые торговые центры въ странахъ, болѣе близкихъ къ океану; все это отразилось на

итальянской и нѣмецкой торговлѣ, а черезъ то и на историческихъ судьбахъ обѣихъ націй. Въ каждый моментъ нашей эпохи міровая экономическая конъюнктура нѣсколько мѣняется, — что̀ зависитъ отъ того, какъ обстоятъ дѣла въ отдѣльныхъ странахъ, — и въ то же время отражается на дѣлахъ отдѣльныхъ странъ, т.-е. конъюнктура какъ бы имѣетъ свою исторію, и эта исторія началась не со вчерашняго дня, хотя раньше, разумѣется, охватывала не такое большое количество странъ. Были времена сравнительно и относительно бо̀льшей изолированности отдѣльныхъ странъ въ экономическомъ отношеніи, и историческія ихъ судьбы тоже были разныя: однѣ втягивались раньше, другія—позже въ международный экономическій оборотъ, однѣ—полнѣе, другія—поверхностнѣе, однѣ — съ бо̀льшими для себя выгодами, другія, наоборотъ — къ своему несчастью, и каковы бы ни были результаты этихъ внѣшнихъ отношеній, они должны были сказываться на отношеніяхъ внутреннихъ въ этихъ странахъ и на ихъ историческихъ судьбахъ.

Кромѣ постоянной экономической конъюнктуры международнаго и даже міровего значенія въ каждый данный моментъ существуетъ и конъюнктура международныхъ отношеній политическихъ. Начало ей для нашей части свѣта и въ частности для Европы положено было еще во времена походовъ египетскихъ фараоновъ въ Сирію и дальше въ сторону Ассиріи, и давно уже начали устанавливаться временныя комбинаціи своего рода „великихъ державъ“, международныя констелляціи въ родѣ той, которую представляли собою Египетъ, Лидія, Вавилонъ и Мидія передъ выступленіемъ Кира. Международныя политическія конъюнктуры тоже мѣняются, но въ ихъ смѣнѣ однѣхъ другими есть своя послѣдовательность, дѣлающая возможнымъ говорить объ исторіи этихъ мѣняющихся конъюнктуръ, какъ о чемъ-то единомъ и цѣломъ. Въ эту

международную политическую исторію отдѣльные народы втягивались въ разное время и на разныхъ ступеняхъ культурно-соціальнаго развитія, всесторонне втягивались или только ею задѣвалить отчасти и съ разными результатами для своего внутренняго развитія вплоть до потери политической независимости, до утраты національности или полнаго культурнаго упадка,—и опять мы можемъ говорить о разныхъ историческихъ судьбахъ, испытывавшихся отдѣльными народами. Для населенія Галліи завоеваніе ея Римомъ имѣло совсѣмъ другое значеніе, нежели для народовъ Балканскаго п-ва завоеваніе ихъ турками. Историческое движеніе создаетъ новыя и новыя формы, но путь исторіи усѣянъ также и развалинами. Каковы бы ни были внутреннія причины, заводившія народъ въ тупикъ или приводившія его въ упадокъ, громадную роль въ образованіи этихъ развалинъ играли и причины внѣшнія, создававшія неблагопріятную для него историческую обстановку. Другимъ счастливилось, и утрата ими политической независимости сопровождалась усвоеніемъ элементовъ высшей культуры,— кому выпадала какая судьба волею историческаго рока. Даже сохраняя государственную независимость и національную самобытность, народъ, втягивающійся въ международную жизнь, также испытываютъ отъ этого тѣ или другія послѣдствія, вытекающія не изъ внутренняго его состоянія, а изъ внѣшняго положенія. Въ томъ, что̀ нѣкоторые иностранные историки называютъ европеизаціей Россіи, въ частности въ преобразовательной дѣятельности Петра В. очень многое вызывалось не потребностями внутренняго развитія, а давленіемъ извнѣ дѣйствовавшихъ причинъ. Пусть въ петровской реформѣ не было того полнаго разрыва съ прошлымъ, какой долго принимался историками, пусть преобразованія были подготовлены предшествовавшей эволюціей, а не были результатомъ внезапной революціи, пусть въ новомъ, по

существу, было только продолженіе стараго, только въ иномъ обликѣ,—не подлежитъ сомнѣнію та громадная роль, какая выпадаетъ на долю давленія со стороны тогдашней международной политической и экономической конъюнктуры, ставившей передъ тогдашнимъ Московскимъ государствомъ дилемму—быть или не быть.

Народы лишь до поры до времени живутъ изолированною экономическою и политическою жизнью, пока историческія судьбы, слагающіяся внѣ ихъ самихъ, не вовлекаютъ ихъ въ общій оборотъ. Другими словами, повторяю, кромѣ условій исторіи, лежащихъ какъ въ самомъ народѣ, такъ и въ обитаемой имъ странѣ, есть еще условія, создаваемыя исторіей другихъ странъ и общеніемъ послѣднихъ между собою. Каждый народъ въ зависимости отъ своихъ способностей и природныхъ условій своей территоріи вырабатываетъ свою собственную культуру, на которой отражается и природа страны, и характеръ народа, но отражаются также и постороннія вліянія. Къ народамъ примѣнима пословица: скажи, съ кѣмъ ты знаешься, и я скажу, что́ ты такое. Каждый народъ есть не только то, что̀ создали изъ него онъ самъ и окружающая его природа, но и то, что̀ изъ него сдѣлали другіе народы, такъ или иначе на него вліявшіе, то или другое ему давшіе. Въ этомъ послѣднемъ отношенія историческія условія или судьбы были очень различны, и разнообразіе исторической жизни отдѣльныхъ народовъ объясняется, такимъ образомъ, не только разнообразіемъ ихъ собственныхъ физіономій и населяемыхъ ими странъ, но и разнообразіемъ ихъ историческихъ судебъ, положенія каждой отдѣльной исторіи среди другихъ исторій и ихъ объединенія въ нѣкоторую для многихъ народовъ общую исторію.

Кромѣ внѣшнихъ историческихъ судебъ, оказывающихъ тѣ или другія вліянія на жизнь народовъ, есть еще

внутреннія, создаваемыя самою же исторіею условія ея собственнаго хода, ея дальнѣйшихъ моментовъ, и кромѣ среды физической, въ какой единицамъ, составляющимъ народъ, приходится жить и дѣйствовать, есть еще другая среда — культурно-соціальная, создаваемая не біологическимъ процессомъ нарожденія новыхъ поколѣній съ извѣстною органическою наслѣдственностью, а самимъ историческимъ процессомъ въ его двухъ аспектахъ культурной традиціи и культурной инноваціи, т.-е. сохраненія стараго и созиданія новаго. Къ этой темѣ, составляющей главное содержаніе исторіологіи, мы и переходимъ въ слѣдующей главѣ.

VII. Понятіе культурно-исторической (надъ-органической) среды.

Понятіе среды относится къ числу прочно установившихся въ наукѣ. Былъ даже придуманъ для обозначенія ученія о средѣ, хотя и не вошелъ въ общее употребленіе особый терминъ „месологія“ [1]), откуда могло бы быть образовано прилагательное „месологическій“ въ смыслѣ всего относящагося не только къ ученію о средѣ, но и къ самой средѣ для такихъ выраженій, какъ „месологическія условія“, „месологическія вліянія“, „месологическія перемѣны“ и т. п.

Среда, это, — если прибѣгнуть къ чисто словесному толкованію,—то, среди чего или въ чемъ что-нибудь находится или происходитъ, то, что̀ окружаетъ предметъ, своего рода окруженіе предмета [2]). Для каждаго отдѣльнаго

[1]) Отъ греч. μέσος—средній.

[2]) Ср. такія слова, какъ обстановка, фр. entourage, польск. otoczenie и т. п., хотя значеніе ихъ и неодинаково.

человѣка физическую среду составляетъ мѣстность, гдѣ онъ находится, съ ея воздухомъ, съ почвою, растеніями и животными, другую среду, общественную, — всѣ люди, которые его окружаютъ и съ которыми онъ находится въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ. Предметы, входящіе въ составъ среды, могутъ быть неорганическими предметами и органическими существами, къ числу каковыхъ относятся и живущіе около насъ люди. Окружающее насъ общество намъ подобныхъ есть общественная среда, но здѣсь важно не то, что среда эта состоитъ изъ нѣкотораго количества подобныхъ каждому изъ насъ индивидуумовъ, а то, что эти индивидуумы являются носителями опредѣленныхъ мыслей, настроеній, навыковъ, стремленій, вкусовъ, обычаевъ и находятся между собою въ опредѣленныхъ отношеніяхъ сотрудничества, взаимнаго обмѣна услугами или продуктами труда, властвованія и подчиненія и т. п. Все, что̀ мы у каждаго народа относимъ къ понятіямъ его религіи, искусства, нравовъ, техники, права, государства, все то, что̀ мы обобщаемъ подъ понятіемъ культуры въ широкомъ смыслѣ, т.-е. какъ культуры въ болѣе тѣсномъ смыслѣ духовныхъ цѣнностей, такъ и соціальной организаціи, все это по отношенію къ каждому отдѣльному члену общества является особаго рода средою, которую можно называть средою культурно-соціальною, или, говоря короче, вообще культурною. Ею вѣдь также обусловливается жизнь и дѣятельность единицъ, составляющихъ народъ, и слѣдовательно исторія всего народа. Народъ, какъ общественный коллективъ, есть носитель своей культуры, только черезъ него, въ немъ и для него существующей, но по отношенію къ каждому отдѣльному человѣку въ народѣ культура есть не что иное, какъ sui generis среда, не матеріальная среда, физическая и біологическая, а среда иного порядка, по существу своему психическаго, духовнаго, иематеіальнаго. Въ своихъ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“

я сталъ называть эту культурно-соціальную среду надъ-органическою [1]), заимствовавъ послѣдній терминъ (superorganic) у Спенсера, который примѣнялъ его для различенія трехъ ступеней міровой эволюціи (эволюцій неорганической, органической и надъ-органической), но, сколько мнѣ помнится, не пользовался имъ по отношенію къ понятію среды.

Въ этой культурно-соціальной средѣ, въ которой живутъ отдѣльныя человѣческія личности и цѣлыя ихъ совокупности, мы имѣемъ право различать разныя стороны, или, говоря иначе, разнородныя составныя части, своего рода спеціальныя сре́ды. Не ставя себѣ задачею здѣсь всѣ ихъ перечислить, я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ интересѣ лучшаго уясненія свойствъ вообще всей надъ-органической среды.

Каждый человѣкъ родится со способностью къ членораздѣльной рѣчи, но языкъ, на которомъ онъ будетъ говорить, тѣ формы, въ которыхъ будетъ происходить его словесная дѣятельность, усваиваются имъ извнѣ, изъ окружающей его, такъ сказать, лингвистической среды, каковую представляютъ собою его семья, сосѣди, весь на-

---

[1]) О. В. Ф. И., книга III, глава II, § 3 (по третьему изданію гл. XII). Здѣсь, именно, развивается та мысль, что человѣческая дѣятельность совершается „въ извѣстной обстановкѣ или средѣ, которая бываетъ двоякаго рода—матеріальная и духовная, неорганическая и надъ-органическая: первую составляетъ вся природа, вторую продукты психическаго взаимодѣйствія“, каковыми являются „духовная культура и соціальная организація“,... „изучаемыя, въ отвлеченіи отъ человѣческой дѣятельности, коллективной психологіей и соціологіей“. Дальнѣйшее развитіе понятія надъ-органической среды см. въ моей книгѣ „Литературная эволюція на Западѣ“, соотвѣтственное мѣсто изъ которой приведено на стр. 6—11 книги „Сущность историческаго процесса“ (по 2 изданію). Въ этой послѣдней книгѣ ср. также стр. 421 и слѣд., гдѣ въ короткой передачѣ изложеннаго въ „О. В. Ф. И.“ прибавлены еще новыя соображенія.

родъ, говорящіе на такомъ, а не иномъ языкѣ. Языкъ является однимъ изъ элементовъ духовной культуры, отличающихъ одну націю отъ другой, и для каждаго человѣка нація, въ которой онъ родился и воспитался, есть поэтому нѣкоторый лингвистическій коллективъ, въ составъ котораго онъ входитъ. Въ каждой націи дѣятельность ея членовъ, носящая названіе рѣчи или говоренія, протекаетъ извѣстнымъ образомъ, въ опредѣленныхъ формахъ, совокупность каковыхъ составляетъ то, что мы на зываемъ языкомъ націи, такимъ у одной и инымъ у другой. Отвлекая языкъ, какъ совокупность формъ словесной дѣятельности, отъ актовъ этой дѣятельности, т.-е. отъ говоренія (а также и отъ писанія), мы разсматриваемъ языкъ, какъ особую культурную категорію, отличную отъ совокупности людей, на данномъ языкѣ говорящихъ (или пишущихъ), какъ своего рода лингвистическую атмосферу, въ которой живутъ и дѣйствуютъ отдѣльные члены народа и весь народъ, какъ ихъ сумма. Мы готовы даже приписывать языку нѣчто въ родѣ самостоятельной жизни, разъ онъ переживаетъ цѣлыя поколѣнія людей, на немъ говорящихъ, готовы говорить о немъ, какъ о своего рода нематеріальномъ организмѣ, имѣющемъ свою собственную исторію, и существуетъ вѣдь особая наука, лингвистика, которая изучаетъ законы, имъ управляющіе и въ статическомъ, и въ динамическомъ (эволюціонномъ) отношеніяхъ. Съ этой точки зрѣнія языкъ представляется намъ особымъ бытіемъ, частью той духовной среды, въ которой живутъ смѣняющіяся поколѣнія народа. Однѣ поколѣнія умираютъ, другія нарождаются, языкъ же продолжаетъ себѣ существовать цѣлыя столѣтія, а если и измѣняется при этомъ, то по своимъ собственнымъ законамъ. Что сказано сейчасъ о языкѣ, можетъ быть повторено mutatis mutandis и о другихъ элементахъ культуры.

И въ то же время внѣ отдѣльныхъ актовъ рѣчи языкъ не существуетъ: онъ весь состоитъ изъ формъ или способовъ, модусовъ, въ каковыхъ совершается дѣятельность людей, которую мы обозначили, какъ говореніе. Языкъ существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока на немъ есть кому говорить. Мы недаромъ называемъ древніе греческій и латинскій языки языками мертвыми, потому что на нихъ теперь не говорятъ. Если мы и знаемъ, что это были за языки, то лишь благодаря отдѣльнымъ актамъ, такъ сказать, письменнаго говоренія, запечатлѣннымъ въ произведеніяхъ письменности обоихъ народовъ.—Жизнь языка заключается въ постоянномъ повтореніи множествомъ индивидуумовъ извѣстныхъ сочетаній звуковъ (на письмѣ же знаковъ) для выраженія тѣхъ или другихъ мыслей, чувствованій и т. п. Пока въ опредѣленныхъ случаяхъ повторяются однѣ и тѣ же слова, повторяются однѣ и тѣ же измѣненія въ ихъ окончаніяхъ (склоненіе и спряженіе), одни и тѣ же способы ихъ комбинировать и т. д., языкъ продолжаетъ жить, и новыя поколѣнія народа, появляющіяся на свѣтъ Божій, усваиваютъ путемъ подражанія старшимъ эти слова, эти ихъ измѣненія, эти способы ихъ комбинировать, т.-е. продолжаютъ повторять и притомъ повторять не ими начатое, но и не съ ними имѣющее окончиться, повторять, наконецъ, безчисленное количество разъ, въ чемъ и заключается вся жизнь языка.

При посредствѣ языка, какъ особаго для каждаго народа органа выраженія мыслей, настроеній, желаній и т. п., новыя нарождающіяся поколѣнія пріобрѣтаютъ и все внутреннее содержаніе своей психики. Если мы имѣемъ право субъективнымъ актамъ рѣчи противополагать языкъ, какъ нѣчто объективно существующее и опредѣляющее каждый изъ этихъ актовъ, то и отдѣльнымъ актамъ мышленія или другимъ субъективнымъ переживаніямъ мы мо-

жемъ противополагать, какъ нѣчто объективно существующее, извѣстныя умственныя привычки, характеризующія тотъ или другой человѣческій коллективъ, а также извѣстныя постоянно въ данномъ обществѣ повторяющіеся представленія, понятія, взгляды, вѣрованія и т. п. Внѣ отдѣльныхъ психическихъ актовъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, составляющихъ народъ, характеризующія его, наприм., религіозныя представленія и настроенія не существуютъ, но въ томъ-то дѣло и здѣсь, что эти представленія и настроенія тоже повторяются, подражательно воспринимаясь каждымъ новымъ поколѣніемъ отъ старшихъ поколѣній, такъ что и здѣсь извѣстное психическое содержаніе индивидуума оказывается приходящимъ къ нему извнѣ. Одну изъ отдѣльныхъ сторонъ соціально-культурной среды, отличающей тѣ или другія націи, составляетъ поэтому то, что можно назвать средой религіозной. Однѣ поколѣнія народа сходятъ со сцены и на сцену приходятъ новыя поколѣнія, но и дѣды, и отцы, и сыновья, и внуки продолжаютъ вѣрить въ однихъ и тѣхъ же Зевсовъ и Юпитеровъ, Торовъ и Перуновъ. Новое человѣческое существо, приходящее въ міръ, находитъ и религію готовою, какъ находитъ готовымъ и языкъ, и въ его умѣ также неоднократно повторяется представленіе о Зевсѣ, о Юпитерѣ и т. п., какъ повторяется любое слово его лексикона въ его разговорахъ,—повторяется, какъ и раньше повторялось, и теперь повторяется, и впредь много разъ будетъ повторяться.

Постоянная повторяемость, притомъ и по подражанію другимъ, и въ силу усвоенной привычки,—вотъ что лежитъ въ основѣ самаго существованія опредѣленной культуры, будетъ ли то повтореніемъ извѣстныхъ способовъ передавать другимъ свои мысли или самымъ содержаніемъ этихъ мыслей.

Вся жизнь и дѣятельность народа состоитъ изъ по-

добныхъ повтореній, возникающихъ путемъ подражанія и закрѣпляющихся силою привычки. Нарождаются новыя поколѣнія дѣтей и находятъ уже готовыми дѣтскія игры, въ которыя играли ихъ отцы и матери и будутъ играть ихъ собственныя сыновья и дочери, внуки и внучки. Все, что принято подводить подъ понятіе фольклора,—а подъ это понятіе подводится очень многое: пѣсни, сказки, пословицы, игры, пляски, обряды разнаго рода и пр. пр.,—все это имѣетъ такой же характеръ чего-то постоянно повторяющагося изъ поколѣній въ поколѣнія, усваиваемаго людьми путемъ подражаній, закрѣпляемаго индивидуальной памятью и привычкой. Въ этой сферѣ общественная среда, опредѣляющая поведеніе единицъ, такъ сказать, принимаетъ новый аспектъ — среды фольклористической.

Человѣкъ рождается способнымъ не только говорить и думать, но и работать, а какъ онъ будетъ проявлять эту свою способность, это каждый разъ зависитъ отъ той среды, въ которой онъ родился, взятой со стороны развитія въ ней техники. И здѣсь человѣкъ приходитъ на готовое, и здѣсь это готовое онъ усваиваетъ путемъ подражанія и закрѣпляетъ въ себѣ путемъ навыка. Техника въ широкомъ смыслѣ слова, это есть не что иное, какъ совокупность формъ, способовъ, средствъ, умѣній что-либо дѣлать, и эти формы, какъ нѣчто, имѣющее свое собственное существованіе, мы противополагаемъ отдѣльнымъ актамъ человѣческой дѣятельности, называемой работой, хотя внѣ этихъ формъ техника такъ же не можетъ существовать, какъ и языкъ внѣ актовъ рѣчи. Человѣку приходится жить не только въ опредѣленной лингвистической или религіозной средѣ, но и въ такой или иной средѣ, если можно такъ выразиться, технической, и работа его будетъ имѣть тотъ или другой характеръ, смотря по тому, наприм., будутъ ли вокругъ него пахать

какимъ-нибудь первобытнымъ „раломъ“ или новѣйшей конструкціи паровымъ плугомъ.

Я могъ бы еще сказать здѣсь и о другихъ аспектахъ культурной среды въ родѣ среды моральной, имѣющей отношеніе къ установившимся нравамъ, или среды эстетической, касающейся установившихся вкусовъ, стилей и т. п., но мнѣ пришлось бы только повторяться на одну и ту же тему—о томъ, именно, что установившіяся въ народѣ формы дѣятельности (въ томъ числѣ и мышленія, и рѣчи, и поведенія, и работы) внѣ отдѣльныхъ актовъ того или другого рода дѣятельности не существуютъ, что онѣ усваиваются путемъ подражанія, и что, благодаря тому же подражанію, онѣ переживаютъ цѣлые ряды послѣдовательныхъ поколѣній народа. Если, вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ является коллективнымъ носителемъ культурныхъ формъ, то для каждаго отдѣльнаго члена народа вся совокупность послѣднихъ имѣетъ значеніе опредѣляющей его дѣятельность среды, въ которой можно различать столько же сторонъ, сколько существуетъ родовъ или видовъ этой дѣятельности.

Существованіе культуры было бы немыслимо, если бы не было психическаго взаимодѣйствія между людьми, создающаго общія для извѣстной совокупности людей формы дѣятельности въ широкомъ значеніи обоихъ этихъ словъ. Но взаимный обмѣнъ мыслями и настроеніями не есть еще организованное общеніе, которое также имѣетъ свои повторяющіяся формы и также съ длительнымъ существованіемъ.

Въ другомъ мѣстѣ мною уже было дано раздѣленіе отдѣльныхъ элементовъ культуры на три категоріи [1]). Эти три разряда суть, во-первыхъ, культура матеріальная (техника), во-вторыхъ, культура духовная (образованность) и,

[1]) Теорія историческаго знанія, стр. 145 и слѣд.

въ-третьихъ, культура общественная (гражданственность). Надъ-органическую среду, въ которой приходится жить и дѣйствовать всѣмъ отдѣльнымъ членамъ каждаго народа, составляютъ не только повторяющіяся явленія первыхъ двухъ категорій, но и то, что носитъ спеціальное названіе соціальной организаціи въ трехъ ея сторонахъ— политической, юридической и экономической, которымъ соотвѣтствуютъ понятія государства, права и народнаго хозяйства.

Отдѣльный человѣкъ по отношенію къ какому-либо общенію можетъ разсматриваться, или какъ отдѣльный экземпляръ, имѣющій одинаковые съ другими экземплярами культурные признаки, которые заставляютъ насъ причислять всѣхъ ихъ къ одной и той же группѣ, или какъ часть нѣкотораго соціальнаго цѣлаго, занимающая въ немъ особое мѣсто и ему подчиненная. Принадлежность индивидуума къ той или другой культурной группѣ и исполненіе имъ особой функціи въ обществѣ—двѣ вещи разныя: [1]) въ націи каждая человѣческая личность имѣетъ значеніе одной изъ составляющихъ ея единицъ, въ соціальной организаціи она играетъ роль лишь нѣкоторой части цѣлаго, т.-е. своего рода дроби. Это усложняетъ понятіе надъ-органической среды.

Судьба отдѣльныхъ личностей и исторія цѣлыхъ народовъ опредѣляются тѣмъ характеромъ, который принимаетъ сгруктура общества, совокупность его учрежденій, его политическія, юридическія и экономическія формы. Въ сущности, и эти всѣ формы имѣютъ такой же характеръ, какъ и формы технической и духовной культуры, но онѣ не только опредѣляютъ дѣятельность отдѣльныхъ личностей, но и вліяютъ на ихъ судьбу, равно какъ на судьбу цѣлаго народа. Раздѣленіе общества на

[1]) О. В. Ф. И. кн. III, гл. 2 (гл. 12 по 3 изд.).

властвующихъ и подвластныхъ, на привилегированныхъ и безправныхъ, на имущихъ и неимущихъ отражается не только на участи тѣхъ, которые попадаютъ въ ту или другую изъ этихъ категорій, но и на исторіи всего народа, поскольку извѣстныя политическія, юридическія и экономическія формы его укрѣпляютъ или разслабляютъ. Государственныя, правовыя и хозяйственныя учрежденія въ своей совокупности представляютъ собою особенно важныя стороны надъ-органической среды.

Всякій, рожденный въ любомъ обществѣ (народѣ, государствѣ), находитъ уже готовою структуру этого общества, которая сложилась раньше его появленія на свѣтъ и которая продолжаетъ существовать и послѣ его ухода изъ міра. Эта структура есть не что иное, какъ совокупность практическихъ отношеній между людьми, составляющими данное общество, отношеній, принадлежащихъ по существу къ разнымъ категоріямъ, т.-е. хозяйственныхъ, правовыхъ, государственныхъ, но всегда разложимыхъ на отдѣльныя дѣйствія людей въ отношеніи къ другимъ людямъ и къ цѣлому обществу. Извѣстныя формы существуютъ въ обществѣ не только для совершающихся въ немъ актовъ рѣчи, работы, забавъ, культа, но и для актовъ практическаго взаимодѣйствія между людьми въ тѣхъ или другихъ жизненныхъ цѣляхъ. Дѣятельность людей, направленная къ обезпеченію себя пищей, жилищемъ, одеждой, удовольствіями и т. п., имѣетъ всегда не только свои техническія формы, но и формы соціальныя, сводящіяся къ постоянно одинаковымъ образомъ повторяющимся практическимъ отношеніямъ между людьми, къ постоянно одинаковымъ образомъ повторяющемуся образу ихъ дѣйствій, налагающему печать и на отношенія людей къ матеріальнымъ предметамъ—къ землѣ, ко всему, что на ней произрастаетъ, къ животнымъ, на ней находящимся, къ орудіямъ труда, къ запасамъ пищи и одежды,

къ постройкамъ, возведеннымъ человѣческимъ трудомъ, къ деньгамъ и т. п. Существо экономическихъ отношеній между самими людьми и людей къ нужнымъ имъ вещамъ вездѣ одно и то же, но формы этихъ отношеній различны; однако, сами по себѣ внѣ этихъ послѣднихъ, т. е. внѣ отдѣльныхъ актовъ хозяйственной дѣятельности людей, извѣстнымъ образомъ постоянно повторяющихся, сами экономическія формы не существуютъ, хотя и представляютъ собою нѣчто постоянное и долго не преходящее по отношенію къ отдѣльнымъ человѣческимъ дѣйствіямъ, въ данныхъ формахъ совершающимся. Произноситъ ли человѣкъ извѣстное сочетанiе звуковъ для того, чтобы выразить извѣстное понятiе или, положимъ, отдаетъ другому извѣстную сумму денегъ для того, чтобы пользоваться занимаемой имъ квартирой, онъ одинаково поддерживаетъ тѣмъ самымъ, въ первомъ случаѣ данную лингвистическую форму, въ второмъ—форму экономическую и юридическую. Свои экономическія и юридическія формы имѣютъ, наприм., отношенія людей къ землѣ (землевладѣніе и землепользованіе) и къ другимъ матеріальнымъ предметамъ и отношенія между собою.

Формальный характеръ элементовъ культуры съ особою ясностью проявляется въ правѣ, имѣющемъ своею цѣлью регулировать практическія отношенія между людьми, даже нормировать ихъ путемъ установленія для нихъ обязательныхъ образцовъ и принуждать людей къ соблюденію установленныхъ нормъ. Если жизнь языка заключается въ постоянномъ повтореніи людьми однихъ и тѣхъ же звуковыхъ сочетаній, то и о правѣ, какъ дѣйствующемъ правѣ, въ отличіе отъ права, отжившаго свое время (наприм., римскаго) или отъ такого, которое существуетъ только въ идеалѣ (такъ называемаго естественнаго права), мы можемъ говорить лишь тогда, когда имъ дѣйствительно регулируются разныя практическія отношенія между людьми,

какъ бы въ отдѣльныхъ случаяхъ нормы права ни нарушались. Существованію общихъ правилъ отнюдь не противорѣчатъ встрѣчающіяся въ дѣйствительности исключенія изъ этихъ правилъ. Вотъ если фактическія отношенія въ большинствѣ случаевъ уже не соотвѣтствуютъ признаннымъ правовымъ нормамъ, такія нормы перестаютъ быть дѣйствующими, хотя бы и продолжали называться до отмѣны ихъ общественною властью попрежнему дѣйствующимъ правомъ.

Соціальная структура общества, его экономическій строй, его юридическій бытъ, для каждаго отдѣльнаго члена общества представляютъ собою особыя стороны общей надъ-органической среды. Въ частности, мы можемъ говорить о существованіи особой среды экономической и особой среды юридической, рядомъ съ которыми, какъ третью важную сторону соціально-организованной среды, должны назвать среду спеціально политическую, государство.

Государство, какъ постоянный союзъ людей, живущихъ на опредѣленной территоріи и подчиняющихся общей для нихъ всѣхъ власти, продолжаетъ существовать въ то время, какъ среди составляющихъ его людей происходитъ непрекращающая смѣна поколѣній. Отдѣльныя государства такъ же переживаютъ людей, какъ языки, религіи, законодательства, экономическія формы, т.-е. тоже сохраняютъ извѣстныя формы отъ поколѣнія къ поколѣнію, и эти формы, равнымъ образомъ, суть не что иное, какъ постоянные типы практическихъ отношеній между людьми опредѣленной категоріи, сводящихся къ повторенію людьми нѣкоторыхъ поступковъ. Политическія формы такъ же не существуютъ внѣ отдѣльныхъ актовъ дѣятельностей, называемыхъ нами властвованіемъ, законодательствомъ, управленіемъ, судомъ и т. д. съ отвѣтными имъ поступками подчиненія, повиновенія, исполненія налагае-

мыхъ властью обязанностей и т. д., какъ не существуютъ внѣ отдѣльныхъ актовъ рѣчи формы языка. Въ этомъ отношеніи политическая среда не отличается отъ среды лингвистической, да и отъ всякой другой специальной стороны окружающей людей надъ-органической среды. Мы говоримъ о формахъ власти съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ говоримъ о формахъ языка, формахъ землевладѣнія, формахъ семьи и т. п., видя въ каждой формѣ лишь постоянное повтореніе одинаковыхъ поступковъ и складывающихся изъ этихъ поступковъ отношеній. Власть есть отвлеченное понятіе, реально—властвованіе, а властвованіе есть дѣятельность, состоящая изъ отдѣльныхъ актовъ, отличающихся отъ всѣхъ другихъ своимъ особымъ содержаніемъ, дѣятельность, встрѣчающая рядъ отвѣтныхъ поступковъ, являющихся исполненіемъ велѣній власти. Какъ и всякая другая дѣятельность, властвованіе осуществляется разными способами, пользуется разными пріемами, пускаетъ въ ходъ разныя средства и т. д., и всѣ эти способы, пріемы, средства составляютъ его установившіяся формы, усваиваемыя со стороны какъ властвующихъ, такъ и подвластныхъ путемъ подражанія и закрѣпляемыя силою привычки какъ у однихъ, такъ и у другихъ.

Соціальная структура, какъ совокупность экономическихъ, юридическихъ и политическихъ формъ, отличается отъ духовной культуры, какъ совокупности формъ лингвистическихъ, художественныхъ, моральныхъ (въ смыслѣ нравовъ), религіозныхъ и т. п., тѣмъ, что является для отдѣльныхъ людей не только окружающею ихъ средою, но и организаціей, ставящею ихъ въ разныя общественныя положенія и заставляющею ихъ исполнять неодинаковыя функціи, опредѣляющею не только то, *какъ* они будутъ дѣйствовать, но и то, *что* они будутъ дѣлать, независимо отъ ихъ склонностей и способностей. Въ надъ-органической средѣ человѣкъ находитъ не однѣ готовыя

формы для разныхъ видовъ своей дѣятельности (для говоренія, для работы, для художественнаго творчества, для развлеченій и забавъ, для богопочитанія, для властвованія и т. п.), но и уготованныя, такъ сказать, мѣста въ структурѣ общества, различныя для отдѣльныхъ людей въ зависимости отъ условій ихъ происхожденія, воспитанія, связей и т. п. Элементы духовной культуры дѣлаются достояніемъ человѣка при посредствѣ его способности къ подражательному воспріятію, но въ области экономики и политики уже начинается дѣйствіе вынужденности и принужденія. Человѣкъ, родившійся въ рабствѣ, вынужденъ былъ оставаться рабомъ, какъ сынъ пролетарія обреченъ самъ на долю рабочаго. Съ другой стороны, государство ко многому принуждаетъ своихъ подданныхъ и заставляетъ ихъ дѣлать многое, къ чему человѣка не влекутъ ни его собственное желаніе, ни подражаніе другимъ, или не позволяетъ дѣлать того, что, наоборотъ, вызывается и его инстинктами, и его подражательной способностью.

Это замѣчаніе о тѣхъ случаяхъ, когда надъ-органическая среда что-либо у человѣка вынуждаетъ или къ чему-либо его принуждаетъ, было здѣсь мнѣ необходимо для рѣшенія вопроса, чѣмъ держится постоянство надъ-органической среды, помимо условій косности, лежащихъ во внѣшней природѣ и въ біологической наслѣдственности. Мы видѣли, что первенствующую роль здѣсь играетъ подражательность — безсознательная и сознательная. Учась говорить, ребенокъ подражаетъ невольно подаваемымъ ему примѣрамъ рѣчи, какъ подражаетъ потомъ играмъ товарищей, позднѣе работѣ взрослыхъ и т. п. Рядомъ съ этимъ, однако, идетъ и преднамѣренное обученіе старшими младшихъ не только разнаго рода умѣніямъ, но и извѣстнымъ мыслямъ, внушеніе, имѣющее цѣлью вложить въ голову опредѣленное идейное содержаніе, сознательная прививка опредѣленныхъ привычекъ и правилъ поведенія.

Надъ-органическая среда не только состоитъ изъ разныхъ культурныхъ формъ, усваиваемыхъ человѣкомъ при посредствѣ подражанія и закрѣпляющихся при помощи привычки, но и пріемлется человѣкомъ (пока въ немъ не заговоритъ критическая мысль), какъ нѣчто естественное, разумное, долженствующее быть, и часто получаетъ даже религіозную санкцію. Обычай, въ широкомъ смыслѣ, не только фактически господствуетъ въ качествѣ результата подражанія и привычности, но и получаетъ власть надъ умами. Естественная сила традиціи дополняется искусственными средствами воспитанія и обученія подростающихъ поколѣній въ уваженіи къ существующимъ культурнымъ формамъ, какъ къ завѣтамъ предковъ или велѣніямъ, идущимъ свыше. Здѣсь дѣйствуетъ сила внушенія, происходитъ своего рода гипнотизація, усиливающая дѣйствіе подражательной способности человѣка.

Гдѣ не помогаетъ внушеніе, тамъ начинаетъ дѣйствовать принужденіе уже въ качествѣ педагогическаго средства, въ особенности же въ качествѣ одного изъ проявленій властвованія. Защитою со стороны государства могутъ пользоваться не только интересы отдѣльныхъ лицъ, оберегаемыхъ нормами права, но и данная структура общества, а затѣмъ и не только эта структура съ интересами отдѣльныхъ классовъ населенія, ее составляющихъ, но и чисто духовные, идеологическіе элементы культуры или чисто внѣшніе признаки данной національности.

Вотъ что, значитъ, поддерживаетъ постоянство и неизмѣнность (относительную, конечно) надъ-органической среды—подражательность, сила привычки, внушеніе, охрана путемъ принужденія. Надъ-органическая среда сама по себѣ отличается консервативностью, традиціонностью составляющихъ ее культурныхъ формъ, да и сами люди, сверхъ того, еще сознательно поддерживаютъ и закрѣпляютъ эту консервативность и традиціонность, формулируя, на-

прим., грамматическія правила для языка, догматизируя религіозныя представленія, подводя идеологическія основы подъ существующія политическія формы и ставя многое подъ охрану пресѣкающей отступленія власти. Если бы въ обществѣ не было противоборствующихъ силъ, надъ-органическая среда навсегда кристаллизировалась бы въ видѣ неподвижныхъ правилъ, догматовъ, заповѣдей, уставовъ, не допускающихъ никакихъ отступленій, и историческій процессъ застылъ бы, какъ замерзаетъ струя воды подъ дѣйствіемъ сильнаго холода.

Впрочемъ, исторія знаетъ немало примѣровъ культурнаго застоя, овладѣвавшаго на болѣе или менѣе продолжительное время цѣлыми народами, когда воцарялся своего рода культъ прошлаго и этому божеству люди поклонялись не за страхъ только, но и за совѣсть.

VIII. Личность и общество въ исторіи.

Мы разложили культурно-соціальную среду, окружающую людей въ ихъ историческомъ существованіи, на отдѣльныя стороны или аспекты и мы видѣли, что и каждый элементъ культуры и вся она, какъ совокупность этихъ элементовъ, въ послѣднемъ анализѣ сводится къ разнымъ формамъ, въ которыхъ протекаетъ дѣятельность членовъ общества, дающая и начало извѣстнымъ постояннымъ отношеніямъ между ними. Внѣ отдѣльныхъ актовъ ихъ дѣятельности эти формы не имѣютъ реальнаго бытія, существуя лишь чрезъ людей, въ людяхъ и для людей. Измѣненія этихъ формъ, составляющія предметъ изученія культурной исторіи, происходятъ не сами въ себѣ и не сами собою, а въ неразрывной связи съ человѣческою дѣятельностью и при посредствѣ отдѣльныхъ актовъ этой

дѣятельности. Культурныя формы суть и формы, послѣдней, и ея продукты. Никакихъ языковъ, какъ особыхъ звуковыхъ системъ, служащихъ психическому взаимодѣйствію людей, не существовало бы, если бы языки эти не были постепенно созданы отдѣльными актами говоренія, какъ не существовало бы никакихъ государствъ, т.-е. людскихъ союзовъ, объединенныхъ общею властью, если бы эту власть постепенно не создали безчисленные отдѣльные акты приказываній и повиновеній. Источникомъ всего культурнаго богатства исторіи является, слѣдовательно, дѣятельность людей, отдѣльные акты ихъ мышленія, ихъ говоренія, ихъ работы, ихъ взаимныхъ уговоровъ, проявленія ими умѣнія внушать, возможности властвовать, способности повиноваться. Единственными реальными существами, дѣйствующими въ исторіи, являются, значитъ, люди, отдѣльныя личности, соединенныя въ общества и поставленныя въ извѣстныя месологическія (природныя и культурныя) условія.

Наука имѣетъ вообще дѣло или съ предметами (и существами), или съ ихъ системами, или съ процессами, и въ тѣхъ, и въ другихъ происходящими. Человѣческое общество есть не отдѣльное существо, а только система, въ которой отдѣльныя существа, люди, связаны въ одно цѣлое, какъ въ солнечной системѣ въ одно цѣлое связаны между собою отдѣльныя небесныя тѣла. Процессы, совершающіеся въ тѣхъ или другихъ реальныхъ системахъ, отличны отъ процессовъ, наблюдаемыхъ въ отдѣльныхъ предметахъ или существахъ. Историческій процессъ совершается не въ отдѣльномъ существѣ, а въ соціальной системѣ, не въ личности, а въ коллективѣ. Процессъ индивидуальной жизни есть процессъ біологическій, совершающійся, однако, въ соціальной средѣ, въ которой происходитъ еще и свой процессъ—историческій. При всей своей косности надъ-органическая среда не

остается неподвижной и неизмѣнной. Въ жизни общества все постепенно мѣняется, начиная лингвистическими формами и кончая формами политическими. Иногда эти перемѣны являются медленно и едва замѣтно происходящими, результатами накопленія мелкихъ измѣненій, иногда получаютъ характеръ внезапныхъ и крупныхъ катастрофъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ историческая наука стремится найти причины этихъ перемѣнъ и открыть въ ихъ послѣдовательности эволюціонную законосообразность, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда перемѣны являются результатами рѣзкихъ кризисовъ. Въ общемъ, для современнаго научнаго сознанія всѣ перемѣны, совершающіяся въ надъ-органической средѣ, представляются сложнымъ процессомъ общественной эволюціи. Соціологи даже дѣлали попытки открыть нѣкоторый основной законъ этой эволюціи, готовые разсматривать каждое общество, какъ внутренне единое и извнѣ обособленное существо, подобное индивидуальному организму. Такъ называемая органическая школа въ соціологіи даже прямо объявила тожественность общества и организма и общественную эволюцію уподобила органическому развитію [1]). На почвѣ такого пониманія возникла идея общественнаго саморазвитія, нашедшая свое выраженіе въ контовскомъ терминѣ „l'évolution spontanée“ [2]). Если послѣдовательно проводить эту точку зрѣнія, результатомъ должно быть полное отрицаніе активной роли человѣческой дѣятельности въ исторіи, и историческій процессъ долженъ представляться, какъ совершенно безличная эволюція.

Проблема взаимныхъ отношеній личности и общества принадлежитъ къ наиболѣе сложнымъ въ области гума-

---

[1]) Введеніе въ изученіе соціологіи, гл. IV.

[2]) Spontané, спонтанейный значитъ самъ собою, sua sponte, возникающій или происходящій. Соотвѣтственнаго русскаго слова нѣтъ.

нитарныхъ знаній, особенно если разсматривать ее съ нормативной, деонтологической точки зрѣнія, т.-е. интересоваться этими отношеніями со стороны желательности, цѣлесообразности и справедливости, для нихъ возможныхъ. Но и съ чисто теоретической точки зрѣнія, имѣющей въ виду надлежащее пониманіе того, что есть, какъ оно есть, т.-е. пониманіе объективной дѣйствительности, вопросъ о положеніи личности въ обществѣ и о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ получаетъ различную постановку, смотря по тому, беремъ ли мы личность по отношенію къ государству, какъ подданнаго, гражданина либо должностное лицо, по отношенію къ праву, какъ его субъектъ, объектъ либо охранителя, по отношенію, наконецъ, къ народному хозяйству, какъ производителя, потребителя либо предпринимателя, каковы-де бываютъ различныя положенія людей въ отдѣльныхъ сторонахъ общественной структуры и какое значеніе имѣютъ ихъ, этихъ людей, дѣятельности въ осуществленіи общественныхъ цѣлей. Соціологія, какъ наука, изучающая строеніе, жизнь и развитіе общества во всей совокупности происходящихъ въ немъ явленій, равнымъ образомъ, по-своему ставитъ ту же самую проблему, изучая всю общественную сторону индивидуальнаго бытія, взятую въ ея цѣломъ [1]). Свою особую постановку вопроса о личности и обществѣ должна имѣть и исторіологія.

Выше мы пришли къ тому выводу, что исторія каждаго народа складывается подъ вліяніемъ условій трояжаго рода и что одну изъ этихъ категорій представляетъ собою создаваемая самою же исторіей и сама имѣющая исторію культура въ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова [2]). Мы

---

[1]) Для всего этого абзаца см. главы XII и XIII „Введенія въ изученіе соціологіи“.

[2]) См. выше, гл. IV, V и VII.

видѣли, что по отношенію къ отдѣльнымъ людямъ, совокупность которыхъ образуетъ общество, эта культура составляетъ своего рода среду, налагающую извѣстную печать на дѣятельность единицъ. Человѣкъ при своемъ появленіи на свѣтъ Божій приноситъ съ собою только однѣ способности и склонности, т.-е. однѣ только возможности, все же остальное онъ получаетъ изъ окружающей его надъ-органической среды, не имъ созданной, имѣющей свою исторію, достигшей того или другого момента своей эволюціи. Въ этомъ смыслѣ говорятъ, что личность есть продуктъ окружающей ее культурной среды, и цѣлый рядъ мыслителей стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что все въ личности разлагается на вліянія, какія на нее производитъ общество, въ которомъ личность родилась, воспиталась, живетъ и дѣйствуетъ. Это тѣ мыслители, которые исходятъ изъ понятія общества, какъ цѣлаго, а не изъ понятія личности, какъ самостоятельной единицы, вмѣстѣ съ другими такими личностями образующей общественные коллективы [1]). Для нихъ сначала общество, потомъ индивидуумъ, тогда какъ другіе понимаютъ это отношеніе въ обратномъ порядкѣ. Въ послѣднее время наиболѣе полнымъ выраженіемъ такой мысли является такъ называемая біо-соціальная теорія, выводящая индивидуальную психику изъ общественности и въ ряду наукъ ставящая психологію послѣ соціологіи, въ свою очередь непосредственно слѣдующей за біологіей [2]): сначала жизнь и общественность, потомъ уже психика, сознаніе, мысль.

Съ такой точки зрѣнія общественность, духовная культура, соціальная структура, вся надъ-органическая среда должна представляться какою-то сложною системою,

---

[1]) Сущность историческаго процесса, стр. 51 и слѣд.

[2]) Новыя идеи въ соціологіи. Сборникъ второй (Спб. 1914). См. о немъ на стр. 556 „Сущности историческаго процесса" и замѣтку мою во 2 вып. „Научнаго Историческаго Журнала" (1913).

какъ бы пользующеюся людьми для своего собственнаго осуществленія. Безъ людей система эта существовать не можетъ, но люди являются въ ней лишь матеріаломъ, необходимымъ для ея существованія, средствами и орудіями ея реализаціи, пассивными элементами, увлекаемыми соціальною эволюціей туда, куда направляется ея законосообразный ходъ. Въ этомъ безличномъ теченіи соціальной жизни человѣческія единицы, смѣняющіяся въ вѣчномъ процессѣ біологическаго обновленія состава общества, рождающихся, чтобы въ свое время умереть, становятся какъ бы игрушками этого процесса: такъ въ быстрый потокъ попадаютъ сваливающіяся въ него щепки, уносятся его теченіемъ, чтобы гдѣ-нибудь потомъ быть выкинутыми на берегъ. Языки, религіи, государства, переживаютъ отдѣльныхъ людей, говорящихъ на этихъ языкахъ, исповѣдующихъ эти религіи, состоящихъ подданными этихъ государствъ. Въ эволюціи любого языка различаются разныя стадіи, и человѣкъ будетъ пользоваться языкомъ на той или другой ступени его развитія, смотря по тому, на какой ступени застанетъ языкъ, рождаясь на свѣтъ Божій. Религіозныя вѣрованія тоже имѣютъ свою эволюцію, и моментъ появленія человѣка въ мірѣ рѣшаетъ, съ какой стадіей религіозной эволюціи онъ лично будетъ имѣть дѣло. То же самое происходитъ и съ политическими формами, которыя будутъ иными для разныхъ поколѣній, независимо отъ ихъ смѣны, а въ силу того, что само государство переживаетъ, какъ таковое, разные фазисы. Желѣзнодорожный поѣздъ проходитъ отъ начальной до конечной станціи, везя массу пассажировъ, но для движенія его отъ одной промежуточной станціи до другой совершенно безразлично, что пассажиры мѣняются, что и старые пассажиры уходятъ, новые садятся, такъ что весь пассажирскій составъ можетъ измѣниться, а поѣздъ будетъ оставаться все тотъ же. Отдѣльныя лич-

ности тоже лишь временные пассажиры исторіи, входящіе въ нее и изъ нея выходящіе въ разные моменты, что не мѣшаетъ, однако, исторіи идти своимъ путемъ, катиться по своимъ рельсамъ. Вѣдь и отдѣльныя клѣтки организма мѣняются, а организмъ сохраняетъ свое тожество.

Развивая дальше основную мысль о безусловной зависимости личности отъ общественности, мы должны были бы признать и безличный характеръ историческаго процесса, состоящаго въ культурной трансформаціи. Въ XVIII вѣкѣ господствовало мнѣніе, по которому отдѣльные элементы культуры представляютъ собою сознательныя и преднамѣренныя изобрѣтенія людей, ставившихъ себѣ извѣстныя задачи и находившихъ тѣ или иные способы ихъ разрѣшенія [1]). Такимъ изобрѣтеніемъ казался языкъ; въ религіи тоже готовы были видѣть выдумку жрецовъ; происхожденіе государства объясняли договоромъ. Все это считалось своего рода произведеніями искусства, продуктами сознательнаго и преднамѣреннаго творчества, прямо изобрѣтеніями, осуществляющими заранѣе поставленныя цѣли. Съ самаго начала XIX в. по причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться [2]), представленіе объ искусственномъ происхожденіи такихъ элементовъ культуры, какъ языкъ, религія, государство,—а равно и право, возникновеніе котораго приписывалось разнымъ Ликургамъ и Нумамъ Помпиліямъ,—стало смѣняться представленіемъ объ естественномъ ихъ возникновеніи, объ органическомъ ихъ развитіи. Между прочимъ, такъ называемая историческая школа права въ Германіи устами одного изъ своихъ основоположниковъ заявила, что право развивается, какъ трава растетъ. Языкъ каждаго народа, каждое національное право

---

[1]) Для дальнѣйшаго ср. стр. 353 и слѣд. „Сущности историческаго процесса“.

[2]) См. въ моей „Исторіи Западной Европы“ т. IV, гл. XIII.

и каждое государство стали разсматриваться, какъ своего рода естественные организмы, возникающіе въ таинственныхъ глубинахъ народной жизни. Прежнему взгляду, обозначенному, какъ механическій, былъ противопоставленъ новый, рекомендовавшій себя, какъ органическій. Здѣсь уже нѣтъ мѣста для преднамѣреннаго творчества, разъ все происходитъ само собою, возникаетъ и развивается чисто органическимъ путемъ. Въ своемъ терминѣ „évolution spontanée“ Контъ далъ обобщенное выраженіе новому органическому взгляду на общественное развитіе. Это—эволюція сама собою происходящая, саморазвитіе, имѣющее свой внутренній источникъ, не нуждающееся въ постороннемъ содѣйствіи, — „какъ трава растетъ“. Біологическая теорія Дарвина дала новое обоснованіе теоріи безличной эволюціи культуры, указавъ на то, что трансформація видовъ растительнаго и животнаго царства происходитъ сама собою, будучи вызываема дѣйствіемъ извѣстныхъ причинъ въ прошломъ и оставаясь независимою отъ какихъ бы то ни было цѣлей въ будущемъ.

Сознательное и преднамѣренное творчество, дѣятельность изобрѣтателя предполагаетъ заранѣе поставленныя цѣли. Сущность новаго органическаго взгляда заключалась въ изгнаніи изъ теоріи культурнаго саморазвитія всего, что называется телеологіей: не только цѣлей, приписываемыхъ Божеству, но и цѣлей, ставимыхъ себѣ людьми. Критикуя органическую теорію Спенсера, американскій соціологъ Лестеръ Уордъ [1]) назвалъ, признаваемый этой теоріей способъ развитія генетическимъ, поставивъ рядомъ съ нимъ другой, который назвалъ антропо-телеологическимъ, поскольку дѣло идетъ о постановкѣ людьми цѣлей, оказывающей вліяніе на культурную эволюцію.

---

[1]) См. Сущность историческаго процесса, стр. 397 и сл..—Введеніе въ изученіе соціологіи, стр. 70 и сл. (по 3 изд.).

Со второй половины XIX в. началась реакція противъ теоріи безличной эволюціи, какъ во всякомъ случаѣ односторонней, неспособной объяснить всю историческую дѣйствительность и стоящей въ противорѣчіи съ цѣлою категоріей фактовъ культурной исторіи. Такъ, только-что названный Уордъ въ своей „Динамической соціологіи“ (1883) указалъ на двойственность историческаго процесса, съ одной стороны, генетическаго, съ другой — антропо-телеологическаго. Около того же времени французскій философъ Фуллье въ своей книгѣ „Современная соціальная наука“ (1880) сдѣлалъ попытку примирить договорное и органическое происхожденіе общества въ понятіи „договорнаго организма“. Еще раньше нѣмецкій юристъ Рудольфъ Іерингъ ученію юридической школы противопоставилъ свое ученіе, о характерѣ котораго можно судить по заглавіямъ двухъ его сочиненій: „Цѣль въ правѣ“ (1872) и „Борьба за право“ (1872): первымъ утверждается антропо-телеологическій характеръ права, вторымъ опровергается мысль о безболѣзненномъ и мирномъ развитіи права, подобномъ росту травы [1]).

Оба взгляда, изложенные выше, должны быть признаны односторонними. Въ сущности, каждый односторонній взглядъ пріемлемъ, поскольку имѣетъ въ виду одну сторону дѣла, не претендуя на объясненіе всѣхъ его сторонъ. Ошибка каждой односторонности начинается лишь тогда, когда ее начинаютъ выдавать за все-

[1]) Первая половина IV главы во второй части „Сущности историческаго процесса“ (стр. 478—505) посвящена изложенію взглядовъ исторической школы и нѣкоторыхъ новѣйшихъ юристовъ на то, какъ создается и развивается право. Недавно (1913) то же самое было темой книжки *А. А. Кролика* „Идея законодательнаго творчества и закономѣрнаго развитія права въ новѣйшей юриспруденціи“, о которой см. на стр. 570—571 добавленій ко второму изданію „Сущности историческаго процесса“.

объемлющую истину. Наивныя представленія о происхожденіи языка, религіи, права, государства, высказывавшіяся въ XVIII вѣкѣ, конечно, невѣрны, но изъ того, что ни языкъ, ни религія, ни право, ни государство не были сознательно изобрѣтены людьми, вовсе еще не слѣдуетъ, будто вообще не существуетъ сознательныхъ изобрѣтеній, преднамѣреннаго творчества, вообще антропотелеологическихъ процессовъ въ исторіи культуры. Конечно, возникновеніе органическаго взгляда и теоріи безличной эволюціи было очень важнымъ пріобрѣтеніемъ науки, значительнымъ ея шагомъ впередъ, но изъ того, что и языки, и религіи, и правовыя нормы, и государства возникли естественнымъ, органическимъ или генетическимъ путемъ, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы все въ культурѣ создавалось и измѣнялось только этимъ путемъ, т.-е безсознательно, непреднамѣренно. Культурный процессъ исторіи есть процессъ двусторонній, въ которомъ параллельно и въ тѣсномъ соединеніи находятся моменты какъ безличной эволюціи, такъ и личнаго творчества.

Противоположеніе личности и общества слѣдуетъ принимать съ большими оговорками, сохраняющими свою силу и для обоихъ тезисовъ, изъ которыхъ одинъ дѣлаетъ изъ личности только продуктъ общественной среды, а другой разсматриваетъ эту среду, какъ нѣчто, безлично саморазвивающееся.

Во-первыхъ, противоположеніе общества и личности не есть противоположеніе какихъ-то разнородныхъ предметовъ, подобное противоположенію огня водѣ, суши морю, живыхъ существъ мертвой природѣ, духа матеріи. Личность и общество однородны, и общество есть, прежде всего, лишь совокупность личностей, сумма, образуемая многими однородными слагаемыми. Различіе между личностью и обществомъ не качественное, а количественное: здѣсь одна единица, тамъ такихъ единицъ множество. Взаимныя отно-

шенія между ними суть поэтому въ основѣ своей отношенія не между нѣкоторымъ особымъ существомъ, называемымъ обществомъ и человѣкомъ, а между отдѣльными людьми. Это вѣрно и для тѣхъ случаевъ, когда отдѣльныя лица дѣйствуютъ отъ имени цѣлаго общества, какъ носители публичной власти и ея агенты. Пусть они въ этомъ отношеніи уподобляются органамъ, исполняющимъ опредѣленныя функціи въ общественномъ организмѣ, но эти органы власти— такія же человѣческія существа, такія же личности, какъ и подвластныя имъ члены общества. Какой-то отдѣленной отъ тѣхъ или другихъ личностей безличной власти, какъ чего-то неоднороднаго съ подчиняющимся ей людьми, не существуетъ: носителями, представителями, агентами, органами власти бываютъ только опредѣленныя личности; онѣ только дѣйствуютъ отъ имени соціальнаго цѣлаго, но на самомъ дѣлѣ дѣйствуютъ по личному своему разумѣнію, а не по велѣніямъ чего-то безличнаго или сверхличнаго. Каждое учрежденіе имѣетъ свой личный составъ, и дѣйствуютъ отъ имени учрежденія опять-таки лица же. Только видимость чего-то сверхличнаго имѣютъ разныя, какъ сказалъ бы Фуллье, „идеи-силы“ [1]), двигающія людьми, общепризнанные въ обществѣ догматы, заповѣди, нравственныя правила, законы, постулаты общественнаго мнѣнія, но и они отнюдь не имѣютъ значенія какихъ-то силъ, пребывающихъ гдѣ-то надъ личностями и внѣ личностей. Говоримъ ли мы объ учрежденіяхъ и объ идеяхъ, обо всей вообще культурѣ, какъ о чемъ-то безличномъ или сверхличномъ, мы имѣемъ въ виду или то, что здѣсь рѣчь можетъ идти о культурѣ, какъ о чемъ-то, не составляющемъ достоянія отдѣльной только личности, или какъ о чемъ-то, что существуетъ и внѣ единичной только личности. И идеи, и учрежденія имѣютъ бытіе лишь въ лич-

[1]) *A. Fouillée.* Les idées-forces.

ностяхъ и чрезъ личности, совокупность которыхъ образуетъ общество, существуютъ лишь постольку, поскольку люди дѣятельны, т.-е въ ихъ дѣятельности и чрезъ ихъ дѣятельность, поскольку люди думаютъ, говорятъ, работаютъ, вступаютъ въ разныя между собою отношенія, управляютъ, судятъ, пишутъ книги, производятъ научныя изслѣдованія и т. д. Въ концѣ концовъ, общество не есть какое-то особое существо, отличное отъ личностей, его составляющихъ, съ ними не однородное. Общество, это — тѣ же люди, человѣческій коллективъ, вообще не существо какое-то, не тѣло, не организмъ, что ли,—хотя мы и пользуемся выраженіями „общественное тѣло", „соціальный организмъ",—а постоянная и оформленная совокупность множества отдѣльныхъ человѣческихъ существъ, извѣстнымъ образомъ между собою связанныхъ и потому образующихъ опредѣленную систему.

Если новый органическій взглядъ на общественность правильно противополагалъ себя прежнему, какъ механическому, то дальнѣйшимъ шагомъ науки, начинающей переростать органическій взглядъ, является взглядъ психологическій, отнюдь, однако, не претендующій на устраненіе изъ науки того, что въ органическомъ взглядѣ нужно и теперь признавать вѣрнымъ. Самъ Спенсеръ, наиболѣе авторитетный и научный представитель организмической школы, установилъ два пункта различія между организмомъ и обществомъ: съ одной стороны, организмъ есть цѣлое конкретное, а общество — цѣлое дискретное, съ другой, въ обществѣ нѣтъ ничего, что можно было бы назвать соціальнымъ чувствилищемъ, подобнымъ индивидуальному чувствилищу отдѣльнаго организма [1]). Переводя эти понятія на другую терминологію, мы можемъ сказать, что всякій предметъ (тѣло, организмъ, существо)

---

[1]) Ср. Введеніе въ изученіе соціологіи, стр. 61—62 (по 3 изд.).

конкретно, дискретность же есть существенный признакъ всякой системы, и что разъ нѣтъ никакой сверхличной общественной психики (соціальнаго чувствилища), а существуетъ лишь психика личная (индивидуальныя чувствилища), все психическое въ обществѣ имѣетъ только коллективный характеръ, допускающій разложеніе на индивидуальные элементы.

Всякое коллективное, дискретное цѣлое, разсматриваемое нами, какъ постоянное и оформленная совокупность однородныхъ единицъ, всякая, однимъ словомъ, реальная система имѣетъ въ своей основѣ нѣкоторыя силы, вносящія единство въ разрозненность. Астрономія давнымъ-давно установила, какая сила соединяетъ въ одно цѣлое, въ одну систему наше солнце, вращающіяся вокругъ него планеты съ ихъ спутниками, каковые у планетъ есть, и такъ называемыя астероиды, и мы опредѣляемъ эту силу, какъ силу механическую. Общество въ отличіе отъ организма, какъ тѣла, состоящаго изъ сросшихся между собою („конкретныхъ“) частей, есть цѣлое дискретное, въ которомъ нѣтъ непосредственной физической связи между его частями. Послѣднія, — а таковыми являются отдѣльныя личности,—дѣйствуютъ однѣ на другія на разстояніи, но это дѣйствіе имѣетъ, конечно, не механическій, а психическій характеръ: основа общественности находится въ психикѣ. Элементарныя проявленія психической жизни возможны и внѣ общественности, общественность же внѣ психики немыслима, и, наприм., лѣсъ еще не составляетъ общества деревьевъ, какъ и стая мухъ точно такъ же не составляетъ общества—въ отличіе отъ роя пчелъ.

Такъ называемая біо-соціальная теорія выводитъ психику,—но уже находящуюся на высшихъ, т.-е. человѣческихъ ступеняхъ развитія,—изъ общественности и даже готова признавать за общественостью значеніе чего-то ни

на что другое несводимаго, подобнаго въ этомъ отношеніи силѣ тяготѣнія или химическому сродству [1]). Что только общественность изъ элементарныхъ начатковъ психики создала человѣческую духовность, объ этомъ, конечно, и спора быть не можетъ, но біо-соціальная теорія ставитъ на разрѣшеніе вопросъ въ такой формѣ, которая очень напоминаетъ схоластическую задачу о томъ, что было прежде — курица или яйцо. Элементарная психика мыслима безъ общественности, но уже самая элементарная общественность предполагаетъ наличность психики въ составляющихъ общество организмахъ. Во всякомъ случаѣ, уже для того, чтобы общество имѣло опредѣленную структуру, которая не могла бы объясняться изъ чисто физическихъ факторовъ, какъ у пчелъ, необходимо, какъ предварительное условіе, существованіе у членовъ общежитія способности къ психическому взаимодѣйствію. Само по себѣ послѣднее, прибавлю, еще не составляетъ общественности въ смыслѣ постоянной и оформленной системы, а только необходимое для нея условіе. Курица ли была прежде, а потомъ уже яйцо или наоборотъ, но теперь куры выходятъ изъ яицъ и сами несутъ яйца. Въ исторіи человѣческихъ обществъ соціальное и психическое развитіе одно другимъ порождается, одно другимъ обусловливается. Разъ, однако, у общества нѣтъ своего собственнаго чувствилища, вся соціальная психика имѣетъ характеръ коллективный, дискретный, и всѣ проявленія психической жизни въ обществѣ заключаются въ психическомъ взаимодѣйствіи его отдѣльныхъ членовъ. Среди психическихъ явленій и процессовъ мы потому имѣемъ право различать интраментальные, совершающіеся внутри каждаго индивидуальнаго духа (intra mentem), и интерментальные, происхо-

[1]) См. въ упомянутомъ выше 2 сборникѣ „Новыхъ идей въ соціологіи“ ст. Колле.

дящіе между отдѣльными „душами“ (inter mentes), и вся общественная психика имѣетъ, именно, исключительно послѣдній, т.-е. интерментальный характеръ. Какой-нибудь соціальной психики съ экстраментальнымъ или супраментальнымъ характеромъ,—понимая подъ „mens“ индивидуальную психику, — нѣтъ, если только держать свою мысль далеко отъ мистическихъ интуицій и метафизическихъ фантазій.

Теперь у насъ,—если все предыдущее вѣрно,—есть теоретическія основанія для правильнаго отношенія ко взгляду, дѣлающему личность только продуктомъ окружающей его общественной среды. Въ каждомъ человѣкѣ нужно различать то, что далъ ему вызвавшій его къ жизни біологическій процессъ, дали ряды его предковъ съ отцовской и материнской стороны, дали ему наслѣдственность, въ которую входитъ и атавизмъ, дали условія его зачатія и жизни въ утробѣ матери. Съ собою человѣкъ приноситъ на свѣтъ Божій не только опредѣленныя тѣлесныя качества, но и извѣстныя психическія свойства, способности, склонности, получающія потомъ дальнѣйшее развитіе и такъ или иначе проявляющіяся въ умѣ, характерѣ, поведеніи и дѣятельности человѣка. Поскольку опредѣленныя прирожденныя свойства отличаютъ цѣлое племя, имѣющее общее происхожденіе, мы вообще въ правѣ говорить о вліяніи расы на исторію, не забывая существованія индивидуальныхъ особенностей въ предѣлахъ единаго племени [1]). Съ этой стороны, конечно, личность вовсе не является продуктомъ своей культурно-соціальной среды. Отъ того, что личности далъ вызвавшій ее къ жизни біологическій процессъ въ цѣломъ рядѣ поколѣній его предковъ, нужно отличать то, что она получаетъ отъ окружающаго его общества. Только

[1]) См. выше, гл. V.

въ этой части элементовъ духовной культуры она можетъ считаться продуктомъ общества, другая же часть остается независимой и въ свою очередь оказываетъ вліяніе на то, чтò и какъ воспринимается личностью изъ окружающей среды. Если бы индивидуумъ представлялъ собою tabulam rasam, чистый листъ бумаги, среда отпечатлѣвалась бы на всѣхъ такихъ листахъ одинаковымъ образомъ, и въ результатѣ получались бы совершенно тожественные продукты, подобные отпечаткамъ одной и той же печати на отдѣльныхъ кусочкахъ воска. Благодаря существованію индивидуальныхъ особенностей, каждый болѣе или менѣе по свóему—и въ качественномъ, и количественномъ отношеніи—воспринимаетъ вліянія, идущія на него со стороны культурной среды, и потому не можетъ считаться исключительно только ея продуктомъ. Вмѣстѣ съ этимъ въ сколько-нибудь сложной и расчлененной средѣ отдѣльная личность не въ состояніи всецѣло овладѣвать всѣмъ ея культурнымъ содержаніемъ. Если на однихъ въ силу ихъ прирожденной психической организаціи одно и то же вліяетъ не одинаково, а случается и такъ, что на однихъ вліяетъ сильно, воспринимается ими глубоко, но на другихъ не производитъ никакого впечатлѣнія, отскакиваетъ отъ нихъ, по образному сравненію, какъ отъ стѣны горохъ, то вѣдь и сама среда для отдѣльныхъ людей далеко не одно и то же. Что такое, въ концѣ концовъ, для каждаго отдѣльнаго лица ближайшимъ образомъ окружающая его среда? Все общество, въ составъ котораго оно входитъ, вся нація, все государство? Или, быть можетъ, все содержаніе національной культуры? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, и вотъ почему.

Съ окружающею культурною средою человѣкъ соприкасается при посредствѣ зрѣнія и слуха, но многаго, что имѣется и дѣлается въ этой средѣ, онъ не видитъ, о многомъ не слышитъ, очень многаго не знаетъ, и очень многое

не оказываетъ на вего никакого влiянiя. Человѣка непосредственно окружаетъ только маленькiй кусочекъ жизни, ближайшая его среда: это—люди, съ которыми онъ разговариваетъ, ведетъ знакомство, работаетъ, вершитъ дѣла, отъ которыхъ что-либо узнаётъ, въ томъ или иномъ отношенiи зависитъ и пр. и пр. Вся надъ-органическая среда есть нѣчто для отдѣльной личности отвлеченное, отъ нея далекое, слишкомъ огромное для того, чтобы личность имѣла возможность соприкасаться со всѣми пунктами среды, и то, что есть въ послѣдней для всѣхъ общаго, дѣлается достоянiемъ личности лишь чрезъ ближайшiй ея антуражъ, чрезъ тѣхъ людей, съ которыми она знакома, разговариваетъ, находится въ какихъ-либо реальныхъ отношенiяхъ. Даже изъ культуры одного и того же города, гдѣ, на маломъ пространствѣ сосредоточены сотни тысячъ, иногда миллiоны жителей, разныя ея стороны налагаютъ разныя печати на столь тѣсно живущихъ здѣсь людей. Поскольку индивидуальная психика наполняется содержанiемъ, идущимъ изъ общественной среды, эту послѣднюю приходится расчленять, разслоять, разлагать, дифференцировать, такъ сказать, раздѣлять на маленькiе мiрки, или круги—профессорскiй, студенческiй, чиновничiй, прикащичiй, извощичiй и мало ли еще какiе. Общее представленiе о надъ-органической средѣ расплывается, распыляется, теряетъ контуры, блѣднѣетъ, и передъ нашими глазами рисуются многообразно между собою переплетающiяся человѣческiя группы, причемъ одинъ и тотъ же человѣкъ, то и дѣло, оказывается разными сторонами своего существованiя принадлежащимъ къ нѣсколькимъ группамъ.

Туманное и неопредѣленное представленiе о личности, какъ продуктѣ всего общества, членомъ котораго она состоитъ, во всякомъ случаѣ, приходится отбросить. Многiе давно уже поняли, что въ разсмотрѣнiе отношенiй личности и общества нужно внести бóльшую точность и опредѣ-

ленность. Одинъ видный соціологъ [1]) объявилъ, что составными частями общества являются не отдѣльныя личности, а цѣлыя соціальныя группы, и что каждая отдѣльная личность есть продуктъ своей соціальной группы. Цѣлая соціологическая школа [2]) учитъ, что общей культуры нѣтъ, а существуютъ лишь классовыя идеологіи, и что индивидуальная психика формируется только психикою классовою. Оба эти взгляда ближе къ истинѣ, чѣмъ расплывчатая теорія отраженія въ личности всей общественной среды, но и здѣсь мы встрѣчаемся съ затрудненіемъ, препятствующимъ всецѣло усвоить этотъ взглядъ.

Общественные классы и группы не представляютъ собою рѣзко однѣ отъ другихъ во всемъ отграниченныхъ коллективностей, налагающихъ исключительные отпечатки на своихъ членовъ. Во-первыхъ, есть болѣе или менѣе общія черты, характеризующія всѣ классы и группы даннаго общества, а во-вторыхъ, въ одномъ и томъ же государствѣ дѣленія населенія по отдѣльнымъ признакамъ, по принадлежности членовъ общества къ разнымъ національностямъ, вѣроисповѣданіямъ, сословіямъ, профессіямъ, партіямъ и пр., между собою не совпадаютъ. Одинъ человѣкъ въ одно и то же время можетъ въ разныхъ отношеніяхъ принадлежать къ разнымъ коллективностямъ, изъ которыхъ каждая налагаетъ на него тотъ или другой отпечатокъ, такъ что человѣкъ можетъ и не быть исключительнымъ продуктомъ одной какой-либо частичной коллективности. Не забудемъ, вдобавокъ, что соціальныя группы, ихъ интересы, ихъ традиціи могутъ находиться, въ борьбѣ,—самое обычное явленіе,—ихъ идеологіи могутъ быть противорѣчивыми, а ихъ явленія скрещиваться очень

[1]) Гумпловичъ, о чемъ см. на стр. 144 и слѣд. „Сущности историческаго процесса".

[2]) Экономическій матеріализмъ.

различнымъ образомъ въ психикѣ отдѣльныхъ особей, — обстоятельство, которое осложняетъ „продуцированіе“ личности ея средою.

Наконецъ, признавая, что ближайшая соціальная среда, вліяющая на индивидуальную психику, весьма разнообразится для отдѣльныхъ личностей, мы не должны еще упускать изъ виду, что эта ближайшая среда можетъ еще для одного и того же человѣка мѣняться, одни вліянія могутъ наслояться на другія, одни другими стираться. Чтеніе книгъ и газетъ, замѣняющее непосредственное общеніе съ другими людьми, тоже формируетъ психику индивидуума воздѣйствіями на нее, идущими изъ другихъ эпохъ, давно прошедшихъ, иногда и изъ другихъ странъ, очень отдаленныхъ. Время и пространство теряютъ здѣсь свое значеніе, и особая культурная среда, создающаяся вокругъ отдѣльнаго человѣка очень неодинаковымъ образомъ, вноситъ тоже свою долю вліянія, создающаго индивидуальную психику.

Конечно, во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ личность мыслится въ совершенно пассивной роли восприниманія внѣшнихъ вліяній, идущихъ отъ непосредственно ее окружающей культурно-соціальной среды, а чрезъ письменность и отъ иныхъ временъ и иныхъ обществъ. Личность во всѣхъ этихъ случаяхъ есть не то воскъ, на которомъ получаются отпечатки отъ разныхъ налагаемыхъ на него печатей, не то фотографическая пластинка, на которой зафиксировываются изображенія разныхъ предметовъ. Только при безусловной пассивности личностей, составляющихъ общество, мы можемъ разсматривать надъорганическую среду, какъ нѣчто развивающееся само собою. Разъ личность только пассивна въ своей роли воспринимающаго извнѣ аппарата, вся ея психика получаетъ значеніе простыхъ отраженій разныхъ сторонъ этой среды въ извѣстные моменты ея существованія. Правда, среда дѣй-

ствуетъ на людей, въ концѣ концовъ, черезъ другихъ людей, но разъ эти посредники совершенно пассивны, ихъ роль въ такомъ разѣ сводится къ роли простыхъ передаточныхъ аппаратовъ, въ родѣ зубчатыхъ колесъ, однѣ другими приводимыхъ въ движеніе. Полученное отцами отъ дѣдовъ передается отцами сыновьямъ, затѣмъ дѣтямъ послѣднихъ, дѣтямъ дѣтей и такъ дальше изъ поколѣнія въ поколѣніе. Откуда было бы браться историческимъ измѣненіямъ общественной среды, всему тому, что мы называемъ культурной эволюціей, если бы люди были только воспринимающими и передаточными аппаратами, временными носителями культуры, ни въ чемъ ее не измѣняющими, ничего къ ней не прибавляющими, вообще не перерабатывающими внѣшнихъ вліяній, которыя ими получаются отъ другихъ людей, и не оказывающими на другихъ людей своего вліянія уже въ нихъ самихъ переработанными элементами? Конечно, и это все бываетъ въ исторіи, да и вся устойчивость культурныхъ формъ здѣсь имѣетъ свою основу, но если бы было только одно это, не было бы и исторіи, не было бы и самой культурной эволюціи. Разъ культура не остается неподвижною, а измѣняется, развивается, не существуя сама внѣ человѣческихъ дѣятельностей, то, значитъ, и измѣненія въ ней могутъ происходить не иначе, какъ путемъ перемѣнъ въ этихъ человѣческихъ дѣятельностяхъ, путемъ переработки людьми испытываемыхъ ими месологическихъ [1]) вліяній и оказыванія на другихъ людей уже не такихъ, какія самими ими испытывались, вліяній.

Ученіе о безличности культурно-историческаго процесса въ смыслѣ спонтанейности соціальной эволюціи требуетъ признанія за людьми пассивной роли только воспринимающихъ и воспринятое передающихъ аппаратовъ.

---

[1]) Напоминаю объясненіе этого термина на стр. 109.

Такъ какъ, однако, при этомъ предположенiи никакого движенiя въ обществѣ не было бы и царила бы одна подражательность [1]), то для возможности спасти понятiе общественнаго развитiя оставалось бы только признать общество за нѣкое существо, подобное организму, которое и развивается подобно организму, переходя изъ одной стадiи въ другую. Человѣческая личность, однако, не только пассивно воспринимаетъ и столь же пассивно передаетъ дальше, но и проявляетъ активность, такъ или иначе реагируя на внѣшнiя влiянiя въ зависимости отъ своихъ психическихъ особенностей и не только подражая, но въ извѣстныхъ случаяхъ и изобрѣтая нѣчто новое, чего еще передъ тѣмъ не было.

Человѣческая дѣятельность не есть простая видимость, за которою, какъ истинная реальность, скрывается общественная эволюцiя. Скорѣе наоборотъ, ибо вся культурно-соцiальная среда, въ сущности, есть не что иное, какъ совокупность формъ, въ которыхъ совершается человѣческая дѣятельность, сама состоящая изъ отдѣльныхъ умственныхъ или волевыхъ актовъ: человѣкъ что-либо подумалъ, сказалъ, сдѣлалъ и притомъ, именно, такъ подумалъ, сказалъ, сдѣлалъ, какъ думаютъ, говорятъ, дѣлаютъ всѣ вокругъ. Кромѣ ряда непроизвольныхъ движенiй, совершаемыхъ человѣкомъ, относительно которыхъ можно спрашивать, *почему* они произошли, онъ совершаетъ еще сознательные поступки, по отношенiю къ которымъ мы каждый разъ ставимъ вопросъ: *для чего*, по какому мотиву, съ какою цѣлью это было сдѣлано?

---

[1]) Французскiй соцiологъ Габрiэль Тардъ въ книгѣ своей „Законы подражанiя" развилъ мысль о существенно-подражательномъ характерѣ, общественности, о чемъ см. въ главѣ VII „Введенiя въ изученiе соцiологiи". Въ силу существованiя подражательности въ обществѣ только происходили бы повторенiя прошлаго, если бы не было въ то же время и инновацiй, получающихся, по Тарду, отъ перекрещиванiя подражанiй.

человѣкъ такъ или иначе поступаетъ не потому, что этого отъ него требуетъ или на это его толкаетъ какая-то безличная эволюція общества, а потому, что къ этому приводитъ его нѣкоторый внутренній мотивъ, что онъ ставитъ передъ собою ту или другую цѣль. Вся сознательная и предпамѣренная дѣятельность людей имѣетъ телеологическій характеръ, причемъ цѣли, которыя ставятъ себѣ люди, имѣютъ характеръ личный, не въ смыслѣ эгоистичности,— эти цѣли могутъ быть и альтруистическими и соціальными,— а въ смыслѣ ихъ источника въ личной волѣ, какъ бы послѣдняя сама ни была обусловлена. Осуществляя отдѣльными поступками или повторными актами своей дѣятельности такія либо иныя цѣли, люди не думаютъ о тѣхъ результатахъ, которые могутъ еще, такъ сказать, дополнительно отсюда получаться, но эти результаты тѣмъ не менѣе получаются, накопляются и пріобрѣтаютъ общественное значеніе. Первобытные люди, какъ умѣли, пользовались своею способностью издавать звуки для того, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ нѣчто имъ нужное выразить, но изъ массы такихъ попытокъ, находившихъ подражаніе, возникъ языкъ, о созданіи котораго совсѣмъ не думали отдаленнѣйшіе предки наши, издавая разные звуки, когда имъ хотѣлось нѣчто передать другимъ. Языкъ создался безсознательно и непреднамѣренно, но это не значитъ, будто онъ возникъ безъ участія актовъ человѣческой дѣятельности, у которыхъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не было бы конкретной цѣли. Такое же безсознательное и непреднамѣренное происхожденіе только и могло быть у другихъ также элементовъ культуры, напримѣръ, у права или у государства. И то, и другое создавались, если угодно, сами собою, но и онѣ были только результатами накопленія цѣлаго ряда слѣдствій, которыя вовсе не имѣлись въ виду людьми на раннихъ ступеняхъ развитія, когда они такъ или иначе реагировали на отдѣльные непріятные поступки

отдѣльныхъ лицъ или когда находили нужнымъ слушаться самаго сильнаго и опытнаго въ своей средѣ. Никто не думалъ создать право, основать государство, но изъ того, что и то, и другое мало-по-малу сложились безъ всякаго представленія у людей о томъ, что получится отъ накопленія слѣдствій, не бывшихъ прямыми цѣлями нѣкоторыхъ отдѣльныхъ актовъ ихъ дѣятельности, конечно, отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобы каждый изъ этихъ актовъ въ свое время не имѣлъ какой-нибудь цѣли. Языкъ, право, государство и другіе элементы культуры являются поэтому продуктами людской активности.

Единообразіе формъ, въ которыхъ съ самаго начала должны были совершаться отдѣльные цѣлевые акты, повторность, накопленіе которыхъ имѣли своими результатами языкъ, право, государство, создавалось на почвѣ одинаковости инстинктовъ, путемъ опыта, указывавшаго, какія средства успѣшнѣе ведутъ къ цѣли, въ силу также складывавшихся привычекъ, и благодаря взаимному подражанію, воспитательному дѣйствію примѣра, традиціи и т. п. Было бы, однако, ошибочнымъ думать, что разъ безсознательно и со стороны самихъ людей непреднамѣренно ихъ цѣлевыми актами вырабатывались однообразныя и постоянныя формы этихъ актовъ, способы дѣйствія, образы поведенія и т. п., то этими формами налагались такіе путы на человѣческую дѣятельность, которыя не допускали бы болѣе мелкихъ или болѣе крупныхъ отступленій отъ этихъ формъ, съ теченіемъ времени способныхъ притомъ учащаться. Достигнутые результаты могли не давать полнаго удовлетворенія инстинктамъ природы, потребностямъ души и тѣла; неудачи въ достиженіи поставленныхъ цѣлей могли порождать недовольство имѣющимися въ наличности средствами, а потому продолжались исканія, придумывались новые пути, совершались изобрѣтенія. Малѣйшія отступленія отъ стараго, дѣлавшіяся для лучшаго достиженія единичныхъ

конкретныхъ цѣлей, безъ малѣйшаго намѣренія это старое разрушить и замѣнить новымъ, накопляясь и распространяясь путемъ подражанія, приводили въ конечномъ результатѣ къ измѣненію какой либо установившейся формы. Безсознательный и непреднамѣренный процессъ культурнаго саморазвитія весь заключается въ возникновеніи, накопленіи и подражательномъ распространеніи отступленій отъ той или другой старой формы, продиктованномъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ какою-нибудь непосредственною цѣлью. Въ этомъ процессѣ культурнаго трансформизма личность имѣетъ значеніе не простого воспринимающаго и передаточнаго аппарата, а аппарата,—если уже пользоваться этимъ терминомъ,— перерабатывающаго полученное извнѣ въ нѣчто новое, т. е. значеніе изобрѣтательной, творческой силы, какъ бы ни были въ громадномъ большинствѣ случаевъ незамѣтны, ничтожны, мелки, несущественны индивидуальные вклады въ общую сокровищницу культуры, и какъ бы ни были далеки мысли инноваторовъ о коренной трансформаціи въ данной культурной сферѣ.

Есть стороны культурной эволюціи, въ которыхъ особенно бросается въ глаза инноваторская работа личной мысли, совершающей открытія и изобрѣтенія съ полнымъ сознаніемъ дѣлаемаго дѣла, съ настоящею преднамѣренностью относительно ожидаемаго результата. Цѣлями здѣсь становятся не единичныя достиженія, съ которыми не соединяется мысль о новыхъ формахъ, а именно какъ-разъ эти самыя новыя формы. Тутъ отдѣльными людьми ставятся новыя цѣли, новыя задачи, дѣлаются усилія мысли для достиженія этихъ цѣлей, для разрѣшенія этихъ задачъ, происходятъ исканія, предпринимаются опыты, пробы, производятся изслѣдованія, какъ мы видимъ это особенно въ техникѣ и въ наукѣ. Пароходы, локомотивы, автомобили, аэропланы, дирижабли, были созданы творческимъ человѣ-

ческимъ геніемъ, опредѣленными людьми, задававшимися мыслью о механическомъ передвиженіи по водѣ, сушѣ и воздуху, а не безличною общественною эволюціей. Гребныя и парусныя суда никогда сами собою не развились бы въ пароходы, какъ изъ простыхъ повозокъ само собою никогда не вышло бы автомобилей, а воздушные змѣи для дѣтской забавы не превратились бы въ аэропланы. Нечего, думаю, дальше доказывать, что научныя открытія дѣлались сознательно и преднамѣренно усиліями индивидуальной мысли, а не были результатами безличной эволюціи общественности и культуры, въ которой наукѣ тоже принадлежитъ видное мѣсто.

О безличной эволюціи, о генетическомъ процессѣ, лишенномъ сознательности и преднамѣренности можно говорить только по отношенію къ историческимъ перемѣнамъ, являющимся результатами съ общественнымъ значеніемъ отъ такихъ человѣческихъ дѣйствій, которымъ ставились единичныя конкретныя цѣли безъ мысли о томъ, что накопленіе и распространеніе этихъ дѣйствій создадутъ общественную перемѣну. Иногда индивидуальныя отклоненія отъ установившихся формъ происходили даже безцѣльно, хотя и не безпричинно, какъ это наблюдается въ измѣненіяхъ, происходящихъ въ языкѣ, хотя и по отношенію къ нему возможно сознательное и преднамѣренное творчество (вплоть до изобрѣтенія искусственныхъ волапюковъ и эсперанто). Но говорить о безличной эволюціи тамъ, гдѣ дѣйствуютъ несомнѣнныя личныя исканія и совершаются творческія попытки, не приходится—и даже не по отношенію къ техникѣ и наукѣ только.

Структура общества, выражающаяся въ его экономическихъ и юридическихъ формахъ, возникаетъ на почвѣ человѣческихъ дѣятельностей, отдѣльные акты которыхъ преслѣдуютъ какія-либо конкретныя цѣли. Ни народное хозяйство, ни право, ни государство внѣ этихъ дѣятель-

ностей и создаваемыхъ ими отношеній не существуютъ. Вмѣстѣ съ этимъ и всякія экономическія, юридическія и политическія измѣненія, когда ихъ никто ни предвидѣлъ, ни желалъ, представляютъ собою результаты повторенія и накопленія хотя бы минимальныхъ отклоненій въ разнаго рода дѣятельностяхъ отъ проторенныхъ путей, по которымъ онѣ раньше шли. Стóитъ людямъ подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ или по соображеніямъ цѣлесообразности что-либо измѣнить въ осуществленіи своею дѣятельностью какихъ-либо частныхъ хозяйственныхъ цѣлей, и въ результатѣ является нѣкоторая общая перемѣна, о которой никто не думалъ и къ которой, какъ таковой, никто не стремился. Такимъ же порядкомъ происходятъ и измѣненія въ обычномъ правѣ народовъ: возникши изъ повторенія и накопленія прецедентовъ, оно и измѣняется тѣмъ же путемъ, когда отклоненія отъ установившихся нормъ сами дѣлаются новыми прецедентами. Старое право отмираетъ, и возникаетъ новое право, чего вовсе и не имѣлъ въ виду, къ чему вовсе не стремился тотъ или другой человѣкъ, отступая въ чемъ-либо отъ общепринятаго обычая. Не иначе дѣло обстоитъ и по отношенію къ политическимъ измѣненіямъ,—наприм., къ эволюціи разнаго рода учрежденій,—разъ эти измѣненія являются непредвидѣнными и непреднамѣренными слѣдствіями отклоненій отъ установленныхъ порядковъ, подъ давленіемъ ли внѣшнихъ обстоятельствъ, при достиженіи единичныхъ же конкретныхъ цѣлей.

Это, пользуясь терминомъ Лестера Уорда,—генетическая сторона историческаго процесса, безсознательная и непреднамѣренная эволюція общества. Но у историческаго процесса есть и другая сторона, антропо-телеологическая, какъ ее назвалъ тотъ же соціологъ, заключающаяся въ такихъ дѣятельностяхъ отдѣльныхъ личностей, которыми сознательно и преднамѣренно осуществляются разныя общія измѣненія въ структурѣ общества, въ его хозяйственныхъ, пра-

вовыхъ и государственныхъ формахъ, во всѣхъ соотвѣтственныхъ отношеніяхъ между людьми и въ разныхъ сторонахъ ихъ общественнаго поведенія. Люди придумываютъ, изобрѣтаютъ новыя формы, пропагандируютъ ихъ, властно вводятъ ихъ въ жизнь путемъ мирной законодательной дѣятельности или насильственныхъ переворотовъ, и здѣсь уже не можетъ быть сравненія съ ростомъ травы. Во всѣхъ подобнаго рода случаяхъ проявляется, какъ въ техническихъ изобрѣтеніяхъ и въ научныхъ открытіяхъ, сознательная, преднамѣренная, телеологическая активность отдѣльныхъ личностей въ роли иниціаторовъ и реформаторовъ.

И въ повседневной жизни, и въ историческомъ процессѣ личность бываетъ и пассивна, и активна, является какъ продуктомъ формъ окружающей культурно-соціальной среды, такъ и творцомъ этихъ формъ, пріемлетъ эти формы безъ сопротивленія и относится къ тѣмъ или другимъ изъ нихъ отрицательно, сопротивляется имъ, стремится ихъ замѣнить другими. Въ случаяхъ перваго рода общество, надъ-органическая среда дѣйствуетъ на личность, въ случаяхъ второй категоріи личность—на общество, на надъорганическую среду, но это взаимодѣйствіе общества и личности, въ послѣднемъ анализѣ, сводится къ взаимодѣйствіямъ между отдѣльными личностями, внѣ совокупности которыхъ нѣтъ общества, какъ какого-то особаго существа. Въ указанныхъ взаимодѣйствіяхъ человѣкъ играетъ то пассивную, то активную роль, то подчиняясь надъ-органической средѣ, то проявляя по отношенію къ ней извѣстную независимость, хотя бы и совершенно безсознательно, или же, наоборотъ, сознательно на нее воздѣйствуя. И пассивность, и активность людей въ поступательномъ движеніи общества должны учитываться историками отдѣльныхъ народовъ и эпохъ, и отдѣльная личность получаетъ для историка особый интересъ, или какъ наиболѣе полное,

рельефное, яркое отраженіе данной общественности, или какъ наиболѣе сознательная и съ особымъ успѣхомъ проявившая себя обновительная сила.

IX. Великіе люди и народныя массы въ исторіи.

Способы, количества, степени проявленій пассивности и активности у отдѣльныхъ людей разнообразятся до безконечности соотвѣтственно безчисленному множеству причинъ и условій, дѣлающихъ отдѣльную личность именно такою, а не иною. Въ своей жизни каждая личность въ зависимости отъ возраста, отъ состоянія здоровья, отъ прирожденныхъ способностей и склонностей, отъ общественнаго положенія, отъ мѣняющихся внѣшнихъ обстоятельствъ не всегда бываетъ одинаково пассивна или одинаково активна, и ею проявляется въ одни и тѣ же періоды ея жизни то бо́льшая, то меньшая активность въ отношеніи къ разнымъ сторонамъ культурной среды. Сама воспріимчивость къ культурнымъ вліяніямъ, оказываемымъ этою средою на личность чрезъ психическія на нее воздѣйствія со стороны другихъ личностей, равно какъ къ явленіямъ природы посредствомъ, главнымъ образомъ, органовъ зрѣнія и слуха, не одинакова у отдѣльныхъ личностей. Въ ней, въ этой воспріимчивости къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ отъ другихъ людей и отъ природы, наблюдается также величайшее разнообразіе, причемъ въ каждой индивидуальной воспріимчивости могутъ обнаруживаться разныя дозы и пассивности, и активности. Одинъ довольствуется впечатлѣніями, которыя сами, такъ сказать, къ нему приходятъ, отнюдь не ища новыхъ впечатлѣній, да и тѣ, которыя имъ невольно получаются, часто, если можно такъ выразиться, лишь поверхностно скользятъ по его душѣ.

У другого, наоборотъ, широко раскрыты глаза на міръ Божій, впечатлѣнія отъ послѣдняго глубоко западаютъ въ душу, и человѣкъ самъ ищетъ все новыхъ и новыхъ впечатлѣній, самъ идетъ на встрѣчу разнымъ вліяніямъ, какія только окружающій міръ природы и духа можетъ оказывать на человѣческую психику. Все зависитъ здѣсь и отъ прирожденныхъ свойствъ личности, и отъ внѣшняго ея положенія, или приводящаго ее въ соприкосновеніе съ очень ограниченнымъ уголкомъ данной надъ-органической среды, или открывающаго передъ личностью широкіе культурные горизонты. Одинъ отражаетъ на себѣ только бѣдную жизнь своего захолустья, другой воспринимаетъ вліянія, идущія отъ всего цивилизованнаго міра.

Воспринимать и ничего отъ себя не вносить въ воспринятое, не перерабатывать въ себѣ идущихъ извнѣ вліяній и вліять на другихъ только въ роли простой передаточной инстанціи, это—пассивное отношеніе къ культурѣ; перерабатывать воспринятое и вліять на другихъ уже тѣмъ, что получается отъ личной переработки воспринятаго, значитъ принимать участіе въ активной жизни общества, быть не простымъ соціальнымъ продуктомъ, но и живымъ соціальнымъ агентомъ. Между величайшею степенью пассивности и величайшею степенью активности, доступной человѣку, существуетъ цѣлая градація, своего рода лѣстница, на разныхъ ступеняхъ которой находятся отдѣльныя категоріи человѣческихъ существъ, различающихся между собою въ смыслѣ степеней пассивности и активности [1]). Человѣкъ человѣку рознь, а потому отдѣльные люди играютъ далеко не одинаковыя роли въ великомъ драматическомъ представленіи, даваемомъ историческимъ процессомъ.

---

[1]) Подробнѣе о градаціи см. въ разныхъ мѣстахъ „Сущности историческаго процесса“.

Къ сказанному нужно прибавить, что и сферы, на которыя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ распространяется личная активность, могутъ быть болѣе тѣсными и болѣе широкими, смотря по тому, какое количество людей захватывается въ сферу личныхъ воздѣйствій субъекта при помощи власти, внушеній, изобрѣтеній и т. п. Александры Македонскіе, Цезари, Наполеоны дѣйствовали на широкой сценѣ, оказывали вліяніе на дѣятельность и судьбу громадныхъ человѣческихъ массъ, а вліятельность другихъ не выходила за предѣлы деревенской околицы, да и въ ней скоро переставала давать себя знать, тогда какъ результаты дѣятельности Александровъ, Цезарей и Наполеоновъ продолжали чувствоваться и черезъ вѣковые промежутки времени.

На раннихъ ступеняхъ развитія исторіографія, главнымъ образомъ, занималась повѣствованіями о дѣяніяхъ царей, полководцевъ, законодателей, часто легендарныхъ, которымъ и приписывала основаніе и устроеніе государствъ, составленіе законовъ и пр. и пр. Въ этомъ отношеніи раннее бытописаніе продолжало традицію національнаго эпоса, воспѣвавшаго подвиги героевъ. Историческія эпохи, когда народныя массы были пассивны, и, казалось, все дѣлалось, какъ того хотѣли сильные міра сего, Карлы V или Людовики XIV, тоже не мало способствовали утвержденію въ сознаніи историковъ ученія о „великихъ людяхъ", исключительныхъ личностяхъ, какъ главныхъ и даже единственныхъ дѣятеляхъ исторіи. Никто, однако, не возводилъ на степень основного исторіологическаго принципа идею о великихъ людяхъ въ роли исключительныхъ творцовъ исторіи, въ такой мѣрѣ, какъ извѣстный англійскій писатель середины XIX вѣка Томасъ Карлейль въ своей книгѣ „О герояхъ, поклоненіи героямъ и героическомъ въ исторіи [1]).

[1]) Болѣе подробное изложеніе взглядовъ Карлейля дано мною въ самомъ началѣ „Сущности историческаго процесса", стр. 21—30.

По его мнѣнію, „всемірная исторія, исторія того, что человѣкъ совершилъ въ этомъ мірѣ, есть, въ сущности, исторія великихъ людей, трудившихся на землѣ“... „Исторія міра, не разъ повторяетъ онъ еще, есть біографія великихъ людей“. Въ великомъ человѣкѣ, „героѣ“, для Карлейля было даже что-то сверхъестественное, ибо, по его словамъ, великій человѣкъ является въ міръ „со свободною силою, вышедшею прямо изъ десницы Божіей“. Великій человѣкъ, это—молнія, сходящая съ неба и зажигающая сухое дерево, которое безъ нея оставалось бы лежать и никогда не дало бы пламени. Герои, это—пророки, жрецы, поэты, цари, создающіе души своихъ народовъ, создающіе самые эти народы, и въ героѣ-царѣ для Карлейля даже особенно воплощалось „все, что только мы можемъ вообразить изъ матеріальныхъ и духовныхъ достоинствъ, заключенныхъ въ одномъ человѣкѣ“.

Или вотъ возьмемъ еще „Историческія Письма“ Миртова (П. Л. Лаврова), бывшія столь популярными у насъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка [1]). Здѣсь карлейлевскаго героя замѣняетъ „критически-мыслящая личность“. „Какъ ни малъ прогрессъ человѣчества, сказано въ одномъ мѣстѣ этой книги, но и то, что есть, лежитъ на критически-мыслящихъ личностяхъ“. Онѣ являются для автора „единственными орудіями человѣческаго прогресса“. Для Лаврова въ этой книгѣ и „народный духъ въ данную эпоху есть духъ критически-мыслящихъ личностей этой эпохи“, да и опытъ человѣчества кажется не чѣмъ инымъ, какъ „пониманіемъ его исторіи тѣми же критически мыслящими и энергически желающими личностями“.

---

[1]) О дальнѣйшемъ см. подробнѣе на стр. 69 и слѣд. „Сущности историческаго процесса“. Кромѣ того, отсылаю къ своей статьѣ „Теорія личности П. Л. Лаврова“, перепечатанной въ послѣдній разъ во II т. „Собранія сочиненій“ (1912).

Не такъ давно, въ концѣ XIX вѣка, извѣстный нѣмецкій историкъ Карлъ Лампрехтъ поднялъ цѣлый походъ противъ того, что онъ назвавъ индивидуалистическимъ направленіемъ въ исторіи, вызвавъ этимъ въ научной литературѣ цѣлую полемику [1]. Въ своей брошюрѣ „Старое и новое направленіе въ исторической наукѣ" (1898) онъ старому, индивидуалистическому направленію, видящему причины историческихъ событій въ выдающихся личностяхъ, противопоставилъ новое направленіе, которое обозначилъ, какъ коллективистическое,—направленіе, принимающее и массовые поступки за причины историческаго движенія наряду съ индивидуальными, равно какъ полагающее, что изъ массовыхъ поступковъ слагаются и условія дѣятельности выдающихся личностей. Не считаю здѣсь нужнымъ разсматривать поднятую Лампрехтомъ полемику, которую нельзя не назвать нѣсколько запоздалою. То, что развивалъ Лампрехтъ въ названной брошюрѣ, много раньше и, пожалуй, даже гораздо рѣзче высказывалось другими.

Наиболѣе радикальный взглядъ въ коллективистическомъ духѣ былъ высказанъ Львомъ Толстымъ въ извѣстныхъ историко-философскихъ разсужденіяхъ въ „Войнѣ и мирѣ" [2]. Великій писатель полемизируетъ здѣсь противъ историковъ, стоящихъ на точкѣ зрѣнія, которую позднѣе Лампрехтъ назвалъ индивидуалистическою, но въ сущности, возражаетъ Карлейлю, хотя его и не называя. Толстовская точка зрѣнія діаметрально противоположна карлейлевской. Если для англійскаго писателя великій

[1] См. на стр. 305—307 „Теоріи историческаго знанія", а также въ добавленіяхъ ко второму изданію „Сущности историческаго процесса".

[2] О дальнѣйшемъ подробнѣе въ статьѣ моей „Историческая философія Л. Толстого въ *Войнѣ и мирѣ*", перепечатанной въ послѣдній разъ во II т. „Собранія сочиненій". Сокращенное изложеніе того же самаго на стр. 30—48 „Сущности историческаго процесса".

человѣкъ, герой, былъ въ исторіи все, то для автора „Войны и мира“ онъ былъ ничто. Великіе люди представляются Толстому лишь „ярлыками событій“, съ которыми связаны ихъ имена, но не имѣющими для самихъ событій никакого реальнаго значенія. Онъ сравниваетъ великаго человѣка со струею, которая бурлитъ впереди идущаго по морю корабля и „издали представляется намъ не только произвольно движущеюся, но и руководящею движеніемъ корабля“. Исторія дѣлается не великими людьми, а народными массами, „роевою силою“ всѣхъ, прямо „*всѣми*, безъ одного исключенія *всѣми*, принимавшими участіе въ событіяхъ“. Всѣми безъ единаго исключенія, но разъ великій человѣкъ является для событія только ярлыкомъ, „дающимъ наименованіе событію, которое (наименованіе) такъ же, какъ ярлыкъ менѣе всего имѣетъ связи съ самимъ событіемъ“, то онъ тѣмъ самымъ какъ бы исключается изъ тѣхъ *всѣхъ*, которые участвуютъ въ событіи. Толстой даже прямо говоритъ, что такъ называемые великіе люди какъ-разъ наименѣе участвуютъ въ событіяхъ и сами наиболѣе зависятъ отъ того, что совершается яко бы по ихъ волѣ. Тѣ люди, по имени которыхъ называются событія, оказываются совершенно исключенными изъ числа всѣхъ, „сумма личныхъ произволовъ“ которыхъ создаетъ событія, — оказываются, слѣдовательно, не входящими въ число слагаемыхъ этой суммы, какими-то фантомами, т. е. настоящими нулями.

Трудно представить себѣ бо̀льшую противоположность въ пониманіи роли выдающихся личностей въ исторіи, какъ та, какую мы видимъ въ исторіологическихъ взглядахъ Карлейля и Толстого. У перваго исключительная активность на сторонѣ героевъ, которые въ исторіи все, массы же у него инертны, тогда какъ у другого исторія движется только роевой силой, великіе же люди лишь бурлящія струи, призраки, нули, ничто. Карлейль надѣляетъ

своихъ героевъ божественною властью, Толстой объявляетъ, что „власть есть только слово и въ дѣйствительности не существуетъ“.

Спрашивается, какая изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія вѣрна и какая невѣрна. Или, можетъ быть, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такими же односторонностями, какія уже мы наблюдали въ ученіяхъ о культурѣ, какъ созданіи сознательнаго и преднамѣреннаго творчества человѣческихъ личностей и какъ о продуктѣ совершенно безличной эволюціи. Да, и здѣсь мы, дѣйствительно, имѣемъ передъ собою ошибочныя односторонности, причемъ въ основѣ ихъ ошибочности лежитъ одно и то же представленіе.

И Карлейль, и Толстой выдѣляютъ героя изъ массы, чтобы его противопоставить массѣ, какъ нѣчто отъ нея отличное. Выдающуюся личность нужно числить въ массѣ въ качествѣ одного изъ слагаемыхъ, образующихъ общую сумму, а не разсматривать эту личность, какъ нѣчто съ другими слагаемыми неоднородное, долженствующее поэтому быть поставленнымъ внѣ массы, прямо ей противоположеннымъ по своимъ отличительнымъ признакамъ. Масса и для Карлейля, и для Толстого состоитъ изъ людей, но для одного герой является своего рода полубогомъ, во всякомъ случаѣ сверхчеловѣкомъ, для другого только призракомъ, тѣнью человѣка. Великіе люди суть, однако, люди же, только, образно выражаясь, значительно превышающіе средній человѣческій ростъ, и изъ-за этого нечего ихъ выдѣлять изъ общей массы человѣческихъ существъ, дабы дѣлать изъ нихъ или нѣчто бо́льшее, нежели человѣкъ, какъ у Карлейля, или нѣчто, меньшее человѣка, какъ у Толстого. Научная историологія должна возвратить великихъ людей человѣческой массѣ, которой они принадлежатъ по своей человѣческой природѣ: Наполеонъ-полубогъ и Наполеонъ-призракъ одинаково ненаучныя фантазіи.

Понятно, что исторія, какъ наука съ общественнымъ

содержаніемъ [1]), не можетъ быть простою суммою біографій только нѣкоторыхъ личностей, хотя бы и весьма великихъ, такъ что біографическій элементъ въ этой наукѣ важенъ лишь постольку, поскольку жизнь даннаго лица или отражаетъ на себѣ его общественную среду и тѣмъ служитъ ея познанію, или не прошла безслѣдною для своего коллектива, оказавъ на послѣдній то или другое вліяніе. Изъ двухъ направленій, о которыхъ говоритъ Лампрехтъ, конечно, вѣрно только коллективистическое, хотя бы и не въ толкованіи самого Лампрехта, который, различая индивидуальные и массовые поступки, относитъ ихъ къ разнымъ категоріямъ, какъ будто массовые поступки не разлагаются на массу поступковъ индивидуальныхъ: противополагать здѣсь можно развѣ только иниціативные поступки подражательнымъ, не болѣе того. Говоря объ участіи массъ въ исторіи, коллективистическое пониманіе не должно, впрочемъ, впадать въ ошибку неразличенія въ массахъ индивидуальностей, отожествленія массы съ блокомъ, въ когоромъ индивидуальность отдѣльныхъ членовъ совершенно теряется. Въ такую ошибку, наприм., впалъ одинъ французскій ученый, Луи Бурдо, въ своей книгѣ „Исторія и историки“ [2]). Авторъ этой книги стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что „исторія должна сдѣлаться безличной и общей“, я бы прибавилъ еще: анонимной. Конечно, онъ правъ, когда говоритъ, что „прогрессъ объясняется лучше совокупностью множества анонимныхъ дѣятельностей, чѣмъ вмѣшательствомъ нѣсколькихъ геніевъ, совершающихъ откровенія“, какъ правъ и тогда, когда заявляетъ, что „великіе люди принимаютъ участіе въ работѣ прогресса, а не одни его дѣлаютъ“. Но онъ уже сбивается на ложную

[1]) Теорія историческаго знанія, гл. XXIII (Общественное содержаніе исторической науки и роль въ ней біографическаго элемента).

[2]) Она вышла въ свѣтъ въ 1888 г. и была мною разобрана на стр. 94—106 и 206—209 „Сущности историческаго процесса“.

дорогу, когда коллективную работу многихъ личностей превращаетъ въ безличную работу всѣхъ (tout le monde), т.-е. цѣлыхъ коллективовъ, прямо блоковъ, въ которыхъ отдѣльныхъ личностей и не различишь. „Великій, истинный поэтъ, говоритъ Бурдо, это, въ концѣ концовъ, — публика... Авторъ образцоваго произведенія искусства, это— всѣ (tout le monde)... Созданія поэтовъ, по видимости лишь имѣющія личный характеръ, коллективны, и въ нихъ участвуютъ болѣе или менѣе всѣ (tout le monde)“. Если такъ разсуждать, то выйдетъ, что не Данте написалъ „Божественную Комедію“, а всѣ итальянцы начала XIV вѣка, не Дарвинъ написалъ „Происхожденіе видовъ“, а всѣ англичане середины XIX столѣтія, какъ и не Колумбъ открылъ Америку, а тоже какіе-то „всѣ“, жившіе въ концѣ XV вѣка. Впрочемъ, Бурдо впадаетъ въ постоянныя противорѣчія, и дальше о немъ можно здѣсь не говорить. Отмѣчу, впрочемъ, одно мѣсто, въ которомъ этотъ писатель самъ себя побиваетъ. „Есть, говоритъ онъ, нѣкоторыя задачи, которыя, требуя особыхъ способностей и усилій, въ видѣ привилегіи остаются на долю лучше одареннымъ и болѣе счастливымъ, нежели другіе. Есть трудныя изобрѣтенія, честь которыхъ принадлежитъ только рѣдкой геніальности. Первый встрѣчный не способенъ играть роль великаго человѣка“. Что вѣрно, то вѣрно.

Выдѣленіе великаго человѣка изъ массы и его противопоставленіе ей, аналогичное противоположенію личности и общества, какъ своего рода разнороднстей [1]), ненаучно, будемъ ли мы это дѣлать для того, чтобы личность возвеличить до сверхчеловѣчности, или для того, чтобы сдѣлать изъ нея лишь призракъ. Зато внутри самой массы мы имѣемъ полное право различать людей по ихъ росту. Бурдо,—еще разъ къ нему возвращаюсь,—не правъ, когда

[1]) Ср. выше, стр. 133 и слѣд.

говоритъ, что „родъ человѣческій состоитъ не изъ гигантовъ и пигмеевъ“: какъ-разъ изъ гигантовъ и пигмеевъ. Только эти великаны не полубоги и не призраки, а такіе же люди, какъ и „всѣ“.

Неправильно, значитъ, разсуждалъ и Толстой, когда писалъ такую фразу: „*такой же* причиной (войны 1812 г.), какъ отказъ Наполеона отвести свои войска за Вислу, представляется намъ желаніе и нежеланіе перваго французскаго капрала поступить на вторичную службу“. *Такой же* ли? Конечно, нѣтъ и притомъ какъ въ качественномъ отношеніи, такъ и въ количественномъ, т.-е. и въ смыслѣ мотивовъ, и въ отношеніи къ порожденнымъ желаніемъ или нежеланіемъ слѣдствіямъ. Такими же эти причины можно назвать, лишь въ томъ смыслѣ что и тѣ, и другія были естественныя, человѣческія, безъ выполненія одною изъ ихъ категоріей какой-либо небесной миссіи (Карлейль) или властныхъ велѣній рока (одна изъ мыслей Толстого).

Общій нашъ выводъ по занимающему насъ въ этой главѣ вопросу можетъ быть только такой. Во-первыхъ, ненаучно выдѣлять изъ народной массы великихъ людей, героевъ, геніевъ и ихъ ей противополагать, ибо масса состоитъ изъ людей, великихъ и малыхъ, героическихъ и обыденныхъ, геніальныхъ и очень простыхъ, гигантовъ и пигмеевъ, т.-е. и великіе люди сами составляютъ часть массы. Во-вторыхъ, сама масса не можетъ считаться какимъ-то блокомъ, или конкретнымъ цѣлымъ безъ различенія въ немъ отдѣльныхъ личностей. Въ-третьихъ, наконецъ, слагаемыя, изъ которыхъ состоитъ общая сумма, далеко не равновелики: это не $n + n + n + n ...$, а $n + 2n + \frac{n}{2} + \frac{2n}{3} + 3n$ и т. д., поскольку ихъ неодинаковость можно выразить алгебраически. Самое главное здѣсь, это то, что могущія имѣть историческое значеніе дѣйствія лю-

дей далеко неравны между собою, а потому и роли отдѣльныхъ личностей весьма различны [1]).

Здѣсь читатель соблаговолитъ припомнить все то, что говорилось выше по поводу индивидуальныхъ различій, могущихъ существовать между людьми. Все дѣло въ большихъ или меньшихъ активности и пассивности людей, что зависитъ и отъ прирожденныхъ свойствъ ума, нрава, воли, и отъ воспитанія, и отъ общественнаго положенія. Логика насъ учитъ, что въ сложной причинѣ чего бы то ни было составляющія ее частныя причины имѣютъ далеко не одинаковое значеніе [2]). Наука уголовнаго права заключаетъ въ себѣ цѣлый отдѣлъ о соучастіи въ преступленіи, разсматривающій разныя формы виновности, такъ сказать, вычисляющій доли участія отдѣльныхъ лицъ въ совмѣстно совершенномъ злодѣяніи и т. д. [3]). Исторіологіи слѣдовало бы, мнѣ кажется, принять къ свѣдѣнію результаты, достигнутые логикой и криминалистикой въ вопросѣ о сложеніи причинъ и соучастіи въ общемъ дѣлѣ. Исторіологія также могла бы придти къ классификаціи и градаціи видовъ и способовъ участія отдѣльныхъ личностей въ историческомъ движеніи [4]).

Мнѣ думается, что основныя причины неравенства дѣйствія личностей, въ смыслѣ вліянія ихъ поступковъ на историческій процессъ, должны быть подведены подъ три категоріи [5]). Во-первыхъ, человѣческіе поступки могутъ и больше или меньше зависѣть отъ причинъ, для дѣйствующаго человѣка внѣшнихъ, и больше или меньше отпредѣ-

---

[1]) Сущность историческаго процесса, ч. I, гл. VII (неравенство дѣйствія отдѣльныхъ личностей).

[2]) Тамъ же, стр. 284—287.

[3]) Тамъ же, стр. 287—297.

[4]) Тамъ же, стр. 300—302, особенно же стр. 304—313 и мѣста указанныя въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 304.

[5]) Подробнѣе тамъ же, стр. 271 и слѣд.

ляться внутренними мотивами дѣятельности, т.-е. человѣкъ бываетъ или только своего рода передаточнымъ аппаратомъ, извнѣ воспринимающимъ и дальше передающимъ движеніе, или въ своей психикѣ по-своему перерабатывать внѣшніе точки и отъ себя, такъ сказать, начинать новое движеніе. Люди бываютъ и болѣе шаблонными, и болѣе самобытными. Разница все-таки есть между любымъ капраломъ великой арміи и Наполеономъ. Во-вторыхъ, во всякомъ фактѣ, обязанномъ своимъ происхожденіемъ совокупному дѣйствію многихъ лицъ, — а вся исторія, именно, такова, — отношеніе каждаго поступка-причины къ своимъ, скажемъ такъ, сопричинамъ можетъ быть разнымъ. Желаніе Наполеона идти на Россію и желаніе какого-либо капрала оставаться на вторичной службѣ, суть, конечно, сопричины, но какая разница между ними въ порожденіи общаго результата! Втретьихъ, мы можемъ имѣть въ виду отношеніе поступка не къ его сопричинамъ при образованіи сложной причины чего-либо, а отношеніе его къ его слѣдствіямъ. Поступокъ можетъ для исторіи остаться безслѣднымъ, да и его слѣды, разъ онъ ихъ оставляетъ, бываютъ даже количественно очень различны. То или другое дѣйствіе Наполеона влекло за собою великое множество дѣйствій другихъ лицъ въ унисонъ, такъ сказать, съ тѣмъ, что Наполеонъ сдѣлалъ, или же въ противорѣчіе съ нимъ, какъ должны были поступать его противники, но никакъ ни одинъ капралъ его арміи не былъ въ состояніи совершать такіе поступки, которые приводили бы въ движеніе множество людей и вызывали бы съ ихъ стороны отвѣтные поступки въ смыслѣ ли содѣйствія или противодѣйствія.

По первому пункту можно сказать, что чѣмъ больше причинъ сложилось для вызова какого-либо поступка, тѣмъ онъ самостоятельнѣе по отношенію къ каждой изъ нихъ и тѣмъ больше онъ можетъ быть оригинальнымъ, не похо-

жимъ на другіе, вызываемые причинами, менѣе сложными и чаще встрѣчающимися въ данныхъ комбинаціяхъ. Человѣкъ, поступающій извѣстнымъ образомъ по данному ему приказанію, болѣе зависитъ отъ непосредственной причины своего дѣйствія, нежели человѣкъ, котораго многіе вызываютъ на поступокъ, давая притомъ ему разные совѣты, зависитъ отъ каждаго изъ этихъ совѣтовъ въ отдѣльности, имѣя возможность не только выбирать между ними, но и комбинировать заключающіяся въ этихъ совѣтахъ указанія по-своему, т.-е. сдѣлать нѣчто такое, чего не заключалось ни въ одномъ изъ совѣтовъ. Приказанія полководца доходятъ до отдѣльныхъ солдатъ, ихъ исполняющихъ, черезъ рядъ начальствующихъ лицъ, своего рода передаточныя инстанціи, и причиною того, что сдѣлалъ отдѣльный солдатъ, является приказаніе. Поступокъ получается несамостоятельный и неоригинальный. Наоборотъ, причина того, что какой-либо конституціонный министръ поступилъ извѣстнымъ образомъ, бываетъ весьма сложна по массѣ воздѣйствій извнѣ, которыя ему приходится взвѣшивать и комбинировать, опредѣляя линію своего поведенія въ томъ или другомъ вопросѣ. Конечно, и солдатъ, слѣпо повинующійся начальству, и министръ, прислушивающійся къ мнѣніямъ парламентаріевъ, одинаково поступаютъ не безпричинно, но есть причины болѣе властныя и простыя, и причины, дѣйственныя силы которыхъ однѣ другими ограничиваются и вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ собою очень сложныя сочетанія. Въ концѣ концовъ, и здѣсь все дѣло или въ пассивномъ подчиненіи одной какой-нибудь принудительно дѣйствующей причинѣ или въ активной переработкѣ множества извнѣ толкающихъ обстоятельствъ.

По второму и третьему пунктамъ нужно прибавить, что здѣсь поступки берутся, либо какъ составныя части одной сложной причины, либо какъ причины, вызываю-

щія сложное слѣдствіе, т.-е. берутся въ отношеніи и къ своимъ, какъ *я* уже позволилъ себѣ выразиться, соипричинамъ, и къ своимъ слѣдствіямъ, и вопросъ идетъ не о качествѣ дѣйствія (его относительной независимости и оригинальности), а его количественной сторонѣ. Если бы тутъ была возможна какая-либо ариѳметика, мы могли бы говорить, что въ сложной причинѣ какого-либо историческаго факта отдѣльные поступки людей, его произведшія, равнялись столькимъ-то процентамъ общей произведенной работы, или что изъ разныхъ отдѣльныхъ поступковъ у одного было десять слѣдствій, у другого сто, у третьяго двѣсти и т. п.

Однимъ словомъ, поступки людей, оказывающіе дѣйствіе на ходъ исторіи, имѣютъ не одинаковое значеніе и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніяхъ, а потому также и люди, совершающіе эти поступки, имѣютъ неодинаковое значеніе въ ходѣ исторіи, что̀ допускаетъ классифицированіе ихъ по качественному характеру ихъ дѣятельности [1]) и устанавливать между ними извѣстную градацію по количественной мѣркѣ. Кто больше другихъ въ своемъ поведеніи проявляетъ какъ независимости, такъ и оригинальности, т.-е. въ общемъ проявляетъ свое *я*; кто, вкладываясь вмѣстѣ съ другими въ какое-нибудь общее дѣло, болѣе другихъ способствуетъ его осуществленію; кто своею дѣятельностью оказываетъ вліяніе на большее количество людей, нежели другіе, тотъ, конечно, съ полнымъ правомъ заслуживаетъ называться историческимъ дѣятелемъ, но между ними, однако, всетаки есть своя градація. Незамѣтными или, по крайней мѣрѣ, постепенными переходами великіе люди эпохи свя-

---

[1]) Оговариваюсь, что имѣю здѣсь въ виду не нравственную или политическую оцѣнку, а исключительно вопросъ о проявленіи человѣкомъ самостоятельности и самобытности (оригинальности).

зываются съ самыми послѣдними ея мелкими сошками, и рядъ переходныхъ ступеней связываетъ гигантовъ исторіи съ ея пигмеями, за извѣстной же границей кончается царство исторической жизни и начинается царство бытового прозябанія.

Народныя массы обыкновенно слишкомъ часто и слишкомъ долго обрѣтались въ этомъ послѣднемъ, лишь по временамъ оставляя свою бытовую пассивность для активныхъ выступленій. Подъ впечатлѣніемъ великихъ народныхъ движеній послѣдняго времени и общей демократизаціи исторической жизни и стало складываться представленіе о народныхъ массахъ, какъ о главныхъ двигателяхъ исторіи, стали говорить, что исторію создаютъ всѣ. Не всѣ на самомъ дѣлѣ, а нѣкоторые, тѣ именно, которые непосредственно участвуютъ въ какихъ-либо событіяхъ, число же ихъ съ демократизаціей общества растетъ. Только въ періоды особыхъ подъемовъ исторической волны происходятъ настоящія народныя движенія, поднимаются и на историческую арену выступаютъ всѣ. Но дѣйствуютъ ли народныя массы или лишь нѣкоторые общественные классы, все-таки дѣйствіе отдѣльныхъ лицъ имѣетъ далеко не одинаковое значеніе для общаго хода исторіи. Среди членовъ общества всегда будутъ выдѣляться иниціаторы, изобрѣтатели, реформаторы, вожди, изъ которыхъ многіе, дѣйствительно, могутъ быть называемыми великими людьми, причемъ не всегда умственное или волевое величіе является величіемъ и въ нравственномъ отношеніи. Не дѣло науки, впрочемъ, оцѣнивать; ея дѣло только измѣрять, и въ интересующемъ насъ отношеніи въ исторіи есть, дѣйствительно, и гиганты, и пигмеи, какъ есть и люди средняго роста!

Исторія дѣлается всѣми вмѣстѣ, совокупно. Если каждый великій человѣкъ совершаетъ больше обыкновенныхъ смертныхъ, то, съ другой стороны, ихъ, великихъ людей,

и меньше, и хотя каждый изъ обыкновенныхъ смертныхъ и мало производитъ, зато ихъ очень много: одно компенсируется другимъ. Притомъ „одинъ въ полѣ — не воинъ“, и каждый великій человѣкъ былъ бы ничто безъ содѣйствія, безъ помощи, безъ сотрудничества обыкновенныхъ смертныхъ. Наконецъ, великіе люди нерѣдко пожинаютъ плоды усилій цѣлаго ряда обыкновенныхъ смертныхъ,—усилій, направленныхъ къ какой-либо цѣли, достиженіе которой выпадаетъ на долю великаго человѣка.

Историки въ былыя времена очень любили давать общія опредѣленія и характеристики особенностей, которыя даютъ право на названіе великихъ людей [1]). Эти опредѣленія и характеристики между собою часто не совпадаютъ. Оно и понятно. Терминъ „великій человѣкъ“ не имѣетъ научнаго значенія, особенно если принять въ расчетъ, что нерѣдко въ немъ заключается или элементъ нравственной оцѣнки, или того преклоненія, которое превратилось у Карлейля въ культъ героевъ. Поэтому лучше было бы даже исключить это выраженіе, по крайней мѣрѣ, изъ исторіологическаго лексикона. Пусть историки называютъ по традиціи Великими Александра Македонскаго, Карла Великаго (во французскомъ имени котораго Charlemagne заключается и это его прозвище, ибо magne есть латинское magnus), Петра I, Фридриха II и обозначаютъ, какъ великихъ (съ маленькой буквы), кого найдутъ этого достойными, но нельзя теоретически создавать какую-то особую категорію великихъ людей, точно спеціальную породу человѣческихъ существъ. Среди выдающихся дѣятелей исторіи есть болѣе крупные и менѣе крупные (цѣлая градація даже), да и просто

[1]) Тамъ же, стр. 312 и слѣд., особенно 319—325, гдѣ приведены мнѣнія Гизо, Соловьева, Бестужева-Рюмина, Пыпина и др.

только выдающіеся бываютъ и болѣе выдающимися, и менѣе выдающимися (опять цѣлая градація), причемъ нѣтъ и быть не можетъ никакого точнаго мѣрила для ихъ сравнительной расцѣнки.

X. Дѣйствіе закона причинности въ историческомъ процессѣ.

Мы видѣли, что культуры внѣ человѣческихъ дѣятельностей и ихъ отдѣльныхъ актовъ не существуетъ, и что эти отдѣльные акты (дѣйствія, поступки) имѣютъ разное значеніе въ цѣломъ историческаго процесса. Бо̀льшая часть того, что̀ дѣлаютъ люди, даже самые „великіе“, не имѣетъ отношенія къ историческому процессу. Ежедневно люди встаютъ, одѣваются, ѣдятъ и пьютъ, работаютъ, развлекаются, ложатся спать, и все это относится къ ихъ личной жизни, составляетъ ихъ частное дѣло. Даже въ тѣхъ случахъ, когда людскіе поступки имѣютъ общественное значеніе, они еще не имѣютъ прямого отношенія къ историческому процессу, разъ совершаются въ обычныхъ формахъ, разъ каждымъ изъ нихъ выполняется заведенный порядокъ. Однородные поступки несомнѣнно общественнаго характера, конечно, во всей своей совокупности составляютъ ту или другую культурную форму, входятъ въ составъ быта), а не историческаго процесса, относятся къ области соціальной статики, а не соціальной динамики, пользуясь терминологіей Конта. Описаніемъ и изслѣдованіемъ общественныхъ состояній занимаются статистика, этнографія, политическая и экономическая географія и т. п., берущія общество въ опредѣленный моментъ времени или, вѣрнѣе говоря, въ короткіе періоды, въ теченіе которыхъ еще не могло произойти въ

немъ сколько-нибудь важныхъ перемѣнъ, когда культурныя и соціальныя формы, всякія общественныя отношенія и разныя дѣятельности членовъ общества остаются болѣе или менѣе неизмѣнными. Для исторіи, которая занимается не одновременными, а послѣдовательными явленіями, само слѣдованіе явленій однихъ за другими во времени лишь тогда получаетъ интересъ, когда предъ нами не повтореніе одного и того же, вчерашняго сегодня, сегодняшняго завтра и т. д., а когда послѣдующее является по отношенію къ предыдущему новымъ, когда происходятъ измѣненія, совершается поступательное движеніе, а не происходитъ толченіе на одномъ мѣстѣ.

Элементами историческаго процесса являются лишь тѣ дѣйствія людей, которыя что-либо измѣняютъ въ данномъ общественномъ состояніи. Иногда культурно-соціальныя перемѣны состоятъ въ накопленіи массы мелкихъ отступленій отъ общаго правила,—массы, значитъ, исключеній, которыя сами потомъ становятся общимъ правиломъ,—и тогда каждый поступокъ, уклоняющійся отъ установившагося порядка, получаетъ значеніе своего рода элемента исторической перемѣны. Въ извѣстныхъ странахъ Западной Европы крѣпостная неволя крестьянъ смѣнилась состояніемъ гражданской свободы постепенно вслѣдствіе накопленія массы случаевъ отпущенія сеньёрами крестьянъ на волю; разумѣется, каждый отдѣльный случай такого рода самъ по себѣ игралъ очень малую роль въ раскрѣпощеніи крестьянъ. Другое дѣло—освобожденіе крестьянъ единымъ актомъ государственной власти, какъ это было въ Россіи въ 1861 году. Раскрѣпощеніе сельской массы на Западѣ совершилось, какъ постепенная эволюція, въ Россіи произошло, какъ переворотъ (революція въ болѣе широкомъ смыслѣ слова).

Если формы дѣятельности или отношеній мы называемъ культурными фактами, то всѣ отдѣльные человѣче-

скіе поступки можемъ называть фактами прагматическими [1]), совокупность ихъ—прагматикой. Прагматика и культура столь же неизмѣнно связаны между собою, какъ основа и утокъ, или лицо и изнанка въ ткани. Измѣненія въ прагматикѣ отражаются на культурѣ и обратно: это—лишь двѣ стороны одного и того же процесса.

Крупные прагматическіе факты, влекущіе за собою болѣе или менѣе важныя историческія перемѣны, мы называемъ событіями. Каждое событіе, въ послѣднемъ анализѣ, есть не что иное, какъ совокупность отдѣльныхъ человѣческихъ поступковъ, приводящихъ къ нѣкоторому общему результату. Прагматическій процессъ исторіи заключается въ порожденіи событіями событій, какъ слѣдствій ихъ причинами. Человѣческія дѣйствія, изъ которыхъ складываются событія, совершаются небезпричинно, и въ числѣ причинъ отдѣльныхъ поступковъ часто бываютъ поступки другихъ людей. Если я отвѣчаю на сдѣланный мнѣ вопросъ, мой отвѣтъ бываетъ вызванъ этимъ вопросомъ, т.-е. мое дѣйствіе—дѣйствіемъ другого лица. Въ шахматной игрѣ мои ходы вызываются ходами моего противника. Реальная жизнь полна примѣрами подобнаго рода.

Прагматическій процессъ, состоящій, такимъ образомъ, въ вызовѣ одними человѣческими дѣйствіями другихъ человѣческихъ дѣйствій, одними событіями другихъ событій, разумѣется, есть нѣкоторое отвлеченіе нашего ума, потому что въ числѣ причинъ и слѣдствій прагматическихъ фактовъ могутъ быть факты и другихъ категорій. Во-первыхъ, каждый прагматическій процессъ протекаетъ въ извѣстной физической, біологической и

---

[1]) Теорія историческаго знанія, стр. 142. Подчеркиваю, что терминъ „прагматическій" я употребляю въ особомъ смыслѣ, не имѣющемъ ничего общаго съ разными другими его употребленіями.

надъ-органической средѣ, которая также его многообразно обусловливаетъ. Въ странѣ можетъ произойти страшный неурожай отъ небывалой засухи, результатомъ котораго будетъ голодъ, въ свою очередь вызывающій народное волненіе. Послѣдняго не было бы, если бы во внѣшней природѣ метеорологическія условія не сложились извѣстнымъ образомъ. „Не во-время" пошедшій дождь можетъ обратить почти готовую побѣду въ пораженіе, которое измѣнитъ весь ходъ кампаніи. Это по части, такъ сказать, вторженія въ прагматическій процессъ исторіи со стороны происшествій во внѣшней природѣ. И біологическій процессъ, совершающійся въ обществѣ, постоянно вторгается въ прагматическій процессъ, то пресѣкая жизнь однихъ людей, которые своими дѣйствіями оказывали извѣстное вліяніе на общій ходъ событій, то, наоборотъ, вводя въ процессъ новыхъ дѣятелей на смѣну старыхъ. Смерть „нужнаго" человѣка въ моментъ рѣшительной борьбы можетъ дать событіямъ нѣсколько иное направленіе, какъ и рожденіе какого-нибудь необыкновеннаго человѣка. Нечего говорить, что и культурная среда, состояніе общества многообразно вліяетъ на то, какъ протекаетъ прагматическій процессъ. Но мы отвлечемся отъ этихъ привходящихъ моментовъ физическаго, біологическаго и культурнаго характера и будемъ разсматривать прагматическій процессъ въ немъ самомъ, какъ причинно-слѣдственную цѣпь однихъ прагматическихъ фактовъ, т.-е. людскихъ поступковъ и общественныхъ событій.

Вопросомъ о причинности ближайшимъ образомъ интересуются: философія—въ самомъ общемъ видѣ [1]), логика наукъ [2]) — преимущественно въ связи съ теоріей

[1]) Сущность историческаго процесса, стр. 166—175, главы VI, первой части (причинная связь прагматическихъ фактовъ).

[2]) Стр. 175—184 той же главы.

индукціи, психологія [1])—главнымъ образомъ въ вопросѣ о мотиваціи человѣческихъ поступковъ, криминалистика [2]), ставящая, между прочимъ, вопросъ о томъ, когда дѣйствіе человѣка можетъ считаться причиною явленія, дабы послѣднее могло быть вмѣнено ему въ вину. Исторіологія тоже должна имѣть свою теорію причинности въ примѣненіи къ вопросамъ, касающимся спеціально того, какъ совершается историческій процессъ. Ближе всего къ задачѣ исторіологіи стоятъ психологія и криминалистика, поскольку спеціально занимаются причинностью въ человѣческихъ поступкахъ, но у исторіологіи есть и свои особыя проблемы. Точка зрѣнія психологіи опредѣляется понятіемъ мотива, какъ причины поступка, историкамъ же приходится искать причины самыхъ мотивовъ, порождающихъ поступки, въ поступкахъ другихъ людей. Иначе говоря, для психологіи поступокъ—всегда только слѣдствіе (мотива), въ исторіологіи же онъ разсматривается и въ качествѣ причины (другого поступка). Криминалистика становится на послѣднюю точку зрѣнія, т.-е. изучаетъ поступки, какъ причины извѣстныхъ слѣдствій (напр., смерти лица въ случаѣ убійства), но не включаетъ въ число этихъ слѣдствій (т.-е. преступныхъ дѣяній) новые прагматическіе факты, ими порождаемые. Къ сожалѣнію, это—очень мало разработанный вопросъ въ сочиненіяхъ, посвященныхъ теоріи исторіи [3]). Между тѣмъ, историки шагу не могутъ ступить, не примѣняя идеи причинности къ изучаемымъ ими фактамъ вообще и къ прагматическимъ въ частности.

Разсматривая обычные пріемы историковъ, образовавшіеся путемъ историческаго мышленія по отношенію къ конкретнымъ фактамъ безъ всякаго теоретизированія,

[1]) Стр. 184—192 той же главы.
[2]) Стр. 192—196 той же главы.
[3]) Стр. 197—209 той же главы.

мы можемъ сказать, что пріемы эти сводятся къ творческому воспроизведенію мотивовъ отдѣльныхъ поступковъ и индивидуальныхъ характеровъ, лежащихъ въ основѣ цѣлаго поведенія историческихъ дѣятелей [1]. Другими словами, историки вводятъ въ изучаемые ими частные прагматическіе процессы временныя психологическія переживанія (мотивы) и болѣе или менѣе постоянныя психологическія же состоянія (характеры) отдѣльныхъ лицъ. Это — очень важное обстоятельство, доказывающее, что историки чутьемъ своимъ поняли механизмъ коллективной прагматики надлежащимъ образомъ. Суть дѣла въ томъ, что между поступкомъ-причиною (наприм., нанесеніемъ оскорбленія лицомъ А лицу В) и поступкомъ-слѣдствіемъ (мщеніемъ лица В по отношенію къ лицу А) посредствующимъ звеномъ является извѣстное внутреннее переживаніе совершающаго отвѣтный поступокъ (въ нашемъ примѣрѣ злоба В на А), которое само обусловливается общимъ характеромъ даннаго лица, какъ нѣкотораго постояннаго психическаго состоянія.

Дѣйствіе человѣка на человѣка можетъ быть двоякаго рода: подражательное (имитаціонное) и прагматическое. Въ случаяхъ первой категоріи одинъ, такъ сказать, повторяетъ другого, дѣлая то же самое, что сдѣлано было послѣднимъ,—категорія психическихъ воздѣйствій однихъ людей на другихъ, особенно важная въ культурной исторіи. Имитаціонные поступки могутъ быть при этомъ невольными и произвольными, и только въ послѣднихъ случаяхъ между поданнымъ примѣромъ (поступкомъ-причиной) и подражаніемъ (поступкомъ-слѣдствіемъ) внѣдряется, если можно такъ выразиться, нѣкоторый внутренній актъ, называемый мотивомъ поступка, хотя бы онъ весь заключался въ желаніи лица надѣть такую шляпу, ка-

---

[1]) Тамъ же см. стр. 218.

кую на комъ-либо оно только-что увидѣло. Другую категорію случаевъ представляютъ собою тѣ, о которыхъ можно сказать, что поступокъ-слѣдствіе совсѣмъ не похожъ на поступокъ-причину, что и тотъ, и эта имѣютъ разнородный характеръ. Таковы вопросъ и отвѣтъ, оскорбленіе и отмщеніе, отдача приказанія на словахъ и исполненіе его на дѣлѣ, вообще всякое, какъ говорится реагированіе. Нужно только прибавить, что реагированія бываютъ положительныя и отрицательныя: если я исполняю данное мнѣ приказаніе, я реагирую на него совершенно иначе, нежели въ томъ случаѣ, когда я принимаю мѣры, чтобы того, что кому-либо желательно, наоборотъ, не случилось. Конечно, обо всемъ этомъ я говорю здѣсь въ наиболѣе упрощенномъ видѣ [1]) и, между прочимъ, не принимаю умышленно въ расчетъ того, что поступокъ - слѣдствіе не всегда зависитъ единственно отъ причины - поступка: на дѣлѣ обыкновенно причинная связь существуетъ между послѣдующимъ фактомъ и суммою нѣсколькихъ предыдущихъ, что очень усложняетъ интересующія насъ здѣсь отношенія [2]).

Разъ я не совершилъ бы извѣстнаго поступка, не заставь меня такъ поступить мой другъ, о чемъ-либо меня попросившій, или мой врагъ, противъ козней котораго я счелъ нужнымъ принять мѣры, просьба моего друга или подвохъ со стороны врага являются дѣйствіями, вызвавшими то или другое мое дѣйствіе, т. е. его причинами. И то, что мой пріятель написалъ мнѣ письмо, прося въ немъ прислать ему такую-то книгу, и то, что мой недругъ, положимъ, распространяетъ обо мнѣ небылицы, да и то, равнымъ образомъ, что я книгу послалъ или что напечаталъ въ газетахъ опроверженіе клеветы, все это одина-

---

[1]) Болѣе подробно тамъ же, стр. 219 и слѣд.

[2]) См. тамъ же, стр. 232 и слѣд.

ково факты внѣшніе, противополагая имъ, какъ внутренніе факты, и мое желаніе удружить близкому человѣку и приведенное въ исполненіе намѣреніе опровергнуть возведенную на меня напраслину. Между двумя внѣшними фактами, изъ которыхъ одинъ разсматривается, какъ причина (обозначимъ это буквой *C*, съ которой начинается латинское слово *causa*, причина), а другой—какъ слѣдствіе (*E*, т.-е. effectus), существуетъ причинно-слѣдственная связь (передадимъ ее черезъ знакъ сложенія $+$), каковую, поскольку она непосредственно наблюдается, можно было бы изобразить формулой $C + E$. Посторонній наблюдатель могъ бы видѣть и слышать, какъ у меня нѣкто попросилъ книгу (*C*) и какъ я ее ему далъ (*E*), но внутренній психическій моментъ, мотивъ (M), (бывшій непосредственною причиною моего внѣшняго движенія) непосредственно въ наблюденіи данъ не былъ, а безъ него и самая приведенная формула не полна. Если въ болѣе полной формулѣ заключеніемъ въ скобки средняго момента цѣпи мы выразимъ его чисто внутренній характеръ, въ отличіе отъ двухъ моментовъ внѣшнихъ, то эта полная формула получитъ такой видъ: $C + (\mathrm{M}) + E$.

Формула $C+E$ была бы вполнѣ, вѣроятно, пригодна для случаевъ чисто механической передачи движенія, какую можно видѣть, наприм., на бильярдномъ полѣ. Играющій толкаетъ шаръ *a*, который, двигаясь въ данномъ ему направленіи, наскакиваетъ на шаръ *b* и тѣмъ и его приводитъ въ движеніе, причемъ, катясь, этотъ шаръ *b*, положимъ, сразу задѣваетъ шары *c* и *d*, тоже начинающіе катиться. Если каждый толчекъ отъ катящагося шара мы будемъ разсматривать, какъ причину движенія шаровъ, имъ задѣтыхъ, то для насъ формулы $C+E$ будетъ довольно съ добавленіемъ, что каждое *E* по отношенію къ слѣдующему звену цѣпи само имѣетъ значеніе C. Такова послѣдовательность моментовъ механическаго процесса,

подобіе котораго представляютъ собою чисто рефлективныя реакціи на внѣшнія раздраженія. Если передъ самыми моими глазами кто-нибудь махнетъ рукою, я невольно моргну: раздраженіе чувствительнаго нерва есть причина непосредственнаго дѣйствія двигательнаго нерва. Но въ человѣкѣ есть задерживающіе центры, гдѣ внѣшнее раздраженіе можетъ найти свой конецъ и откуда можетъ возникнуть дѣйствіе, не имѣющее своей причины непосредственно въ опредѣленномъ внѣшнемъ толчкѣ.

Если во время ссоры одинъ ударитъ другого и тотъ немедленно возвратитъ ударъ, это будетъ случай болѣе близкій къ формулѣ $C+E$, нежели тотъ случай, когда за нанесеннымъ оскорбленіемъ не послѣдуетъ немедленной отместки, а когда оскорбленный, затаивъ злобу въ сердцѣ своемъ, начнетъ придумывать, какъ бы получше отомстить, и въ чемъ должна состоять самая месть, въ какое время она была бы наиболѣе удобной, какія мѣры принять для достиженія ея безнаказанности. Тутъ между оскорбленіемъ и местью можетъ пройти очень долгое время, въ теченіе котораго обиженный будетъ переживать цѣлый психическій процессъ, возникшій изъ нанесеннаго оскорбленія и самъ сдѣлавшійся исходнымъ пунктомъ произведеннаго мщенія. Вотъ простой примѣръ нѣкотораго внутренняго M между C и E, причемъ это M само является своего рода E по отношенію къ C и своего рода C по отношенію къ E. Другими словами, на всемъ своемъ протяженіи внѣшній прагматическій процессъ сопровождается внутреннимъ психическимъ процессомъ. Въ составъ прагматическаго процесса входятъ не только дѣла людей, т. е. ихъ внѣшнія дѣйствія, поступки, но и ихъ внутреннія переживанія, мысли, чувствованія, желанія, стремленія.

Шаръ, катящійся по билліардному полю и приводящій своимъ толчкомъ въ движеніе и другой шаръ, есть

только „передаточная инстанція“ [1]) и только. Дѣйствія другихъ людей, могущія вызывать съ моей стороны какіе-либо поступки, прежде, такъ сказать, проходятъ черезъ горнило моего сознанія, которое ихъ перерабатываетъ, причемъ самая эта переработка бываетъ разною въ зависимости отъ особенностей ума, темперамента, силы воли человѣка, отъ его характера. Внутренняя жизнь наша состоитъ изъ послѣдовательнаго ряда внутреннихъ переживаній, въ которыя постоянно вторгаются идущія извнѣ вліянія на нашу психику, но и результаты нашихъ психическихъ переживаній постоянно вторгаются во внѣшній прагматическій процессъ, въ рядъ внѣшнихъ актовъ, слѣдующихъ одни за другими въ качествѣ отдѣльныхъ звеньевъ причинно-слѣдственной цѣпи.

Въ прагматическомъ процессѣ событія причиняются событіями, но поскольку каждое событіе, въ концѣ концовъ, состоитъ изъ такъ или иначе комбинированной совокупности отдѣльныхъ поступковъ нѣкотораго количества людей, участниковъ событія, и къ этимъ сложнымъ фактамъ приложимо то, что̀ сказано было объ отдѣльныхъ поступкахъ. Событія вызываютъ въ людяхъ, для которыхъ имѣютъ какое-нибудь значеніе, и разныя мысли, и разныя чувства, и разныя желанія или стремленія, т.-е. вліяютъ на ихъ психику, въ которой дѣйствуетъ своя причинность, порождающая мотивы ихъ дальнѣйшихъ поступковъ и производящая нѣкоторыя измѣненія въ ихъ характерахъ. Одно и то же событіе дѣйствуетъ на людей разнымъ образомъ, и сами они реагируютъ на него крайне неодинаково. Если нѣкоторымъ постояннымъ общимъ условіемъ для протекающаго прагматическаго процесса исторіи является среда, въ которой онъ протекаетъ, среда вообще и въ частности историческая (надъ-органическая),

[1]) Ср. выше.

го столь же постояннымъ условіемъ участія въ этомъ процессѣ для отдѣльныхъ личностей являются ихъ характеры, обобщая подъ этимъ названіемъ всѣ индивидуальныя особенности ихъ психики въ ея интеллектуальной, эмоціональной и волевой сторонахъ. И событія принимаютъ извѣстную окраску отъ психики принимающихъ въ нихъ участіе лицъ. Какъ по отношенію къ культурной исторіи, такъ и по отношенію къ исторіи прагматической индивидуальныя особенности психическаго содержанія играютъ большую роль.

Внутреннимъ психическимъ явленіямъ и наружу выходящимъ проявленіямъ психики, поступкамъ, различаемымъ нами въ исторической прагматикѣ, вполнѣ соотвѣтствуютъ въ культурной сторонѣ исторіи, во-первыхъ, чисто духовные ея элементы, во-вторыхъ, элементы внѣшней соціальной структуры, говоря короче нѣсколько условными терминами, воззрѣнія и учрежденія общества. Первыя суть всецѣло явленія внутренней психической жизни, не подлежащія непосредственному наблюденію со стороны. Высказываніе своихъ мыслей есть уже внѣшняя дѣятельность, которою мысли могутъ передаваться отъ однихъ лицъ другимъ. Книги, газеты, письма и т. п. суть только своего рода мертвые аккумуляторы, матеріальныя передаточныя средства, при помощи которыхъ внутреннее психическое содержаніе однихъ можетъ сообщаться другимъ. Разница въ томъ, что когда человѣкъ говоритъ что-нибудь другому человѣку, путемъ передачи мысли служитъ воздушная среда, въ которой отъ дѣйствія голосового аппарата говорящаго рождается звукъ, доходящій до слухового аппарата слушающаго, а когда одинъ что-нибудь написалъ, а другой это прочиталъ, передача мысли перваго второму происходитъ при посредствѣ бумаги, на которой первый нѣчто начерталъ рукою, а второй это нѣчто увидѣлъ своими глазами. Духовные элементы

культуры: религія, философія, наука и пр.,—поскольку они не составляютъ непосредственнаго содержанія сознанія отдѣльныхъ лицъ, а содержатся въ словесныхъ произведеніяхъ,—являются лишь такими аккумуляторами, хранящими высказанное неограниченно долгое время. Черезъ нихъ люди одной эпохи, что-либо написавшіе, оказываютъ культурное вліяніе на людей другой эпохи, это читающихъ, но такими голосами минувшаго могутъ вызываться и прагматическіе акты. Въ житіяхъ святыхъ неоднократно разсказывается о людяхъ, раздававшихъ имѣніе свое нищимъ подъ вліяніемъ услышаннаго въ церкви чтенія Евангелія, гдѣ разсказывается о совѣтѣ, данномъ Христомъ богатому юношѣ. Однимъ словомъ, внутренніе мотивы поступковъ въ процессѣ прагматическомъ вполнѣ соотвѣтствуютъ идеологическому содержанію культуры общества.

Совершенно такъ же внѣшнимъ поступкамъ людей въ прагматическомъ процессѣ соотвѣтствуютъ, коротко говоря, учрежденія, составляющія элементы общественной структуры, т.-е. экономическія, юридическія и политическія отношенія между людьми (которыя нужно отличать отъ экономическихъ, юридическихъ и политическихъ взглядовъ, какъ фактовъ сознанія людей).

Все внѣшнее въ исторіи, поступки людей и ихъ взаимныя отношенія суть проявленія ихъ внутреннихъ состояній и притомъ такія проявленія, которыя оказываютъ свое вліяніе—культурное и прагматическое—на внутреннія состоянія другихъ людей. По тому значенію, которое принадлежитъ психикѣ въ исторической жизни, задача изучающей эту жизнь науки по самому существу своему есть психологическая. Нельзя поэтому безъ крайняго недоумѣнія читать разсужденія нѣкоторыхъ современныхъ авторовъ о необходимости совершенно вытравить психику изъ исторіи. Они разсуждаютъ приблизи-

тельно такъ. Первоначальный взглядъ на природу былъ анимистическимъ, т.-е. въ каждомъ предметѣ человѣкъ предполагалъ наличность нѣкотораго духа и всѣ явленія природы объяснялъ дѣйствіемъ такихъ духовъ. Наука постепенно вытѣснила этихъ „агентовъ“ сначала изъ неорганической природы, а потомъ и изъ природы органической. Единственнымъ убѣжищемъ духовъ остаются соціальныя явленія, и изъ наукъ, ихъ изучающихъ, тоже нужно изгнать эти фантомы, дабы и здѣсь господствовали чисто механическія объясненія [1]). Даже матеріализмъ не отрицаетъ существованіе человѣческаго духа (психики), сводя его лишь на функцію матеріи, а здѣсь дѣло доходитъ до отрицанія самой психики и значенія отдѣльныхъ психическихъ состояній и актовъ, какъ причинъ, дѣйствующихъ въ историческомъ процессѣ. Это значитъ располагать причинно-слѣдственныя цѣпи исторіи по формулѣ $C+E$, а не по формулѣ $C+(M)+E$. Но тогда элиминировалась бы вся мотивація поступковъ, изъ которыхъ складываются событія, и историческія изображенія прагматическихъ процессовъ уподобились бы кинематографическимъ представленіямъ, лишеннымъ всякихъ объяс-

[1]) Я имѣю въ виду „Двѣ интеллигенціи и другіе очерки“ (1911) и „Очерки теоріи историческаго познанія“ (1912) *проф. Р. Ю. Виппера.* Въ первой изъ этихъ книгъ проводится, между прочимъ, та мысль (стр. 265 и слѣд.), что „исторія науки представляетъ длинную цѣпь стремленій освободиться отъ анимистическихъ объясненій“ и что анимизмъ нужно вытравить и изъ психологіи, составляющей его крайнее убѣжище, вскрыть и въ ней „призрачность человѣческаго духа“ (призрачность психики?!). Въ другой книгѣ авторъ видитъ „наклонность къ анимизму“ въ психологизмѣ въ исторіи, олицетворяющемъ-де причины (стр. 132 и слѣд.). Я могъ бы еще многое въ этомъ родѣ отсюда привести, но довольно одного заявленія автора о необходимости „истребить или ослабить въ категоріи причинности оттѣнокъ творчества, *духовности* (курсивъ мой), производящей силы“ (стр. 169).

ненiй, безъ которыхъ воспроизводимое дѣйствiе остается для зрителя непонятнымъ. При послѣдовательномъ проведенiи этой странной мысли не оставалось бы мѣста для всей духовной культуры, поскольку она въ свое время переживалась людьми во внутреннемъ опытѣ. Впрочемъ, я думаю, что не стоитъ дальше останавливаться на опроверженiи столь явнаго ученаго заблужденiя.

Причинность, дѣйствующая въ прагматическомъ процессѣ исторiи, имѣетъ характеръ психическiй, а не механическiй. Черезъ рядъ прагматическихъ моментовъ можно установить связь между вступленiемъ Наполеона I въ Москву въ 1812 г. и вступленiемъ Александра I въ Парижъ въ 1814 г., но какою массою психическихъ переживанiй великаго множества людей, дѣйствовавшихъ или съ Наполеономъ, или съ Александромъ сопровождались эти промежуточные моменты, — переживанiй, заключавшихся и въ чувствованiяхъ, каторыя вызывались событiями, и въ стремленiяхъ, которыми порождались дальнѣйшiя событiя! Прагматическiй процессъ есть процессъ двойственный: параллельно протекаютъ—но въ тѣсной связи между собою и въ постоянномъ взаимодѣйствiи—съ одной стороны, рядъ внутреннихъ переживанiй отдѣльныхъ личностей (у каждой свои переживанiя) и рядъ событiй, слагающихся изъ совокупнаго дѣйствiя этихъ личностей во-внѣ, съ другой стороны.

Чтобы съ точки зрѣнiя причинности объяснить себѣ данный прагматическiй процессъ, нужно, сверхъ всего сказаннаго, имѣть въ виду и ту культурную среду, съ которою онъ связанъ, въ которой также лежатъ нѣкоторыя его причины и нѣкоторыя его слѣдствiя. Мы можемъ послѣдовательно разсказать ходъ событiй французской революцiи отъ 1789 по 1799 годъ, связавъ ихъ однѣ съ другими причинно-слѣдственною связью, выдѣлить въ нихъ рѣшающiе моменты, объяснить ихъ изъ мотивовъ пове-

денія отдѣльныхъ лицъ, мотивы же вывести изъ людскихъ характеровъ, но все это историческое изображеніе будетъ неполно, если мы не познакомимся съ состояніемъ Франціи передъ 1789 г., съ ея общественными порядками, съ образомъ мыслей, настроеніями и желаніями отдѣльныхъ классовъ ея населенія и если не обратимъ вниманія на то, какою сдѣлалась та же Франція, благодаря протекшимъ событіямъ. Въ общемъ, эти событія, совокупность которыхъ мы называемъ французской революціей, вытекали изъ того состоянія, въ какомъ находилась Франція въ результатѣ предшествовавшаго историческаго процесса, но благодаря этимъ же событіямъ, Франція перешла въ новое состояніе, отличное отъ прежняго. Задача историка при изученіи французской революціи, какъ нѣкотораго цѣльнаго отдѣла въ исторіи событій, совершавшихся во Франціи, заключается въ томъ, чтобы самое возникновеніе этого движенія объяснить изъ общественнаго состоянія, научно установить общія причины революціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самимъ ходомъ революціи объяснить то общественное состояніе, которое было совокупностью слѣдствій этого ея хода. Событія революціи, это—историческая прагматика; состоянія Франціи въ 1789 и 1799 г., эволюціонно-связанныя между собою промежуточными состояніями, это — культурная сторона революціи. Въ историческомъ процессѣ культура вліяетъ на прагматику, прагматика на культуру, или, что то же, между прагматикою и культурою происходитъ взаимодѣйствіе, и притомъ происходитъ въ каждый данный моментъ времени.

Культурный процессъ есть эволюціонный, т.-е. въ немъ послѣдующія состоянія являются дальнѣйшими стадіями или фазисами предыдущихъ, но этотъ эволюціонный (или генетическій) процессъ совершается въ то же время и каузально, т.-е. по общему закону причинности, такъ

какъ безпричинныхъ перемѣнъ не бываетъ, и эта эволюція отличается отъ органической тѣмъ, что дѣйствуютъ въ ней не физико-химическія силы, а силы психическія, проявляющіяся въ дѣятельности членовъ общества. Сущность причинности—одна для всѣхъ явленій міра, но на разныхъ ступеняхъ мірового развитія причинность имѣетъ не одинъ и тотъ же аспектъ. Камень падаетъ на землю, повинуясь силѣ тяжести, поступки людей совершаются нѣсколько не такъ.

XI. Необходимость, случайности и свобода въ исторіи.

Какъ въ прагматикѣ, такъ и въ культурѣ царитъ строгій законъ причинности: nihil sine causa sufficienti; ничто не происходитъ безъ достаточнаго основанія, все съ необходимостью вытекаетъ изъ предыдущаго. Задача исторической науки—понять эту необходимость, объяснить, почему было то-то и то-то и было такъ-то и такъ-то, а не какъ-нибудь иначе. Все совершается законосообразно, и эту законосообразность стремятся уловить и постигнуть такъ называемыя номологическія (или номотетическія) науки: для дѣлъ человѣческихъ — психологія (интраментальная и интерментальная) и соціологія. Исторія, какъ наука идіографическая, примѣняетъ знаніе (хотя бы и крайне несовершенное) психологической и соціологической законосообразности къ отдѣльнымъ комплексамъ культурныхъ и прагматическихъ фактовъ. Она не нуждается въ особыхъ историческихъ законахъ, да таковыхъ и не можетъ быть [1]), чѣмъ мы, однако, отнюдь не отрицаемъ существованія исторической необходимости.

[1]) См. выше, гл. III.

Но необходимость необходимости рознь: одно происходитъ неизбѣжно, фатально, роковымъ образомъ, другое необходимо происходитъ только при извѣстнымъ образомъ сложившихся причинахъ или, какъ еще выражаются, при данномъ стеченіи обстоятельствъ. Квадратъ, построенный на гипотенузѣ, неизбѣжно равновеликъ суммѣ квадратовъ, построенныхъ на катетахъ. Камень, выпущенный изъ руки, неизбѣжно упадетъ. Каждый родившійся неизбѣжно когда-нибудь умретъ. Все это неотвратимо. Но упавшій на полъ стаканъ можетъ разбиться и не разбиться, или человѣкъ, достигшій брачнаго возраста, можетъ и жениться, но можетъ остаться и холостымъ. Разбился или не разбился стаканъ, женился или не женился человѣкъ, это въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ зависѣло отъ комбинаціи обстоятельствъ, способствовавшей тому, чтобы стаканъ разбился или человѣкъ женился, или же отъ комбинаціи условій, не давшихъ стакану разлетѣться въ дребезги или не позволившихъ человѣку вступить въ бракъ. Данная комбинація, благопріятная или неблагопріятная для чего-либо, сама, конечно, сложившаяся небезпричинно, можетъ наступить, но можетъ и не наступить и въ этомъ смыслѣ является случайною. Смерть отъ патологическаго процесса, напр., туберкулезнаго или раковаго, не есть случайность, но заразиться смертельною болѣзнью можно случайно, если зародышъ ея не былъ наслѣдственнымъ, какъ можно случайно умереть отъ удара по головѣ камнемъ, оторвавшимся отъ карниза дома. Для того, чтобы камень упалъ на троттуаръ, разумѣется, была своя причина (или свои причины), и небезпричинно же въ данномъ мѣстѣ и въ данное время проходилъ убитый камнемъ человѣкъ, но не было и не могло быть общей причины того, что въ такомъ-то мѣстѣ и въ такой-то моментъ времени произошло столкновеніе оторвавшагося отъ карниза кирпича съ головою проходившаго мимо человѣка. Пройди человѣкъ

минутой раньше или минутой позже, и все для него обошлось бы благополучно, да и однимъ ушибомъ могъ бы отдѣлаться человѣкъ, если бы на головѣ его былъ надѣтъ жесткій котелокъ, который ослабилъ бы силу удара, а не легкая каскетка, не охранившая голову отъ камня. И на то, что убитый надѣлъ, выходя изъ дому, каскетку, а не котелокъ, или что вообще онъ никогда не носилъ котелка, были, разумѣется, свои причины, но это опять-таки были свои особыя причины, а не тѣ, которыя заставили убитаго проходить по мѣсту, оказавшемуся опаснымъ, или которыя произвели паденіе отвалившагося куска карниза. И то, что этотъ именно кусокъ отдѣлился отъ карниза, равнымъ образомъ, имѣло свои причины, среди которыхъ можно предположить, что рабочій, прикрѣплявшій кирпичъ или штукатурившій это мѣсто, сдѣлалъ свою работу плохо потому, что его вниманіе было отвлечено отъ работы проходившимъ по улицѣ съ музыкой отрядомъ солдатъ, но и для того, чтобы прикрѣпленіе злополучнаго куска совпало со временемъ военной прогулки такого-то полка, общей причины также не было. Не вытекало изъ одной какой-либо общей причины и то, что по данной улицѣ, когда строили домъ, однажды проходилъ полкъ, музыка котораго заставила рабочаго плохо сдѣлать одну часть карниза, а затѣмъ черезъ годъ или два мимо какъ-разъ этого дома проходилъ человѣкъ, надѣвшій не котелокъ или цилиндръ, а очень легкій головной уборъ.

Въ данномъ примѣрномъ случаѣ проходъ военной музыки въ тотъ моментъ, когда прикрѣплялся роковой кирпичъ, а затѣмъ, быть можетъ, бывшій наканунѣ несчастья дождь, еще болѣе ослабившій скрѣпу, полученіе убитымъ дѣлового письма, заставившее его идти мимо дома на такой-то улицѣ, подъ нумеромъ такимъ-то, а пожалуй еще, и ненахожденіе имъ привычнаго котелка, который могъ почему-либо завалиться за какую-нибудь мебель, все это

были звенья разныхъ каузальныхъ цѣпей, между собою ничего общаго не имѣвшихъ и встрѣтившихся между собою только въ тотъ моментъ, когда тяжелый предметъ раздроблялъ черепъ несчастнаго прохожаго. Здѣсь сошлись и пересѣклись въ одномъ пунктѣ два ряда независимыхъ одинъ отъ другого причинъ, причемъ въ каждомъ рядѣ были то же свои встрѣчи самостоятельныхъ каузальныхъ рядовъ, и эту встрѣчу, эти встрѣчи мы называемъ случайными. Пересѣченіе этихъ рядовъ не было необходимостью съ точки зрѣнія дѣйствія отдѣльныхъ законовъ механики, біологіи, психологіи, соціологіи и т. п. Все, однако, произошло сообразно съ естественными законами, а потому и съ необходимостью, въ концѣ концовъ, но такою, которая уходитъ въ какую-то безконечную даль. Одинъ будетъ говорить при этомъ о волѣ Божіей, содержавшейся въ извѣчномъ предопредѣленіи, другой—о слѣпомъ рокѣ или безсмысленномъ фатумѣ, изначально все уже предназначившимъ, третій скажетъ, что здѣсь было случайное стеченіе обстоятельствъ, принадлежавшихъ къ разнымъ каузальнымъ рядамъ, изъ которыхъ каждый былъ совершенно независимымъ отъ другого.

Проблема необходимости и случайности историческихъ фактовъ принадлежитъ къ числу наиболѣе важныхъ въ исторіологіи. Есть люди, которые, исходя изъ идеи исторической необходимости, готовы видѣть въ самомъ понятіи о случайномъ непозволительную научную ересь. Когда тридцать съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“ я высказалъ мысль о громадномъ значеніи элемента случайности въ исторіи [1]), нѣкоторые критики особенно обрушились на меня за эту еретическую мысль, что заставило меня выступить на ея защиту

[1]) О. В. Ф. И., кн. I, гл. 3 (въ концѣ).

и въ специальной статьѣ объ этомъ [1]), и на страницахъ книги „Моимъ критикамъ“ [2]). Возраженія, дѣлавшіяся мнѣ въ томъ смыслѣ, что въ исторіи не бываетъ ничего случайнаго, нисколько меня не убѣдили въ мысли, будто признаніе случайностей противорѣчитъ законосообразности, и въ дальнѣйшихъ своихъ работахъ по теоріи исторіи я продолжалъ думать такъ же, какъ и прежде [3]). Пусть въ пониманіи случайнаго есть два оттѣнка — субъективный, сводящій причину существованія случайнаго къ нашему незнанію, почему данное явленіе произошло, и объективный, объясняющій случайности, какъ пункты пересѣченія независимыхъ одна отъ другой каузальныхъ цѣпей,—дѣло не въ гносеологическомъ обоснованіи, а въ томъ, что особыхъ причинъ такихъ пересѣченій мы или не знаемъ, или же ихъ, какъ таковыхъ, и нѣтъ, такъ что общій результатъ будетъ одинъ: въ исторіи много остается всегда такого, что не можетъ найти своего объясненія ни въ какомъ, хотя бы самомъ совершенномъ знаніи научныхъ законовъ. Случайность есть понятіе, конечно, недопустимое въ наукахъ номологическихъ, занимающихся природою вещей, гдѣ все можно предвидѣть и предсказать: если будетъ дано то-то, какъ причина, его слѣдствіемъ будетъ то-то, а не что-либо другое, но дано ли это и будетъ ли оно дано въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстный моментъ времени, никакая номологія этого рѣшить не можетъ: здѣсь — дѣло идіографіи, изучающей результаты только однажды данныхъ комбинацій причинъ, но не могущей во многихъ случаяхъ рѣшить, почему же сложилась такая, а не иная комбинація отъ встрѣчи въ одномъ пунктѣ и одномъ моментѣ такихъ причинъ, для которыхъ одной

[1]) О случайности въ жизни и исторіи („Дѣло“ за 1884 г., январь).

[2]) Моимъ критикамъ. Защита книги „Основные вопросы философіи исторіи“ (1884), стр. 54—61.

[3]) Сущность историческаго процесса, стр. 159 и слѣд.

общей причины мы указать не въ состоянiи по ограниченности ли нашего знанiя, или потому, что такой единой причины быть не могло.

Физико-химическiе и бiологическiе процессы создали природную среду, въ которой народъ началъ жить и живетъ, ея климатъ, орографiю, гидрографiю, флору, фауну, но что въ страну, дабы въ ней поселиться, пришелъ народъ данной расы, отнюдь не вытекаетъ изъ какой-либо причины, общей съ тѣми физическими процессами, которые сдѣлали страну равнинной или горной и т. п. Что два народа, принадлежащихъ къ разнымъ расамъ, очутились сосѣдями по занятымъ обоими ими странамъ, опять-таки не вытекаетъ изъ какой-либо общей причины, а является результатомъ причинъ отдѣльныхъ для каждаго народа, приведшихъ и тотъ, и другой съ разныхъ сторонъ въ оказавшiяся между собою сосѣдними мѣста [1]).

Понятiе случайности не противорѣчитъ понятiю необходимости, ибо можно говорить о разныхъ степеняхъ необходимости и случайности. Есть необходимости безусловныя и болѣе или менѣе условныя. Случайное по отношенiю къ одному явленiю, необходимо по отношенiю въ другому, связанному съ нимъ общею причиною. Отпаденiе куска отъ карниза имѣло необходимымъ слѣдствiемъ ударъ имъ по головѣ, прохожаго, но изъ *этой* необходимости не вытекало, чтобы кусокъ карниза размозжилъ ему голову, какъ нахожденiе прохожаго на роковомъ мѣстѣ тоже было необходимымъ слѣдствiемъ своего ряда причинъ, изъ которыхъ отнюдь не вытекало, чтобы гдѣ-то упалъ камень. Для насъ, не могущихъ знать начала всѣхъ началъ и всѣхъ переплетающихся каузальныхъ рядовъ въ мiрѣ, нѣтъ возможности поэтому предсказывать событiя будущаго, которое создается непредвидимыми, а

---

[1]) Ср. въ „Сущности историческаго процесса“ стр. 159 и слѣд.

потому для насъ и случайными встрѣчами взаимно независимыхъ прагматическихъ процессовъ. Иногда нѣчто чуть-чуть не происходитъ и произошло бы, если бы не какое-нибудь мелочное обстоятельство, помѣшавшее тому, чтобы нѣчто произошло. Искра летитъ на кучу пороха, вотъ-вотъ произойдетъ взрывъ, но искра *случайно* упала въ двухъ-трехъ сантиметрахъ, и порохъ не могъ воспламениться. Дѣла міра идутъ не ровно по прямой линіи единой для всѣхъ нихъ необходимости, а колеблясь, шатаясь въ разныя стороны, зигзагами, въ зависимости отъ дѣйствія на нихъ разныхъ силъ, влекущихъ то направо, то налѣво, то вверхъ, то внизъ. Когда тѣло, повинуясь силѣ тяжести, падаетъ по прямой линіи, мы можемъ вычислить формулу его паденія, но вотъ летитъ пушинка, попадающая въ разныя воздушныя теченія, то понимаемая при этомъ вверхъ порывами вѣтра, то отскакивающая отъ разныхъ поверхностей на ея пути: попробуйте начертать ея путь, дать формулу ея невольнаго полета и конечнаго гдѣ-нибудь паденія! Въ каждый мигъ ее ожидаетъ та или другая возможность, изъ которыхъ одна сейчасъ же осуществляется, а другая проходитъ мимо, чуть-чуть не осуществленная только потому, что случилось нѣчто, еще за мгновеніе казавшееся совсѣмъ невозможнымъ. Не такъ ли тоже совершается ходъ историческихъ событій, то устремляясь впередъ, то возвращаясь вспять, то воздымаясь ввысь, то опускаясь внизъ, то шатаясь справа налѣво, то слѣва направо, въ каждый мигъ проходя чрезъ возможности, то цѣликомъ, то лишь частью осуществляющіяся, то чуть-чуть-было не осуществившіяся, то совсѣмъ пролетѣвшія мимо? Что ходъ событій былъ тотъ, а не иной, это, конечно, имѣло свои причины, но самыя то причины были весьма многочисленны, разнообразны, противорѣчивы, влекли его въ разныя стороны, открывали передъ нимъ разные пути и не давали ему идти по одной

линіи. Только историки впослѣдствіи будутъ дѣлать попытки и нахожденія той равнодѣйствующей, по которой прошло движеніе, и объясненія, почему осуществились только данныя возможности, а не другія, которыя не перешли въ дѣйствительность. Произошло все необходимо, но столь же необходимо все могло бы произойти и иначе, если бы осуществилась одна какая-нибудь изъ представлявшихся возможностей или не осуществилась какая-либо осуществившаяся возможность. Напр., исторія Европы въ началѣ XIX в. могла бы быть нѣсколько иной, если бы англичане не прозѣвали возвращенія Наполеона изъ Египта.

Каждая личность въ томъ, что она получила отъ окружающей среды, есть случайность по отношенію къ этой средѣ. Біологическій процессъ смѣны поколѣній не спрашиваетъ, въ какихъ людяхъ нуждается общество въ тѣ или другіе моменты, да и общество, какъ цѣлое, никакихъ требованій къ біологическому процессу не предъявляетъ. Историческій процессъ—самъ по себѣ, біологическій тоже самъ по себѣ, хотя они другъ на друга и вліяютъ, какъ, наприм., рождаемость чрезъ увеличеніе населенія на экономическій процессъ или соціальныя условія—на смертность. Совершенною случайностью по отношенію къ переживавшимся моментамъ были всѣ такъ называемые „великіе люди“. Иногда родится человѣкъ, который могъ бы быть великимъ, найдись для него великое дѣло, а иногда и есть на очереди великое дѣло, но не родилось для него подходящаго человѣка.

Если историческій процессъ протекаетъ среди многихъ возможностей въ разныя стороны,—конечно, не неограниченныхъ, а въ предѣлахъ извѣстныхъ условій, болѣе или менѣе тѣсныхъ,—то осуществленіе или неосуществленіе любой изъ нихъ при общей ихъ допустимости,—хотя и неодинаковой со стороны условій времени,—

зависитъ нерѣдко не столько отъ силы этихъ общихъ условій, сколько отъ поведенія историческихъ дѣятелей, какъ коллективнаго цѣлыхъ общественныхъ группъ, такъ и индивидуальнаго отдѣльныхъ личностей. Наполеонъ началъ въ 1812 г. войну съ Россіей, но могъ бы и не начать ее. За нимъ была свобода выбора, конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ, но все-таки свобода, какъ и свобода выбора между двумя планами аттаки русскихъ при Бородинѣ. Всѣ причины сложились такъ, что Наполеонъ войну началъ и при Бородинѣ отказался отъ плана, который могъ бы для русскихъ кончиться катастрофой, но пока война еще не началась или пока не былъ выбранъ и не началъ осуществляться такой-то планъ аттаки, ничего невозможнаго не было въ томъ, чтобы война не началась, и ничего невозможнаго не было въ выборѣ другого плана битвы. Правда, событія, чтобы имъ быть или не быть, зависѣли не отъ одного Наполеона, но и отъ Александра I и отъ другихъ людей, отъ кого больше, отъ кого меньше, но это все равно: суть дѣла въ томъ, что вообще люди могли дать ходу исторіи другое направленіе. Весь вопросъ въ степени возможности и въ большей или меньшей вѣроятности того, что при нѣсколько иномъ настроеніи и образѣ дѣйствій участниковъ событій, послѣднія могли бы не произойти или произошли бы нѣсколько иначе.

Исторіологіи не приличествуетъ быть фаталистичной. т.-е. вѣрить въ существованіе какого-то неумолимаго и неотвратимаго Рока, чисто внѣшней силы, съ непреоборимою послѣдовательностью ведущаго свою линію и для осуществленія своей конечной цѣли — при всей своей слѣпости и неразумности — играющаго людьми, какъ пѣшками, превращающаго ихъ въ пассивныя орудія своихъ велѣній. Формула фатализма: чему быть, тому не миновать, какія бы мѣры ни предпринималъ человѣкъ для предотвра-

щенія написаннаго ему на роду. Наука не можетъ стать на фаталистическую точку зрѣнія, въ сущности, отвергающую связи причинъ и слѣдствій, знаніемъ которыхъ можно пользоваться для достиженія ставимыхъ себѣ цѣлей подходящими для этого средствами, между прочимъ, и для предотвращенія того, что можетъ быть предотвращено, что является не фатальною необходимостью, а только грозящею возможностью.

Двѣ вещи разныя—фатализмъ и детерминизмъ, вѣра въ фатумъ, противъ котораго ничего не подѣлаешь, и знаніе, что въ мірѣ все опредѣляется дѣйствіемъ причинъ, въ числѣ которыхъ обрѣтаются и наши поступки, сами обусловленные причинностью, но въ то же время могущіе содѣйствовать достиженію желательнаго намъ и отвращенію отъ насъ того, что намъ не желательно,—въ какихъ размѣрахъ и предѣлахъ, это другой вопросъ. Съ детерминистической точки зрѣнія и наши поступки, какъ и наши мысли, чувствованія и желанія, имѣютъ всегда въ чемъ-нибудь свои причины, но надъ ними не царитъ единый безусловный рокъ. Фатализмъ монистиченъ, детерминизмъ плюралистиченъ. Единая движущая сила рока всецѣло подчиняетъ себѣ человѣка; существованіе множества силъ, на насъ дѣйствующихъ, предоставляетъ намъ возможность выбирать между разными поступками.

И это, однако, не есть пресловутая свобода воли въ томъ смыслѣ, будто воля можетъ дѣйствовать безпричинно, будто человѣкъ можетъ совершать поступки, дѣлающіеся причинами многихъ послѣдующихъ явленій, но сами отнюдь не имѣющіе причинъ въ чемъ-либо другомъ. Свободѣ воли въ такомъ пониманіи приписывается способность начинать новые ряды причинъ и слѣдствій, первое звено которыхъ, свободная воля, является безусловнымъ началомъ каузальной цѣпи, не имѣющимъ позади ничего въ порядкѣ причинности. Представимъ себѣ опредѣ-

ленную совокупность причинъ въ видѣ цифры 100. Если мы найдемъ, что совокупность слѣдствій этихъ причинъ равна 105, мы обязаны сдѣлать предположеніе, что въ образованіе этой суммы вошелъ излишекъ изъ какой-нибудь другой совокупности причинъ, а не взялся изъ ничего, сторонники же свободы воли объяснили бы, что это 5 какъ-разъ и было создано свободой воли изъ ничего. Доказательства этой свободы они ищутъ въ сознаніи человѣкомъ своей свободы. Такое сознаніе дѣйствительно существуетъ, но соотвѣтствуетъ ли оно фактической необусловленности нашей воли? Мы теоретически знаемъ, что земля есть шаръ, вращающійся вокругъ своей оси и вокругъ солнца, но это знаніе не уничтожаетъ въ насъ непосредственнаго впечатлѣнія отъ земли, какъ отъ чего-то плоскаго и неподвижнаго. Что наша воля свободна отъ закона причинности, и это также намъ можетъ только казаться, нисколько не соотвѣтствуя дѣйствительности, какъ, съ другой стороны, убѣжденіе въ томъ, что волевые акты не могутъ не имѣть причинъ, одинаково не убиваетъ въ насъ сознанія своей свободы: вѣдь и въ другомъ примѣрѣ мы знаемъ, что земля находится въ движеніи, и тѣмъ не менѣе продолжаемъ ее видѣть неподвижною.

Проблема свободы или несвободы воли, какъ извѣстно, одна изъ такихъ, по поводу которыхъ было много споровъ, и объ этой проблемѣ существуетъ цѣлая литература. Съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ разныхъ интересахъ вопросомъ этимъ пристально занимались богословы, философы, психологи, моралисты, педагоги, криминалисты, но менѣе всего историки и писатели по теоретическимъ вопросамъ исторической науки. Между тѣмъ онъ важенъ и для исторіологіи [1]). Дѣло не въ томъ, чтобы рѣшать

[1]) См. мою статью „Свобода воли съ точки зрѣнія теоріи историческаго процесса“ (въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ за

на почвѣ исторической науки споръ между детерминистами и индетерминистами,—это подлежитъ вѣдѣнію общей философіи,—а въ томъ, чтобы опредѣлить, въ чемъ воля отъ чего бываетъ зависима и въ чемъ отъ чего она можетъ быть свободна, никогда, однако, ни въ какихъ случаяхъ не дѣйствуя безпричинно [1]).

Свобода какъ правильно разсуждаетъ Шопенгауэръ въ своемъ трактатѣ о свободѣ воли [2]), есть понятіе относительное и сравнительное. Свобода есть всегда свобода по отношенію къ чему-нибудь, т.-е. отъ чего-нибудь и всегда бываетъ большею или меньшею. Отъ того, что на волю не дѣйствуетъ и чему она не подчинена, отъ этого она, разумѣется, свободна, а изъ того, что на нее дѣйствуетъ, она можетъ одному сопротивляться, другому подчиняться, а подчиняясь, дѣлать это далеко не въ одинаковой мѣрѣ и даже постепенно освобождаться. Но освобожденіе отъ чего-нибудь всегда происходитъ въ смыслѣ подчиненія чему-нибудь другому.

Когда нѣкоторые писали, что личный произволъ дѣятеля исторіи есть только видимость, реальностью же нужно считать исполненіе велѣній историческаго Рока, и потому разсматривали личность, какъ орудіе Рока, въ процессъ исторіи вводился нѣкоторый миѳъ, по отношенію къ которому воля человѣка, разумѣется, свободна. Наполеонъ повиновался своимъ инстинктамъ, своимъ фантазіямъ, своимъ планамъ или внѣшнимъ обстоятельствамъ, а вовсе не исполнялъ велѣній рока, или предначертаній исторіи, какъ это утверждалъ Толстой, у котораго мы находимъ, наприм., такія мѣста: „каждое дѣйствіе ихъ (дѣлателей исторіи), кажущееся имъ произвольнымъ для самихъ себя,

1890 г., перепечатанную послѣдній разъ въ I т. „Собранія сочиненій“, 1911).

[1]) Сущность историческаго процесса, стр. 238 и слѣд.

[2]) Изложено въ О. В. Ф. II., кн. I, гл. 2 (въ концѣ).

въ историческомъ смыслѣ не произвольно, а находится въ связи со всѣмъ ходомъ исторіи и опредѣлено предвѣчно" и „все прошедшее (Наполеона и Александра) соотвѣтствовало до мельчайшихъ подробностей тому назначенію, которое имъ предлежало исполнить". Этотъ рокъ, опредѣляющій общій ходъ исторіи и всѣ его подробности, иные готовы несоотвѣтственно правильному словоупотребленію называть закономъ исторіи [1]), полагая что онъ-то и управляетъ волею людей. Въ данномъ случаѣ подъ закономъ исторіи разумѣется нѣкоторое эмпирическое обобщеніе, подъ которое подходятъ одни факты, но не могутъ быть подведены другіе, и если оказывается, что нѣкоторые люди участвовали въ созданіи этихъ фактовъ, то отсюда не слѣдуетъ, будто ихъ воля опредѣлялась требованіями общаго хода исторіи, а не особыми въ каждомъ случаѣ мотивами, и будто рядомъ съ этимъ не было другихъ людей, которые, дѣйствуя тоже по своимъ мотивамъ, совершали поступки, несогласные съ предполагаемымъ закономъ. Что сказано о ходѣ исторіи,—подъ коимъ преимущественно разумѣется прагматическій ея процессъ,—то же имѣетъ силу и для вопроса о свободѣ или несвободѣ по отношенію къ надъ-органической средѣ. Когда извѣстная традиція оказываетъ такую мощь надъ отдѣльными людьми, что вездѣ и всегда заставляетъ ихъ въ опредѣленныхъ случаяхъ поступать одинаково, то мы имѣемъ право говорить о несвободѣ индивидуальныхъ воль по отношенію къ данной традиціи, но это не значитъ, что онѣ ни при какихъ обстоятельствахъ не могли отъ нея освобождаться.

Воля всегда бываетъ чему-нибудь подчинена, а отъ остальнаго свободна. Только абсолютной свободы воли нѣтъ, въ смыслѣ полной неподчиненности какимъ бы то ни было

---

[1]) Ср. выше, стр. 34 и слѣд.

причинамъ. Съ другой стороны, отрицаніе абсолютной свободы воли неравносильно отрицанію возможности личнаго почина и личнаго произвола. Когда человѣкъ только подражаетъ или повинуется, воля его пассивна и несвободна по отношенію къ внѣшнимъ вліяніямъ примѣра или приказанія. Въ такихъ случаяхъ воля, психическій актъ, замѣняющій промежуточное мѣсто [1]) между дѣйствіемъ другого (примѣромъ, приказаніемъ) и собственнымъ дѣйствіемъ (подражаніемъ, исполненіемъ приказанія), не можетъ считаться свободной отъ вліяній, идущихъ извнѣ. Наоборотъ, воля оказывается отъ нихъ свободною, когда поступокъ не является подобіемъ простого рефлекса [2]), а вытекаетъ изъ сложнаго психическаго акта переработки самимъ субъектомъ дѣйствій на его волю извнѣ. Когда поступокъ человѣка опредѣляется изнутри и ему предшествуетъ цѣлый психическій процессъ, такъ сказать, отрѣзывающій дѣйствіе человѣка отъ тѣхъ внѣшнихъ вліяній, на которыя оно могло явиться отвѣтомъ, то истиннымъ источникомъ поступка является самое *я* субъекта. Не только со стороны можетъ показаться, что мысль о попыткѣ возникла въ головѣ человѣка, какъ deus ex machina, безъ всякой предварительной выработки, имѣющей свои причины, но и самъ человѣкъ можетъ представлять себѣ дѣло такъ, что его, такъ сказать, „осѣнило" чудеснымъ образомъ: вѣдь многое въ душѣ совершается за порогомъ сознанія. Свобода воли въ относительномъ, а не въ абсолютномъ смыслѣ и состоитъ въ подчиненіи внутреннимъ мотивамъ, а не внѣшнимъ вліяніямъ, причемъ подчиненіе внѣшнимъ вліяніямъ превращаетъ человѣка въ простой передаточный аппаратъ, тогда какъ внутренніе мотивы создаются переработкою въ индивидуальномъ духѣ тѣхъ внѣшнихъ

---

[1]) (M) въ формулѣ $C + (M) + E$. См. выше, стр. 174.

[2]) См. выше, стр. 175.

вліяній, которыя въ другихъ случаяхъ непосредственно порабощаютъ волю подвергающихся имъ лицъ.

Въ своемъ мѣстѣ [1]) мы видѣли, что, будучи въ однихъ отношеніяхъ продуктомъ окружающей культурной среды, личность можетъ быть свободной отъ нея въ другихъ и проявлять себя по новому. Такая же относительная свобода личности наблюдается еще и по отношенію къ прагматическому процессу, втянувшему въ себя ея дѣятельность: въ однѣхъ своихъ сторонахъ эта дѣятельность всецѣло обусловливается внѣшними на нее вліяніями, идущими отъ дѣйствій другихъ лицъ, которыя участвуютъ въ томъ же процессѣ, но въ другихъ сторонахъ, тамъ, гдѣ проявляются прирожденныя психическія свойства личности, достигнутая ею высота духовнаго развитія, внутренняя ея психическая работа, личность дѣлаетъ не то, что ей властно навязывается извнѣ, а то, къ чему ее влекутъ ея же собственныя внутреннія переживанія. Чѣмъ сознательнѣе дйствуетъ личность, чѣмъ больше она сама выбираетъ свои цѣли или свои средства, чѣмъ больше она понимаетъ смыслъ того, что вокругъ нея происходитъ [2]) и умѣло дѣйствуетъ на другихъ людей, не давая имъ дѣлать изъ себя ихъ орудіе, тѣмъ воля личности свободнѣе отъ всего, что лежитъ внѣ ея, тѣмъ больше она опредѣляется внутренними переживаніями, своимъ собственнымъ психическимъ процессомъ. *Такая* свобода воли, не исключающая подчиненія воли дѣйствію общаго закона причинности, нисколько не противорѣчитъ законосообразной необходимости.

Каждая новая воля, вкладывающаяся въ историческій процессъ, по отношенію къ нему является случайностью. Историческій процессъ идетъ своимъ чередомъ, и своимъ же

---

[1]) См. выше, стр. 138 и слѣд.

[2]) Сущность историческаго процесса, стр. 249—250.

чередомъ идутъ процессъ біологическій, доставляющій ему все новыхъ дѣятелей и изымающій изъ него старыхъ за дряхлостью и смертью, и процессы психическіе, совершающіеся въ этихъ дѣятеляхъ. Жизнь каждаго человѣка есть самостоятельный микрокозмъ, который только нѣкоторыми своими сторонами и въ нѣкоторые моменты соприкасается съ макрокозмомъ историческаго процесса [1]. Другими своими сторонами каждое индивидуальное существованіе протекаетъ внѣ непосредственнаго соприкосновенія съ этимъ процессомъ, и разъ въ личности есть нѣчто, что не имъ, процессомъ этимъ, опредѣляется, а чѣмъ-то другимъ (прирожденнымъ характеромъ и внутренними переживаніями), то поведеніе личности, съ одной стороны, не обусловлено всецѣло ходомъ исторіи, въ извѣстной мѣрѣ отъ него свободно, а съ другой — вноситъ въ самый процессъ, такъ сказать, внѣ его самого подготовившіеся моменты, совершенно неожиданные и въ этомъ смыслѣ случайные.

Въ мірѣ исторіи, какъ и въ мірѣ природы, царитъ строгая необходимость, заключающаяся въ господствѣ законосообразной причинности. Ничего безпричинно происходящаго въ исторіи нѣтъ, и все подчинено дѣйствію законовъ. Абсолютно случайнаго и абсолютно свободнаго въ ней ничего нѣтъ, но относительно случайнымъ и относительно свободнымъ наполненъ весь историческій процессъ: случайнымъ, когда происходитъ пересѣченіе двухъ или болѣе каузальныхъ рядовъ, и свободнымъ, когда происходящій моментъ является слѣдствіемъ причины, не зависящей отъ самого историческаго процесса. И эти случайность и свобода могутъ существовать лишь на основѣ и въ предѣлахъ необходимости, которая не есть нѣчто фаталистически единое, но детерминистически многое.

[1]) См. выше, стр. 138, 152 и 167.

Та относительная свобода воли, которую слѣдуетъ признавать, отнюдь не допуская существованія безпричинно дѣйствующей воли, возникаетъ на почвѣ только переработки внѣшнихъ вліяній во внутреннихъ переживаніяхъ, и на этой почвѣ лишь и можетъ развиваться дѣятельность, не только имѣющая, какъ все въ мірѣ, свои причины, но и ставящая себѣ цѣли. Пока дѣйствіями однихъ людей вызываются дѣйствія другихъ на подобіе рефлективныхъ, непроизвольныхъ движеній, немедленнаго реагированія на идущія извнѣ раздраженія, мы имѣемъ передъ собою нѣчто механическое. Только когда въ дѣло вступаютъ задерживающіе центры, начинаетъ, иначе говоря, работать психика, только тогда можно говорить о мотиваціи совершаемыхъ поступковъ и о постановкѣ въ сознаніи дѣйствующихъ цѣлей ихъ поступкамъ. Каждый актъ прагматическаго процесса, который потомъ дѣлается причиною чего-нибудь дальнѣйшаго, въ то же время въ сознаніи его совершающаго имѣетъ свою цѣль. Будетъ ли она достигнута или нѣтъ (можетъ даже получиться противоположный результатъ), во всякомъ случаѣ прагматическій процессъ получаетъ телеологическій характеръ, не въ томъ смыслѣ, чтобы, взятый въ цѣломъ, онъ имѣлъ какую-либо опредѣленную конечную цѣль, заранѣе ему поставленную, а въ томъ, что отдѣльные поступки, изъ которыхъ процессъ складывается, суть акты цѣлевые не только въ сознаніи дѣйствующихъ, но и въ пониманіи окружающихъ, которые эти поступки наблюдаютъ. Эти цѣли могутъ противорѣчить и законамъ природы, и фактической возможности, но онѣ играютъ реальную роль, вызывая соотвѣтственныя дѣйствія. Что человѣкъ поставилъ себѣ ту или другую цѣль, это всегда имѣетъ свои причины, но именно въ постановкѣ своихъ цѣлей и въ выборѣ ведущихъ къ нимъ средствъ,—также, разумѣется, небезпричинныхъ,—человѣкъ не напрасно полагаетъ свою свободу, какъ бы

ошибочно ни понималъ онъ ея сущность, разъ онъ полагаетъ, что и постановка цѣлей и выборъ средствъ—дѣло свободно отъ чего бы то ни было вообще, т. е. совершенно безпричинно дѣйствующей воли. Когда при этомъ цѣлью ставится что-либо новое, никогда не бывшее еще осуществленнымъ, начинается творческая работа человѣческой мысли и человѣческой воли, работа, создающая міръ идеаловъ, и дѣлаются попытки ихъ осуществленія.

XII. Борьба индивидуальныхъ и соціальныхъ силъ въ исторіи.

Дѣйствія людей по отношенію однихъ къ другимъ, изъ чего складывается вся соціальная жизнь, вся создаваемая ею культура и возникаетъ вся исторія, могутъ быть или дѣйствіями индивидуальными, или дѣйствіями коллективными, а тѣ и другія могутъ быть подведены подъ категоріи, выражаясь общо̀, содѣйствій и противодѣйствій, солидарности и борьбы. Англійскій философъ XVII в. Гоббсъ, вообразилъ нѣкоторое дообщественное состояніе человѣка, въ которомъ человѣкъ къ человѣку относился, какъ волкъ (homo homini lupus), и потому происходила война противъ всѣхъ. Было ли когда-нибудь такое „естественное состояніе“ или его, какъ теперь принято думать, никогда не было, потому что человѣкъ всегда былъ животнымъ общественнымъ (ζῶον πολιτικὸν Аристотеля), общественное состояніе исключаетъ борьбу всѣхъ противъ всѣхъ, такъ какъ въ основѣ общественнаго бытія лежитъ солидарность. Гоббсовская „война всѣхъ противъ всѣхъ“ въ біологической теоріи Дарвина получила имя „борьбы за существованіе“, но изъ самой этой борьбы, какъ одно

изъ средствъ самосохраненія въ ней же самой, вытекаетъ соединеніе индивидуумовъ въ коллективы для взаимной помощи и сотрудничества [1]). Самъ Гоббсъ выводилъ государство изъ договора, заключеннаго людьми въ интересахъ безопасности каждаго.

Существованіе общественности, однако, не исключаетъ возможности борьбы между людьми, какъ прямой, такъ и косвенной. Во-первыхъ, борятся между собою отдѣльныя общества (государства и націи); не даромъ въ прежнихъ историческихъ трудахъ война занимала такое видное мѣсто, что въ учебникахъ говорилось, главнымъ образомъ, о войнахъ („histoire-bataille“, по выраженію французскаго историка Альфреда Рамбо). Во-вторыхъ, само общество раздѣляется на разные группы и классы, между которыми въ однихъ отношеніяхъ происходитъ сотрудничество, въ другихъ, наоборотъ, борьба; не даромъ Карлъ Марксъ даже положилъ во главу угла своего пониманія историческаго процесса борьбу классовъ. Могутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, бороться между собою внутри одного и того же общества не одни соціальные классы на почвѣ экономическихъ интересовъ, но и разныя этническія, конфессіональныя, партійныя (между прочимъ, даже въ предѣлахъ одного и того же класса) группы. Въ-третьихъ, въ обществѣ происходитъ и разнообразная борьба между отдѣльными индивидуумами, борьба матеріальныхъ интересовъ, борьба самолюбій и честолюбій, чисто животная, наконецъ, борьба, и, если бы ея не было, въ общественной организаціи не существовало бы надобности ни въ уголовныхъ и гражданскихъ законахъ, ни въ судахъ, ни въ полиціи безопасности. Во взаимномъ поведеніи отдѣльныхъ лицъ, общественныхъ группъ и цѣлыхъ народовъ антагонизмы играютъ столь видную роль, что весь прагматическій про-

[1]) Введеніе въ изученіе соціологіи, стр. 85—86 (по 3 изд.).

цессъ исторіи получаетъ въ весьма значительной мѣрѣ характеръ взаимодѣйствія противоборствующихъ силъ.

Будутъ ли дѣйствія силъ, участвующихъ въ исторической прагматикѣ, совершаться въ согласныхъ или въ несогласныхъ направленіяхъ, дѣйствія эти бываютъ либо индивидуальными, либо массовыми выступленіями, а въ случаяхъ послѣдняго рода либо разрозненными, либо совокупными (коллективными), при чемъ среди коллективныхъ приходится еще различать неорганизованныя выступленія и выступленія организованныя. Убіеніе Марата Шарлоттою Кордэ, дѣйствовавшей на свой страхъ и рискъ, безъ какихъ бы то ни было соучастниковъ, было дѣйствіемъ чисто индивидуальнымъ. Когда отдѣльные люди въ значительномъ количествѣ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, оставляютъ родину въ поискахъ лучшей доли, между собою не сговариваясь, каждый отдѣльно, это будетъ движеніе массовое, учитываемое статистикою, какъ простая сумма независимыхъ одинъ отъ другого однородныхъ актовъ. Коллективный характеръ пріобрѣтаютъ массовыя явленія лишь тогда, когда извѣстное количество людей дѣйствуетъ совокупно, скопомъ, и такой, именно, характеръ имѣютъ дѣйствія случайно собравшейся толпы. Наконецъ, коллективныя дѣйствія бываютъ и организованными, какъ это наблюдается во всѣхъ случаяхъ, когда между извѣстнымъ количествомъ людей существуетъ постоянная связь, будетъ ли такимъ коллективомъ правительство, любая коллегія, военный отрядъ, рабочій союзъ и т. п.

Единоличныя дѣйствія въ исторіи крайне рѣдки, если къ нимъ не относить индивидуальныхъ поступковъ, хотя и входящихъ въ составъ совокупныхъ дѣйствій, но выдѣляющихся своимъ особымъ значеніемъ, каковы, наприм., рѣшенія, единолично принимаемая власть имущими людьми. Не причислять ихъ къ индивидуальнымъ выступленіямъ заставляетъ насъ то соображеніе, что приведеніе въ испол-

неніе рѣшенія, принятаго, напр., главнокомандующимъ, требуетъ содѣйствія многихъ лицъ, и слѣдовательно, какъ бы единоличное съ перваго взгляда дѣйствіе получаетъ на самомъ дѣлѣ коллективный характеръ. Дабы поступокъ человѣка имѣлъ дѣйствительно значеніе индивидуальнаго выступленія, нужно, чтобы онъ, этотъ человѣкъ, дѣйствовалъ, какъ частное лицо, совершенно свободно, отъ своего имени, какъ это дѣлаетъ, наприм., публицистъ, печатая статью или издавая брошюру, хотя и тутъ ему нужно содѣйствіе другихъ. Случаи, когда дѣйствіе совершается однимъ лицомъ безъ посторонней помощи (какъ въ примѣрѣ Шарлотты Кордэ), крайне, повторяю, рѣдки.

Массовые поступки, связанные между собою лишь одинаковыми причинами, ихъ вызывающими, или неорганизованнымъ подражаніемъ однихъ людей другимъ и притомъ совершаемые разрозненно, каждымъ отдѣльно, на свой страхъ и рискъ, составляютъ особую категорію историческихъ явленій, очень важныхъ для процесса культурной эволюціи. Такъ, наприм., если мелкіе собственники въ какой-либо странѣ, не сговариваясь между собою, но каждый подъ давленіемъ одинаковыхъ экономическихъ причинъ, начнутъ продавать свои земли, которыя, попадая въ руки немногихъ лицъ, станутъ образовывать латифундіи, то въ результатѣ произойдетъ перемѣна формы землевладѣнія, не ради же которой, однако, какъ желательнаго результата, совершались отдѣльныя продажи, имѣвшія, каждая въ отдѣльности, вполнѣ индивидуальный мотивъ. Кромѣ вынужденности продавать земли, могли наводить на мысль объ этомъ примѣры, поданные раньше, но каждый все-таки продавалъ свой участокъ отдѣльно, и общій результатъ получался лишь потому, что слишкомъ много накоплялось однородныхъ единичныхъ случаевъ [1].

---

[1]) См. выше, стр. 145—146 и 149.

Статистика занимается учитываніемъ подобнаго рода массовыхъ явленій, среди которыхъ бываютъ и явленія борьбы отдѣльныхъ личностей между собою; только большое количество такихъ явленій и можетъ служить характеристикою общественнаго быта. Если изъ массы одинаково борящихся индивидуальныхъ силъ, побѣда одерживается силами одной категоріи надъ силами другой, въ общественномъ быту произойдетъ соотвѣтственная перемѣна. Дѣло, однако, въ томъ, что, когда начинается борьба изъ-за одинаковыхъ интересовъ, она тотчасъ же сближаетъ между собою людей, имѣющихъ эти одинаковые интересы. Исторія послѣднихъ временъ крѣпостного права въ Россіи знаетъ много разрозненныхъ случаевъ убійства помѣщиковъ крестьянами, и въ большинствѣ случаевъ, такія убійства совершались скопами. На почвѣ общихъ интересовъ люди вообще легко сближаются между собою и въ борьбѣ очень охотно дѣйствуютъ коллективно.

Коллективныя выступленія совершаются не рѣдко случайными комплексами людей. Криминалисты правильно отличаютъ преступленія толпы отъ преступленій, совершаемыхъ организованными шайками. Толпа образуется случайно изъ людей, одержимыхъ однимъ и тѣмъ же чувствомъ, при чемъ отдѣльныя лица въ толпѣ взаимно заражаются даннымъ чувствомъ, и каждая единичная личность вполнѣ утрачиваетъ свою волю и дѣйствуетъ подъ вліяніемъ своего рода внушенія со стороны перваго, кто дастъ общій лозунгъ для дѣйствія и сдѣлается „героемъ“ этой толпы [1]. Разъ дѣло сдѣлано, толпа разсѣивается, т.-е. опять распадается на свои составныя части, отдѣльныя человѣческія единицы. Образованію такой толпы можетъ предшествовать агитація, въ ней можетъ возникнуть своя

---

[1]) Напоминаю работы *Н. К. Михайловскаго* „Герои и толпа“, о которой см. на стр. 107—121 „Сущности историческаго процесса“.

команда, такія скопища могутъ часто повторяться, и въ нихъ могутъ даже участвовать каждый разъ одни и тѣ же лица, но все-таки это будутъ кратковременныя соединенія отдѣльныхъ единицъ, неустойчивыя и скоро распадающіяся, подобныя тѣмъ облакамъ, которыя быстро скопляются и быстро таютъ въ воздухѣ при извѣстномъ его состояніи. Такія случайныя по своему составу, но не случайныя въ своемъ происхожденіи скопища, съ болѣе или менѣе рѣзкимъ боевымъ характеромъ, играютъ особенно важную роль въ революціонныя эпохи, времена повышеннаго настроенія массъ, и характеризуются своею стихійностью и анархичностью. Вспомнимъ хотя бы разныя выступленія парижскаго населенія въ дни 14 іюля и 5—6 октября 1789 г., 20 іюня и 10 августа 1792 г., 31 мая—2 іюня 1793 г., хотя во многихъ случаяхъ такія выступленія не были внезапными взрывами разгоравшихся страстей, а подготовлялись и даже организовались заранѣе. Отъ выступленій настоящихъ организованныхъ силъ эти коллективныя дѣйствія отличаются своей внезапностью, своимъ стихійнымъ характеромъ, своею кратковременностью и тѣмъ, что онѣ возникаютъ и играютъ болѣе или менѣе важную роль въ прагматическомъ процессѣ только въ исключительные періоды страстной общественной борьбы, когда народная психика выходитъ изъ своего обычнаго равновѣсія. Въ такой формѣ народъ въ лицѣ своихъ случайныхъ представителей вообще лишь рѣдко вмѣшивается въ ходъ событій, и каждый разъ такія выступленія знаменуютъ, что общественная жизнь испытываетъ кризисъ, что соціальная борьба дѣлается особенно напряженною и готова перейти въ настоящую междоусобную войну. Въ физическомъ мірѣ подобнымъ коллективнымъ выступленіямъ соотвѣтствуютъ грозы и бури или болѣзненныя потрясенія организма. Анархія можетъ на нѣкоторое время овладѣть цѣлою страною, но всегда среди анархіи наблюдаются

попытки организаціи стихійнаго движенія для направленія его къ опредѣленной цѣли. Далеко, однако, не всегда это удается ко вреду самихъ же такихъ стихійныхъ, анархическихъ движеній: тѣ силы, противъ которыхъ борются случайныя коллективныя выступленія, обыкновенно бываютъ, наоборотъ, организованы, и это имъ даетъ перевѣсъ въ борьбѣ. Прагматическій процессъ исторіи есть по преимуществу процессъ, въ которомъ дѣйствуютъ организованныя силы: государства со своими органами власти и военными силами, общественные союзы, политическія партіи и пр., и пр.

Какой характеръ ни имѣла бы борьба, совершающаяся между отдѣльными обществами (государствами, націями) или въ отдѣльныхъ обществахъ, каждый разъ она возникаетъ на почвѣ существованія между борящимися силами какого нибудь противостремленія или антагонизма [1]. Антагонизмомъ мы вообще называемъ такое взаимоотношеніе двухъ силъ, при которомъ каждая изъ нихъ стремится произвести (или производитъ) дѣйствіе (или дѣйствія) въ противоположныхъ,—хотя бы и отчасти только,—направленіяхъ. Когда съ той или иной стороны присущее ей стремленіе переходитъ въ дѣйствіе и, какъ это бываетъ обыкновенно, вызываетъ противодѣйствіе съ другой стороны, то обѣ находящіяся въ состояніи антагонизма силы вступаютъ въ состояніе борьбы. Антагонизмъ можетъ существовать между индивидуумами и возникать какъ на чисто личной почвѣ, такъ и на почвѣ принадлежности индивидуумовъ къ разнымъ группамъ, между которыми существуютъ свои групповые антагонизмы. Теорія экономическаго матеріализма дѣлаетъ большую ошибку, сводя вся-

[1]) См. книгу *Ю. Делевскаго* „Соціальные антагонизмы и классовая борьба въ исторіи". Спб. 1910. Ср. автореферать въ XVI т. „Историческаго Обозрѣнія" (за 1911 годъ).

кую соціальную борьбу къ антагонизму экономическихъ классовъ, потому что, кромѣ такого антагонизма, исторія имѣетъ дѣло еще съ разными категоріями антагонизмовъ, безъ признанія самостоятельности которыхъ нельзя дѣйствительно объяснить такія явленія, какъ религіозный фанатизмъ, національная исключительность (шовинизмъ), культурный консерватизмъ (традиціонализмъ) и т. п., т.-е. все то, что можетъ раздѣлять членовъ общества на враждебныя между собою группы. По своимъ стремленіямъ, каждый человѣкъ съ одними людьми солидаренъ, съ другими находится въ состояніи антагонизма, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ это происходитъ по очень разнообразнымъ мотивамъ, и то же самое приложимо къ отдѣльнымъ группамъ, которыя, равнымъ образомъ, могутъ находиться между собою въ отношеніяхъ положительнаго и отрицательнаго характера по весьма разнообразнымъ причинамъ. Людей раздѣляютъ между собою не одни матеріальные интересы, но и идеи, притомъ не однѣ идеи съ практическимъ содержаніемъ, а также идеи совершенно отвлеченныя, въ родѣ религіозныхъ догматовъ, и, кромѣ того, эмоціи, возбуждаемыя у однихъ одними привычными представленіями, у другихъ—другими, какъ это наблюдается при національномъ патріотизмѣ. И со своимъ собственнымъ коллективомъ человѣкъ можетъ находиться въ частномъ антагонизмѣ, если въ чемъ-нибудь съ нимъ расходится, въ остальномъ пребывая въ состояніи солидарности съ нимъ. Это и понятно, разъ мы не признаёмъ въ личности только продуктъ общественности безъ всякаго остатка [1]). Въ личности настолько есть своего *я*, что можно даже говорить объ антагонизмахъ, возникающихъ между стремленіями личнаго и общественнаго бытія [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 138 и слѣд.

[2]) См. извѣстную работу *Н. К. Михайловскаго* „Борьба за индивидуальность“.

Каковы бы ни были въ своей основѣ, въ своемъ значеніи, въ своихъ проявленіяхъ существующіе въ обществѣ антагонизмы и возникающіе на ихъ почвѣ конфликты, т.-е. будутъ ли это международныя войны, возстанія, междоусобія, столкновенія враждебныхъ религій или народностей въ одномъ и томъ же государствѣ, политическая или классовая партійность и т. п., всегда они проявляются въ настроеніяхъ и дѣйствіяхъ отдѣльныхъ людей, и всегда эти настроенія и дѣйствія имѣютъ не одинаковое значеніе для самаго хода борьбы и для ея исхода. Борьба соціальныхъ силъ, въ особенности силъ организованныхъ, предполагаетъ вождей, которымъ вручается или которыми самими берется на себя руководство въ борьбѣ, которые направляютъ дѣйствіе борящихся силъ и распоряжаются дѣйствіями членовъ группы, участвующихъ въ борьбѣ. Иногда такіе вожди даже прямо пользуются извѣстною соціальною силою, цѣлымъ, напр., государствомъ, какъ своимъ орудіемъ въ достиженіи чисто личныхъ цѣлей. Такого личнаго было много, напр., въ дѣятельности Наполеона, который даже не только пользовался образовавшимися международными антагонизмами, но—гдѣ только было можно—вызывалъ новые. Грандіозная эпопея международныхъ войнъ наполеоновской эпохи имѣетъ параллельныя явленія въ исторіи гражданскихъ войнъ, какъ принято называть междоусобія, напр., тѣ конфликты Цезарей съ Помпеями, которые вовлекали въ борьбу разныя области и части населенія всего римскаго міра. Личная воля и личное разумѣніе этихъ вождей вели къ побѣдѣ или къ пораженію даже тогда, когда вожди ставили своею цѣлью не удовлетвореніе личнаго честолюбія, жажды власти и т. п., а достиженіе какихъ-либо результатовъ, бывшихъ и соціально желательными. Конечно, къ роли вождей въ борьбѣ всякихъ соціальныхъ силъ мы должны примѣнять общія соображенія о значеніи такъ называемыхъ великихъ людей

въ исторіи [1]), держась одинаково далеко и отъ взгляда, по которому все въ борьбѣ зависитъ отъ вождей, и отъ взгляда противоположнаго, будто борьба происходитъ какъ-то сама собою, стихійно, ведется „всѣми“, причемъ, какъ-разъ вожди рѣшительно ни при чемъ ни въ побѣдахъ, ни въ пораженіяхъ. Съ послѣдней точки зрѣнія будто бы такъ-таки и не имѣютъ значенія ни таланты, ни знанія вождей, ни ловкость дипломатовъ, ни стратегическія способности генераловъ, ни умѣлость парламентскихъ лидеровъ, ни краснорѣчіе народныхъ трибуновъ.

Раздѣляя историческіе факты на культурные и прагматическіе или, что то же, на состоянія и событія [2]), мы должны, разумѣется, относить соціальные антагонизмы, какъ извѣстныя настроенія, къ первой категоріи, а всѣ случаи борьбы соціальныхъ силъ, какъ активныя выступленія, иначе дѣйствія,—ко второй. Враждебныя настроенія къ тѣмъ или другимъ коллективамъ, съ одной стороны, возникаютъ сами собою, естественно, въ силу общихъ причинъ, но, съ другой, могутъ быть вызываемы искусственно или, покрайней мѣрѣ, быть преднамѣренно усиливаемы, раздуваемы, обостряемы отдѣльными людьми или общественными группами, которымъ по тѣмъ или другимъ соображеніямъ это бываетъ нужно. Лучшимъ примѣромъ могутъ служить случаи обостренія національныхъ антагонизмовъ какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ оффиціозною прессою, шовинистическими союзами, наемными агитаторами, пускающими въ ходъ рядомъ съ былью и небылицы. Общественныя настроенія создаются нерѣдко совершенно стихійно, порождаясь наличностью извѣстныхъ фактовъ, способныхъ вызывать тѣ или другія мысли, чувствованія и стремленія, но въ порожденіи обще-

[1]) См. выше, стр. 159 и слѣд.

[2]) Теорія историческаго знанія, стр. 140.

ственныхъ настроеній, равнымъ образомъ, играютъ роль и преднамѣренныя усилія отдѣльныхъ лицъ или соціальныхъ группъ, когда имъ нужно общественное содѣйствіе въ ихъ борьбѣ съ враждебными лицами, съ враждебными группами. Изъ ничего, конечно, не создашь нѣчто, но и изъ чего-либо малаго, почти незамѣтнаго, ловкой тактикой можно бываетъ сдѣлать и очень крупную величину, превратить муху въ слона.

Далѣе, при наличности какого-либо антагонизма существуетъ только возможность конфликта, отнюдь не его неизбѣжность, подобно тому, какъ это происходитъ и въ индивидуальной жизни, когда проявляютъ свою силу такъ называемые задерживающіе центры. Власть имущіе или вліятельные люди, взятые ли индивидуально или въ сплоченныхъ группахъ, въ состояніи своею дѣятельностью сдерживать общественные порывы, даже съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ бороться съ ними, но могутъ, и наоборотъ, искусственно доводить до конфликтовъ такіе антагонизмы, которые сами собою изъ области враждебныхъ настроеній не перешли бы въ область враждебныхъ дѣйствій. Чѣмъ болѣе коллективъ внутренне организованъ, чѣмъ болѣе его члены дисциплинированы, тѣмъ менѣе превращеніе антагонистическаго состоянія въ дѣйственную борьбу можетъ быть результатомъ какихъ-либо анархическихъ выступленій, тѣмъ болѣе зависитъ это отъ воли единичныхъ или коллективныхъ вождей, хотя бы эта воля и проявляла себя опредѣленнымъ образомъ подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія.

Рѣшаетъ ли воля вліятельныхъ и власть имущихъ людей начать борьбу и ведетъ ли борьбу извѣстнымъ образомъ подъ давленіемъ извнѣ или по собственному изволенію, т.-е. беря иниціативу на себя, всегда въ борьбу соціальныхъ силъ одинаково вносятся элементы личнаго разумѣнія, личнаго темперамента, личной умѣлости, какъ въ пони-

маніи того, чего борьба должна достигнуть, такъ и въ употребленіи средствъ, могущихъ осуществить ея цѣль. При вмѣшательствѣ въ событія своего времени Вашингтонъ и Наполеонъ ставили себѣ различныя цѣли, одинъ— болѣе общественную, другой—болѣе личную, одинъ подчинялъ себя интересамъ родины, другой изъ своей страны дѣлалъ пьедесталъ для личнаго своего возвеличенія. И для каждаго рядового члена борящихся между собою коллективовъ мотивы борьбы могутъ имѣть болѣе безкорыстный или болѣе корыстный характеръ, но особенно это различіе проявляется въ поведеніи вождей, причемъ, кстати сказать, и преданные дѣлу вожди могутъ различаться между собою по достижимости или, наоборотъ, фантастичности своихъ цѣлей, осуществлять которыя они увлекаютъ другихъ, равно какъ по практичности или полной непригодности пускаемыхъ ими въ ходъ средствъ.

Изъ-за разнаго пониманія цѣлей или средствъ, къ нимъ ведущихъ, часто возникаютъ антагонизмы и происходитъ борьба нерѣдко между самими вождями общественнаго движенія, и при этомъ къ принципіальнымъ разногласіямъ примѣшиваются мотивы тщеславія, честолюбія, властолюбія или хотя бы простого самосохраненія, т.-е. мотивы личнаго характера. Особенно выпукло проявляются такіе личные антагонизмы и конфликты въ исторіи эпохи террора великой французской революціи. Общественныя силы раздѣлялись между собою, становясь на сторону того или другого дѣятеля или переходя отъ одной стороны къ другой, то находясь подъ обаяніемъ даннаго лица, вѣря въ него, уповая на его умъ, его доблесть и т. п., то расчитывая при его помощи осуществить свои личныя стремленія, хотя бы и не непремѣнно эгоистическаго свойства. Личная борьба за вліяніе, за властное положеніе и т. п. играетъ очень большую роль въ конфликтахъ, имѣющихъ общественный характеръ, и историкъ дѣлаетъ не

малую ошибку, когда, изучая общественные конфликты, не учитываетъ этой игры индивидуальныхъ силъ, въ которой содѣйствіе общественныхъ силъ является только средствомъ для одержанія личной побѣды. Послѣдняя можетъ и не быть одержана, и тогда изъ-за личнаго предпріятія страдаетъ коллективъ, какъ и одержаніе побѣды въ авантюрѣ личнаго характера далеко еще не равнозначуще съ достиженіемъ общественныхъ цѣлей.

Что сказано объ использованіи общественныхъ силъ въ личныхъ интересахъ, вполнѣ примѣнимо и къ тѣмъ случаямъ, когда силы цѣлаго общества направлены на достиженіе цѣлей только одной его части, т.-е. какой-либо группы, наприм., сословія, болѣе тѣснаго круга лицъ и т. п. Вообще цѣлыя и довольно многочисленныя категоріи соціальныхъ силъ могутъ принимать участіе въ борьбѣ безъ яснаго пониманія ея настоящихъ мотивовъ и задачъ, въ качествѣ орудій въ достиженіи цѣлей, этимъ категоріямъ постороннихъ и даже совсѣмъ невѣдомыхъ. Полная или хотя бы нѣкоторая сознательность проявляющихся въ борьбѣ стремленій не принадлежитъ къ числу признаковъ, характеризующихъ то участіе, какое принимаютъ въ борьбѣ многія категоріи соціальныхъ силъ. Иногда чисто стихійное движеніе совершается во имя всѣми болѣе или менѣе одинаково и ясно понимаемой цѣли, все равно—реальной или утопической, а иногда и участіе въ организованной борьбѣ отличается характеромъ пассивнаго орудія въ рукахъ знающихъ, чего сами они хотятъ, притомъ лишеннаго всякой освѣдомленности о томъ, куда ихъ ведутъ. Ссылки на вѣрность народнаго инстинкта, на безошибочность безотчетныхъ стремленій народныхъ массъ, на какой-то безсознательный разумъ, присущій массовымъ выступленіямъ, относятся къ числу понятій старой історіологической мистики и романтики, съ которыми давно покончило научное пониманіе историческаго процесса.

Не только въ постановкѣ задачъ, осуществляемыхъ посредствомъ жизненной борьбы, но и въ выборѣ способовъ ихъ разрѣшенія, средствъ, ведущихъ къ желаемой цѣли, проявляются предположенія, намѣренія, склонности и способности отдѣльныхъ лицъ или группъ, стоящихъ во главѣ соціальныхъ силъ. Какъ лучше всего обезпечить жизненные интересы коллектива, будутъ ли то государство, сословіе, партія, какъ лучше всего одержать побѣду надъ противникомъ, все это—дѣло особыхъ органовъ того или другого коллектива, все это—задачи, требующія спеціальныхъ знаній и особыхъ способностей, обладаніе каковыми представляетъ собою одинъ изъ шансовъ побѣды, рядомъ съ другими условіями, обрѣтающимися во внутреннихъ качествахъ самихъ коллективовъ, въ родѣ сознательнаго отношенія къ дѣлу, вѣрности долгу, стойкости въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Индивидуальныя качества вождей—въ дипломатическихъ ли переговорахъ, въ веденіи ли военныхъ дѣйствій, въ борьбѣ ли политическихъ партій и т. п.—содѣйствуютъ побѣдѣ, когда эти качества находятся на высотѣ задачи, и ведутъ къ пораженію, когда, наоборотъ, не соотвѣтствуютъ тому, что̀ въ данномъ положеніи требуется отъ людей, ведущихъ отвѣтственное дѣло.

Борьба или кончается побѣдою однихъ и пораженіемъ другихъ, или, какъ говорится, кончается ни въ чью. Послѣднее бываетъ, собственно говоря, рѣдко, побѣда же однихъ и пораженіе другихъ всегда сопровождается болѣе или менѣе крупными перемѣнами въ прежнемъ историческомъ состояніи, въ прежнемъ соотношеніи общественныхъ силъ. Борьба нарушаетъ обычное теченіе жизни, и послѣ побѣды однихъ и пораженія другихъ жизнь начинаетъ течь по новому руслу.

XIII. Постепенная эволюція и внезапные кризисы въ исторіи.

Старая геологія учила о томъ, что на поверхности земного шара время отъ времени совершались внезапные перевороты, катаклизмы, послѣ каждого изъ которыхъ все, такъ сказать, обновлялось — и флора, и фауна — и въ томъ видѣ, какой принимало, оставалось до новаго катаклизма. Современная геологія стоитъ на иной, чисто эволюціонной точкѣ зрѣнія постепенныхъ мелкихъ измѣненій, не исключающей, однако, понятія о болѣе или менѣе крупныхъ катастрофахъ, которыя сама, впрочемъ, объясняетъ чисто эволюціонными процессами, ихъ подготовляющими. Въ исторіи человѣческихъ обществъ мы тоже имѣемъ дѣло и съ эволюціонными процессами, и съ катастрофическими кризисами; одною изъ важныхъ формулъ соціальной динамики Огюста Конта было дѣленіе историческихъ эпохъ на органическія, продолжающія и развивающія унаслѣдованное отъ прошлаго, и на критическія, разрушающія наслѣдіе прошлаго, вносящія въ жизнь новыя начала. Исторія рисовалась съ этой точки зрѣнія, какъ чередованіе органическихъ и критическихъ эпохъ: органическія эпохи сохраняютъ старыя начала или строятъ дальше на старыхъ основахъ и старыми же способами, а критическія ищутъ новыхъ принциповъ для созиданія новыхъ формъ, замѣны ими старыхъ, обветшавшихъ. Войны прерываютъ мирное сожительство народовъ, революціи полагаютъ конецъ старымъ общественнымъ порядкамъ и даютъ начало новымъ. Органическое, эволюціонное составляетъ противоположность понятію катастрофы, кризиса, переворота, революціи: одно съ другимъ, говорятъ нѣкоторые писатели, несовмѣстимо.

Напрям., въ числѣ критиковъ моихъ „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи“ былъ одинъ, который, привѣтствуя мою „попытку подчинить философію исторіи идеѣ развитія (эволюціи)“, находилъ тѣмъ не менѣе, что я самъ себѣ противорѣчу, допуская въ своемъ ученіи кризисы въ качествѣ факторовъ историческаго процесса [1]). Въ моей книгѣ онъ усмотрѣлъ „весьма крупное недоразумѣніе, въ значительной мѣрѣ подрывающее оцѣнку эволюціи“ въ исторіи, ибо, утверждалъ онъ, признаніе кризисовъ „идетъ совершенно въ разрѣзъ съ идеей эволюціи“. Дѣло заключалось въ томъ, что критикъ былъ натуралистъ, біологъ, который понималъ эволюцію исключительно въ смыслѣ органическаго развитія, такъ сказать, постепеннаго процесса, идущаго путемъ накопленія мелкихъ измѣненій, безъ скачковъ („natura non facit saltus“), въ смыслѣ, именно, развитія изнутри, саморазвитія (évolution spontanée), въ которое ничто не вторгается извнѣ, дабы нарушить законосообразную послѣдовательность его ступеней, т.-е. постепенную смѣну однѣхъ формъ другими путемъ послѣдовательнаго, совершающагося мало-по-малу, накопленія мелкихъ измѣненій въ старомъ, въ чемъ и заключается переходъ съ одной стадіи на другую.

Это, въ сущности, есть то же самое пониманіе эволюціи, съ точки зрѣнія котораго развитіе права уподоблялось произрастанію травы [2]) и вообще устранялось предста-

---

[1]) См. замѣтку Эльпе въ № 2795 „Новаго Времени“ (8 дек. 1883 г.), на которую я отвѣчалъ статьей „Кризисы и личная иниціатива въ исторической эволюціи“ („Русскія Вѣдомости“, 1884, № 14). Мой критикъ возражалъ статьей „Внезапные перевороты и идея развитія“ (Нов. Вр., № 2847, отъ 31 янв. 1884), на что я отвѣтилъ въ той же газетѣ (№ 2868) замѣткой „Два слова объ исторической эволюціи“. См. также мою брошюру „Моимъ критикамъ“ (Варшава. 1884), стр. 62—65. Все существенное изъ этой полемики включено въ настоящую главу.

[2]) См. выше, стр. 130.

вленіе о сознательномъ и преднамѣренномъ творчествѣ, хотя здѣсь выдвигается впередъ нѣсколько другая сторона органически совершающагося развитія. Понимать *такъ* эволюцію, признать одинъ изъ ея видовъ за эволюцію вообще значитъ съуживать самое это понятіе, значитъ примѣнять къ явленіямъ соціологическаго порядка мѣрку для явленій порядка біологическаго. На дѣлѣ, при широкомъ пониманіи эволюціи, какъ генетическаго процесса, въ которомъ все новое возникаетъ изъ стараго, понятіе кризиса столь же мало противорѣчитъ этой идеѣ, какъ понятіе случайности—идеѣ необходимости [1]). Вѣдь общую необходимость (идіографическую) можно разложить на частныя необходимости, т.-е. на отдѣльные причинные ряды, причемъ встрѣча или пересѣченіе одного такого ряда съ другимъ, отъ него независимымъ, и порождаетъ то, что̀ мы называемъ случайностью. Въ исторіи наблюдается не только безконечное множество каузальныхъ цѣпей, переплетающихся однѣ съ другими въ весьма сложныхъ сочетаніяхъ, но и великое же множество эволюціонныхъ рядовъ, вторгающихся одинъ въ другой и производящихъ своего рода пертурбаціи въ постепенной и, такъ сказать, планомѣрной послѣдовательности отдѣльныхъ процессовъ. Эволюція, это—общее понятіе, покрывающее собою и случаи эволюціи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ изнутри развивающихся процессовъ, и случаи нарушенія этихъ развитій извнѣ дѣйствующими силами, вліяніями на нихъ другихъ процессовъ. Историческій процессъ въ обоихъ своихъ аспектахъ—прагматическомъ и культурномъ—есть цѣлая совокупность отдѣльныхъ процессовъ, совершающихся одновременно и притомъ то идущихъ въ одномъ направленіи, одинъ другому помогающихъ, то, наоборотъ, противоборствующихъ, внося-

---

[1]) См. выше, стр. 183 и слѣд.

щихъ одинъ въ другой бо́льшія или меньшія пертурбаціи. Кризисъ и наступаетъ тогда, когда въ одну частную эволюцію, если можно такъ выразиться, вторгаются результаты другой эволюціи и нарушаютъ ея правильное теченіе. Хожденіе по проторенньмъ путямъ, движеніе въ разъ принятомъ направленіи, накопленіе однородныхъ прецедентовъ, вотъ что характеризуетъ органическія эпохи, но разъ откуда-то идетъ вліяніе, толкающее на новые пути, направляющее движеніе въ другую сторону, и появляется что-то новое, прежде небывалое, это и есть наступленіе критической эпохи. Конечно, вездѣ и всегда, когда переживается какой-либо кризисъ, — общій или частный,—онъ не является какъ deus ex machina, неизвѣстно откуда и какъ бы безпричинно, ибо изъ ничего ничего и выйти не можетъ („ex nihilo nihil fit"), а всегда онъ гдѣ-то подготовлялся, и въ этомъ смыслѣ кризисы нужно понимать по аналогіи со свобо́дою, поскольку послѣдняя не обозначаетъ безпричинности. Общественную культуру мы разлагаемъ на отдѣльные элементы, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою эволюцію, и движеніе одного элемента можетъ вызвать кризисъ въ другомъ, экономика— въ политикѣ или наоборотъ и т. п.

Кризисы разражаются внезапно или, по крайней мѣрѣ, быстро, но подготовляются они исподволь и постепенно. Искусство практическихъ дѣятелей—предвидѣть кризисы, когда можно, ихъ устранять или, по крайней мѣрѣ, ослаблять вредныя или опасныя ихъ слѣдствія; задача историка— истолковывать ихъ происхожденіе, понимать ихъ генезисъ изъ анализа приведшихъ къ нимъ частныхъ эволюцій. Съ этой точки зрѣнія частные историческіе кризисы составляютъ интегральные элементы общей исторической эволюціи. Послѣднюю не слѣдуетъ понимать, какъ нѣкоторое прямолинейное, всегда впередъ идущее движеніе, безъ своего рода скачковъ въ сторону и возвращеній вспять.

Историческія перемѣны могутъ происходить путемъ долговременнаго и постепеннаго процесса послѣдовательныхъ, но идущихъ въ одномъ и томъ же направленіи и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мелкихъ измѣненій и, наоборотъ, могутъ совершаться быстро и сразу путемъ внезапнаго разрыва съ прежнимъ, предполагающаго побѣду въ борьбѣ (бывающую разной прочности) однѣхъ общественныхъ силъ надъ другими. Чисто эволюціонные процессы и органическія эпохи предполагаютъ извѣстное равновѣсіе наличныхъ соціальныхъ силъ, кризисы и критическія эпохи знаменуютъ собою нарушенія прежнихъ равновѣсій, т.-е. составляютъ нѣчто въ родѣ того, чѣмъ является гроза или буря въ атмосферѣ и болѣзнь въ организмѣ.

Кризисы, играющіе роль своего рода переломовъ или переворотовъ въ жизни народовъ, могутъ имѣть или болѣе частное, или болѣе общее значеніе. Кризисы бываютъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности, въ отдѣльныхъ наукахъ или въ отдѣльныхъ научныхъ теоріяхъ, въ парламентской жизни, но бываютъ и такіе, которые захватываютъ болѣе или менѣе полно и глубоко и сразу всѣ наиболѣе важныя стороны существованія народовъ. Общество жило въ извѣстныхъ, давно сложившихся, сдѣлавшихся привычными формахъ, которыя развивались въ разъ принятомъ направленіи, и вдругъ оно съ прежнихъ рельсовъ переходитъ на новые рельсы, какъ бы порываетъ связь со всѣмъ старымъ и перерождается для новой жизни. Дѣйствительно ли, однако, въ такіе моменты все старое отмираетъ и замѣняется всѣмъ новымъ и такимъ образомъ въ данныхъ пунктахъ разрывается связь временъ, старая эволюція прерывается и начинается нѣчто совершенно новое?

Было время, когда у насъ такъ смотрѣли на Петровскую реформу. Великій преобразователь „привелъ насъ изъ небытія въ бытіе“ или, вѣрнѣе, изъ одного бытія въ

другое, отъ прежняго совершенно отличное. Было время, когда такую же пропасть вырывали между дореволюціонною и послѣреволюціонною Франціей. Въ обоихъ случаяхъ дѣло понималось въ родѣ того, какъ представлялась въ старой геологіи смѣна разныхъ эпохъ въ прошломъ земной коры, когда думали, что каждый катаклизмъ сметалъ съ лица земли все старое, а потомъ создавалось все новое.

Въ серединѣ прошлаго столѣтія во Франціи вышла въ свѣтъ небольшая книга Токвиля „Старый порядокъ и революція", въ которой авторъ эволюціонно понялъ кризисъ, пережитый его родиной въ концѣ XVIII в. Никто, конечно, не станетъ отрицать, что это былъ общій сдвигъ Франціи со старыхъ основъ ея политическаго, соціальнаго, юридическаго, экономическаго и т. д. быта, и тѣмъ не менѣе глубоко невѣрно такое представленіе, будто старая Франція безповоротно кончилась и началась безусловно новая Франція. „Въ 1789 году, писалъ въ своей книгѣ Токвиль, французы совершили величайшее изъ всѣхъ, когда-либо сдѣланныхъ народами усилій для того, чтобы отрѣзать себя отъ своего прошедшаго и отдѣлить бездной то, чѣмъ они были, отъ того, чѣмъ они желали быть впредь. Съ этою цѣлью они приняли всевозможныя предосторожности, чтобы не перенести чего-нибудь изъ прошлаго въ свое новое положеніе; они всячески насиловали себя, чтобы сдѣлать себя непохожими на своихъ отцовъ; словомъ, они сдѣлали все, чтобы стать неузнаваемыми.—Я, продолжаетъ Токвиль, всегда былъ того мнѣнія, что они гораздо менѣе успѣли въ этомъ своеобразномъ предпріятіи, чѣмъ могло казаться со стороны и чѣмъ они сами думали первоначально. Я былъ убѣжденъ, что, сами того не зная, они удержали изъ стараго порядка бо̀льшую часть чувствъ, привычекъ и даже идей, съ помощью которыхъ они вели революцію, разрушившую этотъ порядокъ, и что, сами того не желая, они воспол-

зовались обломками для постройки зданія новаго общества". Вся книга Токвиля, сдѣлавшая, какъ извѣстно, эпоху въ исторіографіи французской революціи (тоже ознаменовавшая кризисъ въ ея изученіи), служитъ доказательствомъ той мысли, что революція не разорвала исторію Франціи на двѣ части, между которыми нѣтъ ничего общаго. что многое, характеризующее старый порядокъ, перешло въ новое общество и что многое, что считалось порожденіемъ или пріобрѣтеніемъ революціи, зародилось еще при старомъ порядкѣ. Работая надъ своимъ изслѣдованіемъ, знаменитый историкъ „удивлялся, по собственному его признанію, встрѣчая на каждомъ шагу во Франціи того времени огромное количество чертъ, поражающихъ насъ въ современной Франціи. Я, говоритъ онъ еще, находилъ множество понятій, которыя раньше считалъ порожденіемъ революціи, множество идей, исходившихъ, какъ мнѣ казалось, отъ нея одной, тысячу привычекъ, которыя, по общему мнѣнію, дала намъ только она; я повсюду находилъ корни современнаго общества глубоко вросшими въ эту старую почву... Есть, читаемъ мы нѣсколько дальше, большое количество законовъ и привычекъ стараго порядка, которые внезапно исчезаютъ въ 1789 г. и снова показываются нѣсколько лѣтъ спустя, какъ нѣкоторыя рѣки скрываются подъ землею, чтобы вновь появиться немного далѣе и показать тѣ же воды новымъ берегамъ". Отсюда одна изъ задачъ, которую поставилъ себя Токвиль,—„объяснить, почему революція какъ будто сама вышла изъ общества, которое ей предстояло разрушить" [1]). Съ этой точки зрѣнія даже такой

---

[1]) Стр. 8 и 11 по рус. переводу подъ ред. проф. Виноградова. Токвилевскую точку зрѣнія Сорель въ своемъ сочиненіи „Европа и французская революція" примѣнилъ ко всей Европѣ, тоже поставивъ себѣ задачею „показать, что французская революція... есть не что иное, какъ естественное и необходимое продолженіе евро-

крупный кризисъ, цѣлый сдвигъ всей исторіи большой страны со старыхъ основъ, какимъ является французская революція, былъ лишь моментомъ общаго эволюціоннаго процесса, въ которомъ одновременно не только отживало старое и зарождалось новое, но и новое продолжало носить на себѣ слѣды стараго, само будучи не совсѣмъ ужъ новымъ. То, что при обычномъ теченіи дѣлъ происходитъ лишь по частямъ и постепенно, въ моменты кризисовъ совершается сразу и быстро, но не такъ, чтобы старое безслѣдно исчезало, а то, что наступало, было безусловно новымъ, не имѣющимъ никакихъ корней въ прошломъ.

Точка зрѣнія, съ которой Токвиль взглянулъ на великій французскій переворотъ конца XVIII в., примѣняется въ настоящее время и въ русской исторіографіи, по отношенію къ нашей революціи конца XVII в. и начала XVIII в., къ реформѣ Петра Великаго. Это—точка зрѣнія эволюціонная, но въ случаяхъ подобнаго рода мы имѣемъ дѣло не съ эволюціонизмомъ въ смыслѣ ученія объ органическомъ развитіи, а съ эволюціонизмомъ, считающимся съ особенностями историческаго процесса, каковыя собою представляютъ его прагматика, его телеологическіе элементы, его боренія общественныхъ силъ, его кризисы и его, какъ увидимъ еще, реакціи. Общую эволюціонность историческаго процесса не нарушаютъ совершающіеся въ немъ кризисы, своего рода,—если уже пошло на физіологическія сравненія,—болѣзни роста или такія внезапныя метаморфозы (трансформаціи), примѣромъ каковыхъ можетъ служить сбрасываніе окрыленною бабочкою той оболочки, въ которой она жила, пока была на стадіи куколки.

пейской исторіи, и доказать, что у революціи не было ни одного слѣдствія... которое не вытекало бы изъ этой исторіи и не объяснялось бы прецедентами стараго порядка". Т. I, стр. 6 рус. пер.

Взятый съ культурной своей стороны историческій процессъ есть именно трансформація общественнаго быта, которая или происходитъ медленно, постепенно и даже непреднамѣренно или же совершается быстро, сразу и какъ-разъ преднамѣренно, что вызываетъ борьбу между стремящимися къ перемѣнамъ силами и силами, отстаивающими старое. Со стороны прагматической историческій процессъ есть по преимуществу процессъ, въ которомъ дѣйствующимъ механизмомъ являются конфликты общественныхъ силъ, порождающіе историческіе кризисы.

При безконечной сложности общественной жизни и историческаго движенія, то, что мы можемъ обозначать, какъ движеніе, развитіе, трансформацію отдѣльныхъ сторонъ, частей, элементовъ изучаемой нами жизни, происходитъ далеко не равномѣрно, а одно опережаетъ, другое отстаетъ, одно крѣпнетъ, усиливается, умножается, другое ослабѣваетъ и идетъ на убыль, одно испытываетъ болѣе или менѣе существенныя, глубокія и быстрыя измѣненія, другое сохраняетъ прежнія формы или измѣняется въ чемъ-либо неважномъ и очень медленно, едва-едва замѣтно. Одни элементы культуры, каковы экономика, политика, идеологія и т. п., однѣ части общества, какъ-то соціальные классы, культурные слои, территоріальныя группы, однѣ стороны историческаго движенія находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи съ другими элементами культуры, частями общества и сторонами исторіи и всѣ вмѣстѣ взятые между собою, и всякія нарушенныя равновѣсія такъ или постоянно возстановляются: движеніе впередъ въ одномъ отношеніи сдерживается или останавливается болѣе инертными по той или иной причинѣ силами или же, наоборотъ, измѣненія, начинающіяся въ одной сферѣ, отражаются и на другихъ, вызывая и въ нихъ выходъ изъ даннаго состоянія. Говоря языкомъ механики, получаются нѣкоторыя равнодѣйствующія, которыя, въ свою очередь,

не имѣютъ характера прямыхъ линій и правильнаго нарастанія движенія, похожаго на ариѳметическую или геометрическую прогрессію: линіи получаются даже не кривыя, а ломаныя, и шаги, сдѣланные впередъ, чередуются съ остановками на мѣстѣ или даже возвращеніями вспять.

Когда сдѣланная изъ сырого дерева доска подвергается дѣйствію очень сухого воздуха, высыханіе отдѣльныхъ слоевъ дерева происходитъ неравномѣрно, и доску, что называется, начинаетъ коробить, причемъ она можетъ давать и трещины. Вотъ очень простой примѣръ того, что происходитъ въ исторической жизни вслѣдствіе неравномѣрности ея движенія, взятаго въ отдѣльныхъ ея внутреннихъ отношеніяхъ. Когда полкъ солдатъ маршируетъ на парадѣ, повинуясь общей командѣ и въ тактъ военной музыкѣ, всѣ отдѣльные солдаты подвигаются впередъ равномѣрно, но вообразите себѣ отрядъ, обращенный непріятелемъ въ бѣгство: развѣ одни не будутъ опережать, другіе—отставать, не будутъ одни толкать другихъ, одни—другихъ задерживать, одни—падать, другіе—о нихъ спотыкаться и т. п.? Вѣдь и въ исторіи, вслѣдствіе ея сложности и относительной самостоятельности дѣйствующихъ въ ней силъ, отдѣльныя движенія не являются координированными, откуда и происходятъ всѣ происходящіе въ ней конфликты, все бореніе дѣйствующихъ въ ней силъ.

На рубежѣ XVIII и XIX столѣтій Мальтусъ въ своемъ „Опытѣ о народонаселеніи“ вообразилъ, что въ жизни человѣческихъ обществъ дѣйствуетъ нѣкоторый законъ, въ силу котораго, будто бы, народонаселеніе ростетъ въ геометрической прогрессіи, а средства существованія—только въ ариѳметической. Сама природа, думалъ Мальтусъ, возстановляетъ равновѣсіе между однимъ и другимъ, губя тѣхъ, которые не нашли для себя готовыхъ приборовъ на жизненномъ пиру. Экономисты уже достаточно критиковали этотъ яко-бы „законъ“ Мальтуса, но здѣсь я

дѣлаю на него ссылку не для обсужденія заключающагося въ немъ содержанія, а для иллюстраціи на примѣрѣ, хотя бы и гипотическомъ, того, какъ общество въ одномъ отношеніи можетъ далеко уходить впередъ, а въ другомъ, наоборотъ, отставать, и что это сопровождается явленіями, не могущими подводиться подъ представленіе безболѣзненнаго и мирнаго развитія. Другой примѣръ—экономическіе кризисы, наступающіе тогда, когда производство слишкомъ опережаетъ потребленіе, предложеніе извѣстнаго товара—тотъ на него спросъ, какой въ данный моментъ существуетъ.

Для своей соціальной статистики Контъ установилъ понятіе „consensus'а", въ какомъ находятся между собою отдѣльныя стороны общественнаго бытія, взятыя въ одинъ и тотъ же моментъ времени. Этотъ „consensus" далеко не представляетъ собою устойчиваго равновѣсія: скорѣе здѣсь рѣчь можетъ идти только о стремленіи къ равновѣсію, постоянно нарушаемому тѣмъ, что движеніе цѣлаго не совершается равномѣрно во всѣхъ его частяхъ. Отсюда и общій характеръ историческаго процесса, представляющаго собою не постоянную эволюцію, безболѣзненное и мирное развитіе, а движеніе, которое сопровождается внезапными кризисами, хотя бы, конечно, каждый и имѣлъ свою эволюціонную подготовку. При извѣстныхъ условіяхъ отдѣльные слои сырой деревянной доски усыхаютъ равномѣрно, и она остается ровною и цѣльною, но при другихъ условіяхъ, какъ сказано выше, усыхая, она коробится и можетъ расколоться. Это можетъ служить своего рода поясненіемъ того, какъ совершается историческій процессъ.

XIV. Акціи и реакціи въ исторіи.

Исторіософы-провиденціалисты [1], полагавшіе, что исторія совершается по нѣкоему свыше данному ей плану, равно какъ метафизики-исторіософы, навязывавшіе ходу исторіи нѣкоторую апріорную логичность [2], всегда были склонны понимать историческій процессъ, какъ своего рода прямолинейность, при которой каждый сдѣланный шагъ есть шагъ впередъ, приближающій исторію къ предначертанной ей цѣли или исполняющій очередную частную задачу въ общемъ заданіи исторіи. Такую же склонность обнаружилъ въ своей соціальной динамикѣ и Огюстъ Контъ, полагавшій, что у исторіи есть извѣстный основной законъ, въ силу котораго общество проходитъ опредѣленныя стадіи развитія, и что каждая новая эпоха соотвѣтствуетъ высшей стадіи развитія [3]. Наприм., въ томъ, что принято называть переходомъ отъ античности къ средневѣковью, онъ видѣлъ дальнѣйшій шагъ впередъ по пути, указываемому основнымъ закономъ соціальной динамики. Наконецъ, и соціологи, увлекающіеся аналогіей общественной эволюціи съ органическимъ развитіемъ, также очень склонны мыслить указанную эволюцію слишкомъ прямолинейно. Люди, не закрывающіе глазъ на историческую дѣйствительность, съ такого рода представленіями согласиться, конечно, никоимъ образомъ не могутъ.

---

[1]) Терминъ „исторіософія"—синонимъ философіи исторіи. Въ О. В. Ф. И. я сталъ употреблять его въ смыслѣ философской теоріи прогресса, изъ которой не выдѣлялъ еще тогда научной теоріи историческаго процесса, взятаго объективно. Здѣсь я называю „исторіософами" тѣхъ историко-философскихъ писателей которые понимали историческій процессъ теологически или метафизически.

[2]) См. О. В. Ф. И., кн. I, гл. III, § 3.

[3]) Ср. выше, стр. 54—55.

Историки очень хорошо знаютъ, что общественная жизнь не представляетъ собою неизмѣнно поступательнаго движенія впередъ. Только становясь на предвзятую точку зрѣнія, можно, наприм., видѣть въ экономическомъ и культурномъ упадкѣ античнаго міра не крупный шагъ назадъ на самомъ дѣлѣ, а только видимость такого шага, въ сущности же, переходъ на новую, высшую ступень развитія. Даже отрѣшаясь отъ оцѣночной мѣрки, лежащей въ основѣ понятій „прогрессъ“ и „регрессъ“ [1]), мы не можемъ не признавать, что въ данную эпоху произошло упрощеніе и оскудѣніе жизни, возвращеніе къ переживавшимся уже раньше ступенямъ быта, и что потомъ потребовалось не мало времени, дабы старыя страны Европы могли снова достигнуть того уровня, на которомъ онѣ уже нѣкогда стояли. Временныя отступленія назадъ, на покинутыя-было позиціи, въ исторіи происходятъ сплошь и рядомъ, и за періодами движеній, осуществляющихъ новыя культурно-соціальныя формы, то и дѣло слѣдуютъ періоды реакціоннаго характера.

Разъ историческая жизнь складывается изъ столкновеній и бореній, разъ въ ней происходятъ кризисы, переломы, мы не можемъ не наблюдать постоянно, что въ борьбѣ неизбѣжны побѣды и пораженія кого-нибудь и чего-нибудь, что побѣда можетъ быть либо на сторонѣ новыхъ силъ и началъ, ведущихъ жизнь впередъ, либо на сторонѣ началъ и силъ старыхъ, стремящихся къ возстановленію прежняго. Стремленія послѣдняго рода принято называть реакціонными, соотвѣтственныя имъ движенія — реакціями, причемъ термину придается значеніе не только простого реагированія, т.-е. отвѣтнаго дѣйствія, но именно дѣйствія въ сторону, противоположную той, въ какую совершилось дѣйствіе, вызвавшее то, что явилось затѣмъ на него

[1]) Объ этомъ см. ниже, въ гл. XIX.

отвѣтомъ. Въ понятіи реакціи въ томъ смыслѣ, какъ этотъ терминъ употребляется историками, содержится элементъ оцѣнки, роднящій это понятіе съ понятіемъ регресса, но если даже и отрѣшиться отъ неодобренія того, что мы называемъ реакціей или регрессомъ, все-таки мы будемъ различать среди историческихъ движеній такія, которыми осуществляется что-нибудь новое, и такія, наоборотъ, которыми новое устраняется для возстановленія стараго, потерпѣвшаго уронъ въ борьбѣ съ новымъ. Если движенія второй категоріи называть реакціями, то тѣ, которыми вводится въ жизнь нѣчто новое, можно согласиться обозначать, какъ „акціи".

Историческій процессъ, взятый съ прагматической стороны, складывается изъ акцій и реакцій, изъ шаговъ впередъ и шаговъ назадъ. Каждое общественное движеніе, состоящее въ послѣднемъ анализѣ изъ совокупности многихъ людскихъ дѣйствій, объединенныхъ единствомъ или сходствомъ цѣлей, бываетъ направлено или на то, чтобы осуществить какія-либо общественныя перемѣны, или на то, чтобы устранить уже совершившіяся измѣненія и вообще не допускать новизны. Однѣ общественныя силы по самому существу своему консервативны и неизбѣжно бросаются въ реакцію, какъ только другія силы, имъ враждебныя, овладѣваютъ опасными для нихъ позиціями. Акціи чередуются въ исторіи съ реакціями, ибо по временамъ общественныя антагонизмы обостряются въ болѣе или менѣе рѣзкіе конфликты, и въ возникающей отсюда борьбѣ побѣждаютъ то однѣ, то другія силы. Нѣкоторые готовы были видѣть въ такомъ, именно, ходѣ исторіи нѣчто, аналогичное смѣнамъ дня и ночи, теплаго и холоднаго временъ года, морскихъ приливовъ и отливовъ или чередованія состояній бодрствованія и сна, но такія сравненія едва ли выдерживаютъ критику, поскольку въ приведенныхъ примѣрахъ всегда дѣйствуетъ одна какая-либо

основная причина—обращеніе земли вокругъ своей оси, наклоненіе къ эклиптикѣ то сѣвернаго, то южнаго полюса земного шара, вліянія луны на водную поверхность послѣдняго, необходимость для организма какъ заполненія затратъ, такъ и устраненія продуктовъ утомленія, сдѣланныхъ въ состояніи бодрствованія. Строгая періодичность, наблюдаемая въ перечисленныхъ случаяхъ, указываетъ на то, что здѣсь вездѣ проявляется легко поддающаяся опредѣленію законосообразность. Съ историческими акціями и реакціями дѣло обстоитъ не такъ просто, куда, наоборотъ, сложнѣе. Скорѣе здѣсь напрашиваются на сравненія тѣ обусловливаемыя весьма разными причинами, часто совершенно случайными, привходящими извнѣ, колебанія въ вѣсѣ нашего тѣла, въ нашемъ здоровьѣ и самочувствіи, въ нашемъ настроеніи, въ нашей работоспособности и т. п., т.-е. вообще въ нашихъ тѣлесныхъ и душевныхъ состояніяхъ. Строгой періодичности въ смѣнѣ историческихъ акцій и реакцій не наблюдается: и побѣды здѣсь одерживаются, и пораженія ихъ смѣняютъ, въ зависимости каждый разъ отъ соотношенія реальныхъ силъ, а соотношенія эти мѣняются въ зависимости отъ множества причинъ, не исключая и случайныхъ обстоятельствъ.

Каковы бы ни были причины нарушеній общественнаго status quo, разъ въ извѣстной части общества нарождаются новыя потребности или возникаютъ новыя стремленія, и тѣ, и другія проявляются въ дѣятельности нѣкотораго количества членовъ общества, принимающей болѣе или менѣе массовой, коллективный и въ той или иной мѣрѣ организованный характеръ. Такое движеніе всегда оказывается враждебнымъ существующему укладу жизни и встрѣчаетъ отпоръ со стороны той части общества, которая, наоборотъ, даннымъ строемъ и всѣмъ, что его поддерживаетъ, имѣетъ основаніе дорожить. Бываютъ случаи, когда самъ строй этотъ находится въ состояніи

разложенія, а дорожащіе имъ элементы общества оказываются безпечными, слабыми, дезорганизованными, и тогда общественная акція сопровождается рядомъ успѣховъ и становится побѣдоносной. Стóитъ только вспомнить такъ называемую „порчу католической церкви въ главѣ и членахъ“, которая вызвала реформацію XVI в. и дала ей одержать во многихъ странахъ побѣду, или вспомнить „старый порядокъ“ (ancien régime), сдѣлавшій неизбѣжною революцію 1789 года и тоже обусловившій возможность побѣды новыхъ стремленій надъ традиціонными устоями. Въ обоихъ случаяхъ новое вступало въ побѣдоносную борьбу со старымъ, а застигнутое врасплохъ старое теряло почву подъ ногами, обнаруживая свою слабость, и терпѣло пораженіе за пораженіемъ, между тѣмъ какъ отъ одержанныхъ побѣдъ новое усиливалось и даже дѣлало новые шаги, которыхъ раньше и предвидѣть-то было нельзя.

Сравнительно-обобщающее изученіе фактическаго матеріала исторіи [1]), касающагося такихъ крупныхъ и выходившихъ за предѣлы одной націи движеній, какъ реформація XVI вѣка, какъ французская революція 1789 г., какъ 1848 годъ и т. п., можетъ дать очень многое для общей теоріи тѣхъ историческихъ движеній, которыя мы условились называть акціями [2]). То обстоятельство, чтò во всѣхъ трехъ случаяхъ движенія происходили въ разныхъ странахъ, даетъ возможность широко примѣнять пріемы сравнительнаго изученія, но и тѣ случаи, когда мы имѣемъ дѣло съ одиноко, такъ сказать, стоящими событіями, также могутъ быть использованы въ исторіологическомъ интересѣ, разъ событія эти поддаются научному обобщенію. То, чтò

[1]) Ср. гл. X и XI „Теоріи историческаго знанія“.

[2]) Этой точки зрѣнія я старался держаться въ соотвѣтственныхъ отдѣлахъ „Исторіи Западной Европы въ новое время“ и въ обобщающихъ ихъ фактическій матеріалъ книгахъ. Ср. ниже, стр. 332, прим.

индивидуализируетъ данное движеніе, относится къ идіографіи, а то, что̀ во всѣхъ однородныхъ движеніяхъ является параллельнымъ, общимъ, и какъ-разъ должно идти въ исторіологическое построеніе.

Конечно, въ обшемъ трудѣ эта тема не можетъ получить исчерпывающей разработки, но главные тезисы теоріи историческихъ акцій, равно какъ и реакцій не могутъ остаться ненамѣченными.

Каждое движеніе, происходящее въ обществѣ или въ его части, разъ оно ставитъ себѣ опредѣленныя цѣли, вызывается его неудовлетворенностью чѣмъ-нибудь въ существующемъ строѣ, въ данномъ укладѣ жизни, и люди предпринимаютъ тѣ или другія дѣйствія для того, чтобы измѣнить то или это, ихъ не удовлетворяющее, въ желательномъ для нихъ направленіи. То, что̀ мы называемъ преобразованіемъ, реформой и т. п., можетъ быть или болѣе поверхностнымъ, или болѣе глубокимъ, къ чему примѣняются квалификаціи умѣренности, радикализма и т. п. Желательность преобразованія способна проявляться и вызывать дѣятельность и въ тѣхъ кругахъ общества, которые въ существующемъ видятъ только какія-нибудь неудобства, и тѣ, которыя имъ прямо тяготятся, отъ него страдаютъ, т.-е. и власть имущіе, и подвластные. Къ крѣпостному праву въ Россіи было разное, хотя въ обоихъ случаяхъ отрицательное, отношеніе и въ либеральной бюрократіи, и въ массахъ порабощеннаго крестьянства: просвѣщенные чиновники находили нужнымъ освободить крѣпостныхъ по другимъ мотивамъ, нежели тѣ, по которымъ желали воли сами крестьяне. Когда какое-либо преобразованіе является желательнымъ въ разныхъ общественныхъ кругахъ и по многимъ мотивамъ, часто однимъ здѣсь и совсѣмъ другимъ тамъ, это умножаетъ силы противниковъ подлежащаго измѣненію явленія, т. е. тѣмъ большее количество людей это сознаётъ и въ пользу этого дѣйствуетъ. Чѣмъ бо̀льшій

кругъ лицъ тяготится существующимъ и отъ него страдаетъ, тѣмъ, понятное дѣло, напряженнѣе стремленіе, тѣмъ энергичнѣе происходящее движеніе.

Акція пріобрѣтаетъ тотъ или другой характеръ — мирной реформы или насильственной революціи—не только отъ состава и настроенія участвующихъ въ ней силъ, но и отъ образа дѣйствій тѣхъ, которые заинтересованы въ сохраненіи status quo или, по крайней мѣрѣ, въ спасеніи изъ него того, что̀ можно спасти.

Общественные элементы, участвующіе въ движеніи, могутъ расходиться между собою въ пониманіи конечныхъ цѣлей, что̀ до поры, до времени, пока передъ ними борьба съ общимъ врагомъ, можетъ ихъ и не разъединять, и могутъ расходиться также по отношенію къ способамъ борьбы, что̀ тоже порой не мѣшаетъ ихъ совмѣстному дѣйствію. Съ другой стороны, уступчивость или неуступчивость тѣхъ, которые не могутъ сочувствовать движенію, также оказываетъ свое вліяніе на ходъ и характеръ борьбы: частичныя уступки предотвращаютъ возможность болѣе бурныхъ выступленій, упорство же разжигаетъ страсти. Иногда побѣда движенія обусловливается внутреннимъ разстройствомъ или разложеніемъ того строя, противъ котораго ведется борьба, какъ это было во время революціи. Данный укладъ жизни можетъ многихъ тяготить и этимъ вызывать противъ себя болѣе или менѣе общее недовольство, вызывать тамъ и сямъ броженіе, порождать даже значительныя вспышки, но и наиболѣе несправедливый строй не подвергается серьезной опасности, разъ онъ внутренне нерасшатанъ, разъ у него есть стоящіе на стражѣ люди, есть цѣлесообразно дѣйствующая организація и крѣпкая дисциплина, есть матеріальныя средства и т. д.

Разложеніе всякаго строя наблюдается тогда, когда по своекорыстію однихъ, по неразумію другихъ, по безпечности третьихъ и по другимъ этому подобнымъ при-

чинамъ, въ немъ, въ этомъ строѣ, не дѣлается никакихъ измѣненій, диктуемыхъ жизнью, никакихъ починокъ того, что въ немъ попортилось, и когда строй оказывается плохо функціонирующимъ, что̀ отражается на самой жизни, и неспособнымъ защитить себя, едва на него начинаетъ производиться атака. Устарѣлый, отставшій отъ живой дѣйствительности традиціонный укладъ своимъ несоотвѣтствіемъ съ требованіями этой дѣйствительности вызываетъ отрицательное къ себѣ отношеніе, какъ нѣчто тяготящее, стѣсняющее, тормазящее, разъ и реальное состояніе общества и его настроеніе ушли далеко отъ старыхъ, издавна остававшихся неподвижными формъ, но въ этой же устарѣлости заключается и причина непрочности уклада, когда онъ подвергается нападенію, будетъ ли послѣднее произведено извнѣ,—какъ это можно сказать о Пруссіи въ 1806 г., о Россіи въ севастопольскую кампанію, объ Австріи въ 1859 г., или же, наоборотъ, изнутри, что̀ для нашей темы представляетъ особый интересъ.

Итакъ, новыя движенія возникаютъ потому, что старое тяготитъ, и одерживаютъ побѣды, потому что старое часто и само разваливается. Впрочемъ, и тягостность, и внутренній развалъ длятся нерѣдко цѣлыми вѣками, пока общественныя силы сами чѣмъ-либо еще не приводятся въ движеніе.

Источники общественныхъ перемѣнъ, это—еще одна изъ нашихъ дальнѣйшихъ темъ [1]), а теперь мы отъ акцій перейдемъ къ реакціямъ, которыя въ историческомъ процессѣ имѣютъ значеніе переходовъ въ наступленіе со стороны разбитыхъ, но успѣвшихъ оправиться общественныхъ силъ.

Въ исторіи нерѣдки случаи сильныхъ реакцій, слѣдовавшихъ за крупными историческими движеніями. Наи-

---

¹) См. въ слѣдующей (XV) главѣ.

болѣе извѣстны изъ нихъ въ новое время такъ называемая католическая реакція, послѣдовавшая въ серединѣ XVI в. за религіозной реформаціей, реакція въ Англіи 60—80-тыхъ годовъ XVII в., вслѣдъ за первой революціей, реакція послѣ французской революціи и имперіи Наполеона I, реакція послѣ бурнаго 1848 года и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло сначала съ бурными и на первыхъ порахъ побѣдоносными движеніями, послѣ нѣкотораго времени, однако, настолько ослабѣвающими, что побѣды смѣняются пораженіями, и воскресаютъ старыя силы. Какъ объяснить себѣ подобнаго рода явленія? — вотъ общій теоретическій вопросъ, который лучше всего разрѣшается изученіемъ того общаго, что мы находимъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, подходящихъ подъ эту категорію историческихъ фактовъ.

Мнѣ уже пришлось высказаться по этому вопросу въ книжкѣ, въ которой я подвелъ общіе итоги подъ содержаніемъ первыхъ трехъ томовъ „Исторіи Западной Европы“ [1]). Частный поводъ для изложенія общаго теоретическаго взгляда на генезисъ реакцій дала мнѣ католическая реакція, вызванная религіозной реформаціей XVI в., и то, что тамъ было высказано, было потомъ мною примѣнено въ IV и V томахъ указанной „Исторіи“ къ реакціямъ начала и середины XIX вѣка. Сущность этого взгляда, которому я здѣсь даю нѣсколько большее развитіе, сводится къ слѣдующему.

Реакціи нуждаются въ психологическомъ и соціологическомъ объясненіи. Съ психологической точки зрѣнія „реакція можетъ произойти въ духовной жизни отдѣльной личности, разъ данный индивидуумъ, подчинившійся ка-

---

[1]) Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени. См. въ ней первый параграфъ главы VII („Культурная и политическая реакція“).

кому-либо направленію, или разочаровывается въ надеждахъ, какія на него возлагалъ, и поэтому отворачивается отъ этого направленія и даже ему измѣняетъ, или замѣчаетъ, что изъ даннаго направленія происходятъ непредвидѣнныя послѣдствія, для него, этого лица, непріятныя и нежелательныя, и потому становится прямо во враждебныя отношенія къ тому, что̀ самъ защищалъ. Для объяененія реакцій первый случай имѣетъ свое значеніе, являясь основаніемъ для того, чтобы движеніе потеряло прежнюю силу, второй же является лишь частнымъ случаемъ болѣе общаго правила, а именно того, что въ жизни вообще, т.-е. въ индивидуальной ли жизни, или въ жизни общественной существуютъ противоположные интересы и стремленія, приходящіе въ столкновеніе между собою: въ индивидуальной жизни одинъ мотивъ можетъ заставить идти по извѣстной дорогѣ впередъ, но едва человѣкъ замѣчаетъ, что новая дорога приводитъ его туда, куда онъ вовсе не желалъ бы попасть по другому мотиву, и разъ этотъ мотивъ окажется болѣе сильнымъ, человѣкъ повернетъ назадъ". Когда я писалъ это, я въ частности имѣлъ въ виду Лютера, который, какъ извѣстно, отступилъ отъ своего ученія о свободномъ толкованіи Св. писанія и пользованіи при этомъ разумомъ, когда въ рукахъ другихъ это привело къ тому, въ чемъ онъ увидѣлъ непозволительныя ереси. Другимъ примѣромъ могъ бы служить Кромвель, который пытался возстановить многое изъ того, что̀ разрушалъ раньше. Психологическое объясненіе реакцій можно было бы пополнить и указаніемъ на всѣ тѣ случаи личныхъ измѣнъ, когда люди сжигали то, чему раньше поклонялись, и начинали поклоняться тому, что̀ сжигали, но, въ сущности, и здѣсь также извѣстные мотивы всегда брали перевѣсъ надъ другими, имъ противоположными.

Болѣе существенное психологическое соображеніе, ко-

торымъ можно пополнить сказанное, заключается въ томъ, что ходъ исторіи сопровождается смѣною поколѣній, т. е., что новые люди приходятъ и съ новой психикой, которая складывается всегда по новому, но и это соображеніе не противорѣчитъ основному взгляду на психическую природу реакцій. Наконецъ, и то нужно принимать въ расчетъ, что старыя привычки мысли, чувства и воли, часто воскресаютъ въ новой обстановкѣ и вновь создаютъ старыя, знакомыя отношенія, какъ это прекрасно иллюстрировалъ Токвиль на примѣрѣ французовъ эпохи революціи [1]).

Соціологическій генезисъ реакцій понимается мною такъ: „когда цѣлыя общественныя группы вступаютъ на извѣстную историческую дорогу, онѣ имѣютъ въ виду извѣстную цѣль, и всякій неуспѣхъ на пути ея достиженія ослабляетъ движеніе, дѣлая его участниковъ менѣе увѣренными и энергичными, заставляя многихъ изъ нихъ отставать и т. п., а съ другой стороны, и цѣлыя группы могутъ отступать назадъ, замѣчая, что движеніе, казавшееся имъ безопаснымъ, клонится къ нарушенію ихъ интересовъ“.

Разочарованіе однихъ, когда ихъ надежды, часто преувеличенныя, оказываются не осуществившимися, и опасенія другихъ, когда они видятъ, что ихъ союзники идутъ дальше того, чѣмъ сами они допускаютъ, — вотъ два источника, очень часто ослаблявшихъ многія историческія движенія. Когда во время французской революціи рабочіе увидѣли, что республика не дала имъ того, чего они отъ нея ожидали, они къ ней охладѣли, а буржуазія тоже перестала дорожить свободой, когда увидѣла, что демократическое движеніе пошло дальше, чѣмъ она могла допустить. Въ 1848 г. рабочее движеніе, получившее соціалистическую окраску, тоже напугало буржуазію и

---

[1]) См. выше, стр. 218—220.

бросило ее въ объятія реакціи. Въ историческихъ акціяхъ, въ которыхъ участвуютъ разные общественные элементы, союзники только до поры, до времени бываютъ попутчиками и нерѣдко превращаются въ противниковъ, вступающихъ между собою въ борьбу къ выгодѣ защитниковъ старины.

Ослабленіе новыхъ движеній вслѣдствіе разочарованій, опасеній, конфликтовъ или зарожденіе реакцій среди самихъ же участниковъ новыхъ движеній, это—одна сторона интересующаго насъ явленія. Всякое новое движеніе всегда съ самаго же начала встрѣчаетъ если не противодѣйствіе, то попытки таковаго со стороны тѣхъ, противъ кого движеніе направляется,—встрѣчаетъ консервативную оппозицію. Когда движеніе ихъ застигаетъ врасплохъ, имъ иногда приходится долго ждать, пока оно не ослабѣетъ отъ частныхъ неудачъ или отъ общаго разочарованія, пока отъ него не отстанутъ и не примкнутъ къ консервативнымъ элементамъ люди, сами попятившіеся назадъ, пока и сами они, эти элементы, не соберутъ своихъ силъ, не сбросятъ съ себя все, что ихъ ослабляло, и не организуются для борьбы. Католическая реакція была и возрожденіемъ католицизма, реформаціей, произведенной въ немъ самомъ, но потребовалось, по крайней мѣрѣ, два десятилѣтія для того, чтобы католическая церковь, аттакованная протестантизмомъ и сектантствомъ, могла сама начать наступленіе. Реакція стараго порядка тоже не сразу началась во Франціи, но революція уже была сокрушена не этой реакціей, а буржуазіей, вступившею въ борьбу съ демократическимъ движеніемъ. Это, однако, общее правило: реакція пятидесятыхъ годовъ XIX в. была результатомъ очень быстраго паденія самого революціоннаго движенія, въ которомъ весьма рано обнаружился внутренній развалъ (соціальный и національный).

Реакція никогда не бываетъ полной, т.-е. никогда не

бываетъ совершеннымъ возстановленіемъ стараго и даже сама очень нерѣдко для своихъ цѣлей пользуется орудіями, созданными предыдущимъ движеніемъ. Бурбоны во Франціи, въ эпоху реставраціи, не могли устранить изъ жизни ни народнаго представительства, ни гражданскаго равноправія, а наполеоновскіе конкордатъ и административную централизацію охотно сохранили, какъ орудія своей власти. Съ другой стороны, и на революціяхъ часто—въ новыхъ только формахъ и подъ новыми названіями—отражаются черты стараго быта. Сразу въ жизни народовъ никогда все не обновляется: совершающееся въ ней обновленіе происходитъ по частямъ и съ возможностью частныхъ же возвратовъ къ старому.

Общимъ движеніемъ жизни одно проталкивается впередъ, другое, уже успѣвшее продвинуться, отбрасывается назадъ, и многимъ дѣлается то шагъ впередъ, то шагъ назадъ. Ткань Пенелопы въ очень частыхъ случаяхъ можетъ служить символомъ историческаго процесса, какъ чередованія акцій и реакцій, хотя въ общемъ и цѣломъ исторія все-таки идетъ впередъ.

XV. Источники историческихъ перемѣнъ.

Гдѣ нѣтъ перемѣнъ, нѣтъ и исторіи, каковы бы ни были эти перемѣны—въ сторону ли усложненія и обогащенія жизни, или въ сторону ея упрощенія и оскудѣнія, въ качествѣ ли результатовъ отъ новыхъ движеній, или отъ возвращеній къ старому, внезапныхъ кризисовъ или постепенныхъ эволюцій. При сложности исторической жизни и какъ, съ одной стороны, относительной независимости ея элементовъ, такъ, съ другой, и существованія между

ними взаимодѣйствій, перемѣны, возникающія въ однѣхъ сферахъ, могутъ на другихъ совершенно не отражаться, но могутъ, наоборотъ, и въ другихъ сферахъ вызывать перемѣны. Появленіе, напр., новаго стиля въ какомъ-либо искусствѣ не оказываетъ никакого вліянія на другія человѣческія дѣятельности и на ихъ продукты, но, положимъ, какое-либо техническое открытіе часто влечетъ за собою цѣлый рядъ перемѣнъ не только техническаго характера. Перемѣны перемѣнамъ вообще рознь: есть такія, которыя сами являются источниками другихъ перемѣнъ, но есть и такія, которыя не вызываютъ никакихъ новыхъ перемѣнъ.

Въ историческихъ воззрѣніяхъ по отношенію къ основнымъ источникамъ историческихъ перемѣнъ мы можемъ найти нѣсколько разныхъ пониманій того, что̀, вообще ли, или главнымъ образомъ, производитъ историческое движеніе, но двумя наиболѣе значительными и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно противоположными ученіями слѣдуетъ признать идеологизмъ и экономическій матеріализмъ. Каждое изъ нихъ вѣрно, поскольку дѣйствительно объясняетъ одну категорію явленій, и каждое должно быть отвергнуто, какъ только распространяется на всѣ стороны жизни, т.-е. совершенно исключаетъ какія бы то ни было другія объясненія и сходитъ со строго логическаго пути, начиная прибѣгать къ произвольнымъ натяжкамъ.

Было время, когда въ исторіологіи господствовалъ идеологизмъ, сущность котораго заключается въ выведеніи всѣхъ историческихъ перемѣнъ изъ измѣненій, происходящихъ въ умственной сферѣ, въ области идей. Эта, именно, сфера признавалась наиболѣе подвижною, и въ ней полагался, главнымъ образомъ, источникъ происходящаго въ исторіи движенія. Особенно къ такому пониманію были склонны спиритуалистическія и идеалистическія системы философіи. Для Гегеля истинный процессъ исторіи совершался въ области духа и заключался въ

постепенномъ уясненіи духомъ себѣ своей сущности, т.-е. въ нѣкоторомъ познавательномъ, идейномъ движеніи. Этотъ основной субъектъ исторіи, вознесенный на высоту Мірового Духа, въ то же время былъ заложенъ въ самую глубь историческаго процесса, дѣйствительный ходъ которой представлялся Гегелю рядомъ внѣшнихъ отображеній того, что̀ происходило въ недосягаемыхъ нѣдрахъ духовной сущности міровой исторіи.

Идеи вѣковъ, эти руководящія начала историческихъ эпохъ, съ такой точки зрѣнія являлись соотвѣтственными выраженіями разныхъ ступеней саморазвитія Мірового Духа, и этими идеями объяснялось все содержаніе жизни отдѣльныхъ эпохъ [1]).

Но и болѣе реалистически настроенные мыслители готовы были видѣть въ интеллектуальной сферѣ, въ мірѣ идей основной источникъ историческихъ перемѣнъ. Изъ всѣхъ видовъ историческаго прогресса ранѣе всего былъ признанъ прогрессъ умственный [2]), и раньше же всего образовался взглядъ, по которому сначала происходятъ перемѣны въ мысляхъ людей, а потомъ уже въ ихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ.

Родоначальникъ позитивизма и основатель соціологіи, Ог. Контъ, находилъ, что каждый общественный строй покоится на мнѣніяхъ: значитъ, если мнѣнія измѣняются, измѣняется и строй. То, что Контъ провозгласилъ, какъ основной законъ соціальной эволюціи, его формула трехъ послѣдовательныхъ фазисовъ міросозерцанія [3]), имѣетъ также чисто интеллектуалистическій, идеологическій характеръ: все дѣло въ томъ, какъ люди понимаютъ природу, какимъ поэтому духовнымъ вождямъ подчиняются—жре-

---

[1]) О. В. Ф. И., кн. I, гл. III.

[2]) См. мою статью „Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи", указанную ниже (въ главѣ XIX).

[3]) Смотри выше, стр. 54—55.

цамъ ли, философамъ-метафизикамъ или же ученымъ, представителямъ положительнаго знанія, и какіе свѣтскіе вожди дополняютъ собою духовное водительство (причемъ философамъ соотвѣтствуютъ юристы, ученымъ — индустріалы). Шедшій по стопамъ Конта въ пониманіи научнаго знанія Бокль, равнымъ образомъ, полагалъ, что прогрессъ зависитъ отъ пріобрѣтенія и распространенія знаній, и ему ничего не стоило объяснять такое грандіозное и сложное событіе, какъ французская революція, изъ умственнаго переворота, произведеннаго развитіемъ въ XVIII в. естествознанія.

Впрочемъ, строго теоретически никто не обосновывалъ такого ученія, по которому идеологія должна была бы считаться единственнымъ, исключительнымъ источникомъ историческихъ перемѣнъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Всякая попытка, какая была бы сдѣлана въ этомъ направленіи, должна была бы окончиться неудачей, ибо доказать такой тезисъ можно было бы лишь путемъ натяжекъ, подтасовокъ и другихъ нелогичностей въ виду того, что многія перемѣны завѣдомо имѣютъ свой источникъ гдѣ-то еще, внѣ умственной работы. На исторіи отражаются всѣ виды человѣческой дѣятельности и вся совокупность человѣческихъ нуждъ и потребностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и такой могучій біологическій факторъ, какъ ростъ населенія. Есть даже соціологи, готовые къ росту населенія, какъ къ главному источнику, сводить основную причину измѣненій, происходящихъ въ общественной жизни людей. При исканіи начала всѣхъ началъ въ строго монистическомъ направленіи теоретики исторіи поступали совершенно такъ же, какъ первые греческіе философы, указывавшіе кто на воду, кто на воздухъ, кто на огонь въ качествѣ искомой ἀρχή.

Здѣсь не мѣсто рѣшать вопросъ, почему создавались столь противорѣчивые отвѣты на интересующій насъ вопросъ.

Можно только отмѣтить, что особый интересъ къ той или другой сторонѣ исторіи отражался и на пониманіи преимущественной роли данной стороны въ созпданіи исторіи. Что въ эпоху боренія новыхъ и старыхъ идей усилился интересъ къ общественнымъ идеологіямъ, это понятно, и этимъ объясняется то значеніе, какое общіе историки стали приписывать изученію литературы, какъ лабораторіи идей. Стоитъ вспомнить хотя бы Шлоссера, который еще въ серединѣ XIX столѣтія былъ однимъ изъ видныхъ выразителей передового пониманія задачъ исторической науки (если только забыть его морализирующій дидактизмъ): его исторія есть по преимуществу исторія прагматическихъ фактовъ и исторія идей, соединеніе политической исторіи съ исторіей литературы. Когда жизнь выдвинула впередъ экономическіе вопросы, а историки стали переносить интересъ къ нимъ и въ изученіе прошлаго, исторіографія получила развитіе и въ эту сторону, съ чѣмъ, понятное дѣло, стало соединяться стремленіе къ выясненію вліянія экономическихъ условій на такія историческія перемѣны, въ генезисѣ которыхъ раньше даже не подозрѣвалось участіе экономическаго фактора.

Это было совершенно законно, и на этомъ пути историческая наука сдѣлала не мало важныхъ пріобрѣтеній, какъ прежде—отъ интереса къ литературѣ. Можно сказать, что литература и политическая экономія особенно преобразовали изученіе исторіи, расширивъ ея психологическую и соціологическую основы. Но какъ бы мы ни цѣнили услуги, оказанныя исторической наукѣ экономическими истолкованіями изучаемыхъ ею явленій, мы не имѣемъ ни логическихъ, ни фактическихъ основаній для того, чтобы въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній видѣть единственный, исключительный источникъ историческихъ перемѣнъ.

Такое, именно, ученіе представляетъ собою экономи-

ческій матеріализмъ, исторіи, анализу и критикѣ котораго мною были посвящены рядъ статей и цѣлая книга [1]). Исходный тезисъ этой исторіологической теоріи, гласящій, что „базисомъ" является состояніе производительныхъ силъ, а все остальное (въ томъ числѣ и вся идеологія) играетъ роль „надстройки", всецѣло зависящей отъ своего базиса, и что всѣ перемѣны въ надстройкѣ являются прямыми результатами измѣненій, происшедшихъ въ базисѣ,—этотъ тезисъ остается столь же недоказаннымъ, какъ и противоположный ему о мнѣніяхъ, какъ основѣ, на которой покоится всякій общественный строй, объ идейномъ движеніи, какъ истинномъ источникѣ всякихъ общественныхъ перемѣнъ. Экономическій матеріализмъ— такая же односторонность, какъ и историческій идеологизмъ: каждое изъ этихъ ученій объясняетъ лишь однѣ категоріи явленій, однѣ стороны жизни, и въ этомъ заключается великій выигрышъ исторической науки (въ смыслѣ idiографическихъ изслѣдованій), но когда это ли, то ли ученіе заявляетъ притязаніе на исключительную свою истинность и провозглашаетъ полнѣйшую ложность другого, начинается дѣло догматическаго произвола. Впрочемъ, я не знаю чистыхъ идеологистовъ среди теоретиковъ исторіи, но все-таки есть критики экономическаго матеріализма, которые не хотятъ признавать въ немъ хотя-бы доли истины и доли притомъ значительной. Зато въ лагерѣ экономическихъ матеріалистовъ царитъ нерѣдко крайній догматизмъ.—Самый генезисъ экономическаго матеріализма характеризуетъ его догматическую природу. Его родоначальникъ, Карлъ Марксъ, оказавшій и

[1]) Первою изъ нихъ была статья подъ заглавіемъ „Источники историческихъ перемѣнъ", перечислены же онѣ въ книгѣ „Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ", во второмъ изданіи составившей III томъ „Собранія сочиненій", въ изданіи фирмы „Прометей" („Критика экономическаго матеріализма").

теоретической, и исторической частямъ политической экономіи громадныя услуги, въ философіи былъ послѣдователемъ гегельянства, усвоившимъ своеобразный эволюціонизмъ послѣдняго и его діалектическій методъ [1]), но замѣнившимъ идеалистическое содержаніе философіи исторіи Гегеля содержаніемъ, какъ самъ Марксъ его назвалъ, матеріалистическимъ, вѣрнѣе сказать — экономическимъ.

Не въ философіи эпохи рекомендовалъ онъ искать объясненія ея характера, а въ экономикѣ эпохи, не въ головахъ людей, а внѣ ихъ, въ данныхъ производственныхъ отношеніяхъ. Послѣдователи исторіологической теоріи Маркса любятъ противополагать „бытіе“ „сознанію“, находя, что не бытіе слѣдуетъ объяснять сознаніемъ, а сознаніе бытіемъ. Не говоря о ненаучности такого противоположенія, созданнаго въ этомъ видѣ нѣмецкой метафизикой, я лишь подчеркну что Марксъ, въ сущности, только замѣнилъ одно догматическое утвержденіе другимъ столь же догматическимъ утвержденіемъ (по терминологіи Гегеля, тезисъ — антитезисомъ), не попытавшись обосновать выставленный имъ самимъ взглядъ съ тою же доказательностью, какую онъ проявилъ въ своемъ чисто экономическомъ ученіи. Столь же догматически вся исторія сводится въ теоріи Маркса къ борьбѣ классовъ на почвѣ экономическихъ противорѣчій, исключительно, значитъ, къ такой борьбѣ, которая вытекаетъ изъ одного матеріальнаго источника, какъ будто въ обществѣ не существуетъ цѣлаго ряда другихъ антагонизмовъ и конфликтовъ [2]). Вѣдь это все равно, какъ если бы историческій идеологизмъ училъ, что всякая общественная борьба сводится къ борьбѣ идей.

И „идеи, управляющія міромъ“, какъ говорятъ одни, и производственныя отношенія, все собою опредѣляющія,

---

[1]) См. выше, стр. 63—64.

[2]) См. выше, стр. 202—206.

мыслятся крайними представителями обѣихъ противоположныхъ теорій, какъ какія-то внѣ человѣка данныя движущія силы, подчиняющія себѣ жизнь и дѣятельность человѣческихъ существъ и цѣлыхъ народовъ. Головы людей, истинныя носительницы идей, суть и лабораторіи послѣднихъ, самостоятельно функціонирующія по своимъ законамъ, а не въ зависимости исключительно отъ производственныхъ отношеній, будто бы влагающихъ въ эти головы гдѣ-то внѣ ихъ выработанное содержаніе. Но и нелѣпо, съ другой стороны, было бы думать, будто производственныя отношенія обязаны своимъ существованіемъ тѣмъ мнѣніямъ, какія о нихъ складываются въ человѣческихъ головахъ.

Въ прошломъ исторіологическихъ идей мы уже знаемъ нѣкоторые случаи замѣны однихъ взглядовъ другими, первымъ діаметрально противоположными [1]). Въ данномъ противорѣчіи историческаго идеологизма и экономическаго матеріализма мы имѣемъ дѣло съ аналогичнымъ случаемъ замѣны тезиса антитезисомъ, замѣны, требующей выработки рѣшенія, которое въ высшемъ синтезѣ сняло бы противорѣчіе между обоими односторонними отвѣтами на вопросъ. Для этого исторіологія должна, кромѣ логики, принципіально противящейся выведенію идей изъ производственныхъ отношеній, извлекать матеріалъ для рѣшенія задачи изъ фактическаго изученія того, какъ и изъ какихъ источниковъ вытекали тѣ или другія перемѣны въ жизни народовъ, памятуя сложность общественной жизни и плюралистичность [2]) ея элементовъ.

Нѣкоторые представители экономическаго матеріализма, во имя своего объясненія историческаго движенія изъ излюбленнаго начала, принципіально опорочиваютъ ссылки на

---

[1]) См. выше, стр. 130 и слѣд., 153 и слѣд.

[2]) Ср. выше, стр. 47.

человѣческую природу [1]), въ которой, наоборотъ, какъ-разъ и нужно находить разнообразные источники исканія новаго и мотивы дѣятельностей, это новое преднамѣренно или непреднамѣренно создающихъ. Умственная работа, въ результатѣ которой бываютъ новыя идеи, могущія быть источниками внѣшнихъ перемѣнъ, составляетъ только часть человѣческой природы, какъ и производственныя отношенія составляютъ лишь часть той надъорганической среды, которая окружаетъ человѣка и многообразно на него вліяетъ. Причинныя цѣпи, ведущія къ историческимъ перемѣнамъ, могутъ зарождаться и въ самихъ людяхъ по условіямъ ихъ природы, и въ окружающей ихъ средѣ. Духовное развитіе, развитіе „сознанія" то опережаетъ эволюцію „бытія", т.-е. данныхъ соціальныхъ формъ (со включеніемъ въ нихъ производственныхъ отношеній), то отъ него отстаетъ, и потому въ историческомъ движеніи болѣе инноваторскую роль играютъ то мысль, сознаніе, преднамѣренность, то внѣшнія обстоятельства, слѣпыя силы, стихійные процессы. Какая-нибудь черная смерть, въ родѣ той, которая свирѣпствовала въ Европѣ въ серединѣ XIV вѣка, была исходнымъ пунктомъ цѣлаго ряда экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ перемѣнъ (напр., особенно въ Англіи), но сколько разъ источникомъ новыхъ явленій въ областяхъ культуры была работа человѣческой мысли, направлявшейся не только къ одному полезному, но и къ истинному, и къ справедливому, и къ прекрасному! Даже техническія изобрѣтенія, вызываемыя потребностями данныхъ производственныхъ отношеній, порождаются научною мыслью, разрѣшающею чисто теоретическія задачи.

[1]) *Н. Бельтовъ.* Къ вопросу о развитіи монистическагр взгляда на исторію. 1895. Ср. разборъ высказанныхъ здѣсь взглядовъ въ моей „Критикѣ экономическаго матеріализма" (III т. „Собранія Сочиненій").

Въ каждой обособленной сферѣ общественной жизни происходятъ свои перемѣны, вытекающія то изъ людскихъ потребностей, то изъ условій среды, и перемѣна въ одной сферѣ можетъ повлечь за собою тѣ или другія измѣненія и въ другихъ сферахъ. Чтò бываетъ сильнѣе—внутреннее человѣческое стремленіе или давленіе внѣшнихъ обстоятельствъ, это различно въ отдѣльныхъ случаяхъ. Приписывать все человѣческой иниціативѣ и человѣческой силѣ столь же ненаучно, какъ все приписывать силѣ обстоятельствъ. Въ сущности, подъ формою разногласія между идеологизмомъ и экономическимъ матеріализмомъ мы открываемъ все ту же распрю между сторонниками теорій свободнаго личнаго творчества, въ духѣ ученій XVIII в., и самобытнаго развитія среды по типу органической эволюціи. Для того, кто усвоилъ нашу синтетическую точку зрѣнія въ этомъ вопросѣ [1]), не можетъ быть спора по вопросу, гдѣ искать источники историческихъ перемѣнъ, въ человѣкѣ ли, или внѣ человѣка. Отвѣтъ ясенъ: и здѣсь, и тамъ, и притомъ такъ, что въ человѣкѣ это—не одна работа мысли, создающая новыя идеи, а внѣ человѣка не однѣ производственныя отношенія, опредѣляющія хозяйственный бытъ. Люди во всей полнотѣ ихъ природы и окружающая среда во всей совокупности ея отдѣльныхъ сторонъ находятся между собою въ постоянномъ взаимодѣйствіи: и люди мѣняются,—независимо отъ совершающагося въ нихъ органическаго процесса,—подъ вліяніемъ среды (особенно надъ-органической), да и въ средѣ, независимо отъ естественныхъ условій, происходятъ перемѣны по человѣческой иниціативѣ. Историческій идеологизмъ и экономическій матеріализмъ изъ всѣхъ явленій человѣческой жизни и общественной среды выхватываютъ по одному фактору (здѣсь мысль, идеи, тамъ

---

[1]) См. выше, стр. 132 и слѣд.

производственныя отношенія),—какъ будто у исторіи нѣтъ еще другихъ сторонъ,—и каждый изъ этихъ факторовъ объявляютъ за единственный, исключительный источникъ всего остального. Научно работающій историкъ столь же далекъ будетъ отъ объясненія философіи эпохи ея экономикой, какъ и отъ объясненія даннаго соотношенія производительныхъ силъ эпохи изъ ея идеологіи.

XVI. Взаимодѣйствіе прагматики и культуры.

Различая въ историческомъ процессѣ прагматическую и культурную сторону, съ одной стороны, а съ другой, каузальныя и эволюціонныя связи между предыдущимъ и послѣдующимъ въ этомъ процессѣ, мы должны помнить, что въ основу перваго различенія положено раздѣленіе историческихъ фактовъ на человѣческія дѣйствія и бытовыя условія существованія людей, а въ основу второго соединеніе двухъ послѣдовательныхъ фактовъ, или какъ причины съ ея слѣдствіемъ, или какъ преемственныхъ ступеней одного и того же развитія. При этотъ мы видѣли, что каузализмъ особенно примѣнимъ къ прагматикѣ, эволюціонизмъ—къ культурѣ.

Прагматика (беря терминъ въ самомъ широкомъ значеніи), это—не только дѣйствія людей, складывающіяся въ событія, главный предметъ прагматической исторіи, но и всякіе человѣческіе поступки, вообще вся дѣятельность членовъ общества, не имѣющая значенія сколько-нибудь замѣтныхъ событій, но, какъ-никакъ, поддерживающая или измѣняющая культурныя формы общества. Каждый разговоръ поддерживаетъ существованіе даннаго языка, каждое новое слово, введенное въ языкъ, вноситъ въ него измѣ-

ненiе. Къ объясненiю всякихъ однородныхъ дѣятельностей приложимо не только понятiе причинности, но и понятiе развитiя, когда въ теченiе извѣстнаго времени та или другая дѣятельность (единицъ или группъ) расширяется, усиливается, усложняется, причемъ и здѣсь, въ самомъ даже мелкомъ, составляющемъ для исторiи quantité négligeable, могутъ быть свои кризисы и свои реакцiи, требующiя каузальнаго объясненiя. Купецъ, торговая дѣятельность котораго развивается, въ одинъ прекрасный день можетъ очутиться передъ опаснымъ кризисомъ въ зависимости отъ неудачныхъ операцiй его должниковъ или почувствовать усталость отъ понесенныхъ трудовъ и подъ ея влiянiемъ сократить либо вовсе прекратить свою торговлю. Вообще всѣ виды дѣятельности, существующiя въ обществѣ, будетъ ли то государственная служба, ученая карьера, другiя либеральныя профессiи, занятiе торговлею, промышленностью, сельскимъ хозяйствомъ, входятъ въ понятiе прагматики, дѣланiя, хотя бы только минимальная часть такихъ дѣланiй представляла собою дѣланiе исторiи, прагматику въ болѣе тѣсномъ смыслѣ прагматики исторической. Каждый отдѣльный актъ всякаго дѣланiя совершается небезпричинно, а когда дѣланiе состоитъ изъ послѣдовательнаго ряда однородныхъ актовъ, оно, повторяю, можетъ и развиваться въ смыслѣ усиленiя, расширенiя, усложненiя, совершенствованiя, переходить съ одной ступени на другую и переживать кризисы, испытывать реакцiи, приходить въ разстройство и упадокъ. Всякое коллективное дѣланiе, въ родѣ научной работы, занятiя общественными дѣлами, мореплаванiя, того или иного хозяйствованiя и т. п., тоже можетъ развиваться, когда къ данному дѣланiю притекаетъ все большее и большее количество индивидуальныхъ силъ, когда увеличивается энергiя дѣлателей, въ нихъ самихъ вырабатывается бо́льшая умѣлость и опытность, и они расширяютъ свои за-

дачи. Вездѣ, опять-таки, бываютъ и кризисы, и реакціи, могущіе ослабить, разстроить и прямо погубить любое коллективное дѣланіе.

Вся прагматика, — снова подчеркиваю, что беру это слово въ широкомъ смыслѣ активности вообще, — вся прагматика, существующая въ обществѣ, протекаетъ въ извѣстной культурно-соціальной средѣ, которая имѣетъ для нея значеніе и совокупности условій, на нее вліяющихъ, и совокупности формъ, въ которыхъ совершаются отдѣльные акты дѣятельности. Дѣятельность ли ученаго, или администратора, или фабриканта, или рабочаго нуждается въ извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ бо́льшая или меньшая ея успѣшность, условія же эти лежатъ въ строѣ даннаго общества, въ общемъ укладѣ его жизни, иначе говоря—въ его бытовой обстановкѣ, или, что̀ то же, въ его культурно-соціальныхъ формахъ. Значитъ, общественныя условія всякихъ дѣланій, совершающихся въ обществѣ,—это то же самое, что его формы. Но независимо отъ этого каждое дѣланіе само совершается въ извѣстныхъ формахъ, взятыхъ въ смыслѣ образовавшихся навыковъ, пріемовъ, способовъ, методовъ, здѣсь однихъ, тамъ другихъ, сегодня такихъ, а завтра, быть можетъ, другихъ. Будутъ ли, однако, культурныя и соціальныя формы имѣть значеніе внѣшнихъ условій дѣланія или, такъ сказать, сросшихся съ дѣланіемъ его пріемовъ [1]), въ обоихъ случаяхъ эти условія и пріемы, какъ мы видѣли въ другомъ мѣстѣ [2]), внѣ от-

---

[1]) Указанное различеніе необходимо дѣлать въ виду двоякаго значенія среды, какъ совокупности условій, вліяющихъ на самую дѣятельность, и какъ совокупности формъ, какія дѣятельность принимаетъ. Терминологически можно оттѣнить одно и другое, называя первое отношеніемъ месологическимъ (см. выше, стр. 109), второе морфологическимъ.

[2]) См. выше, стр. 113 и др.

дѣльныхъ актовъ человѣческой дѣятельности не существуютъ. Для соціолога, интересующагося, напр., процессами трансформаціи общественныхъ отношеній и учрежденій, особую важность представляетъ эволюція культурно-соціальныхъ формъ, въ которой онъ ищетъ проявленіе общей законосообразности общественныхъ явленій, но исторіологъ не можетъ не выдвинуть на первый планъ то соображеніе, что, въ послѣднемъ анализѣ, прагматика и культура представляютъ собою разсматриваемыя съ двухъ разныхъ сторонъ совокупности проявленій человѣческой активности, со стороны, во-первыхъ, существа или содержанія каждаго отдѣльнаго акта и со стороны, во-вторыхъ, его внѣшняго вида или способа, т.-е. и *что* онъ такое и *какъ* онъ совершенъ [1]). *Что̀* дѣлаютъ люди, это мы называемъ прагматикой, *какъ* они это дѣлаютъ—культурой.

Что я дѣлаю и *какъ* я дѣлаю, зависитъ и отъ меня, и отъ того, *что* и *какъ* дѣлаютъ другіе люди, въ смыслѣ прагматическихъ и культурныхъ вліяній на меня со стороны окружающей меня среды, какъ о томъ уже достаточно говорилось въ другихъ мѣстахъ. Здѣсь насъ должна занять другая тема. Измѣненія соціально-культурныхъ условій и формъ, въ какихъ и подъ какими протекаютъ всѣ человѣческія дѣланія, происходятъ только путемъ тѣхъ же человѣческихъ дѣланій, которыя, въ свою очередь, какъ только-что было сказано, предполагаютъ наличность упомянутыхъ условій и формъ. Въ исторіи, другими словами, совершается взаимодѣйствіе прагматики и культуры, понимая подъ первою совокупность всѣхъ дѣланій, взятыхъ только въ ихъ содержаніи и, слѣдовательно, въ отрѣшенности отъ ихъ формъ, а подъ второю, т.-е. подъ культурою совокупность всѣхъ формъ дѣланія, отвлеченныхъ

[1]) См. выше, стр. 121. Ср. стр. 27, гдѣ говорится о различіи между соціологической и исторіологической точками зрѣнія.

отъ его содержанія. Реальною стороною своего поступка я не только могу вызвать поступокъ другого (прагматическая сторона процесса), но и измѣнить самыя условія его жизни и дѣятельности (вліяніе прагматики на культуру). Или, далѣе, я могу формальною стороною своего поступка повліять на формальную сторону однороднаго поступка другого лица (культурная сторона процесса, случаи подражанія), но возможно и такъ, чтобы не *что*, а *какъ* я сдѣлалъ, стало условіемъ, оказавшимъ вліяніе на самое содержаніе поступка этого другого человѣка (нѣчто противоположное дѣйствію прагматики на культуру). Конечно, только для простоты я беру здѣсь дѣйствіе одной человѣческой единицы на другую такую же единицу: въ дѣйствительности одинъ реально и формально вліяетъ на многихъ, и многіе вліяютъ на одного, больше же всего многіе на многихъ, притомъ вліяютъ другъ на друга взаимно, т.-е. находятся во взаимодѣйствіи, вызывая поступки другъ друга и другъ другу подражая. Поведеніе окружающихъ меня людей, выражающееся въ тѣхъ соціальныхъ отношеніяхъ, которыя обусловливаютъ мою дѣятельность, вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою и своего рода образцы для подражанія съ моей стороны, но и мое поведеніе, взятое въ его содержаніи и его пріемахъ, участвуетъ какъ въ созиданіи отношеній, коими обусловливается дѣятельность всѣхъ, такъ и въ подаваніи примѣровъ, находящихъ подражателей.

Въ каждомъ отдѣльномъ актѣ человѣческой дѣятельности содержаніе и форма не отдѣлимы одно отъ другого, но когда мы имѣемъ передъ собой множество однородныхъ по содережанію актовъ, мало интересуясь ихъ формами, которыя могутъ быть различными, или когда передъ нами масса одинаковыхъ формъ, которыя насъ интересуютъ сами по себѣ, независимо отъ значенія самихъ дѣйствій, принявшихъ эти формы, мы представляемъ себѣ

одно какъ чистую прагматику, въ которой насъ интересуютъ только мотивы и цѣли дѣйствующихъ лицъ, другое—какъ чистую культуру, интересующую насъ со стороны условій и формъ жизни и дѣятельности людей. Съ одной стороны, вотъ *что*, *почему* и *для чего* дѣлали въ прошломъ люди, съ другой, вотъ *какъ* жили, думали, работали и т. п. тѣ же люди, при чемъ это *какъ* значитъ въ иныхъ случаяхъ въ какихъ условіяхъ, а въ иныхъ—въ какихъ формахъ. Это—задачи исторіи прагматической въ первомъ случаѣ и культурной во второмъ, или исторія въ прагматическомъ разрѣзѣ и исторія въ разрѣзѣ культурномъ. И условія, и формы дѣятельности людей мѣнялись подъ вліяніемъ самой же человѣческой дѣятельности, и сама человѣческая дѣятельность мѣнялась въ своемъ содержаніи подъ вліяніемъ измѣнявшихся условій и съ измѣненіями формъ. Въ глубинѣ же историческаго процесса, гдѣ стирается всякое различіе между прагматикою и культурою, какъ двумя аспектами, подъ которыми исторія является намъ на своей доступной непосредственному наблюденію поверхности, весь механизмъ процесса сводится къ реальнымъ и формальнымъ взаимодѣйствіямъ между людьми, очень разнороднымъ, разнообразнымъ, неодинаковыхъ типовъ и степеней, очень несходныхъ между собою по значенію въ индивидуальной и общественной жизни, съ далеко, наконецъ, неравнымъ вліяніемъ на историческій процессъ. Въ этой глубинѣ процесса различаемые нами два вида связи послѣдующаго съ предыдущимъ, каузальность и эволюція, пріурочиваемыя нами, одна преимущественно къ прагматикѣ, другая къ культурѣ, сливаются въ общей непрерывности процесса, на поверхности котораго мы различаемъ отдѣльные, одинъ отъ другого обособленные моменты въ видѣ то событій, одно другимъ вызываемыхъ, то ступеней развитія, одна за другою слѣдующихъ. Реальный историческій анализъ не можетъ, однако, спу-

ститься въ такую глубину, гдѣ идетъ молекулярная работа жизни, гдѣ, такъ сказать, неразличимы уже элементы, называемые нами въ болѣе близкихъ къ созерцаемой поверхности слояхъ практическими или культурными. Изъ великаго кипѣнія жизни человѣчества лишь немногое выступаетъ наружу, а изъ этого немногаго опять-таки лишь небольшая часть запечатлѣвается въ источникахъ нашего знанія о прошломъ: какъ же идти въ самую лабораторію исторіи, которая остается для насъ невидимой, представляющей собою нѣчто въ родѣ подсознательной сферы въ индивидуальной психикѣ? На общей основѣ синтетическаго пониманія историческаго процесса, какъ взаимодѣйствія прагматики и культуры, сводящагося въ послѣднемъ анализѣ къ разнообразнымъ взаимодѣйствіямъ между отдѣльными людьми, могутъ, въ концѣ концовъ, получить полное разрѣшеніе всѣ наиболѣе существенныя проблемы исторіологіи.

Единственными реальными существами, реальными дѣятелями исторіи являются отдѣльныя личности, изъ дѣйствій которыхъ возникаютъ разнообразныя взаимоотношенія между ними, складывающіяся въ болѣе или менѣе постоянныя системы. И въ этихъ существахъ, и въ этихъ системахъ, къ числу каковыхъ относятся и всякія организаціи, постепенно происходятъ разнообразные процессы, вся совокупность которыхъ и составляетъ самый историческій процессъ. Различая среди объектовъ науки или существа разнаго рода, или системы существъ, или происходящіе въ тѣхъ и другихъ процессы [1]), мы и видимъ тутъ 1) отдѣльныя человѣческія существа въ качествѣ дѣлателей исторіи, ея прагматическихъ силъ, 2) системы взаимоотношеній между ними, сумма коихъ и есть культура, понимаемая въ наиболѣе широкомъ смыслѣ, и 3) процессы,

---

[1]) См. выше, стр. 125.

совершающіеся какъ въ этихъ взаимоотношеніяхъ, порождаемыхъ отдѣльными взаимодѣйствіями, такъ и въ системахъ, образующихся изъ послѣднихъ. (Процессы, имѣющіе значеніе только для индивидуальной жизни въ счетъ здѣсь не идутъ, такъ какъ они находятся внѣ исторіи).

Если образно представить себѣ историческій процессъ, какъ движеніе всего общества въ вертикальномъ направленіи (все равно, вверхъ ли, внизъ ли), и вмѣстѣ съ тѣмъ разсматривать его въ горизонтальныхъ разрѣзахъ, сдѣланныхъ въ разные моменты, то каждый разъ картина получится нѣсколько иная, на подобіе того, какъ мѣняются фигуры въ калейдоскопѣ при каждомъ его поворотѣ. Каждый человѣкъ сейчасъ уже не вполнѣ то, чѣмъ онъ былъ часъ тому назадъ или чѣмъ будетъ черезъ часъ, хотя бы въ смыслѣ только содержанія его мыслей, его настроенія, дѣлаемаго имъ дѣла. Такой гипотетическій разрѣзъ можетъ захватить меня спящимъ или бодрствующимъ, отдыхающимъ или работающимъ, въ одиночествѣ или въ бесѣдѣ съ кѣмъ-нибудь и т. д. и т. д. Въ каждый такой моментъ конфигурація взаимодѣйствій и взаимоотношеній между людьми будетъ иная, нежели передъ тѣмъ или послѣ, въ родѣ того, какъ одну картину представляетъ собою жизнь города въ часы наиболѣе напряженнаго уличнаго движенія и наиболѣе горячей работы въ канцеляріяхъ, магазинахъ, конторахъ, мастерскихъ или глубокою ночью, когда почти все населеніе города спитъ. И, однако, между отдѣльными послѣдовательными состояніями какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго города есть связь: эти столь непохожія одно на другое положенія одного ли существа, или цѣлой системы относятся къ одному и тому же существу или къ одной и той же системѣ, и смѣны однихъ положеній другими совершаются вслѣдствіе дѣйствія великаго множества причинъ: своя причина была у того, что я въ такой-то моментъ работалъ, своя—у того, что NN въ этотъ

моментъ сталъ говорить со мною по телефону и этимъ оторвалъ меня отъ работы, своя — у того, что на станціи наши телефоны внезапно разъединили и т. п. Вся данная система взаимоотношеній получаетъ другой видъ, представляетъ собою сравнительно съ предыдущимъ иную конфигурацію (или конъюнктуру) именно въ зависимости отъ того, что̀ въ каждый моментъ дѣлаютъ отдѣльные люди въ связи съ болѣе или менѣе установившимися послѣдовательностями всего происходящаго въ индивидуальной и общественной жизни. Когда насъ интересуетъ, *почему* одна картина жизни (горизонтальный разрѣзъ вертикальнаго движенія) смѣнилась другою и ея элементы, перемѣстившись, дали новую конфигурацію, намъ слѣдовало бы, примѣнивъ къ дѣлу понятіе причинности, указать на причину каждаго отдѣльнаго перемѣщенія, но когда, вмѣсто *почему*, мы болѣе хотѣли бы опредѣлить, *какъ* одна конфигурація трансформировалась въ другую, какъ изъ одной вышла другая, въ чемъ состояло измѣненіе, или что такое представлялъ собою переходъ одного въ другое, мы обращаемся къ понятію эволюціи, конечно, не въ тѣсномъ (и, слѣдовательно, узкомъ) значеніи органическаго развитія: эволюція системъ не есть то же самое, что эволюція существъ.

Историческій процессъ состоитъ въ постоянной смѣнѣ конфигурацій, о которыхъ только-что шла рѣчь: переходъ одной конфигураціи въ другую и есть историческая эволюція, зависящая отъ дѣйствія многочисленныхъ причинъ, которыя лежатъ и въ людяхъ, и внѣ людей, и совершающаяся не иначе, какъ при помощи человѣческой дѣятельности, или прагматики. Въ каждый данный моментъ эта прагматика, будучи совокупностью слѣдствій суммы причинъ предыдущаго момента, обусловливается наличностью извѣстныхъ условій, составляющихъ культуру общества въ этотъ моментъ, но и культура даннаго момента,

являясь своего рода новою ступенью развитія на основѣ культуры предыдущаго момента, вмѣстѣ съ тѣмъ осуществляется только дѣятельностью людей, прагматикою даннаго момента. Какъ существа, реальны въ исторіи только отдѣльные люди, и они — единственные дѣятели исторіи, дѣйствія же ихъ состоятъ только въ томъ, что они вообще способны дѣйствовать — говорить, работать, драться и пр., такъ что вся прагматика исторіи состоитъ только въ томъ, что люди говорятъ и дѣлаютъ руками. Передавая другъ другу при помощи устнаго или письменнаго слова, а также при помощи условныхъ знаковъ свои желанія, просьбы, совѣты, приказанія, угрозы и т. п., или пуская при этомъ въ ходъ физическую силу, доводя дѣло до рукъ, люди становятся въ тѣ или другія отношенія другъ къ другу, создающія для каждаго одну изъ категорій среди тѣхъ условій, въ какія вообще поставлена его дѣятельность, а эти условія то сами собою, то преднамѣренно дѣйствующими людьми складываются въ цѣлыя системы отношеній, въ свою очередь сводящіяся къ тому, что̀ люди дѣлаютъ, ка̀къ поступаютъ, т.-е. къ отдѣльнымъ актамъ рѣчи, къ отдѣльнымъ движеніямъ, производимымъ руками. Только сами люди и то, что они говорятъ и дѣлаютъ, представляютъ собою осязаемыя реальности въ исторіи, нѣчто, что можно видѣть и можно слышать. Но за этою доступною внѣшнимъ чувствамъ осязаемостью хранятся въ самой психикѣ, проявляясь въ прагматикѣ, элементы человѣческой культуры. Языкъ имѣетъ внѣшнее бытіе лишь тогда, когда люди говорятъ, но онъ, и когда люди молчатъ, потенціально существуетъ пребывая въ ихъ психикѣ, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи. Въ томъ же скрытомъ, потенціальномъ состояніи хранятся въ психикѣ и наши техническіе навыки и умѣнія, наши нравственныя и общественныя идеи, проявляющіеся въ нашемъ поведеніи. Общественная власть существуетъ

только въ ея признаніи населеніемъ, т.-е. тоже лишь въ потенціальномъ, скрытомъ видѣ, наружу выступая изъ этой области, куда непосредственно не проникаетъ ни взоръ, ни слухъ человѣка, лишь въ моменты, когда исполняются требованія и велѣнія власти. Если по отношенію къ каждому изъ насъ культура является своего рода средою, насъ окружающею [1]), поскольку я слышу языкъ, на которомъ говорятъ вокругъ меня, знаю ту власть, которой повинуются вокругъ меня, то эта же культура находится и во мнѣ, въ моей психикѣ, а потому психика народа, взятаго въ цѣломъ, является носительницей его культуры, его второю природою, участвующею въ порожденіи поступковъ его членовъ, въ дѣятельности его, какъ коллектива, въ исторической прагматикѣ. И если, наконецъ, культура измѣняется дѣятельностью людей, то подъ послѣднею нужно разумѣть не только совершаемое словомъ или дѣломъ, но и помышленіемъ въ (смыслѣ работы мысли). Есть вѣдь идеологическіе элементы культуры, такъ и остающіеся чисто внутренними, духовными, именно вся людская идеологія (вѣрованія, знанія и т. п.), не объективирующаяся въ формѣ учрежденій, которыя, въ послѣднемъ анализѣ, суть не что иное, какъ системы человѣческихъ взаимоотношеній (=взаимодѣйствій).

Эту человѣческую психику, имѣющую значеніе не только носительницы, но и лабораторіи культуры, слѣдуетъ, однако, понимать широко—видя ее не только въ явленіяхъ сознанія, но и во внѣшней дѣятельности людей, внутренне же не въ одной сознательной, но и въ подсознательной сферѣ, въ которой зарождается многое, что или переходитъ въ сознаніе, или выражается во внѣшнемъ дѣйствіи. Психика—носительница культуры: это значитъ, что культура есть содержаніе психики, образующее

[1]) См. выше, стр. 109 и слѣд.

часть природы личности, сдѣлавшееся ея достояніемъ, участвующее въ порожденіи поступковъ человѣка, въ томъ, что мы условились называть прагматикой. Но эта же самая психика,—взятая въ своихъ подсознательной, сознательной и дѣйственной сферахъ,—является и лабораторіей, перерабатывающей данныя формы культуры въ процессѣ, который для насъ имѣетъ значеніе ихъ эволюціи. Каждый новый моментъ въ исторіи культуры есть совокупность результатовъ только-что произведенной психической работы, но и каждая психическая работа отправляется отъ какого-нибудь состоянія культуры. Тамъ—источники историческихъ перемѣнъ, но и во внѣшнихъ отношеніяхъ, конечно, которыя, однако, дѣйствуютъ не сами, какъ творящія силы, а возбуждая творческую работу духа. И эти внѣшнія условія заключаются не въ однихъ результатахъ процессовъ, совершающихся въ природѣ и физической сторонѣ человѣческаго бытія (въ ростѣ народонаселенія), но и въ результатахъ самой же человѣческой дѣятельности по отношенію къ матеріальной сферѣ (въ ростѣ производительныхъ силъ, поскольку онъ самъ—дѣло развитія техники).

XVII. Историческое развитіе изнутри и значеніе внѣшнихъ вліяній.

Выше [1]) было уже отмѣчено предпочтеніе, которое оказывается современною историческою наукою объясненіямъ историческихъ перемѣнъ изъ внутреннихъ условій жизни отдѣльныхъ народовъ передъ объясненіями изъ вліяній,

[1]) Стр. 100 и слѣд.

оказываемыхъ на одни народы со стороны другихъ. Противъ этого возражать, конечно, не приходится, ибо какъ бы ни были велики воздѣйствія извнѣ, значеніе ихъ всегда менѣе общо̀, менѣе постоянно и менѣе продолжительно, нежели то, что, такъ сказать, внутри самого народа съ разныхъ сторонъ, въ хронологическомъ отношеніи очень издалека и, наконецъ, непрерывно дѣйствуетъ на его жизнь. Притомъ же всякія внѣшнія вліянія могутъ обнаруживаться лишь тогда, когда по внутреннимъ условіямъ быта народъ способенъ воспринять то или другое, привносимое историческими обстоятельствами въ его жизнь извнѣ. Нужна, наприм., извѣстная степень развитія даннаго народа для того, чтобы онъ не только могъ что-либо съ успѣхомъ заимствовать у сосѣдей, но и почувствовать самую потребность въ этомъ заимствованіи. Возражать можно противъ стремленія все въ исторіи народа объяснять прежде всего изъ его же собственнаго прошлаго лишь тогда, когда ничего такъ-таки не желаютъ относить на счетъ внѣшнихъ вліяній, заимствованій извнѣ и т. п. Объ этомъ, впрочемъ, было уже достаточно сказано, и я все это напоминаю только съ цѣлью отослать читателя къ аргументаціи въ пользу тезиса, что все въ исторіи народа нельзя объяснить только изъ одного его собственнаго прошлаго, игнорируя внѣшнія вліянія.

Нужно, впрочемъ, точнѣе условиться, что̀ считать внутреннимъ и что̀ внѣшнимъ. Противоположеніемъ внутреннему внѣшняго мы часто злоупотребляемъ въ своей наукѣ, такъ что это противоположеніе, въ концѣ концовъ, имѣетъ весьма относительный и условный смыслъ. Въ жизни одного и того же народа или государства отдѣльныя явленія можно подводить подъ ту или другую категорію въ зависимости отъ того, на что направленъ главный нашъ интересъ, что̀ непосредственно наблюдается и что̀ должно быть вскрыто только посредствомъ анализа и т. д. Въ

дальнѣйшемъ я буду противополагать внутреннее внѣшнему въ самомъ прямомъ смыслѣ. Для этого, прежде всего, нужно условиться, относительно чего же одно должно считаться внутреннимъ, а другое—внѣшнимъ, относительно, говоря другими словами, того цѣлаго, для котораго одни событія, явленія, процессы имѣютъ значеніе внутреннихъ, а другіе,—внѣшнихъ. Подобнаго рода выраженія получаютъ опредѣленный смыслъ, когда мы думаемъ и говоримъ объ отграниченныхъ одно отъ другого обществахъ, отграниченныхъ и территоріально, и культурно, и политически. Страна, національность, государство, вотъ что́ я здѣсь имѣю въ виду, хотя естественныя границы, отдѣляющія однѣ страны отъ другихъ, этнографическія границы разныхъ племенъ и границы государственныя не всегда совпадаютъ между собою и часто встрѣчаются этнографическія и политическія черезполосицы. Если, однако, принимать въ расчетъ, что исторія интересуется странами не самими по себѣ, а какъ территоріями, или служащими мѣстомъ жительства для тѣхъ или другихъ народовъ, или сферами государственнаго властвованія, то цѣлыми, по отношенію къ которымъ мы можемъ различать нѣчто, внутри ихъ данное или данное внѣ ихъ, являются для исторической науки либо народы, объединенные общею духовною культурою (языкомъ, обычаями, міросозерцаніями, общими воспоминаніями и надеждами, больше же всего самосознаніемъ отдѣльныхъ людей, чувствующихъ себя, напр., русскими, поляками, французами, японцами и т. д.), либо государства, объединенныя властью, законодательствомъ, экономическими интересами и пр. Эти этнографическія и политическія цѣлыя могутъ совпадать и не совпадать между собою: одинъ и тотъ же народъ можетъ являться въ исторіи раздѣленнымъ на отдѣльныя государства или между отдѣльными государствами, примѣрами чего могутъ служить въ первомъ случаѣ греки

со своими сотнями государствъ-городовъ, во второмъ — польская нація въ предѣлахъ Россіи, Австріи и Германіи. Равнымъ образомъ, и государство бываетъ то одноплеменнымъ, то, наоборотъ, состоящимъ изъ разныхъ народностей. Связи національныя и связи политическія далеко не одно и то же, ибо въ основѣ первыхъ лежатъ, главнымъ образомъ, процессы и результаты простой интерментальной психологіи, т.-е. психическаго взаимодѣйствія, традиціи, воспитанія и т. д., въ основѣ же связей политическихъ няходятся разнаго рода практическія взаимодѣйствія и взаимоотношенія, т.-е. не простая интерментальность, но и внѣшняя организованность, охватывающая разныя стороны жизни [1]). Взаимоотношеніе національныхъ и государственныхъ связей способно варіироваться донельзя, но, въ общемъ, разными сторонами своего индивидуальнаго бытія человѣкъ будетъ или всецѣло принадлежать къ одному и тому же цѣлому, или, такъ сказать, раздваиваться, и въ послѣднемъ случаѣ о томъ, что же будетъ считаться внутреннимъ и что̂ внѣшнимъ, можно будетъ говорить розно, смотря потому, что̀ для самого человѣка является болѣе близкимъ, роднымъ для него. Для поляка, состоящаго въ россійскомъ подданствѣ, все чисто русское представитъ собою нѣчто, идущее къ нему извнѣ, тогда какъ родное польское, имѣющее мѣсто за кордономъ, будетъ, наоборотъ, все-таки внутреннимъ дѣломъ его націи. Для національности внѣшнимъ является другая національность, для государства—другое государство.

Эта двойственность неустранима изъ исторіи, и слѣдовательно, приходится отдѣльно говорить о развитіи изнутри и о внѣшихъ вліяніяхъ, съ одной стороны, по отношенію къ націямъ, съ другой — по отношенію къ государствамъ.

---

[1]) Ср. выше, стр. 116 и слѣд.

Собственно говоря, тенденція объяснять исторію преимущественно изъ внутреннихъ ея основъ относится, главнымъ образомъ, не къ состояніямъ общественной психики, а къ той структурѣ, которую имѣетъ общество, значитъ, не къ тому, что̀ является результатомъ простого психическаго взаимодѣйствія, а къ тому, что̀ сводится къ постояннымъ практическимъ взаимоотношеніямъ между членами общества: явленіе національности относится къ первой изъ указанныхъ категорій, понятіе государства—ко второй. Психическія взаимодѣйствія возможны, конечно, не только между членами одной и той же національности, но и между членами разныхъ національностей, да и существуютъ многіе пути, посредствомъ которыхъ выработанное жизнью одного народа можетъ сообщаться другому народу и имъ усваиваться. Каждая національная литература заключаетъ въ себѣ и свои собственные, и извнѣ заимствованные элементы и развивается не только на своей внутренней основѣ, но и подъ вліяніемъ со стороны другихъ литературъ. Писатели, творящіе національную литературу, читаютъ произведенія не однихъ своихъ соотечественниковъ, но и иностранныхъ поэтовъ, романистовъ, драматурговъ, у которыхъ заимствуютъ и формы, и сюжеты, и самыя идеи. Черезъ чужія литературныя, научныя, философскія произведенія читатели усваиваютъ многія такія мысли, до которыхъ еще ни сами они, ни окружающіе ихъ люди еще не додумались и долго, можетъ быть, не додумались бы. Въ этомъ смыслѣ, напр., очень велико было вліяніе античной литературы на европейцевъ въ эпоху Возрожденія. Одинъ изъ изслѣдователей ранняго итальянскаго Ренессанса, покойный проф. Корелинъ [1]), высказалъ ту мысль, что тогдашніе гуманисты видѣли въ произведеніяхъ

[1]) *М. Корелинъ.* Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. 1892. Новое изд. 1914 г.

древнихъ грековъ и римлянъ только опору и орудіе для обоснованія и защиты тѣхъ стремленій, которыя были порождены внутреннимъ развитіемъ самой итальянской жизни; мнѣ кажется, что онъ не дооцѣнилъ вліянія возродившейся древности, указавъ лишь на эту сторону дѣла, но не остановившись на томъ общемъ фактѣ, что у античныхъ писателей гуманисты познакомились со многими идеями, заимствовали отъ нихъ и пустили въ обращеніе многія мысли, которыя еще не были порождены жизнью самой эпохи [1]).

И новыя философскія идеи, и разныя научныя открытія, и всякія техническія изобрѣтенія, равно какъ новыя литературныя и художественныя формы, и многое еще другое въ культурѣ народа могутъ быть и порожденіями внутренняго развитія, и заимствованіями извнѣ. Другой вопросъ, когда, при какихъ условіяхъ и въ какой степени заимствованное извнѣ, дѣйствительно, усвояется, но изъ того, что усвоеніе возможно лишь при извѣстныхъ условіяхъ, создаваемыхъ внутреннимъ процессомъ, отнюдь еще не слѣдуетъ, что усвоенное создано этимъ процессомъ, а не является результатомъ внѣшняго вліянія. Національная культура каждаго историческаго народа есть, въ каждый моментъ, не что иное, какъ результатъ извѣстнаго синтеза своего и чужого, и все, такимъ образомъ, не можетъ быть объясняемо въ этой области лишь изъ однѣхъ національныхъ основъ.—Могутъ заимствоваться, разумѣется, только разныя культурныя формы, или элементы культуры, то, что вообще способно передаваться отъ человѣка къ человѣку и, слѣдовательно, отъ народа къ народу (черезъ отдѣльныхъ людей, приходящихъ въ психическій контактъ съ людьми изъ другого народа),

---

[1]) Это замѣчаніе развито болѣе подробно въ двухъ моихъ статьяхъ о названной книгѣ: 1) Ранній итальянскій гуманизмъ и новый его изслѣдователь („Вѣстн. Евр." за 1893 г.) и 2) отзывъ о сочиненіи Корелина въ „Отчетѣ о VI присужденіи Академіей Наукъ премій митр. Макарія".

иначе всякое духовное содержаніе, которое нужно отличать отъ самой народной психики, какъ коллективной носительницы этого содержанія. Я могу усвоить чужія идеи, заразиться чужимъ настроеніемъ, перенять чужія манеры, но не могу замѣнить свое *я* чужимъ, и оно всегда будетъ оставаться моимъ: такъ и психика цѣлаго народа, какія бы извнѣ идущія вліянія она ни испытывала, является въ своей реальности чѣмъ-то постоянно вырабатывающимся въ своемъ собственномъ внутреннемъ процессѣ. Не нужно только эту народную психику понимать въ мистическомъ или романтическомъ смыслѣ какого-то особаго народнаго духа, или „генія расы“. Это просто совокупность особыхъ склонностей и предрасположеній, способовъ понимать окружающее, настроеній, симпатій и антипатій, привычекъ, отчасти зависящихъ отъ прирожденныхъ свойствъ ума и характера, отчасти и въ очень, притомъ, значительной мѣрѣ отъ воспитанія въ извѣстной традиціонной средѣ. Сколько бы ни вливалось въ эту среду инородныхъ элементовъ, разъ они усваиваются этою средою и претворяются ею въ свои элементы, общее ея развитіе имѣетъ характеръ внутренняго процесса, хотя бы и совершающагося при содѣйствіи внѣшнихъ вліяній. Я бы сравнилъ это съ теченіемъ рѣки, которая остается сама собою, сколько бы притоковъ и справа, и слѣва она ни принимала. Аналогію съ этимъ представляетъ собою и то, что мы называемъ единствомъ индивидуальнаго *я*, сколько бы элементовъ извнѣ (изъ не-я) ни входило въ жизнь и развитіе этого *я*. Вотъ почему народность можетъ разсматриваться, какъ своего рода коллективная личность, сознающая — въ представленіи отдѣльныхъ своихъ составныхъ частей—свое единство, свое тожество въ смѣнѣ временъ, свою отдѣльность отъ другихъ такихъ же коллективныхъ личностей. Основной историческій процессъ въ жизни и развитіи народа, какъ коллективной личности,

совершается въ психикѣ составляющихъ его единицъ, и все новое, что возникаетъ въ его культурѣ, бываетъ обязано своимъ происхожденіемъ и работѣ самого народа, и заимствованіямъ имъ у другихъ народовъ, т.-е. и внутреннему развитію, и внѣшнимъ вліяніямъ.

Внутренняя психическая переработка внѣшнихъ впечатлѣній, вліяній и т. п., о которой въ своемъ мѣстѣ [1]) шла рѣчь по отношенію къ отдѣльной личности, происходитъ и на болѣе широкой аренѣ національной жизни. Процессы внушенія и подражанія, вообще психическаго взаимодѣйствія происходятъ и между народами (конечно, повторяю опять, не иначе, какъ чрезъ отдѣльныя единицы): интерментальные процессы не ограничиваются предѣлами народа, но принимаютъ и интернаціональный характеръ. Благодаря этому, каждая народная психика обогащается результатами психической работы другихъ народовъ, какъ обогащается духовнымъ содержаніемъ отдѣльное *я* отъ общенія съ другими такими же *я*. Этимъ путемъ даже создается нѣкоторая интернаціональная надъ-органическая среда въ высшихъ проявленіяхъ человѣческаго духа при сохраненіи отдѣльными народами ихъ собственной психической физіономіи и оригинальныхъ чертъ ихъ культуры.

Заимствуется извнѣ, конечно, только то, что можетъ быть перенятымъ при данныхъ условіяхъ. На первыхъ порахъ заимствованіе бываетъ чисто внѣшнимъ, поверхностнымъ подражаніемъ, безъ настоящихъ корней въ національной почвѣ, но мало-по-малу народная психика усваиваетъ заимствованное, перерабатываетъ его, придаетъ ему особый, чисто національный обликъ. Таковы національныя различія, образовавшіяся во всѣхъ культурныхъ явленіяхъ, получавшихъ универсальный характеръ, — въ христіанствѣ, въ гуманизмѣ, въ протестантизмѣ, въ либе-

---

[1]) См. выше, стр. 143 и слѣд., 174 и слѣд.

рализмѣ, въ соціализмѣ. Въ исторіи всѣхъ перечисленныхъ явленій мы имѣемъ дѣло съ вліяніями однѣхъ культуръ на другія, съ заимствованіями одними народами у другихъ, и если, съ одной стороны, обыкновенно успѣхъ заимствованія предполагаетъ въ народѣ уже наличность нѣкотораго предрасположенія, какъ результата внутренняго процесса, то, съ другой, данное внѣшнее вліяніе вноситъ нѣчто новое въ этотъ процессъ, чего въ немъ раньше не было. Мы видѣли, что въ замкнутые въ себѣ самихъ прагматическіе или эволюціонные процессы,—каковыми въ данномъ случаѣ являются исторіи отдѣльныхъ народовъ,—постоянно вторгаются результаты другихъ такихъ же процессовъ, и, слѣдовательно, по отношенію къ внѣшнимъ вліяніямъ, какимъ подвергается исторія каждаго народа, можно было бы повторить все существенное, что было сказано выше по поводу случайностей и кризисовъ въ исторіи и т. п. [1]).

Народная психика, какъ носительница національной культуры, то внутреннее, внѣшнимъ выраженіемъ чего является послѣдняя, въ сущности, вся, безъ остатка, заключается въ психикѣ отдѣльныхъ людей и въ психическомъ между ними взаимодѣйствіи. Но люди, какъ не разъ уже на это указывалось, обмѣниваются не только своими мыслями и настроеніями, но и услугами или продуктами своего труда, на почвѣ чего возникаютъ между ними постоянныя, изо дня въ день повторяющіяся и очень разнообразныя практическія взаимоотношенія, сообщающія обществу опредѣленную структуру. Каждое отграниченное отъ другихъ и внутренне организованное соціальное цѣлое имѣетъ такую структуру, высшимъ выраженіемъ которой является объединеніе на опредѣленной территоріи всего ея населенія подъ единою властью. Я говорю о госу-

[1]) См. выше, стр. 187 и слѣд., 215 и слѣд.

дарствѣ, придающемъ соціальной структурѣ извѣстную упорядоченность и, именно, отграниченное извнѣ единство. Если позволительно понимать общественность по аналогіи съ индивидуальною личностью, я бы сказалъ, что народная психика, это — душа коллектива, соціальная структура—его тѣло: не даромъ же цѣлое направленіе соціологіи исходитъ изъ пониманія общества, какъ своего рода организма [1]). Тѣло, это—именно соціальная структура, по отношенію къ которой все остальное, т.-е. и народное хозяйство, и право, и государство являются лишь ея производными формами. Ужъ если различать въ обществѣ „базисъ“ и „надстройки“, какъ это дѣлалъ Марксъ, то структура общества и представляетъ собою, я сказалъ бы даже, самый глубокій фундаментъ, настоящій материкъ соціальнаго существованія. Это — столь же, если еще не болѣе прочное, наиболѣе постоянное, медленнѣе и послѣдовательнѣе всего измѣняющееся, изъ самого себя, главнымъ образомъ, особенно развивающееся основаніе государственнаго бытія, какъ и то, что мы обозначили, какъ народную психику, или національный характеръ.

Когда историки настаиваютъ на томъ, что исторію народа (въ государственномъ смыслѣ), т.-е. населенія извѣстной страны, объединеннаго единою властью, общими законами и т. п., нужно объяснять по возможности изъ нея самой, то они, разумѣется, имѣютъ въ виду именно эту самую соціальную структуру, которая столь же мало допускаетъ какія-либо заимствованія извнѣ,—если только въ страну не вторгнется и не поселится въ ней другой народъ съ другой соціальной структурой, — какъ въ человѣческомъ тѣлѣ нельзя замѣнить мозгъ, или сердце, или глазъ мозгомъ, сердцемъ, глазомъ отъ другого человѣка. Соціальная структура есть та основная система

---

[1]) Введеніе въ изученіе соціологіи, гл. IV.

междулюдскихъ взаимоотношенiй, которая создается на почвѣ природныхъ условiй всѣмъ прошлымъ коллектива и сама является совокупностью условiй, при каковыхъ только и мыслимы его экомическiя, юридическiя и политическiя формы. Разъ на поверхности общественной жизни мы, то и дѣло, наталкиваемся на противорѣчiя, далеко не соотвѣтствующiя контовскому понятiю consensus'а общественныхъ явленiй [1]), то какъ-разъ тамъ, въ глубинѣ, въ самой основѣ и царитъ этотъ consensus, приводящiй къ одному знаменателю корни хозяйственныхъ, правовыхъ и государственныхъ формъ общества. Въ общемъ, эта структура, въ которой мы можемъ различать экономическую, юридическую и политическую стороны, находится въ процессѣ эволюцiи, измѣняясь медленно и постепенно, но и въ ней бываютъ свои кризисы, и тогда все, какъ во время землетрясенiя, колеблется и рушится на поверхности, хотя въ глубинѣ перемѣна никогда не бываетъ столь рѣзка [2]). Внутреннiе процессы, происходящiе въ соцiальной структурѣ, дѣлаются особенно удобными для изученiя во время такихъ кризисовъ, но основная черта, характеризующая эти процессы, заключается, наоборотъ, въ ихъ эволюцiонности.

Однако, во всемъ, что производятъ эти процессы, нужно различать то, что имѣетъ характеръ безличной эволюцiи, и то, что болѣе или менѣе указываетъ на сознательное и преднамѣренное творчество людей [3]). Въ общественной жизни возникаютъ и назрѣваютъ разныя задачи, которыя вызываютъ людей на практическое ихъ разрѣшенiе, причемъ люди нерѣдко обращаются за способами рѣшенiя этихъ задачъ къ другимъ государ-

---

[1]) Введенiе въ изученiе соцiологiи, стр. 19 (по 3 изд.).
[2]) Ср. слова Токвиля о французской революцiи (выше, стр. 218—219).
[3]) См. выше, стр. 132 и слѣд.

ствамъ, заимствуя у нихъ и перенося къ себѣ то, что найдутъ тамъ для себя (удачно или неудачно) наиболѣе подходящимъ. Иногда слѣдованіе иностраннымъ образцамъ бываетъ результатомъ и болѣе инстинктивнаго подражанія, какъ бы безсознательнаго, непреднамѣреннаго.

Заимствуются извнѣ не только слова, понятія, изобрѣтенія, которыхъ раньше не было ни въ языкѣ, ни въ мысляхъ, ни въ работѣ народа, но заимствуются, равнымъ образомъ, и чужіе порядки, законы, учрежденія. Фактами этого рода полна исторія народовъ, и въ извѣстныхъ случаяхъ для ихъ обозначенія употребляется терминъ — „рецепція". Ранѣе всего терминъ этотъ былъ примѣненъ къ принятію западно-европейскими народами, во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, римскаго права, когда усложнившаяся жизнь уже не могла довольствоваться національными юридическими нормами феодальнаго происхожденія. Эта рецепція совершалась изподволь, постепенно. Примѣръ юридической же рецепціи, но происходившей сразу и не столько по внутренней потребности, сколько въ силу внѣшняго принужденія, представляетъ собою распространеніе Наполеонова гражданскаго кодекса въ н. XIX в. во многихъ странахъ Западной Европы. Въ послѣднее время терминъ „рецепція" сталъ примѣняться и къ пересаживанію, если такъ можно выразиться, изъ Англіи въ континентальныя страны формъ конституціоннаго государства. Въ общемъ, рецепироваться могутъ и разные другіе порядки — административные, судебные, финансовые, церковные, школьные и пр., т.-е. разныя формы организаціи тѣхъ или другихъ дѣятельностей, существующихъ въ государствѣ. Въ томъ числѣ и разные роды неоффиціальныхъ дѣятельностей могутъ облекаться въ формы, заимствованныя извнѣ; въ видѣ примѣровъ укажу банки, акціонерныя компаніи, синдикаты, профессіональные союзы и т. п. въ сферѣ экономической или партійныя

организацiи, митинговыя обрядности, способы устройства демонстрацiй въ сферѣ политической.

Обобщая всѣ эти могущiя быть извнѣ заимствованными экономическiя, юридическiя и политическiя формы и организацiи въ одно понятiе учрежденiй, мы можемъ сказать, что въ исторической жизни народовъ очень обычными являются пересадка учрежденiй съ одной почвы на другую или прививка вѣтокъ, взятыхъ съ одного дерева къ другому. Эти ботаническiя аналогiи нужно, впрочемъ, понимать не въ буквальномъ смыслѣ. Не самъ англiйскiй парламентъ пересаживался въ континентальныя страны или прививался къ другимъ ихъ учрежденiямъ, а только переносились въ другiя страны (да и то не во всемъ своемъ объемѣ и не въ полной неприкосновенности) принципы и порядки англiйской государственной жизни, ея формы. Въ своемъ мѣстѣ мы различили въ культурѣ ея месологическую и ея морфологическую стороны, обусловливанiе ею жизни и дѣятельности общества и оформливанiе ею этой жизни и дѣятельности [1]). Формы можно оторвать отъ породившей ихъ среды, перенести ихъ въ другую среду, гдѣ онѣ могутъ пустить корни, привиться и, конечно, приспособляясь къ средѣ, претерпѣть бòльшiя или меньшiя измѣненiя, самыя же условiя, вызвавшiя къ бытiю данныя формы, не могутъ подлежать такому перенесенiю съ мѣста на мѣсто. Соцiальная структура Францiи, Италiи, Пруссiи, когда и къ этимъ странамъ прививались англiйскiе въ своей основѣ конституцiонные порядки, оставалась и осталась впослѣдствiи французской же, итальянской, прусской, и она-то есть то, что непереносимо съ мѣста на мѣсто. То же вѣдь происходитъ и съ народной психикой въ отличiе отъ содержанiя духовной культуры: идеи могутъ переноситься отъ одного народа къ другому,

---

[1]) См. выше, стр. 248, прим.

но переселенія душъ не существуетъ. Зажигая одну свѣчу отъ другой, мы переносимъ съ одной на другую пламя, фитили же и горючій матеріалъ обѣихъ свѣчей остаются разными, у каждой свои.

Принятіе извнѣ, скажу для краткости, идей и учрежденій не можетъ тѣмъ не менѣе оставаться безразличнымъ для принявшей ихъ среды, для народной психики и соціальной структуры. Есть заимствованія, остающіяся, такъ сказать, на поверхности жизни, кладущія печать лишь на какой-нибудь одинъ ея пунктъ, но бываютъ и такія, которыя проникаютъ въ самую глубь жизни и широко ее захватываютъ. Какая-либо новая мода, хотя бы даже не въ костюмѣ, а, наприм., въ литературѣ въ родѣ, положимъ, декадентства, это—только нѣкоторая накипь на поверхности жизни, но рецепція конституціонныхъ формъ, это—уже нѣчто серьезное, нѣчто входящее въ число условій, вліяющихъ на внутренніе процессы, которые совершаются въ глубинахъ народной психики и соціальной структуры. Новыя идеи и учрежденія могутъ быть порождены самими же этими процессами, но иногда данные процессы только подготовляютъ къ ихъ воспріятію, а сами новыя идеи и учрежденія приходятъ извнѣ, приходятъ притомъ нѣсколько даже преждевременно, когда ни національная психика, ни соціальная структура не бываютъ настолько подготовлены, чтобы новое, явившееся извнѣ, могло пустить прочные корни въ мѣстную почву и оказать достаточно глубокое вліяніе на жизнь: никакой предустановленной гармоніи между внутреннимъ развитіемъ и внѣшними на него воздѣйствіями нѣтъ. Нѣкоторыя преобразованія Петра Великаго на иностранный манеръ были вынуждены внѣшними условіями государственнаго существованія Россіи, а не вытекали изъ требованій внутренняго развитія ея жизни. Когда въ странѣ безъ развитой обрабатывающей промышленности возникаетъ со-

ціалистическое движеніе въ его марксистской, пролетарской, выросшей на капиталистической формѣ, напр., на Кавказѣ, мы имѣемъ такой же примѣръ несовпаденія внѣшняго вліянія съ внутреннимъ развитіемъ. Предустановленной гармоніи, какъ и вообще въ исторіи, повторяю здѣсь нѣтъ и быть не можетъ: одно другимъ въ историческомъ процессѣ опережается, одно отъ другого отстаетъ [1]).

Отъ общихъ внутреннихъ условій, въ какія поставлена жизнь общества, зависитъ возможность или невозможность, успѣшность или неуспѣшность, прочность или непрочность заимствованій извнѣ, такъ что, значитъ, внутреннему развитію здѣсь принадлежитъ, въ концѣ концовъ, рѣшающая роль. Если, однако, принять въ расчетъ, что національная психика не есть нѣчто однородное во всѣхъ слояхъ общества, а соціальная структура какъ-разъ расчленяетъ общество на отдѣльные классы, то и будетъ понятнымъ, что идущія извнѣ вліянія часто могутъ непосредственно задѣвать только нѣкоторые общественные элементы, наприм., высшіе классы или правительственныя сферы. Всегда и вездѣ проводниками иностранныхъ вліяній являются отдѣльныя личности или небольшія группы населенія, правда, наиболѣе сами вліятельныя, но составляющія незначительное меньшинство въ общей массѣ народа, тонкій слой на поверхности жизни, существенно не затрагивающій самой толщи народа. Иногда проводниками иностранныхъ вліяній бываютъ прямо чужеродные по отношенію къ данной націи дѣятели, поселившіеся въ странѣ по собственному почину или въ нее приглашенные съ спеціальною цѣлью обученія чему-либо туземцевъ, какъ то ремесленники, военные инструкторы, чиновники, ученые, профессора, художники. Здѣсь уже въ составъ національнаго

[1]) Ср. выше, стр. 221—223.

общества вводятся чужеземные элементы, люди другой культуры, прививающіе туземцамъ свои идеи, свои свычаи и обычаи, свои умѣнія, свои порядки. Подъ вліяніемъ пришельцевъ многое въ жизни мѣняется, но часто мѣняется только на поверхности жизни, въ ея внѣшнихъ формахъ, не затрагивающихъ наиболѣе глубокихъ и широкихъ напластованій національной психики, наиболѣе существенныхъ и важныхъ устоевъ соціальной структуры.

Болѣе широко и глубоко подвергается жизнь одного народа въ наиболѣе интимныхъ своихъ основахъ идущими извнѣ, отъ другихъ народовъ, вліяніями, когда непосредственно массы двухъ народовъ съ отличными психикой и структурой приходятъ во взаимодѣйствіе, когда среди даннаго населенія въ очень большомъ количествѣ появляются иноземцы, приносящіе съ собою не только свои физическія и психическія особенности, но и извѣстныя формы быта. Самый крупный примѣръ внѣдренія въ населеніе страны пришельцевъ изъ другихъ мѣстъ и слѣдовавшихъ за этимъ взаимодѣйствія и смѣшенія несходныхъ между собою національныхъ психикъ и соціальныхъ структуръ, каждый, знающій исторію, разумѣется, найдетъ въ занятіи провинцій Западной Римской имперіи германцами, въ образованіи ими здѣсь „варварскихъ“ государствъ, въ начавшихся здѣсь процессахъ, такъ сказать, взаимнаго проникновенія отличительныхъ началъ римскаго и германскаго быта. Внутренній строй, весь бытъ римскихъ провинцій сталъ измѣняться подъ вліяніемъ прихода германцевъ, но и бытъ пришельцевъ тоже не могъ оставаться прежнимъ въ новой обстановкѣ. Изслѣдователи происхожденія феодализма, бывшаго результатомъ взаимодѣйствія разнородныхъ началъ, раздѣлились, какъ извѣстно, на два лагеря: романистическій, который въ феодализмѣ видѣлъ нѣкоторое развитіе изнутри на однихъ римскихъ началахъ, и германистическій, который выводилъ феодаль-

ные порядки изъ однихъ только началъ германскихъ. Современная наука отвергла обѣ эти крайнія позиціи, сходныя между собою въ присущемъ обѣимъ стремленіи все выводить изъ римскаго или изъ германскаго міра, какъ будто извнѣ ничто не нарушало, ни, съ одной стороны, римскую эволюцію, ни эволюцію германскую, съ другой. Долгое время разнородные элементы продолжали существовать рядомъ, между собою не смѣшиваясь, пока ихъ взаимодѣйствіе не привело къ выработкѣ новой и уже однородной культуры. Такъ нѣкоторое время текутъ по одному руслу, но какъ бы ножемъ отрѣзанныя одна отъ другой Рона, несущая прозрачныя воды Женевскаго озера, и Арва со своей грязной водой, въ которой такъ много песку, глины и ила, пока мало-по-малу свѣтлыя струи одной и мутныя волны другой не сливаются въ дальнѣйшемъ теченіи, совершенно уже однородномъ.

Другой аналогичный примѣръ мы видимъ въ результатахъ завоеванія Англіи нормандцами и выходцами изъ другихъ областей Франціи. У туземцевъ, англо-саксовъ, былъ свой укладъ жизни, у пришельцевъ, французовъ,— свой, но образовавшіеся въ Англіи порядки не были непосредственнымъ продолженіемъ ни англо-саксонскихъ, ни французскихъ, а своеобразнымъ сочетаніемъ старыхъ, донормандскихъ условій съ условіями, созданными фактомъ завоеванія, сочетаніемъ бытовыхъ формъ англо-саксонскихъ съ формами французскими. Наилучшимъ показателемъ сліянія въ англійской культурѣ англо-саксонскихъ и французскихъ основъ можетъ служить самъ англійскій языкъ, особенно въ своемъ лексическомъ составѣ, въ которомъ легко отличимы корни германскаго и романскаго происхожденія. Теперешній англійскій языкъ вовсе не есть непосредственное продолженіе стараго англо-саксонскаго, возникшее путемъ процесса развитія изнутри, такъ какъ онъ подвергся и значительному вліянію извнѣ,

со стороны языка сѣверной Франціи. Смѣшивались и взаимно проникались не только языки туземцевъ и пришельцевъ, но и кровь тѣхъ и другихъ, обѣ народныя психики, обѣ соціальныя структуры. Конечно, англо-саксонская „раса" играла при этомъ роль главной рѣки, иммиграція романской „расы"—роль ея притока, но во всякомъ случаѣ игнорировать значеніе этого притока въ общемъ теченіи англійской исторической жизни не приходится. И здѣсь не все было развитіемъ изнутри безъ какихъ бы то ни было извнѣ привходившихъ вліяній.

Еще одинъ примѣръ долженъ остановить на себѣ наше вниманіе, потому что на немъ очень удобно показать еще одну сторону возможныхъ въ исторіи вліяній извнѣ: въ этомъ примѣрѣ дѣло обходится безъ смѣшенія „расъ", а касается лишь вліянія однихъ политическихъ порядковъ на другіе. Никто не станетъ сомнѣваться, что императорскій Римъ (не въ смыслѣ города, конечно) былъ непосредственнымъ продолженіемъ Рима республиканскаго, что превращеніе одного въ другой произошло совершенно эволюціоннымъ путемъ, т.-е. безъ всякаго coup d'état на манеръ 18 брюмера или 2 декабря. Однако, изучая учрежденія и пріемы управленія императорской эпохи, мы, то и дѣло, наталкиваемся на заимствованія изъ птолемеевскаго Египта [1]), въ которомъ, кстати, многое тоже было сочетаніемъ формъ, унаслѣдованныхъ изъ фараоновскихъ временъ, съ формами, принесенными въ страну завоевателями-греками. Многое и въ императорскомъ Римѣ, было, значитъ, продолженіемъ не республиканскаго Рима, а заимствованіемъ изъ птолемеевскаго и даже фараоновскаго Египта [2]).

---

[1]) Нѣкоторыя иллюстраціи въ моей книгѣ „Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра", гл. XVI и XVIII.

[2]) Любопытенъ, наприм., примѣръ взаимодѣйствія въ Египтѣ бюрократической налоговой системы фараоновской эпохи съ откуп-

И дальше еще. Тотъ же хотя бы Египетъ, выработавшій у себя вѣковую культуру и вліявшій на другіе народы, самъ входилъ послѣдовательно въ составъ великихъ монархій персовъ, грековъ, римлянъ, при чемъ каждая изъ нихъ болѣе или менѣе накладывала свою печать на его внутреннія отношенія. Когда племя, когда государство теряютъ независимость и входятъ въ составъ болѣе крупныхъ національныхъ и политическихъ образованій, внутреннія отношенія такого племени, такого государства испытываютъ тѣ или другія измѣненія въ зависимости отъ новыхъ, являющихся для нихъ сначала внѣшними условій ихъ существованія.

Каждый народъ и каждое государство, какъ нѣкоторыя отъ другихъ такихъ же національныхъ и политическихъ образованій отграниченныя цѣлыя, внутренне связанныя и объединенныя опредѣленной территоріей, а сверхъ того или однимъ языкомъ, одинаковыми нравами, общими традиціями и пр. и пр., или же общими матеріальными интересами, общею самозащитою, подчиненіемъ одной и той же власти,—каждый такой народъ и каждое государство имѣетъ свою внутреннюю исторію въ ея прагматической и культурныхъ сторонахъ, и эта внутренняя исторія народа или государства, прежде всего, обусловливается условіями, лежащими въ природѣ страны и въ свойствахъ племени, въ особенностяхъ его матеріальной, духовной и общественной культуры. Но каждый же народъ и каждое государство испытываетъ со стороны другихъ такихъ же національныхъ и политическихъ образованій вліянія двоякаго рода, которыя я назвалъ бы месологическими и морфологическими [1]). Для каждаго такого

ною системою греко-римскаго происхожденія. См. тамъ же (стр. 176—177 на основаніи книги *М. И. Ростовцева* „Исторія государственнаго откупа въ Римской имперіи". 1899).

[1]) См. выше, стр. 248, прим.

историческаго цѣлаго другіе народы или государства составляютъ своего рода историческую среду, такъ или иначе вліяющую на жизнь даннаго коллектива, именно, сосѣдскими отношеніями войны, торговли, иммиграціи и т. п. [1]). Это—область всякихъ международныхъ конъюнктуръ, съ которыми каждому народу, и государству приходится сообразовать многое въ своей внутренней жизни и отъ которыхъ, слѣдовательно, до извѣстной степени зависитъ ихъ внутренняя исторія. Наприм., если по сосѣдству живетъ воинственная нація, приходится особенно напрягать силы для созданія военной обороны, а это вызываетъ необходимость соотвѣтственныхъ приспособленій въ областяхъ администраціи, финансовъ, народнаго хозяйства и легко влечетъ за собою усиленіе публичной власти и другія слѣдствія. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ каждый народъ, каждое государство является окруженнымъ другими народами, другими государствами, совокупность которыхъ и есть его историческая среда. Поскольку послѣдняя вынуждаетъ или поощряетъ данный коллективъ къ чему-либо или въ чемъ-либо ему препятствуетъ, грозитъ ему или помогаетъ, эксплуатируетъ его или, наоборотъ, его обогащаетъ, все это заключаетъ въ себѣ условія, извнѣ вліяющія на жизнь, развитіе и дѣятельность народа или государства.

Отъ месологическихъ вліяній, какъ условій, въ какія народъ, государство поставлены со стороны другихъ народовъ и государствъ, слѣдуетъ отличать вліянія морфологическія, т.-е. всѣ случаи заимствованія одними національными и политическими цѣлыми у близкихъ или далекихъ сосѣдей формъ ихъ матеріальной, духовной и общественной культуры. Хотя эти формы не существуютъ внѣ отдѣльныхъ актовъ разнаго рода человѣческихъ дѣятельностей [2]),

---

[1]) Объ этомъ шла рѣчь на стр. 105 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 113 и слѣд.

но въ то же время онѣ какъ бы объективно существуютъ, перенимаясь одними людьми у другихъ, младшими поколѣніями у старшихъ путемъ общаго подражанія [1]). Если произносимыя мною слова или цѣлыя фразы, мои пріемы въ какой-либо работѣ, мой способъ обращенія съ людьми и многое-многое изъ того, чтò и кàкъ я дѣлаю, можетъ перенимать всякій мой соотечественникъ, то то же самое можетъ дѣлать и всякій иностранецъ, т.-е. научиться моему родному языку, усвоить принятые на моей родинѣ пріемы работы, перенять то или другое изъ нашихъ нравовъ и обычаевъ и т. д. Каждая культурная форма рождается на извѣстной національной или политической почвѣ, но подобно сѣмячку, переносимому вѣтромъ на большія пространства, она можетъ залетѣть далеко-далеко, упасть на чуждую почву и тамъ, на новой почвѣ прорости и дать новыя сѣмена: такъ распространяются далеко за предѣлы своей первоначальной родины отдѣльные слова и термины, цѣлыя формулы и теоріи, вѣрованія и знанія, пріемы работы и изобрѣтенія, моды и свѣтскіе обычаи, законы и учрежденія — всего не перечислишь. Морфологическія вліянія народовъ на народы, государствъ на государства и состоятъ въ томъ, что одни у другихъ перенимаютъ все то, что вообще доступно перениманію человѣкомъ у человѣка, будетъ ли это, наприм., манера кланяться или способъ управленія населеніемъ цѣлой страны. Каждая такая форма, конечно, имѣетъ свою исторію, и разъ можно прослѣдить ея преемственность отъ народа къ народу, изъ страны въ страну, она явится передъ нами, какъ нѣчто не связанное безусловно съ опредѣленной національной психикой, съ опредѣленной соціальной структурой. Подвижность этихъ формъ, способность ихъ переноситься изъ одной соціальной среды

---

[1]) См. выше, стр. 112 и слѣд.

въ другую, перениматься членами одного народа у другого основана на способности людей къ взаимному подражанію. Народы и государства живутъ въ зависимости отъ внутреннихъ условій своего существованія и развитія, но на нихъ, образно выражаясь, какъ дождь, извнѣ сыплятся внѣ ихъ этнографическихъ и политическихъ границъ зарождающіяся культурныя сѣмена, дающія на новыхъ мѣстахъ свои всходы и составляющія внѣшнія вліянія, подъ которыми складывается мѣстная жизнь.

Мало того, этимъ путемъ создается еще нѣкоторое международное, общечеловѣческое, всемірно-историческое культурное достояніе.

XVIII. Международная исторія и всемірно-историческая преемственность.

Въ каждомъ народѣ, взятомъ въ этнографическомъ и въ политическомъ смыслѣ, въ каждомъ народѣ, какъ обособленномъ цѣломъ, совершается свой внутренній процессъ, въ которомъ мы усматриваемъ нѣкоторое единство. Въ сущности, однако, въ каждомъ большомъ національномъ или государственномъ цѣломъ существуютъ отдѣльныя части, имѣющія каждая свою особую исторію, хотя бы и въ сильной зависимости отъ исторіи цѣлаго, а съ другой стороны, и отдѣльные народы или государства сами образуютъ какъ бы своего рода составныя части болѣе обширныхъ и интернаціональныхъ системъ.

Остановимся нѣсколько на этомъ выраженіи: „интернаціональныя системы“. Народы и государства суть не существа, каковыми въ жизни человѣчества и въ исторіи являются только отдѣльные люди: народы и государства,

это—системы [1]), состоящія въ послѣднемъ анализѣ изъ разныхъ комбинацій, въ какихъ мы наблюдаемъ бо́льшія или меньшія количества отдѣльныхъ человѣческихъ существъ, причемъ системы эти являются въ большой или меньшей степени отграниченными одна отъ другой и въ то же время внутри болѣе или менѣе расчлененными. Процессы, происходящіе внутри такихъ одно отъ другихъ отграниченныхъ цѣлыхъ, мы можемъ назвать интранаціональными, а процессы, выходящіе за границы такихъ цѣлыхъ и охватывающіе нѣсколько такихъ цѣлыхъ (хотя бы даже два), — интернаціональными [2]). Кромѣ исторіи системъ интранаціональныхъ, существуютъ и системы интернаціональныя, образующіяся вслѣдствіе того, что между отдѣльными народами и государствами складываются свои разнообразныя отношенія, дѣлающіяся болѣе или менѣе постоянными. Это, прежде всего, взаимоотношенія самихъ государствъ, носящія по преимуществу названіе международныхъ, взаимоотношенія, которыя могутъ быть не только просто фактическими, но и регулироваться посредствомъ договоровъ (политическихъ, торговыхъ и т. п.). Съ другой стороны, подданные отдѣльныхъ государствъ могутъ вступать между собою въ весьма разнообразныя взаимодѣйствія и взаимоотношенія, даже для опредѣленныхъ цѣлей организоваться и болѣе или менѣе, такъ сказать, заражаться одною и тою же психикой или, по крайней мѣрѣ, общей идеологіей. Наприм., своего рода интернаціональной психикой отличается католическое духовенство всѣхъ странъ вслѣдствіе одинаковаго воспитанія и образованія, внѣдренія въ индивидуальные умы однѣхъ и тѣхъ же идей, настроеній, стремленій, обработки одною

---

[1]) См. выше, стр. 125 и 252.

[2]) По аналогіи съ терминами „интраментальный" и „интерментальный". Ср. стр. 137—138.

и тою же дисциплиною. Общая идеологія и тожественныя переживанія наблюдаются у той части пролетаріата всѣхъ странъ, которая раздѣляетъ основные лозунги соціалъ-демократіи. Ученые спеціалисты въ какой-либо отрасли отвлеченнаго знанія или техники, овладѣвшіе опредѣленнымъ кругомъ свѣдѣній, усвоившіе опредѣленныя толкованія фактовъ, пользующіеся одними и тѣми же пріемами разсужденія, т.-е. объединяющіеся въ особую группу своею научною спеціальностью, тоже въ разныхъ странахъ одною стороною своей дѣятельности причастны нѣкоторой общей интернаціональной психикѣ, порождаемой не простой общностью профессіи, а создаваемой вліяніемъ общихъ имъ всѣмъ идей и методовъ мышленія. Тутъ дѣло не въ томъ, что психика, наприм., купца вездѣ и всегда одинакова по самому существу занятія торговлею, а именно потому, что ученые разныхъ странъ изучаютъ однѣ и тѣ же книги, усваиваютъ одни и тѣ же понятія и формулы, пользуются одними и тѣми же методами. Часто даже на почвѣ извѣстныхъ стремленій создаются (помимо, а не то и вопреки публичной власти) международныя организаціи съ членами, принадлежащими къ разнымъ націямъ и государствамъ. Католическая церковь является однимъ изъ самыхъ крупныхъ примѣровъ такихъ интернаціональныхъ организацій, и лица, входящія въ ея составъ, встрѣчаются и въ не-католическихъ государствахъ. Международная ассоціація рабочихъ, возникшая въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, была тоже попыткою осуществленія призыва, приглашавшаго, въ „Коммунистическомъ Манифестѣ“ 1848 г., къ соединенію „пролетаріатовъ всѣхъ странъ“. Свои интернаціональныя организаціи имѣетъ и научная дѣятельность. Самимъ государствамъ не чужды подобныя же стремленія.

Этотъ интернаціонализмъ, особенно сильно развивающійся въ наше время, получаетъ иногда поистинѣ „все-

ленскій", всемірный характеръ, соотвѣтственно чему мы можемъ говорить, напр., о міровой политикѣ, о міровой торговлѣ и т. п., а нѣкоторыя организаціи прямо и носятъ соотвѣтственныя названія (наприм., всемірный почтовый союзъ).

Возвращаюсь къ международнымъ взаимоотношеніямъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ тѣхъ отношеній и взаимодѣйствій, которыя образуются между отдѣльными организованными цѣлыми, т.-е. между государствами. Было время, когда эта сторона исторіи, — которую стали называть исторіей внѣшней,—особенно занимала историковъ, пока ихъ научный интересъ не сосредоточился на исторіи, получившей названіе внутренней. Что внутренняя, интранаціональная исторія зависитъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ отъ внѣшней, интернаціональной, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но и то мѣсто, какое принадлежитъ отдѣльнымъ націямъ въ международной исторіи, та роль, какую каждая изъ нихъ играетъ въ этой исторіи, то значеніе, какое исторія одного народа получаетъ для исторіи другихъ народовъ, все это также зависитъ отъ того, въ какую конъюнктуру сложились международныя отношенія, въ какомъ направленіи въ зависимости отъ причинъ, лежащихъ внѣ отдѣльныхъ странъ, стало совершаться ихъ взаимодѣйствіе. Никакихъ новыхъ силъ, разумѣется, кромѣ тѣхъ, которыя дѣйствуютъ въ каждой интранаціональной исторіи, здѣсь, въ этой исторіи интернаціональной, не обнаруживается: и здѣсь дѣйствуютъ индивидуальныя и групповыя силы, т.-е. государи, министры, полководцы, правительственные органы, арміи, но выступаютъ они и дѣйствуютъ всегда отъ имени извѣстнаго коллектива, интересы котораго защищаютъ, средствами котораго распоряжаются, который, можно сказать, не только собою представляютъ, но даже какъ бы въ себѣ воплощаютъ. Въ этомъ смыслѣ интернаціональные процессы не нуждаются въ какой-либо

теоріи, отличной отъ теоріи процессовъ интранаціональныхъ. Не нужно только думать, будто особаго содержанія, котораго не было бы дано уже въ исторіяхъ интранаціональныхъ, исторія интернаціональная и не имѣетъ. Международными отношеніями можно интересоваться меньше, чѣмъ внутренними, или интересоваться ими лишь постольку, поскольку мы хотимъ, наприм., знать, какія внутреннія причины заставили данное государство объявить войну, или какія слѣдствія данная война имѣла для внутренняго состоянія государства, но это не значитъ, что взаимныя отношенія государствъ, такъ называемыя политическія (или дипломатическія) конъюнктуры, группировки и перегруппировки, союзы, коалиціи, войны, мирные договоры, измѣненія государственныхъ границъ, политическія гегемоніи, таможенныя войны, коммерческіе трактаты и пр. не представляютъ собою особой категоріи историческихъ фактовъ, совершенно отличной отъ тѣхъ категорій, къ которымъ относятся внутреннія событія и явленія въ жизни отдѣльныхъ народовъ. Было бы даже смѣшно доказывать, что событія и состоянія интернаціональнаго значенія могутъ быть такимъ же предметомъ научнаго изслѣдованія, какъ и факты внутренней исторіи народовъ.

Какъ каждое общество имѣетъ свою структуру, имѣетъ свою структуру и каждое данное международное состояніе. Въ началѣ исторіи господствовала полная разобщенность отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ, теперь же извѣстная интернаціональная структура охватываетъ всѣ страны, народы и государства земного шара. Остановимся на одной Европѣ, хотя бы даже только въ средніе вѣка и въ новое время: возьмите любой атласъ исторической географіи и прослѣдите по нему, сколькимъ модификаціямъ за эти пятнадцать столѣтій подвергалась политическая карта Европы, какъ раздѣлялись, соединялись, перераспредѣлялись территоріи, возникали, росли

или умалялись, даже исчезали отдѣльныя государства, а кто углубится въ этотъ предметъ, не довольствуясь созерцаніемъ однихъ пространственныхъ отношеній, тотъ пойдетъ дальше и поставитъ рядъ вопросовъ о сравнительномъ значеніи отдѣльныхъ государствъ въ международной политикѣ разныхъ эпохъ, о всякихъ среди нихъ гегемоніяхъ, союзахъ, коалиціяхъ и пр. Все это, разумѣется, не тѣ вопросы, которые интересуютъ „внутренняго“ историка; но и это—исторія, дальнѣйшее расширеніе частныхъ исторій въ сторону болѣе крупныхъ культурныхъ и политическихъ образованій (наприм., сверхнаціональныхъ имперій).

Международныя состоянія не остаются неизмѣнными въ зависимости отъ перемѣнъ, происходящихъ внутри отдѣльныхъ странъ, и отъ возможныхъ перегруппировокъ между самими же этими странами. Всякое послѣдующее состояніе вытекаетъ, развивается или происходитъ изъ предыдущаго либо путемъ постепеннаго накопленія многихъ мелкихъ измѣненій, либо вслѣдствіе крупныхъ международныхъ потрясеній. Данныя формы международныхъ отношеній, т.-е. то, что въ этой области можно подвести подъ понятія обычаевъ, нравовъ, обрядностей, законовъ, организаціи и техники, все, что въ большей или меньшей мѣрѣ можетъ регулироваться международнымъ правомъ, всѣ пріемы международныхъ сношеній (дипломатія), международнаго обмѣна, международной борьбы и т. д., и здѣсь составляютъ культурную сторону исторіи, какъ прагматическую ея сторону представляютъ собою дипломатическіе переговоры, заключенія союзовъ, войны, договоры о мирѣ, завоеванія новыхъ областей, коммерческіе трактаты. Какъ и въ интранаціональныхъ исторіяхъ, такъ и въ исторіи интернаціональной, конечно, требуется установленіе причинныхъ связей. И здѣсь, наконецъ, возможны всякія случайности, въ родѣ смерти Елизаветы

Петровны, оказавшейся благопріятнымъ обстоятельствомъ для Пруссіи во время семилѣтней войны. Однимъ словомъ, дѣлается интернаціональная исторія совершенно такъ же, какъ и интранаціональная, и потому, повторяю, она можетъ быть такимъ же предметомъ науки, какъ и та, и ея изученіе вмѣстѣ съ послѣднею должно руководствоваться принципами одной и той же, общей имъ обѣимъ теоріи историческаго процесса. Это только—осложненіе процессовъ, совершающихся въ исторіи отдѣльныхъ странъ и государствъ.

Вѣдь и образованіе большихъ народовъ и государствъ было не чѣмъ инымъ, какъ осложненіемъ жизни отдѣльныхъ родовъ, колѣнъ, общинъ, волостей, національною и политическою интеграціей рядомъ съ интеграціей экономической и культурной. Самый процессъ не останавливался на образованіи національныхъ и политическихъ цѣлыхъ. Культурное и государственное объединеніе шло и дальше, примѣры чего, особенно достойные вниманія, представляютъ собою великія монархіи древняго міра—Ассиро-Вавилонія, Персія, царство Александра Великаго, Римская имперія, это послѣдовательное собираніе разныхъ странъ и племенъ въ болѣе обширныя цѣлыя. Эллинизація на Востокѣ, романизація на Западѣ были культурнымъ дополненіемъ къ указанной политической интеграціи. Если эллинизація не распространилась на народные языки Востока, вездѣ затронувъ тѣмъ не менѣе верхи общества, сдѣлавшіе греческій языкъ своимъ языкомъ, то на Западѣ уже цѣлыя населенія стали говорить на языкѣ римскаго державнаго народа, а самъ народъ этотъ подвергся сильному вліянію эллинской культуры. Въ данномъ процессѣ объединенія особую сторону представляетъ собою, какъ извѣстно, религіозный синкретизмъ, смѣшеніе разныхъ культовъ, далекое распространеніе ихъ за предѣлами ихъ родныхъ мѣстъ, когда, напр., на Западѣ,

въ Галліи, поклонялись восточному богу Митрѣ, имѣвшему иранское происхожденіе. Въ то же время Римъ юридически объединялъ народы своимъ правомъ, въ которомъ были не только римскіе элементы (jus civile), но и элементы общенародные (jus gentium). Наконецъ, лишь на почвѣ такого объединенія могла возникнуть и распространиться универсальная религія христіанства и организоваться церковь, получившая названіе вселенской.

Существованіе міровыхъ, сверхнаціональныхъ религій, каковы, кромѣ христіанства, буддизмъ и магометанство,— одинъ изъ лучшихъ показателей интернаціональныхъ процессовъ исторіи. Въ исторіи мы имѣемъ дѣло съ цѣлыми интернаціональными культурами, которыя также приходятъ въ мирныя и враждебныя столкновенія между собою. Борьба христіанства съ исламомъ относится къ числу явленій этого рода. И сколь плоскими кажутся съ такой точки зрѣнія попытки въ каждой войнѣ видѣть только борьбу буржуазіи разныхъ странъ за рынки для своихъ товаровъ! А съ другой стороны, къ какимъ ненаучнымъ заключеніямъ приходятъ нѣкоторые авторы, утверждающіе, будто культурно-историческіе типы, подъ которые подходятъ отдѣльныя группы народовъ, представляютъ собою столь разновидные отдѣлы человѣчества, что подчинены особымъ, а не общимъ законамъ психологіи и соціологіи [1]).

Въ каждый данный моментъ все человѣчество, отдѣльныя части свѣта, отдѣльные историческіе міры представляютъ собою весьма не похожія одна на другую картины то большей разрозненности, то, наоборотъ, боль-

---

[1]) См. мою статью „Теорія культурно-историческихъ типовъ“ въ I т. „Собранія сочиненій“. Она заключаетъ въ себѣ критику славянофильской теоріи Н. Я. Данилевскаго, въ которой проводится мысль о такой обособленности и даже взаимной, я бы сказалъ, непроницаемости отдѣльныхъ типическихъ культуръ.

шей связности. Въ общемъ, связность усиливается, но временами наблюдаются рецедивы къ разрозненности, повторяющіеся какъ въ интранаціональной, такъ и въ интернаціональной исторіи. Примѣрами могутъ служить: въ первомъ смыслѣ—феодальное раздробленіе западныхъ государствъ, удѣльное раздробленіе въ русской или польской исторіи; во второмъ—раздѣленіе Римской имперіи на восточную и западную половины, ослабленіе связей между ними, распаденіе вселенской церкви на греческую и римскую, отторженіе отъ имперіи и христіанства азіатскихъ и африканскихъ областей. Въ исторіи дѣйствуютъ свои центростремительныя и центробѣжныя силы, очень, конечно, сложныя по своему составу и своей структурѣ, или побѣждающія, или терпящія пораженія въ своей борьбѣ, то затихающей, то обостряющейся, и смѣняются въ зависимости отъ этого центростремительные процессы центробѣжными и, наоборотъ, времена большей связности—временами большей разрозненности. Притомъ разъединенія въ однихъ отношеніяхъ могутъ по времени совпадать съ обратными процессами въ другихъ, какъ мы это видимъ въ эпоху реформаціи и религіозныхъ войнъ XVI и XVII в., когда разрушилось въ Западной Европѣ былое церковное единство, но усилились торговыя сношенія между отдѣльными народами. Здѣсь тоже наблюдаются процессы взаимодѣйствія, очень разнобразные, которые могли бы быть описаны въ своихъ типическихъ чертахъ, классифицированы по разнымъ рубрикамъ, сведены къ немногимъ основнымъ формуламъ, — одна изъ темъ для болѣе спеціальной разработки частныхъ вопросовъ исторіологіи [1]).

[1]) Ограничусь указаніями на случай вліянія правительства одной страны на правительство другой во внутренней политикѣ или вліяніе общественнаго движенія въ одной странѣ на другую (напр., русской революціи 1905 г. на введеніе въ Австріи демократическаго избирательнаго закона).

Оставимъ пока въ сторонѣ народы и государства, а сосредоточимъ свое вниманіе на разнаго рода дѣятельностяхъ, образующихъ исторію, и на разнаго рода продуктахъ этихъ дѣятельностей, отвлекая притомъ и тѣ, и другія отъ самихъ дѣятелей, поскольку, наприм., дѣло, начатое въ одной странѣ, можетъ имѣть свое продолженіе въ другой, и культурная форма, возникшая у одного народа, можетъ потомъ развиваться у другого народа. И то, и другое вполнѣ возможно вслѣдствіе того, что сила подражанія, переимчивости проявляется не только въ интранаціональной, но и въ интернаціональной жизни.

Возьмемъ для примѣра любую дѣятельность въ области духовной культуры, наприм., философское мышленіе. Для всей Европы оно началось въ Греціи, откуда перешло въ Римъ. Все средневѣковое мышленіе питалось изъ этого источника, покоилось на этой основѣ, правда, въ до-нельзя урѣзанномъ видѣ и часто лишь при посредствѣ арабовъ, но въ эпоху Возрожденія на Западѣ снова стали изучать античные философскіе источники въ ихъ чистомъ видѣ, и даже возродились античныя направленія стоицизма, эпикуреизма, платонизма и аристотелизма, пока въ XVII вѣкѣ европейская мысль, въ лицѣ Бэкона и Декарта, не вышла на самостоятельную дорогу. Вотъ примѣръ извѣстнаго рода умственной дѣятельности, объединенной основными своими задачами и взятой на протяженіи вѣковъ. Начало ея мы видимъ въ Греціи, откуда она переходитъ и въ Римъ; на основахъ греческой философіи развилась и вся средневѣковая арабская философія, сдѣлавшаяся извѣстною, благодаря латинскимъ переводамъ, и на Западѣ; вторичная, въ XIV—XVI вѣкахъ, рецепція западными философами греко-римской мысли легла въ основу новаго развитія, которое возникло даже не въ Италіи, родинѣ классическаго ренессанса, а въ Англіи (Бэконъ) и во Франціи (Декартъ). Какъ бы мы ни построили общій ходъ фило-

софскаго мышленія въ новое время, во всякомъ случаѣ мы должны будемъ признать, что въ послѣдовательномъ разрѣшеніи философскнхъ проблемъ принимали участіе мыслители рязныхъ странъ, вліявшіе другъ на друга и одни другихъ продолжавшіе независимо отъ того, кто изъ нихъ къ какой націи принадлежалъ.

То же самое мы наблюдаемъ въ исторіи научной дѣятельности, въ которой, именно, съ перваго же взгляда бросается въ глаза интернаціональныя взаимодѣйствія и преемственность. Знанія, возникшія въ одной странѣ, воспринимаются и дополняются новыми въ другой, откуда переходятъ въ третью (преемственность), причемъ и одновременно ученые разныхъ странъ мѣняются своими открытіями, вліяютъ одни на другихъ своими теоріями, продолжаютъ у себя то, что начато было не у нихъ. Объ изящныхъ искусствахъ можно сказать то же самое, да и въ литературѣ наблюдается, въ сущности, такое же общее явленіе. Возьмемъ хотя бы такъ называемыя „странствующія сказан!я“, разнаго рода сюжеты, фабулы, мотивы, Богъ вѣсть гдѣ зародившіеся и переходившіе потомъ отъ народа къ народу. Этому явленію посвящено цѣлое научное направленіе, въ основу котораго положена задача прослѣдить, какъ тѣ или другія сказанія переходили изъ одной литературы въ другую литературу, какія измѣненія при этомъ претерпѣвали подъ вліяніемъ каждый разъ новой среды.

Подобныхъ примѣровъ возникновенія какого-либо продукта человѣческой дѣятельности въ одной средѣ, перенесенію его въ другую и т. д. можно привести великое множество. Укажу еще на такой. Римское право, кодифицированное въ Константинополѣ въ VI в. по Р. Х., сдѣлалось предметомъ спеціальнаго изученія въ XII в. въ Италіи, а позднѣе учиться ему стали юристы и другихъ странъ, между прочимъ, нѣмецкіе юристы, сдѣлав-

шіеся впослѣдствіи первыми учителями и русскихъ юристовъ.

Не буду накоплять новыхъ примѣровъ, такъ какъ и приведенныхъ достаточно для иллюстраціи положенія о существованіи извѣстной интернаціональной преемственности въ исторіи разнаго рода дѣятельностей и ихъ продуктовъ, составляющихъ содержаніе культуры. Не все, правда, что называется культурой, въ одинаковой мѣрѣ доступно такой интернаціонализаціи, но то, что доступно, дѣлается достояніемъ многихъ народовъ. На этой почвѣ прямо создаются свои интернаціональныя традиціи, обнаруживающія необычайную живучесть въ разныхъ областяхъ жизни, не исключая и политической идеологіи (въ родѣ идеи Римской имперіи въ средніе вѣка).

Старыя традиціи могутъ постепенно стираться, но могутъ и возрождаться съ новою силою, когда соотвѣтствуютъ новымъ потребностямъ и настроеніямъ общества. Античность долгое время была для Западной Европы своего рода нормою, когда происходила (съ XII в.) рецепція римскаго права, когда совершалось (съ XIV в.) возрожденіе наукъ и искусствъ, когда расцвѣлъ (въ XVII в.) такъ называемый псевдо-классицизмъ въ литературѣ, когда античный республиканизмъ налагалъ свою печать (въ XVIII в.) на политическую мысль и на общественное настроеніе, когда на классической основѣ (въ XIX в.) строили систему средняго образованія. Другой примѣръ возрожденія пришедшей въ упадокъ традиціи, это — то значеніе, какое въ эпоху реформаціи пріобрѣла для вѣрующихъ Библія.

Значитъ, кромѣ національныхъ традицій, есть еще традиціи интернаціональныя, да если и заняться хорошенько анализомъ любой національной традиціи, то, въ концѣ концовъ, многіе ея элементы окажутся заимствованными изъ традиціи интернаціональной.

Возвратимся опять къ самимъ народамъ и государствамъ, оставленнымъ нами въ сторонѣ, пока рѣчь шла объ ихъ культурѣ, способной къ перенесенію (частичному, разумѣется) изъ одной страны въ другую (не къ одной, значитъ, трансформаціи, но и къ трансплантаціи). Историческая жизнь не сразу зародилась на всѣхъ пунктахъ земного шара: народы дѣлались историческими въ извѣстной послѣдовательности, и государства основывались одни послѣ другихъ, одни притомъ въ очень раннія времена, другія, наоборотъ, весьма поздно. Судьбы народовъ были тоже весьма различными: одни возвышались, другія падали, и выходило иногда такъ, что на общей сценѣ міра первенство или главенство переходило отъ одной націи къ другой. Въ общемъ, однако, тѣ изъ нихъ, которыя выступали на историческое поприще позже, дѣлались ученицами уже дѣйствовавшихъ на этомъ поприщѣ раньше. Результомъ вліянія однихъ народовъ на другіе и культурнаго интернаціонализма, отсюда проистекающаго и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе дѣлающагося универсальнымъ, міровымъ, было то, что въ прошломъ человѣчества мы можемъ обнаружить нѣкоторую всемірно-историческую преемственность. Она не должна упускаться изъ виду и историками отдѣльныхъ націй и государствъ, поскольку жизнь и дѣятельность, равно какъ судьбы націи или государства опредѣляется и тѣмъ, въ какой моментъ они начали жить историческою жизнью и пріобщаться къ историческому интернаціонализму.

Климатъ и другія географическія условія отдѣльныхъ странъ были опредѣляющими условіями того, гдѣ когда зарождалась историческая жизнь, въ какія взаимоотношенія вступали народы, ихъ населявшія, и въ какомъ порядкѣ они постепенно примыкали къ главному руслу теченія интернаціональной исторіи [1]), причемъ и сама исторія содѣй-

[1]) Ср. выше, гл. IV.

ствовала съ своей стороны образованію этихъ условій [1]). Конечно, и расовыя условія здѣсь играли свою роль: то, что вырабатывалось болѣе одаренными въ духовномъ отношеніи народами, легко перенималось народами, стоявшими на одинаковой ступени антропологическаго развитія, и оставалось недоступнымъ племенамъ, не далеко еще ушедшимъ отъ полуживотнаго состоянія [2]). Какъ и почему, въ какой послѣдовательности расширялась историческая сцена, нынѣ сдѣлавшаяся міровою, это—вопросъ не теоріи историческаго процесса, отвлеченно взятаго, а самой всемірной исторіи [3]), т.-е., другими словами, задача идіографическая, а не номологическая [4]). Для исторіологіи важно не то, какія фактическія связи устанавливались между разными отдѣльными народами въ пространствѣ и во времени, а то, благодаря чему такія связи возможны и въ чемъ заключается и какое значеніе имѣетъ явленіе, обозначаемое нами терминомъ „всеміpно-историческая преемственность" (съ необходимою оговоркою относительно условности въ пониманіи „всемірности" этого процесса).

Въ своей знаменитой „Философіи исторіи" Гегель изобразилъ эту преемственность, какъ процессъ развитія Всемірнаго (или Мірового) Духа, „Weltgeist'a", который, переходя въ этомъ развитіи съ одной ступени на другую, проявлялъ себя каждый разъ въ новомъ народѣ, потому и дѣлавшемся носителемъ Духа на данной ступени его развитія [5]). Конечно, это совершенно, съ научной точки

---

[1]) Ср. выше, гл. VI.

[2]) Ср. выше, гл. V.

[3]) Теорія историческаго знанія, гл. XIV.

[4]) Иначе еще говоря, не соціологическая, а историко-философская. См. гл. XV „Т. И. З.".

[5]) О. В. Ф. И., кн. I, гл. 3. Самую преемственность народовъ Гегель представлялъ произвольно, когда на первой ступени ставилъ Китай, на второй Индію и т. д.

зрѣнія, недопустимая теорія, по которой отдѣльные народы какъ бы не живутъ еще исторически, пока не сдѣлаются по очереди орудіями „Weltgeist'a", и затѣмъ снова перестаютъ исторически жить, какъ только „Weltgeist" ихъ одни за другими покидаетъ при переходахъ своихъ на новыя ступени развитія, но этой фантастической концепціи нельзя отказать въ значеніи поэтическаго образа, символизирующаго дѣйствительную историческую преемственность, не такую, разумѣется, внутренне единую и прямолинейную, какъ у Гегеля, но по существу состоящую въ переходѣ культурныхъ пріобрѣтеній отъ однихъ народовъ къ другимъ.

Культурныя формы въ интранаціональной жизни переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, переживая цѣлые ихъ ряды. Совершенно такъ же онѣ могутъ переходить отъ народа къ народу и продолжать существовать, хотя бы народъ, которому что-либо было обязано своимъ существованіемъ, самъ уже болѣе не существовалъ на бѣломъ свѣтѣ. Мы всѣ пользуемся алфавитами, представляющими собою видоизмѣненія финикійскаго алфавита, но народъ, который изобрѣлъ этотъ алфавитъ, финикіяне, давно исчезъ съ лица земли. И о многомъ другомъ въ исторіи мы можемъ сказать то же самое. Народы вообще бываютъ по отношенію къ тѣмъ или другимъ элементамъ культуры такими же наслѣдниками другихъ народовъ, какими въ одномъ и томъ же народѣ младшія поколѣнія бываютъ въ отношеніи старшихъ. Получая извнѣ извѣстное культурное наслѣдство, народъ и самъ передаетъ нѣчто другимъ народамъ. Мѣсто каждой націи и каждаго государства во всемірно-историческомъ процессѣ опредѣляется тѣмъ хронологическимъ моментомъ, когда нація или государство вступаютъ въ общеніе съ другими, а роль народовъ въ этомъ процессѣ—тѣмъ, что же сами они дали другимъ. Разумѣется, греки въ древности были націей,

оставившей человѣчеству неизмѣримо больше, чѣмъ, напр., персы, но если, съ другой стороны, греческая философія не имѣетъ себѣ равныхъ въ древности, то въ области юридическаго творчества греки были превзойдены римлянами. Или, напр., въ исторіи религіозныхъ образованій, получившихъ универсальное значеніе, особое значеніе принадлежитъ еврейскому народу. Иногда даже въ очень второстепенныхъ уголкахъ жизни чувствуется вліяніе изъ самыхъ отдаленныхъ странъ и эпохъ, наприм., въ той преемственности, какая существуетъ отъ индійскихъ пандитовъ, впервые научно анализировавшихъ грамматическій строй языка, къ родоначальникамъ современной европейской лингвистики.

То мѣсто, которое занимаютъ народы и государства во всемірной исторіи, и та роль, какую они въ ней играютъ, зависятъ отъ массы причинъ и условій, лежащихъ какъ внѣ этихъ народовъ и государствъ, въ самомъ всемірно-историческомъ процессѣ, такъ и во внутреннихъ обстоятельствахъ и процессахъ этихъ народовъ и государствъ, сущность же историческаго процесса, отвлеченно взятаго, еще разъ повторяю, остается та же самая, прослѣживаемъ ли мы его въ интранаціональной или въ интернаціональной жизни и на протяженіи ограниченнаго промежутка времени существованія какого-нибудь народа либо государства, или на протяженіи всей исторіи человѣчества.

XIX. Прогрессъ и регрессъ въ исторіи.

Философія исторіи, въ смыслѣ философскихъ обзоровъ всемірно-историческаго процесса, всегда обыкновенно ставила себѣ задачею показать, какъ совершенствуется че-

ловѣчество, какъ улучшается матеріальная, духовная и общественная культура людей, и какъ мы приближаемся къ осуществленію въ дѣйствительности того, что составляетъ содержаніе нашихъ идеаловъ. Это движеніе впередъ, улучшеніе, совершенствованіе, заключая въ себѣ элементъ не простого знанія, но и оцѣнки познаваемаго [1]), принято называть прогрессомъ, въ отличіе отъ терминовъ „процессъ", „развитіе", „эволюція", не заключающихъ въ себѣ оцѣночной точки зрѣнія.

У идеи прогресса есть своя исторія [2]), которая показываетъ намъ, что идея имѣетъ въ нашей психикѣ два источника, а именно объективныя наблюденія надъ разными улучшеніями, дѣйствительно имѣвшими мѣсто въ исторіи, съ одной стороны, и наши идеалы, чаянія сердца, оптимистическія упованія наши, съ другой. Только первое относится къ области научнаго знанія, второе же можетъ составлять лишь предметъ вѣры, хотя бы и получающей свое основаніе въ томъ, что уже осуществлено было прогрессомъ (ex praeterito spes in futurum, на прошломъ основывается надежда относительно будущаго). По общему характеру настоящаго курса теоріи исторіи, выясненному во вступительныхъ статьяхъ къ обѣимъ его частямъ [3]), въ дальнѣйшемъ рѣчь будетъ идти лишь о прогрессѣ, какъ совокупности явленій, уже наблюдавшихся въ исторіи, безъ какихъ бы то ни было идеалистическихъ предпосылокъ. Я даже прямо устраняю бывшее раньше довольно обычнымъ разсматриваніе прогресса, какъ основ-

---

[1]) Теорія историческаго знанія, гл. XX и XXI.

[2]) См. мою статью „Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи", перепечатывавшуюся въ обоихъ изданіяхъ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдовъ" (1895 и 1899) и въ I томѣ „Собранія сочиненій" (1911).

[3]) Теорія историческаго знанія, стр. 20—22, 25—26, 27—30, а также выше, стр. 1—3.

ного закона исторіи, ибо оно диктовалось, главнымъ образомъ, чаяніями нашего сердца, тогда какъ историческія наблюденія говорятъ намъ, что прогрессъ очень часто уступалъ мѣсто регрессу. Будь прогрессъ дѣйствительнымъ закономъ исторіи, послѣдняя постоянно шла бы впередъ и въ ней прямолинейно осуществлялось бы то, что̀ вытекало бы, такъ сказать, изъ основной тенденціи прогресса—достигнуть той предполагаемой цѣли, къ которой съ подобной точки зрѣнія направляется все историческое движеніе.

Философски мыслить эту цѣль, какъ нѣчто желательное или должное, можно, только исходя изъ этическихъ принциповъ, противополагаемыхъ въ качествѣ субъективныхъ—научнымъ даннымъ и выводамъ, имѣющимъ объективныя основанія. Если мы устранимъ изъ нашихъ дальнѣйшихъ соображеній вопросы о томъ, сдѣлались ли люди лучшими и болѣе счастливыми, а ихъ отношенія болѣе нравственными и справедливыми,—хотя и объ этомъ объективно судить все-таки можно,—то мѣрки наши въ отнесеніи историческихъ фактовъ къ прогрессивнымъ или къ регрессивнымъ могутъ быть довольно-таки различныя, какъ это будетъ видно изъ нижеслѣдующаго.

Первое, на что слѣдуетъ указать, это—не подлежащее никакому сомнѣнію увеличеніе власти человѣка надъ природою. Природа дѣйствуетъ на человѣка, но и человѣкъ—на природу, ибо не только приспособляется къ ней, но и самъ ее къ себѣ приспособляетъ. Однимъ изъ показателей высоты цивилизаціи является степень развитія матеріальной культуры, техники, и въ этомъ отношеніи исторія человѣчества, взятая въ цѣломъ, есть исторія постоянныхъ побѣдъ человѣка надъ природою, хотя, конечно, мѣстами и по временамъ наблюдаются случаи техническаго регресса въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Одно то, что ци-

вилизація изъ благодатныхъ странъ, гдѣ она впервые могла появиться, стала распространяться на такія страны, въ которыхъ люди едва ли были бы способны безъ посторонняго вліянія выйти изъ состоянія дикости, ясно свидѣтельствуетъ, что человѣческая культура побѣждаетъ неблагопріятныя условія географической среды. Каждое вообще расширеніе исторической сцены на новыя страны является поэтому фактомъ прогрессивнаго значенія, и эта, такъ сказать, пространственная мѣрка дополняетъ собою ту количественную мѣрку, которая заключается въ умноженіи силъ человѣка, въ увеличеніи имѣющихся въ его распоряженіи способовъ воздѣйствія на природу для достиженія цѣлей, какія онъ себѣ ставитъ. Если исторія зависитъ отъ природы, то и послѣдняя не остается безъ вліянія на первую, и мы даже имѣемъ право говорить объ обратномъ дѣйствіи исторіи на природу. Развѣ внѣшній видъ природы странъ, втянутыхъ въ историческій процессъ, остался тотъ же, какимъ былъ, когда цивилизація едва только зарождалась въ немногихъ оазисахъ, каковыми были долины Нила, Евфрата и Тигра, Инда и Ганга и т. д.? Исторія осушала болота, вырубала лѣса, распахивала степи, истребляла дикихъ звѣрей, разводила культурныя растенія и домашнихъ животныхъ, даже создавала ихъ новыя разновидности и породы, прорывала водораздѣлы и перешейки, пробуравливала горы, выносила на поверхность земли то, что̀ скрыто было въ ея нѣдрахъ, и результатомъ всего этого было общее измѣненіе внѣшняго вида странъ, перемѣны въ ихъ фаунѣ и флорѣ.

Матеріальный, техническій прогрессъ имѣетъ, конечно, и такую еще сторону, къ которой нельзя приложить одну только количественную или пространственную мѣрку и приложима только мѣрка качественная. Увеличивающаяся власть человѣка надъ природой позволяетъ

ему лучше удовлетворять свои потребности. Весь матеріальный прогрессъ заключается въ техническихъ изобрѣтеніяхъ, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе разныхъ потребностей человѣка, и въ усовершенствованіяхъ, какія постепенно вносятся въ сдѣланныя уже изобрѣтенія для лучшаго, нежели прежде, удовлетворенія этихъ потребностей. Въ усовершенствованіяхъ, наблюдаемыхъ въ старыхъ изобрѣтеніяхъ, и въ новыхъ изобрѣтеніяхъ, оказывающихъ вліяніе на разныя стороны жизни, заключается вся эволюція техники, столь богатая полезными для человѣчества результатами, въ особенности за послѣдніе полтора вѣка, хотя за этотъ же періодъ времени народились и новыя орудія болѣе успѣшнаго истребленія на войнѣ,— обстоятельство, не подходящее подъ понятіе прогресса, разъ оцѣнка дѣлается съ этической точки зрѣнія. Разсуждая „объективно", т.-е. не касаясь нравственной квалификаціи, того къ чему примѣняются тѣ или другія изобрѣтенія, а имѣя въ виду исключительно возрастающее умѣніе человѣка пользоваться искусственными орудіями для достиженія своихъ цѣлей, мы видимъ въ техническомъ процессѣ полное преобразованіе матеріальной культуры человѣка, какъ бы ни оцѣнивать наше удаленіе отъ естественности и увеличеніе въ нашей жизни всякой искусственности. Дѣло въ фактахъ, факты же исторіи матеріальной культуры таковы, что идея прогресса находитъ въ нихъ одно изъ своихъ наиболѣе сильныхъ подтвержденій. Руссо въ романтической тоскѣ своей по „естественному состоянію" могъ находить способность человѣка къ совершенствованію пагубною, но существованія самой этой способности, какъ факта, вполнѣ очевиднаго, отрицать, разумѣется, не могъ. И для насъ здѣсь на первомъ мѣстѣ самый фактъ, а не то или другое субъективное къ нему отношеніе.

Упомянувъ объ обратномъ дѣйствіи исторіи на при-

роду, я имѣлъ въ виду исключительно внѣшнюю природу, физическую среду, окружающую человѣка. Историческія условія, понятно, не могутъ оставаться безслѣдными и по отношенію къ самой человѣческой природѣ, но здѣсь мы имѣемъ дѣло скорѣе съ вопросомъ антропологическимъ, нежели историческимъ, и часто наводящимъ на мысли не о прогрессѣ, а о регрессѣ. Развитіе цивилизаціи сопровождается многими явленіями, неблагопріятно дѣйствующими на цѣлыя категоріи населенія, и приводятъ нерѣдко къ результатамъ, обобщаемымъ подъ понятіемъ дегенераціи, вырожденія. Рабство и другія формы эксплуатаціи труда, вредно отзывающіяся на трудящихся и ихъ потомствѣ, порочность, во всѣхъ ея формахъ, развивающаяся въ большихъ центрахъ, праздность, изнѣженность, излишества въ зажиточныхъ классахъ общества, подборъ худшихъ, разъ лучшіе (не въ моральномъ, а въ чисто физическомъ смыслѣ) уходятъ въ войско, и т. д.,—все это факторы вырожденія. Нормальный, такъ сказать, и естественный порядокъ требовалъ бы роста населенія, который можетъ всегда служить показателемъ антропологическаго благополучія, но когда населеніе уменьшается, а физическія или психическія качества его понижаются, это уже признаки антропологическаго регресса, національнаго вырожденія и упадка. Гибель древнихъ цивилизацій, запустѣніе цѣлыхъ странъ высокой для своего времени культуры, исчезновеніе съ лица земли цѣлыхъ народовъ, свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что сама же исторія можетъ создавать условія, при которыхъ прогрессъ дѣлается невозможнымъ и смѣняется упадкомъ. Не нужно, однако, все это относить къ однѣмъ внутреннимъ причинамъ. Не забудемъ истребленія цѣлыхъ населеній разными ассирійцами, гуннами, монголами, отъ которыхъ по временамъ, впрочемъ, не отставали и арміи цивилизованныхъ народовъ.

Вопросъ о вырожденіи есть вопросъ антропологическій,

а не историческій, но несомнѣнно, что въ числѣ условій, имѣющихъ своимъ результатомъ дегенерацію, дѣйствуютъ и такія, которыя создаются и самою исторіей. Однако, та же исторія, т.-е. цивилизація создаетъ и средства борьбы со всѣми патологическими процессами, совершающимися въ біологической сферѣ человѣческаго существованія, каковы, наприм., эпидеміи. Наконецъ, съ исторической точки зрѣнія вырожденіе—не общее правило, а только темное пятно, то увеличивающееся, то уменьшающееся, на общемъ болѣе свѣтломъ фонѣ.

За послѣднія столѣтія населеніе въ европейскихъ странахъ, въ общемъ, растетъ, что служитъ признакомъ извѣстнаго благополучія въ условіяхъ существованія соотвѣтственныхъ населеній, а къ числу этихъ условій, понятное дѣло, относится техническій прогрессъ, возрастаніе производительности труда. Прогрессъ въ одной сферѣ жизни нуждается всегда въ поддержкѣ со стороны другихъ сферъ, и чѣмъ больше будетъ человѣчество дѣлать успѣховъ на разныхъ своихъ поприщахъ, тѣмъ меньше можно будетъ опасаться вырожденія. Какъ отражается историческая жизнь на томъ, что отъ поколѣнія къ поколѣнію передается путемъ наслѣдственности, это, повторяю, — вопросъ антропологической науки, т.-е. порядка біологическаго, въ спеціальномъ же вѣдѣніи исторической науки находятся только вопросы, связанные съ явленіями, совершающимися въ томъ воспитаніи, какое люди получаютъ отъ окружающей ихъ культурно-соціальной среды.

Исторія идеи прогресса свидѣтельствуетъ, что раньше всего и безъ всякихъ оговорокъ былъ признанъ фактъ прогресса умственнаго, заключающагося въ развитіи интеллекта, въ выработкѣ знаній, ихъ накопленіи, ихъ распространеніи, такъ что всѣ три мѣрки (качественная, количественная и пространственная) одинаково приложимы къ тому, въ чемъ состоитъ умственный прогрессъ. Мало

того, прогрессъ этотъ многими принимался за основной факторъ, за главный источникъ всякаго другого прогресса. Въ этомъ, конечно, есть преувеличеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и значительная доля истины. Оставляя открытымъ вопросъ о передачѣ предшествующими поколѣніями поколѣніямъ послѣдующимъ умственныхъ способностей, совершенствующихся путемъ упражненія и въ усовершенствованномъ видѣ органически наслѣдуемыхъ, мы должны имѣть только въ виду, что каждое поколѣніе къ полученному имъ отъ прежнихъ культурному достоянію прибавляетъ результаты своей собственной умственной работы, тѣмъ самымъ увеличивая интеллектуальное наслѣдство, передающееся слѣдующимъ поколѣніямъ. Въ данномъ случаѣ наиболѣе примѣнимо сравненіе человѣчества съ индивидуумомъ, который постоянно учится, постоянно пріобрѣтаетъ новыя знанія. Чѣмъ больше въ народѣ накопляются интеллектуальныя цѣнности, создаваемыя культурнымъ прогрессомъ, и чѣмъ болѣе онѣ распространяются въ широкихъ массахъ, тѣмъ болѣе бываютъ онѣ застрахованы отъ забвенія и гибели, и общество обезпечено отъ умственнаго регресса. Случаи послѣдняго, къ сожалѣнію, неоднократно повторялись въ исторіи. Стóитъ только вспомнить паденіе античной культуры, особенно въ западной половинѣ Римской имперіи, испытавшей прямо рецедивъ къ глубочайшему варварству. Потребовались цѣлые вѣка для постепеннаго подъема умственнаго состоянія общества до того уровня, на которомъ могло бы возродиться умственное движеніе, напоминающее лучшія времена классической древности. Какъ и все въ исторіи, и умственный прогрессъ не совершается непрерывно и постоянно, не идетъ непремѣнно впередъ: здѣсь тоже времена прогресса чередовались съ временами застоя и регресса, и за акціями слѣдовали реакціи.

Спрашивается, съ другой стороны, заключается ли умственный прогрессъ въ одномъ накопленіи новыхъ идей,

присоединяющихся къ прежнему культурному достоянію, и въ распространеніи этого достоянія между все болѣе и болѣе обширными кругами, или же и въ данномъ случаѣ примѣнимъ также качественный критерій. Разъ умственная дѣятельность направлена на познаніе міра и человѣка, небезразлично, какія идеи вырабатываются, накопляются и распространяются,—такія ли, которыя приводятъ насъ къ дѣйствительному знанію и основанной на немъ власти надъ природой, или такія, которыя въ основѣ своей имѣютъ миѳическія представленія и магическую практику первобытнаго человѣка? [1]).

Если бы въ исторіи привычекъ мысли и міросозерцаній все дальнѣйшее основывалось и строилось на томъ, что создавала психика первобытнаго человѣка, никакого умственнаго прогресса, состоящаго какъ-разъ въ освобожденіи отъ миѳическаго мышленія, въ дѣйствительности не могло бы быть. Прогрессъ нерѣдко заключается не въ дальнѣйшемъ развитіи даннаго, а, наоборотъ, въ отреченіи отъ него, въ замѣнѣ стараго новымъ, въ движеніи къ чему-то, имѣющему значеніе противоположности исходному пункту. Въ этомъ смыслѣ глубоко вѣренъ контовскій „основной законъ“ умственнаго развитія [2]), по которому переходъ съ первой стадіи на вторую является отказомъ отъ объясненія всего, происходящаго въ природѣ, дѣйствіемъ сверхъестественныхъ агентовъ для пониманія природы, какъ совокупности проявленій нѣкоторыхъ отвлеченныхъ сущностей, а переходъ со второй ступени на третью разсматривается, какъ отказъ отъ стремленія познать эти сущности для познанія естественныхъ законовъ, управляющихъ явленіями природы. Тѣмъ, что Контъ

[1]) О дальнѣйшемъ подробнѣе въ статьѣ моей „Миѳическое міросозерцаніе и положительная философія“ (въ журналѣ „Знаніе“ за 1876 г.) и въ О. В. Ф. И., кн. IV, гл. III (гл. XVII по 3 изд.).

[2]) См. выше, стр. 54—55.

называлъ метафизическими объясненіями, теологическія устранялись совершенно такъ же, какъ сами метафизическія объясненія устранялись положительными, научными. Эволюція здѣсь не прямолинейное движеніе отъ начала до конца, а движеніе, время отъ времени испытывающее кризисы, цѣлыя революціи въ родѣ тѣхъ, которыя въ наукѣ и философіи производили люди, подобные Копернику, Канту, Дарвину. Извѣстное міросозерцаніе, сложившееся на миѳической основѣ, можетъ, конечно, внутренне развиваться, обогащаясь новыми идеями и формулами и слагаясь въ болѣе или менѣе стройныя системы, но разъ мышленіе будетъ при этомъ вращаться въ традиціонныхъ понятіяхъ и идти по путямъ, на которыхъ „наблюденіе подчинено воображенію“ [1]), оно будетъ оставаться заключеннымъ въ заколдованномъ кругу догматизма. Умственный прогрессъ есть процессъ, въ которомъ главную роль играетъ критическая мысль, какъ объ этомъ учили лѣвые гегельянцы, а у насъ П. Л. Лавровъ [2]). Задача критической мысли—постоянно провѣрять все вообще традиціонно-данное для замѣны стараго, не выдерживающаго критики, новымъ, основывающимся на разумныхъ доказательствахъ. Это и есть путь философіи и науки, разлагающихъ старыя преданія и открывающихъ новыя истины.

Въ данномъ отношеніи нѣтъ основаній дѣлать исключеніе для прогресса этическаго сознанія, поскольку и оно совершаетъ шаги впередъ, когда отказывается отъ привычекъ, руководящихъ поведеніемъ дикаря, и замѣняетъ ихъ новыми—въ уровень съ болѣе глубокимъ пониманіемъ достоинства человѣческой личности. Здѣсь я опять не ка-

---

[1]) Такъ Контъ опредѣлялъ отличіе научнаго метода отъ метафизическаго: въ первомъ воображеніе подчинено наблюденію, во второмъ—наоборотъ.

[2]) См. мою статью „Теорія личности П. Л. Лаврова“ (II томъ „Собранія Сочиненій“ и отд. брош. 1907 г.

саюсь вопроса о томъ, насколько долгое воспитаніе цѣлыхъ рядовъ поколѣній подъ вліяніемъ прогрессирующей культуры производитъ въ самой психикѣ накопленіе элементовъ альтруизма, идеализма, цивизма, но если даже каждый отдѣльный человѣкъ родится на бѣлый свѣтъ съ задатками, ничѣмъ не отличающимися отъ тѣхъ, съ какими люди рождались тысячи лѣтъ тому назадъ, то въ самой культурѣ общества можетъ происходить и происходитъ на самомъ дѣлѣ морализація понятій и отношеній, въ смыслѣ болѣе глубокаго пониманія того, что́ должно признавать нравственнымъ, и болѣе напряженнаго стремленія сообразовать съ этимъ пониманіемъ и поведеніе свое, и формы человѣческаго общежитія.

Умственный и нравственный прогрессъ,—при всѣхъ остаткахъ въ цѣломъ обществѣ унаслѣдованныхъ изъ временъ животности и дикости представленій и понятій, пріемовъ мышленія и привычекъ и при всѣхъ рецедивахъ къ давно пройденнымъ ступенямъ культуры,—существуетъ, какъ одинъ изъ крупнѣйшихъ историческихъ фактовъ, одною изъ сторонъ котораго является прогрессъ, обнаруживающійся въ исторіи религіи. Полная въ началѣ своемъ грубыхъ представленій, дикихъ суеѣрій, племенной исключительности и т. п., въ историческомъ своемъ развитіи религія тоже постепенно очищается, одухотворяется и проникается началами любви къ ближнему и общечеловѣческой солидарности. Творчество идеаловъ, зародившееся ранѣе всего въ области религіозныхъ вѣрованій, но довольно скоро обнаружившее способность принимать и другія формы, наприм., творчества идеаловъ политическихъ и соціальныхъ, сдѣлалось даже однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ прогресса, внося больше сознательности и телеологизма въ нашу общественную дѣятельность. На путяхъ своихъ научныхъ, философскихъ, этическихъ, религіозныхъ, политическихъ и т. п. исканій люди часто

спотыкаются, сбиваются съ прямого пути, блуждаютъ по пройденнымъ уже дорогамъ, но уже одно то, что эти исканія совершаются, устремляетъ историческое движеніе впередъ среди многихъ, къ сожалѣнію, другихъ жизненныхъ вліяній, которыя носятъ въ себѣ зародыши застоя и регресса.

Оставляю открытымъ вопросъ, прогрессируетъ ли подъ вліяніемъ исторіи сама человѣческая природа, и ограничиваюсь лишь приведенными соображеніями касательно прогресса, наблюдаемаго въ духовной культурѣ, въ общественной идеологіи, наблюдаемаго,—подчеркиваю это,—въ дѣйствительности, а не чаемаго, какъ идеальная цѣль исторіи. Наблюденія и надъ общественною культурою, взятою въ смыслѣ основныхъ формъ общежитія, показываютъ, что и здѣсь происходитъ прогрессивное въ общемъ движеніе, сколько бы ни было въ нашей цивилизаціи отрицательныхъ сторонъ и какія реакціи ни происходили бы въ исторіи противъ того, что исторія вообще приноситъ съ собою полезнаго и справедливаго. И въ этой области постараюсь больше держаться чисто объективныхъ историческихъ данныхъ.

Остановимся, прежде всего, на тѣхъ формулахъ соціальной динамики, въ которыхъ развитіе общества отожествляется съ усложеніемъ его структуры, сопровождающимъ образованіе болѣе обширныхъ общественныхъ аггрегатовъ. Я напоминаю здѣсь формулы Спенсера и Бюхера, о которыхъ уже пришлось говорить раньше [1]). Ихъ общая черта,—на что тоже было указано,—заключается въ пониманіи развитія, какъ образованія болѣе крупныхъ общественныхъ цѣлыхъ и усложненія ихъ внутренняго строенія. Въ самомъ началѣ историческаго процесса мы наблюдаемъ въ жизни народовъ обособленныя и политически, и

---

1) См. выше, стр. 55—59.

экономически группы, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ очень похожи одна на другую. Процессъ интеграціи состоитъ въ установленіи и усиленіи прочныхъ связей между этими группами, чѣмъ онѣ постепенно и связываются въ болѣе крупныя соціальныя цѣлыя, а процессъ дифференціаціи—въ томъ, что эти цѣлыя все болѣе и болѣе расчленяются на отличныя однѣ отъ другихъ части, въ чемъ и заключается усложненіе общественнаго строя. Съ этой точки зрѣнія всякое разъединеніе чего-либо, что уже было соединено, всякое возвращеніе къ болѣе простой структурѣ является регрессомъ, попятнымъ движеніемъ въ направленіи къ начальному состоянію. Въ этомъ исходномъ пунктѣ соціальнаго развитія каждая отдѣльная общественная группа представляла собою замкнутое, самодовлѣющее цѣлое, въ которомъ какъ производились, такъ и потреблялись всѣ матеріальныя блага. Все экономическое развитіе состояло въ томъ, что устанавливался обмѣнъ матеріальными благами между сосѣдними хозяйственными единицами („ойкосами") одного округа или цѣлой страны, равно какъ между отдѣльными странами. Понятно, что разъ экономическія связи между отдѣльными странами или между округами отдѣльной страны ослабляются, разстраиваются и даже исчезаютъ, такой процессъ не можетъ иначе разсматриваться, какъ регрессивный.

Наприм., процессъ постепеннаго умаленія связей, существовавшихъ между отдѣльными провинціями Западной Римской Имперіи, процессъ, доведшій отдѣльныя ея страны до феодальнаго раздробленія, распаденія ихъ на замкнутыя, самодовлѣющія сеньёріи, эти „помѣстья-государства", былъ процессомъ глубоко регрессивнымъ, въ соотвѣтствіе съ чѣмъ необходимо поставить и общее упрощеніе жизни, общее пониженіе культурнаго уровня. Развитіе на Западѣ, въ римскую эпоху, городского быта, промышленности, торговли уступило мѣсто господству сельской жизни и нату-

ральнаго хозяйства, и только къ концу среднихъ вѣковъ Западная Европа вернулась къ формамъ болѣе развитой жизни. Усиленіе общественныхъ связей, охватываніе ими все бо́льшаго количества людей и населяемыхъ ими территорій, усложненіе этихъ связей, внесеніе въ жизнь бо́льшаго разнообразія и пр., вотъ въ чемъ мы имѣемъ право видѣть одну изъ сторонъ общественнаго прогресса, тогда какъ въ процессахъ, ослабляющихъ, съуживающихъ, упрощающихъ эти связи, нельзя не видѣть, наоборотъ, регресса, обратной эволюціи, или диссолюціи.

Формулы, отожествляющія общественное развитіе съ внѣшнимъ ростомъ и внутреннимъ усложненіемъ жизни, имѣютъ строго объективный характеръ, т.-е. не заключаютъ въ себѣ никакой оцѣнки процесса съ точки зрѣнія блага людей, или идей пользы, счастья, справедливости. Въ русской „субъективной" соціологіи спенсеровская формула даже подверглась критикѣ, исходнымъ пунктомъ которой было соображеніе, что дифференцированіе общества сопровождается превращеніемъ самостоятельныхъ человѣческихъ личностей въ простыя подчиненныя цѣлому клѣточки общественнаго организма и что потому эволюцію общества въ смыслѣ только его интеграціи и дифференціаціи нельзя считать прогрессомъ [1],—лишнее доказательство того, какъ различны бываютъ критеріи, примѣняемые къ опредѣленію прогрессивныхъ и регрессивныхъ явленій исторіи.

Но, даже не ставя передъ умственнымъ взоромъ своимъ извѣстный общественный идеалъ, осуществленіе котораго могло бы мыслиться, какъ разумная цѣль историческаго процесса, оставаясь исключительно на почвѣ наблюденій надъ самою историческою жизнью, мы можемъ,

[1]) Точка зрѣнія Н. К. Михайловскаго, о чемъ см. „Введеніе въ изученіе соціологіи", стр. 69—70 (по 3 изд.).

сравнивая между собою разныя общественныя состоянія, экономическіе порядки, политическія учрежденія и т. п., приходить къ тѣмъ или инымъ заключеніямъ относительно ихъ вліянія на жизнь людей, на положеніе разныхъ общественныхъ классовъ, на судьбу цѣлыхъ поколѣній. Здѣсь рѣчь можетъ уже идти объ улучшеніи или, наоборотъ, ухудшеніи того состоянія, въ какомъ находятся цѣлые народы, отдѣльные классы общества, человѣческая личность вообще. Такая оцѣнка необходима для самого пониманія общественныхъ и народныхъ движеній на почвѣ недовольства своимъ положеніемъ, а разъ это такъ, то и подобному критерію,—хотя бы онъ и считался субъективнымъ, только не въ смыслѣ произвольности, — есть мѣсто въ опредѣленіи прогрессивности или регрессивности совершающихся въ обществѣ явленій. Вѣдь въ одномъ осложненіи жизни, самомъ по себѣ, еще не заключается никакого блага. Развитіе производства, накопленіе богатствъ, улучшенныя формы обмѣна и т. п. не могутъ не быть признанными за положительныя явленія исторической жизни, но важенъ вопросъ и о томъ, какъ же все это отражается на жизни живыхъ человѣческихъ существъ.

Рядомъ съ народнымъ хозяйствомъ, которое имѣетъ въ виду формула Бюхера, и съ государствомъ, къ которому особенно примѣнима формула Спенсера, особую категорію общественной жизни составляетъ право. Юристы, занимающіеся общею его теоріей, и соціологи, имъ не пренебрегающіе, по даннымъ развитія этого элемента, какъ оно представляется на основаніи историческихъ данныхъ, уже давно стали приходить къ нѣкоторымъ общимъ взглядамъ на то, по какой линіи, въ сторону чего совершается движеніе права. И положительное право, содержащееся въ обычаяхъ и особенно въ законахъ, и правосознаніе одинаково развиваются по путямъ, аналогичнымъ развитію ума и совѣсти. Право можетъ совершенствоваться и въ

смыслѣ улучшенія юридической техники, и въ смыслѣ все бо́льшаго и бо́льшаго проникновенія принципами справедливости, все бо́льшаго и бо́льшаго уваженія къ человѣческой личности и охраны ея достоинства не только со стороны другихъ людей, но и со стороны самого государства.

Историческій прогрессъ, въ разныхъ своихъ проявленіяхъ, наблюдаемыхъ въ прошломъ народовъ, не есть, однако, основной законъ исторіи, потому что, во-первыхъ, такого закона вообще нѣтъ [1]), а во-вторыхъ, и потому, что въ исторіи наблюдается рядомъ съ прогрессомъ нѣчто, ему діаметрально противоположное [2]). Времена прогресса и времена регресса чередуются въ исторіи народовъ, и въ одну и ту же эпоху одно можетъ прогрессировать, другое—регрессировать, а вдобавокъ, въ каждый моментъ наблюдаются конфликты и борьба въ обществѣ между разными его элементами и силами, между разными въ немъ стремленіями и направленіями, съ одной стороны, прогрессивными, съ другой—регрессивными. Въ этой борьбѣ побѣда бываетъ то на одной, то на другой сторонѣ, происходятъ кризисы и реакціи, на почвѣ чего вообще и протекаетъ вся прагматика исторіи. Иногда цѣлыя эпохи носятъ на себѣ печать несомнѣннаго регресса, общаго оскудѣнія жизни. Для цѣлаго большого отдѣла всемірной исторіи такъ было въ эпоху варваризаціи римскаго міра, а въ исторіи отдѣльной страны яркій примѣръ общаго упадка—то состояніе, въ какое впала Германія въ эпоху тридцатилѣтней войны.

И прогрессъ, и регрессъ въ исторіи одинаково суть процессы, совершающіеся по общимъ законамъ, которые дѣйствуютъ въ общественной жизни людей въ зависимости

---

[1]) См. выше, стр. 51 и сл.

[2]) См. выше, стр. 295.

отъ разнообразнѣйшихъ условій, въ какія эта жизнь бываетъ поставлена, и въ какихъ она протекаетъ. Въ каждый данный моментъ имѣется извѣстное соотношеніе прогрессивныхъ и регрессивныхъ силъ, которыя таковы или по существу, или по той роли, какую временно играютъ, но между ними всегда бываетъ болѣе или менѣе неустойчивое равновѣсіе съ разными возможностями въ ту или другую сторону. Отсюда страшная трудность что-либо предсказывать, какъ будетъ совершаться исторія въ будущемъ.

XX. Историологія и исторіографія.

Теорія исторіи имѣетъ, прежде всего, чисто научную цѣль—пониманіе того, какъ вообще совершается исторія, какими силами историческая жизнь движется впередъ, въ смыслѣ порожденія новыхъ фактовъ. Ея значеніе, какъ и всякой чистой, а не прикладной науки, опредѣляется безкорыстнымъ знаніемъ того, что есть, какъ оно есть,— значеніе, слѣдовательно, самодовлѣющаго знанія, въ себѣ самомъ носящаго свою цѣль, безъ всякой заботы о томъ, какое изъ этого знанія можно сдѣлать употребленіе въ жизни. Очень хорошо, если къ удовлетворенію нашей потребности знать и понимать, даваемому чистымъ теоретическимъ знаніемъ, присоединяется еще возможность практически имъ пользоваться въ жизни, но если бы содержаніе всѣхъ наукъ опредѣлялось только однѣми практическими задачами, научное знаніе никогда не достигло бы той глубины, той широты, той тонкости анализа, того размаха синтеза, въ которыхъ состоитъ истинное совершенство науки. Жизненная практика можетъ пользоваться данными и выводами исторической науки, но прошлое въ этой наукѣ познаётся не ради какихъ бы то ни было „уроковъ“ въ будущемъ; подобно

этому и не ради того, какъ слѣдуетъ „дѣлать исторію", въ смыслѣ принятія участія въ ея процессѣ, мы желаемъ знать, въ чемъ заключается самъ этотъ процессъ, отвлеченно взятый.

Навязывать наукамъ непосредственныя практическія цѣли значитъ не понимать самаго существа научнаго знанія, какъ и не понимать, что̀ оно такое, значило бы, если бы мы стали требовать, чтобы наука предсказывала, словно по писанному, какъ исторія будетъ развертываться въ будущемъ, какія событія наступятъ и въ какомъ порядкѣ одни за другими будутъ слѣдовать, когда и въ какомъ смыслѣ разрѣшатся жизненные вопросы, волнующіе наше время. Къ чему же ваше теоретическое знаніе? спросятъ, пожалуй, тѣ, которые вмѣняютъ ученымъ въ обязанность быть пророками, ссылаясь при этомъ на избитый, прямо заѣзженный примѣръ того, какъ астрономы предсказываютъ солнечныя и лунныя затменія. Ссылаясь на астрономическія предсказанія, часто забываютъ, что историческій процессъ куда болѣе сложная вещь, чѣмъ очень простыя комбинаціи на одной линіи солнца + луны + земли или солнца + земли + луны: разъ мы знаемъ орбиты земли и луны, такія встрѣчи вычислить нетрудно. Другое дѣло—исторія, въ которой ничто въ прежнемъ видѣ не повторяется, и въ которой всякое предсказаніе будущаго подобно рѣшенію одного уравненія со многими неизвѣстными [1]). Самое большее, что здѣсь возможно, это—предвидѣніе только возможности того или другого, предвидѣніе часто интуитивнаго характера, способность къ каковому болѣе свойственна не кабинетнымъ ученымъ, а практическимъ дѣятелямъ, безъ всякой теоріи быстро и вѣрно оріентирующимся въ окружающихъ обстоятельствахъ.

---

[1]) Ср. „Введеніе въ изученіе соціологіи", гл. XI.

Однимъ словомъ, абстрактно-теоретическій интересъ къ историческому процессу можетъ имѣть совершенно самостоятельный характеръ потребности въ чистомъ, безкорыстномъ пониманіи того, какъ вообще совершается исторія, совершенно независимо отъ извлеченія изъ того какой-либо практической пользы. Въ такомъ же независимомъ положеніи исторіологія должна находиться и по отношенію къ исторіографіи, понимая подъ послѣднею историческія изслѣдованія и построенія, касающіяся отдѣльныхъ народовъ и государствъ, отдѣльныхъ эпохъ, отдѣльныхъ явленій, событій, движеній и всего вообще, бывающаго предметомъ исторической идіографіи. Исторіологія нужна сама по себѣ, ради самихъ же общихъ истинъ, ею вырабатываемыхъ, а не для того, чтобы быть своего рода канономъ, по рецептамъ котораго ученые узнавали бы, какъ нужно дѣлать научно-историческія построенія. Пусть исторіологическое знаніе и небезполезно для историка, признаемъ его даже очень важнымъ, но не будемъ отсюда дѣлать такой выводъ, будто исторіологія есть не что иное, какъ одна изъ такъ называемыхъ вспомогательныхъ историческихъ дисциплинъ, вся raison d'être которыхъ заключается въ томъ, что онѣ нужны при историческихъ занятіяхъ, а сами по себѣ, пожалуй, большой цѣны и не имѣютъ [1]).

Историки учатся научно работать не по историческимъ руководствамъ методологическаго содержанія, а читая историческія сочиненія, преимущественно мастеровъ науки, и сами рѣшая историческія задачи, особенно подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей. Люди вообще научаются что-либо дѣлать не по разсказу, а по показу, практически, какъ учатся плавать въ самой водѣ, пахать — идя за плугомъ, косить — съ косою въ рукахъ, ѣздить верхомъ —

---

[1]) Теорія историческаго знанія, стр. 105—106.

сидя на лошади. Вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ фактическихъ историческихъ знаній путемъ чтенія историческихъ книгъ и изученія источниковъ молодые ученые усваиваютъ и самые методы, пріемы своей науки, и тѣ точки зрѣнія, тѣ общіе взгляды, то пониманіе, какъ дѣлается исторія, которые они находятъ у прежнихъ мастеровъ исторіи и особенно у современныхъ историковъ, въ сочиненіяхъ которыхъ отражается общепризнанное или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе распространенное, такъ сказать, ходячее пониманіе въ данную минуту того, какъ дѣлается исторія. Безъ знанія фактическихъ данныхъ и обобщеній, основанныхъ на этихъ фактахъ, даже самое тщательное усвоеніе историологическихъ теоремъ никогда никого не сдѣлаетъ историкомъ. Это, конечно, не значитъ, что ознакомленіе въ систематической связи съ основными проблемами историологіи для историка безполезно и излишне, а значитъ только, что не путемъ отвлеченнаго теоретизированія формируются у историковъ ихъ взгляды на то, какъ совершается исторія. Скажу даже больше: историческое образованіе не можетъ быть полнымъ безъ теоретическаго углубленія въ историологическія проблемы, и конечно, каждому историку нужно привести въ ясность свои отвѣты на спорные вопросы теоріи историческаго процесса, но не въ этомъ, повторяю, заключается цѣль историологическихъ изслѣдованій, поскольку интересъ къ нимъ можетъ возникать самостоятельно, помимо изученія исторіи или намѣренія ее изучать.

Тѣ писатели по интересующему насъ вопросу, которые не выдѣляютъ теорію историческаго процесса изъ теоріи историческаго знанія, понимаемаго преимущественно въ методологическомъ смыслѣ [1]), склонны трак-

---

[1]) Напр. проф. *В. М. Хвостовъ* въ „Теоріи историческаго процессса“.

товать вопросы первой изъ этихъ двухъ различныхъ по существу теорій, какъ вопросы методологіи историческихъ построеній [1]) послѣ методовъ критическаго изученія источниковъ и констатированія отдѣльныхъ фактовъ. Конечно, между вопросами о томъ, какъ слѣдуетъ историку построять свое знаніе о совершавшихся въ прошломъ процессахъ, и вопросами о томъ, какъ вообще подобные процессы происходятъ, много пунктовъ соприкосновенія, и пусть даже это будутъ въ основѣ своей одни и тѣ же вопросы, но въ „историкѣ“ [2]), какъ теоріи историческаго знанія, они берутся съ гносеологической и методологической точки зрѣнія, тогда какъ въ исторіологіи, какъ теоріи соотвѣтственнаго процесса, они берутся съ точки зрѣнія соціологической: въ первомъ отношеніи на переднемъ планѣ познаваніе нѣкотораго бытія, во второмъ — само это познаваемое бытіе. Отдѣляя теорію историческаго процесса, способную интересовать не однихъ историковъ, отъ теоріи историческаго знанія, дисциплины спеціально исторической, разсматривая первую, какъ динамическую часть соціологіи [3]), понимаемой въ качествѣ общей теоріи общества, мы только вдвигаемъ исторіологію въ рядъ теорій другихъ процессовъ, происходящихъ въ мірѣ, — теорій, дающихъ удовлетвореніе философскимъ запросамъ нашего ума. Я могу и не быть историкомъ и интересоваться историко-философскими проблемами, какъ могу быть и историкомъ, но этими проблемами интересоваться очень мало (что̀, какъ извѣстно, бываетъ сплошь да рядомъ).

И тѣмъ не менѣе связь между теоріей историческаго

---

[1]) Того, что̀ нѣмцы называютъ „Auffassung“, а французы — „opérations synthétiques“. Теорія историческаго знанія, стр. 167, прим. 2.

[2]) Die Historik. Теорія историческаго знанія, стр. 48 и выше, стр. 17.

[3]) Ср. выше, стр. 26 и сл.

процесса и исторической литературой существуетъ, поскольку авторами исторіологическихъ трактатовъ могутъ быть, собственно говоря, только люди, начитанные въ исторической литературѣ, которая заключаетъ громадный матеріалъ, могущій быть обобщаемымъ въ видѣ теоретическихъ положеній. Исторіографическій матеріалъ для исторіологической обработки заключается не въ самихъ событіяхъ и формахъ быта, служащихъ предметами повѣствованія и описанія, а въ тѣхъ объясненіяхъ, какія даются авторами историческихъ сочиненій изображаемымъ ими процессамъ. Если извѣстный персонажъ мольеровской комедіи былъ удивленъ, когда узналъ, что всю жизнь говорилъ прозой, то, конечно, ни одинъ историкъ не удивится, если ему скажутъ, что и у него есть своя исторіологія. Нѣтъ надобности, чтобы онъ ее ясно формулировалъ; достаточно, если она обнаруживается въ его точкахъ зрѣнія и выводахъ въ примѣненіи къ занимающимъ его идіографическимъ вопросамъ. Свои исторіологіи есть у отдѣльныхъ школъ, тоже не всегда теоретически формулированныя, и есть у цѣлыхъ эпохъ, отражающія на себѣ въ послѣднемъ случаѣ умственное взаимодѣйствіе между самими историками, читающими сочиненія одни другихъ, обмѣнивающимися другъ съ другомъ своими мыслями, вступающими въ полемику, предпринимающими коллективныя работы и т. д.

Для каждой эпохи въ развитіи исторической науки возможенъ свой исторіологическій синтезъ, если подвести итоги подъ историческими трудами эпохи—какъ же отдѣльные историки понимаютъ разныя общія категоріи общественныхъ явленій. Въ настоящей своей книгѣ я не ставилъ себѣ такой задачи. Отмѣчу только, что въ наши дни историки все чаще и чаще начинаютъ сами формулировать свои исторіологическіе взгляды, а введеніе общей теоріи исторіи въ факультетское преподаваніе распростра-

няетъ вкусъ къ исторіологическимъ проблемамъ и среди учащейся молодежи.

Хотя я и приписываю исторіологіи значеніе самодовлѣющей научной дисциплины, это нисколько не мѣшаетъ мнѣ въ то же время признавать, что постановка и попытки рѣшенія отдѣльныхъ исторіологическихъ проблемъ и ихъ систематизація на общей психологической и соціологической почвѣ не могутъ не внести большей обдуманности, отчетливости и обоснованности въ пониманіе историками отдѣльныхъ процессовъ, ими изучаемыхъ, и не могутъ не содѣйствовать изгнанію изъ этой области ненаучнаго догматизма. Для учащейся молодежи, склонной увлекаться послѣдними „словами науки“, особенно полезно знакомиться съ исторіологическими проблемами въ критическомъ ихъ освѣщеніи, пока къ рѣшенію ихъ во многихъ случаямъ примѣнимы слова: „ita sunt, ut disputantur“. Почаще задавать себѣ вопросъ, стою ли я на правильномъ пути, такъ, а не иначе понимая историческій процессъ, и освѣдомляться, какъ его понимаютъ другіе, значитъ идти правильнымъ путемъ науки, въ которой нѣтъ непогрѣшимыхъ Корановъ. Обособленіе исторіологическихъ вопросовъ отъ вопросовъ исторической методологіи и сближеніе ихъ съ соціологіей, которая уже успѣла оказать не малое вліяніе на исторію вмѣстѣ съ другими общественными науками [1]), должно принести несомнѣнную пользу исторіографіи, въ которой до сихъ поръ многое дѣлалось, да и теперь еще кое-что дѣлается по не имѣющей научныхъ основаній традиціи, по интуиціи или девинаціи, часто просто ощупью.

Въ будущемъ между исторіологіей и научно-исторической литературой должно установиться тѣсное взаимодѣйствіе: исторіографія будетъ доставлять матеріалъ для

---

[1]) Введеніе въ изученіе соціологіи, гл. IX.

историологическаго синтеза, теорія историческаго процесса—тверже обосновывать, углублять и расширять тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ наиболѣе научно дисциплинированные авторы историческихъ сочиненій смотрятъ на изучаемыя и изображаемыя ими явленія прошлаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

На стр. 32—39 «Теоріи историческаго знанія» читатель можетъ найти «списокъ историко-философскихъ и соціологическихъ книгъ и статей автора», въ каковомъ спискѣ, ближайшее отношеніе къ теоріи историческаго процесса (и прогресса) имѣютъ работы, стоящія подъ слѣдующими №№ (причемъ въ скобкахъ отмѣчены №№ работъ о прогрессѣ): (1), 3, (4), 7, 14, 15, 16, 22, 23, 24, (26), 27, 28, 29, 31, 32, (34), 35, 37, 38, 39, (41), 42, 43, 44, 46, 48, 54, 55, 57, 63, 71, 75, 76, 77.

Среди трудовъ, указанныхъ въ спискѣ, главнымъ, въ которомъ авторомъ высказаны его исторіологическіе взгляды, является книга «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи», переизданная съ дополненіями въ 1914 году. Въ этой книгѣ, между прочимъ, отчасти изложено и разобрано содержаніе цѣлаго ряда книгъ и статей, отчасти приведены и подвергнуты критикѣ отдѣльныя мнѣнія нѣсколькихъ писателей. Приводимъ имена этихъ писателей и названія ихъ сочиненій въ томъ порядкѣ, въ какомъ послѣднія называются одни за другими въ самой книгѣ. При каждомъ заглавіи указаны ея страницы, на которыхъ о книгѣ или статьѣ говорится, причемъ страницы перваго изданія напечатаны обыкновеннымъ шрифтомъ, а страницы второго—жирнымъ.

I.

1. *Th. Carlyle.* On heroes, hero-worship and the heroic in history, стр. 26—36. **21—30.**

2. *Левъ Толстой.* Война и миръ (историко-философскія его разсужденія), стр. 37—56. **30—46** [1]).

3. *H. Spencer.* The study of sociology, стр. 62—77. **53—68.**

4. *П. Л. Лавровъ.* Историческія Письма, стр. 79—83. **68—72.**

5. *Его же.* Цивилизація и дикія племена, стр. 84—88. **73—79** [2]).

---

[1]) Сокращенное изложеніе статьи, отмѣченной въ спискѣ подъ № 24.

[2]) Эта статья Лаврова была помѣщена анонимно въ „Отеч. Зап.“ за 1869 г., а въ 1904 вышла въ свѣтъ отдѣльной книгой.

6. *Его же.* Введеніе въ исторію мысли, стр. 91. **79.**
7. *Henri Joly.* Psychologie des grands hommes, стр. 95—102. **82—87.**
8. *Hennequin.* La critique scientitique, стр. 102—108, 573—575, 586—587. **88—93, 509—510, 520—522.**
9. *L. Bourdeau.* L'histoire et les historiens, стр. 108—122. 233—237, 583—586. **94—106, 206—209, 472—474, 518—520, 532—534.**
10. *Н. Михайловскій.* Герои и толпа, стр. 124—139. **107—121.**
11. *Его же.* Научныя письма, стр. 140—149. **121—130.**
12. *Его же.* Патологическая магія, стр. 148, **129.**
13. *C. Lombroso.* Tre tribuni, studiati da un alienista, стр. 145 и 519. **126 и 461—462.**
14. *Gumplowicz.* Grundriss der. Sociologie, стр. 165—179. **144—157.**
15. *A. Schopenhauer.* Ueber die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde.—Ueber die Freiheit des Willins, стр. 190—197, 205—206, 243—245. **167—171, 172—173 и 181—182.**
16. *Laas.* Die Causalität des Jch, стр. 198. **174—175.**
17. *Mill.* System of Logik, стр. 200—205, 214—216. **176—180, 188—189.**
18. *Н. Сергѣевскій.* О значеніе причинной связи въ уголовномъ правѣ, стр. 207—209 и 217—223. **182—184 и 192—197.**
19. *Троицкій.* Наука о духѣ, стр. 214—217. **189—192.**
20. *Rühs.* Entwurf einer Propädeutik des historischen Studiums, стр. 224—225. **198—199.**
21. *W. Wachsmuth.* Entwurf einer Theorie der Geschichte, стр. 225. **199.**
22. *Gervinus.* Grundzüge der Historik, стр. 225 — 226. **199—200.**
23. *Ростовскій-Петровскій, А.* Объ истинномъ значеніи прагматической исторіи, стр. 226—228. **200.**
24. *Droysen.* Grundriss der Historik, стр. 228 — 229. **201.**
25. *Bernheim.* Lehrbuch der historischen Methode стр. 229—232. **202—205.**
26. *H. Taine.* La littérature anglaise, стр. 241—242, 574—575. **213—214, 508—511.**
27. *Hartmann.* Die Philosophie des Unbewussten, стр. 278—280. **247—248.**
28. *Н. Коркуновъ.* Лекціи по общей теоріи права, стр. 288, 459—466, 563—565. **255—256, 407—413, 488—489.**

29. *Н. С. Таганцевъ.* О соучастіи въ преступленіи, стр. 322—332. **287—295.**

30. *С. М. Соловьевъ.* Публичныя лекціи о Петрѣ Великомъ, стр. 360—362. **321—323.**

31. *Guizot.* Histoire de la civilisation en France, стр. 358—360. **319—320.**

32. *Бестужевъ-Рюминъ.* Русская исторія, стр. 362 — 363. **323—324.**

33. *Lotze.* Mikrokosmos, стр. 428—436. **379—385.**

34. *Lester Ward.* Dynamic sociology, стр. 448 — 451. **397—400.**

35. *R. Ihering.* Zweck im Recht, стр. 451—455. **400—404.**

36. *A. Fouillée.* La science sociale contemporaine, стр. 457—459. **405—407.**

37. *W. Wundt.* Ethik, стр. 469—472. **415—418.**

38. *G. Tarde.* Les traits communs de la nature et de l'histoire и др. его статьи, стр. 507—513 [1]). **450—455.**

39. *Savigny.* Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaf, стр. 540—543. **480—482.**

40. *Puchta.* Das Gewohnheitsrecht, стр. 543—548, 553—555. **482—487, 490—493.**

41. *С. Муромцевъ.* Образованіе права, стр. 549—550, 555—556, 560—563. **487—488, 493—494, 497—500.**

42. *R. Ihering.* Kampf ums Recht, стр. 557—559. **494—496.**

43. *В. Сергѣевичъ.* Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, стр. 551—552, 565—567. **489—490, 501—504.**

44. *А—дръ Н. Веселовскій.* О методѣ и задачѣ исторіи литературы, какъ науки, стр. 576—580. **512—515.**

45. *Его же.* Изъ исторіи романа и повѣсти, стр. 580—582. **515—517.**

46. *W. Scherer.* Poetik, стр. 588—591. **522—525.**

II.

Кромѣ того, въ дополненіяхъ ко второму изданію разсматриваются слѣдующія книги и статьи:

47. Новыя идеи въ соціологіи (1914), стр. **555—556.**

48. *K. Lamprecht.* Alte und neue Richtungen in der Geschichtswissenschaf (1898), стр. **558—559.**

---

[1]) Книга Тарда „Законы подражанія“ появилась позже.

49. *A. Odin.* Génèse des grands hommes (1895), стр. **559.**

50. *Ch. Rappoport.* La philosophie de l'histoire comme science de l'évolution (1903), стр. **560.**

51. *L. Arréat.* Génie individuel et contrainte sociale (1912), стр. **560—561.**

52. *H. Berr.* La synthèse en histoire (1911), стр. **562—565.**

53. *И. Фойницкій.* Уголовно-правовая теорія о соучастіи (1891), стр. **566—567.**

54. *А. Кроликъ.* Идеи законодательнаго творчества и закономѣрнаго развитія права въ современной юриспруденціи (1913), стр. **570—571.**

55. *А. Евлаховъ.* Введеніе въ философію художественнаго творчества (1911—1912), стр. **572.**

III.

Приводимъ имена названныхъ авторовъ въ русскомъ алфавитномъ порядкѣ съ обозначеніемъ №№, занимаемыхъ ими въ спискѣ.